

A woman with a headband and a bracelet is working on a piece of jewelry. She is looking down at her hands, which are holding a small object. The background is dark and textured.

ДО НИРВАКИИ

БОШИЯ

В ПОИСКАХ
МУДРОСТИ И ЛЮБВИ

18+

Дэ Нирвакин София. В поисках мудрости и любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68780808

SelfPub; 2023

Аннотация

Магический реализм? Почему бы нет. Перед вами философский роман-пазл, написанный как интеллектуальное путешествие в глубины сознания, куда не ведет ни одна дорога. Прямоком из серых городских кварталов и станций метро вы переноситесь на мистический остров Аирват, чтобы найти ответы на важные вопросы. Что такое любовь, что такое свобода, где пролегает грань между светом и тенью и почему люди оказались так беззащитны перед мировым злом? Если сказать совсем просто, это антиисторический, антисовременный, антинаучный, антигородской антироман. Все ответы на вопросы находятся здесь, но главный вопрос в том, сумеете ли вы правильно понять эти ответы? «Один – сам себе господин, два – и вот началась игра»...

Содержание

Эпизод первый.	4
Эпизод второй.	11
Эпизод третий.	25
Эпизод четвертый.	41
Эпизод пятый.	72
Эпизод шестой.	91
Эпизод седьмой.	150
Эпизод восьмой.	222
Эпизод девятый.	277
Эпизод десятый.	324
Эпизод одиннадцатый.	371
Эпизод двенадцатый.	433
Эпизод тринадцатый.	490
Эпизод четырнадцатый.	552
Эпизод пятнадцатый.	615
Эпизод последний и первый.	635

Дэ Нирвакин

София. В поисках мудрости и любви

*Первое свойство Ее – в непостижимости
Брахмо-причины, той самой, что не познается,
Невообразима Ее беспредельность,
та самая, что бесконечной длиною зовется,
Тончайшая сила Ее неуловима,
та самая, что незримо на вещи влияет,
Суцность Ее невыразима,
та самая, что души бессмертием наделяет.
Единосложной Ее называют,
ибо Она пребывает повсюду на свете,
И многосложной Ее называют,
ибо Она отражается в каждом предмете.
Неведомо-беспредельная-незримо-нерожденная-
едино-и-многосложная —
так Ее называют
Дэви Упанишада, 26*

Эпизод первый.

На берегу реки. Расставание

Земля, орошенная дождями, сверкающая лучами раду-

ги, переливалась в солнечных разводах и одевалась в дымку весенних трав, оборачивая свою нежную, дочерна загорелую кожу в роскошное сари, расшитое крупными жемчугами подснежников, мелким бисером веретениц, золотыми нитями калужницы. Каждая ее пора источала елейные благовония и пробуждающие душу бальзамы. От дуновения ветра травянистый наряд на ней вздымался в точности так, как приподнимается белый пушок на животе возлюбленной, испытывавшей исступление среди бесконечных ласк и поцелуев.

Вечно юная красавица земля, влюбленная в бирюзово-синие небеса, вновь лежала и вздрагивала под лучами солнца. Она дышала полной грудью, что-то шептала и воздавала ему свои бесценные дары. Дышала так часто и радостно, что ресницы ее наливались теплой росой, с влажных губ ее слетали звуки истома, а сладкое молоко бархатистых одуванчиков начинало сочиться из набухающих сосцов. Дикие пчелы, опьяненные ее чистым нектаром, кружили над лепестками медуницы, над душистым мохом, над валунами речных камней. Журчанье родниковой воды, голосистые трели птиц наполняли заповедные места жизненной силой, вещая сокровенные тайны природы потоками Савитри-мантры, и этот божественный напев раздавался повсюду, возносился к самым высоким облакам, проникая в иные миры, вливаясь в зыбкие миражи необозримых просторов.

Как мимолетно все это было – мимолетно и неповторимо. Словно первые проблески сознания, словно впечатления

такого далекого и светлого детства, как необъяснимые слезы любви, как переполнявшая душу уверенность в исключительной вечности, в бессмертии всего того, что тебя окружает.

Как незабываемо было предвосхищение того огромнейшего чуда – того будущего счастья, того неизвестно откуда взявшегося послевкусия бесконечности бытия, которое вновь ощущалось так отчетливо... Гораздо отчетливее и ближе, чем обрывистые отголоски рассуждений, звучавших из уст многочисленных существ, так много говоривших о смерти, о любви, о свободе и даже не понимающих, не успевающих прочувствовать в толчее себе подобных что есть жизнь настоящая.

Здесь, на берегу этой древней реки, в словах о вечной любви, о вечной жизни не было никакого обмана. Для тех, кто слышал эти слова в благоговейном трепете безмолвия, в неподвижности уст, каждое краткое мгновение уже содержало бесконечность времени и вечность жизни, и весь неизъяснимый смысл всего сущего и всего того, чего никогда не могло быть.

Наверное, поэтому они просто лежали, соприкасаясь ладонями, наслаждаясь присутствием друг друга на этой земле. Они знали, что скоро все переменится. Придет в движение, наполнится суетливой скоротечностью событий. Они знали, что волна мирского безумия скоро их захлестнет, и они расстанутся навсегда. Они забудут обо всем, что с ними было,

станут совсем другими, как становятся совсем другими поля, с которых выветривается запах весеннего первоцвета. Они окажутся по разные стороны реки, и никто не узнает об этом, никто не скажет, что это была за река и где она протекала. Русло ее постепенно высохнет, как однажды высыхают слезы на щеках, и воды ее навеки исчезнут, как исчезли с лица земли священные воды Сарасвати.

– Скажи, ты ведь мой, да? – спросила она так, как может спросить только ребенок, переживая неизбежность своего отчуждения, боясь потерять то, без чего больше не может быть самого детства... и не зная, как это остановить.

– А ты... ты бы хотела быть моей? – отозвался он, припоминая собственную жизнь и самого себя, словно забытый сон, в существование которого он всегда отказывался верить.

– Конечно, я твоя. Чья же еще?

– Значит, я твой, а ты моя, что бы с нами ни стало.

– Как жаль, что мы не можем быть вместе всегда...

Он закрыл веки, и горечь былых страданий вновь подступила к его сердцу.

– Быть вместе и быть вместе всегда – не одно и то же, хотя эти две вещи – одна и та же не-вещь. Понимая одно, перестают понимать другое, и достигая чего-то, мы всегда что-то теряем.

– Но почему в этом мире нет места для нас двоих? Почему люди обречены совершать одни и те же ошибки?

– Когда-нибудь ты все поймешь. Ты все поймешь и объяснишь все эти не-вещи без слов. Ведь ты и есть объяснение всему.

– А если я хочу все понять прямо сейчас? Вот так просто – взять и понять?

– Боюсь, это невозможно.

Она обиженно хмыкнула и отвернулась от него, насупив брови. Если она задала такой наивный вопрос, ему следовало поступить столь же легкомысленно, придумав, возможно, еще более наивный ответ.

– Ну, ладно, не дуйся на меня, – чуть улыбнувшись, сказал он и нежно коснулся ее спины и плеч. – Если очень сильно захотеть, можно все понять сразу, прямо сейчас! Иначе вообще ничего никогда не поймешь. Можно прожить много жизней, и ничего не узнать о жизни. Можно много раз любить, и ничего не узнать о любви. Все эти тайны будут оставаться недоступными целую вечность, если однажды не понять их сразу.

– И как это можно сделать? – с радостным удивлением в глазах развернулась она к нему.

– Над этим можно думать всю жизнь, каждый день пытаюсь понять все сразу, каждый день совершать открытия и убеждаться, что знаешь еще недостаточно, чтобы все это понять.

– Так нечестно! Ты обманываешь – получается, что узнать все тайны сразу невозможно.

– Может, это и есть самая главная тайна? Если ее разгадать, то все сразу станет понятно. Магия вечной любви не может прекратиться – она всегда будет оставаться тайной, которая приоткрывается только влюбленным сердцам.

– Ты думаешь, что эта тайна никому-никому не может открыться полностью?

– Не нужно знать все на свете, чтобы влюбиться. Никто не видит девушку во всей красоте, когда влюбляется. В любви важно совсем не это. Важно то, что ты живешь в этой вселенной, и эта вселенная живет внутри тебя, частичка каждого существа, каждой живой души. Значит, и частичка моей души тоже живет в тебе, а во мне – частица тебя. В этом и состоит познание добра, которое всегда побеждает зло.

Она улыбнулась, набросила на него гирлянду из полевых цветов, которая до этого висела у нее на шее, посмотрела ему в глаза, а затем вдруг спросила:

– Как думаешь, что будет с нами потом, когда нас больше не будет?

– Не знаю, может быть, однажды кто-нибудь напишет про нас книгу, – улыбнулся он. – Или не напишет. Разве можно написать про нас хоть что-то, не написав всего? А всего написать про нас ни у кого не получится.

– А потом? Что будет потом?

– Потом? Потом пройдут сотни лет, и наша история превратится в сказку.

– В сказку? Как странно. А что будет потом? – не унима-

лась она, прислонившись к нему всем телом.

– К тому времени все человеческие языки изменятся. Никто не будет помнить наших имен, и сказание станет мифом, о скрытых значениях которого будут спорить мудрецы. Невежды будут его осуждать, а бездари высмеивать как суеверную небылицу.

– И тогда мы, наконец, перестанем существовать?

– Да, тогда мы скроемся от всех, сбросим оковы существования и будем жить в каждом сердце, которое терзается несбыточной любовью, – прошептал он в ответ тихому шелесту трав и одинокому всплеску воды.

Так завершился их разговор на берегу полноводной реки среди невесомо парящих камней, цветущих долин и водопадов, потоки которых устремлялись вверх и текли в обратную сторону. Они расстались, чтобы заблудиться в бездонных глубинах вселенной, обратиться в иллюзорную сущность, в потустороннюю прану, в одинокую частицу чьей-то бесконечно далекой души где-то там, в неопишуемой тьме мирозданий.

Эпизод второй.

Длинные тени. Утро в парке

Вокруг стояла жуткая темень. Он передвигался по ночному проспекту, разбиваясь на тысячи отражений в сверкающих витринах модных салонов, бутиков, магазинов, отелей, кафе, баров, ресторанов. Он видел себя в них, хотя его в них не было. Как это было глупо! Городские витрины передразнивали его, коверкали отражение лица, выкручивали ему руки и ноги. Точно так же они издевались над всеми, кто проходил мимо, над всеми, кто попадал в их липкие сети. Они были всесильны – эти витрины и мигающие ночными огнями вывески, они диктовали свои правила игры, правила поведения. Они решали, кому и как жить в этом городе, чем заниматься, к чему стремиться, с кем заводить знакомства, а кого игнорировать.

На него тоже распространялись правила игры большого города, но ему не хотелось выстраивать дружеские отношения с этими соблазнительно мигающими вывесками, и они все время как будто пытались ему отомстить за это, не признавая за ним права на иную жизнь, не связанную с гаджетами, мобильными приложениями, ненужными услугами, развлечениями и навязчивой рекламой. Иначе ему бы не при-

шло сейчас напряженно думать о том, где бы чего-нибудь перекусить и отоспаться так, чтобы никто его не заметил. Пожалуй, больше всего ему хотелось именно этого – спрятаться в каком-нибудь укромном месте и пролежать там, свернувшись калачиком, всю ночь. В ногах гудела нестерпимая боль, которая отдавалась в костяшках при каждом шаге. Он забрел в первую попавшуюся подворотню, бухнулся на скамейку и стал разминать лодыжки, чтобы хоть как-то снять усталость в ногах.

Он прошел длинный, но совершенно бесполезный путь – путь без цели, ничуть не смущаясь своей бродяжнической жизни без потолка. Была в ней своя философия, хотя ничего героического в ней, конечно, тоже не было. Как не было ничего героического в жизни тех, кто проносился по дороге в роскошных автомобилях, на глянцевой поверхности которых блестели яркие полосы неоновых витрин. Находясь внутри этих машин, внутри этого городского потока, внутри деловых и спальных кварталов, люди ничего вокруг себя не замечали, кроме бессмысленно мелькающих перед ними дорожных знаков.

Всем обитателям города казалось, что перед ними стоят четкие цели – купить последнюю модель смартфона, переехать в новый элитный район, накопить на банковском счете энную сумму денег, чтобы больше ни в чем не нуждаться. Они думали, что сами ставят перед собой эти цели и сами их достигают, совершенствуя свои навыки городской жизни.

Как механизмы, они ни о чем не сожалели, никому не верили, ни о ком не скучали, заранее утешая себя мыслью, что уж ничего не вернешь. Нет чувств – нет проблем! Если где-то пожар или война, если где-то убивают детей, оскверняют храмы, насилуют женщин – просто забей на все, и будет тебе полная «Хакуна Матата». Нет ни зла, ни добра, ведь каждое прожитое мгновение необратимо. Они пытались быть успешными и кое-что действительно успевали, только его почему-то не воодушевляли их головокружительные истории успеха, не содержащие ничего, что позволило бы увидеть в этой жизни что-то еще помимо этих мелькающих светофоров, этих дорожных знаков, телефонных номеров и банковских карт.

Отдохнув на скамейке, он двинулся дальше, разглядывая уличные фонари и деревья, которые ночью казались выше обычного. Их толстые стволы росли из бездонных прямоугольных дыр в сером асфальте. Гнутые ветви терялись в темнеющих переулках, над которыми целовались губастые малиново-красные облака, переплетавшие под вечерним одеялом неба свои волнистые языки. Длинные тени деревьев расползались в разные стороны, пробегая по тротуару, карабкаясь на стены домов, взбираясь на карнизы с единообразной лепниной, на декоративные балкончики, на которые никто никогда не выходил. Заколдованный лес теней оплетал весь засыпающий мегаполис, поднимаясь на угловатые крыши городских колодцев и вырезая розовыми лоскут-

ками остатки неба.

Его тень скользила по тем же стенам, по тем же карнизам. Она крапалась за ним, то сгибаясь к земле, то выпрямляясь, то противоестественно отклоняясь назад в каком-то саркастическом припадке. Он ощущал, что кроме деревьев, которые двигались за его спиной, по пустынной улице за ним следовал кто-то еще. Чьи-то глаза бороздили ему затылок, кто-то словно наблюдал за ним из темноты. Возможно, это были призраки, обитавшие среди городских теней, или чей-то астральный дух, отлетевший в сторону, чтобы приглядывать за ним, подобно режиссеру на съемочной площадке, который уже знает весь сюжет киноленты и зорко следит за тем, чтобы действующее лицо не отступало от сценария.

Отчего ж этот дух так пристально всматривался в него, если весь сюжет был заранее просчитан по секундам? И был ли он, тот невидимый режиссер, в чем-то мудрее, в чем-то свободнее его? И была ли она – свобода? Может быть, в этот самый момент, шагая по ночному городу без каких-либо перспектив на будущее, без работы и крыши над головой, он был намного свободнее и мудрее этого призрачного духа, который втайне ему завидовал и вспоминал себя в далеком прошлом – ту свободу, которой у него теперь не было, которую он променял на вечную жизнь среди городских теней.

Ночная мгла медленно струилась под ногами. Он вышел из дворовой арки, оставив за спиной грязные лампы в железных намордниках, висевшие над каждым подъездом. Там,

во дворах, скрывалось мрачное закулисье города – мусорные баки, валявшиеся на земле окурки, пивные бутылки и шприцы. Да, он хорошо знал, каким был этот город на самом деле. Восторженная и радостная жизнь бурлила только на центральных улицах и площадях, выставляемых на показ капризной публике. Было в этой жизни, наполненной всеми удовольствиями, что-то истерическое, доведенное до предела психических и финансовых возможностей. Каждый житель старался выглядеть остроумным, общительным, продвинутым – не оттого, что ему действительно было весело, не оттого, что ему действительно были интересны все эти люди, а оттого, что так требовали правила успеха, и чтобы им соответствовать, половина города плотно сидела на антидепрессантах.

Только по вечерам горожане становились чуть более настоящими и могли себе позволить безучастное выражение на лицах. Им нужно было разгрузить голову от излишков информации, поэтому они старались ни о чем не думать. Всем хотелось просто поскорее добраться до своих уютно обставленных комнаток в приватизированных квартирах, тогда как самые успешные имели возможность укрыться от городского шума в изысканно обставленных апартаментах с домашними кинотеатрами, с высокими лестницами, галереями, просторными спальнями, саунами и душевыми кабинками. Чтобы на следующий день опять выпить горсть таблеток, улыбаться, кивать, разговаривать по телефону, обрабатывать потоки

сообщений в соцсетях, покупать ненужные вещи, продавать товары, услуги и минуты своей собственной жизни.

Он знал и видел все это тысячи раз, именно так жили миллиарды людей во всем мире, и город каждый день подсказывал ему, что он должен жить точно также, что он тоже должен стараться ни о чем не думать, не размышлять, не любить никого, кроме себя, и тогда все у него будет отлично.

На светофорах ночного города мигали оранжевые огни. Респектабельные иномарки и редкие велосипедисты проезжали по разделительным линиям и стрелкам дороги. Поднявшись из подземного перехода на мостовую, он оступился у рекламного щитка, на котором затрещали жалюзи, сменившие одну картинку другой, которая с таким же энтузиазмом заманивала покупателей. В ногах снова почувствовалась ломота, но он решил не останавливаться, пока не дойдет до ближайшего парка.

Преодолев еще пару кварталов, он вышел на дорожку за оперным театром. Купил в будке с хот-догами стаканчик чая, посидел у фонтана, где небрежно обнимались влюбленные и звучала турецкая музыка. Потом привычно побрел выбирать местечко для обустройства лежанки. На сегодня никаких других вариантов ночлега у него не было. Он развалился прямо на газоне среди аккуратно подстриженных кустов акации, с удовольствием вытянул ноги и облегченно вздохнул, прислонившись спиной к шершавому стволу яблони.

Он был абсолютно счастлив на этой мягкой траве, от которой веяло прохладной сыростью, предвкушая отдых перед началом нового дня. Каким он будет, следующий день? Будет таким же теплым, как этот, или начнется с проливного дождя? Как изменит его жизнь? Поймет ли он что-то такое, о чем еще никто никогда... А впрочем, какая разница? Взглянув на краешек неба над городскими крышами, где маячили звезды, он уже стал готовиться ко сну, как вдруг услышал поблизости брэнчание гитары и чьи-то голоса.

Чтобы никого не испугать неожиданным появлением, он осторожно поднялся, обошел кусты и остановился у скамейки, на которой сидели две девушки и четверо парней с акустической гитарой, игравшей приятным тембром. Они напевали «*Агату Кристи*»: *Давайте все сойдем с ума, сегодня ты, а завтра я...* Не слишком похоже на оригинал. Видимо, это была какая-то обработка, потому что у песни появился третий куплет.

Как выяснилось, двое парней были кадетами из пожарного училища, а остальные были студентами политеха.

– Эй, тебя как зовут? – спросил гитарист.

– Женич, – ответил Евгений.

– Портвейн будешь? – протянул ему бутылку студент.

– Нет, спасибо, я не употребляю.

– Вообще-то я тоже, – поддержал его кадет в форме.

– Слушай, Женич, а ты чего с нами не поешь?

– Да, я как-то случайно здесь оказался... Просто послу-

шать хотел.

– И что бы ты хотел послушать?

– А вы не знаете «*Кто украл мою звезду*»? – спросил он.

– Конечно, это же «*Агата*»...

Студент забренчал на гитаре, напевая песню. В ночной темноте невозможно было разглядеть их лиц – в парке раздавались только голоса. Это было так необычайно! Как будто их тела в самом деле куда-то исчезли, и остались только эти голоса, которые говорили между собой, о чем-то пели, даже не зная с кем они говорят и кому поют. Так они просидели до трех часов ночи, пока девушки не стали жаловаться, что им холодно. Расходились неохотно, понимая, что больше никогда не получится встретиться так же запросто, как старые друзья, так и не увидев, не узнав лиц друг друга.

Евгений вернулся к своей лежанке под деревом, достал из сумки ветровку, закутался в нее и задремал. Он был благодарен этим парням и девчонкам за импровизацию ночного концерта. В плену сновидений ему вспоминалась его прежняя жизнь, словно это была жизнь давно исчезнувшего, незнакомого ему человека. В том сне рядом с ним были все те, кого он любил. Все родные и близкие, даже далекие-предалекие друзья детства, университетские товарищи и юные девушки, которых почему-то всегда так забавляло разбивать ему сердце, пока оно еще могло разбиваться.

***

Он проснулся от первых лучей утреннего солнца, которое пробивалось сквозь листву деревьев. Тонкий слой тумана все еще стелился над травой. На соседней яблоне громко чирикал воробей. Если перевести его слова с птичьего языка, то они, вероятно, могли означать примерно следующее:

– Доброе утро всем! День будет хорошим! Доброе утро всем! День будет хорошим!

Воробью было невдомек, что его никто не слушает и не понимает. Он продолжал чирикать свое сообщение с важным видом знатока погоды и атмосферных явлений. Евгений почесал плечо, сбросил ветровку и потянулся, разведя руки над головой. Он выгреб из кармана мелочь и пересчитал на ладонке деньги. Всего насчиталось 38 рублей 50 копеек. По крайней мере, этого должно было хватить на очередной хот-дог и стакан чая. Он забрался на бордюр возле оперного театра рядом с каменным львом, который смотрел через дорогу, и тоже посмотрел туда, увидав на другой стороне улицы стены родного университета.

Вроде бы не так давно он сам был студентом этого университета, был частью системы государственного образования. Он был для чего-то нужен и ходил в сей храм науки каждый божий день. Как же ему хотелось снова там очутиться! Поучиться в универе хотя бы еще один денек. За один день он бы, конечно, не поумнел, но все-таки такой шанс у него мог появиться. Однако суровая правда жизни состояла в том, что

в университете его никто не ждал. Теперь, когда он ничем не отличался от того бомжары в рваной куртке, который опустошал неподалеку мусорный бак, его никто и знать не хотел. Никто... Разве только колонны, которые гордо держали университетский фронтон, могли бы, наверное, узнать в нем прежнего студента, но ему было стыдно к ним подходить.

Как поздно он осознал, что короткая студенческая жизнь уже никогда к нему не вернется. Он прожил ее до конца, и к своему удивлению обнаружил, что следом за ней наступила жизнь-совсем-другая. Он словно умер и воскрес в другой исторической эпохе. К сожалению, осознание того, что после одной прожитой жизни неизбежно наступает другая, приходит всегда слишком поздно – лишь тогда, когда прежняя жизнь безвозвратно окончилась, а новая еще не успела сложиться. И вот он снова сидел возле университета и снова смотрел на эти колонны, как скучающий демон, погруженный в мысли об утраченном рае, или, скорее, как заурядный деклассированный элемент глобальной системы потребления, в которой для него не нашлось места.

В этой новой жизни у него ничего не было, хотя нет – у него было свободное время, так много свободного времени, что его некуда было девать! Пожалуй, ни у кого в этом городе не было столько времени. А еще у него было так много яркого неба и солнца над головой! Солнца, которого почти не видели обитатели городских агломераций, проживавшие свои жизни в автомобильных пробках и в железобетонных

застенках перед экранами мониторов.

Все это называлось «*построением свободного общества*», где не было людей с различным цветом кожи, не было гендерной разницы, где не могло быть любви, а были только «*отношения*». Здесь все было регламентировано, и поэтому всем на все было наплевать. Здесь все делали вид, что главной ценностью в обществе является человек, хотя за каждой душой был закреплен индивидуальный ценник, который определялся статусом и уровнем доходов. Как раз один из городских оценщиков-маркетологов приблизился к нему, держа в руке солидный кейс.

– Простите, могу я поинтересоваться? Э-э... Кто ты? – с иностранным акцентом спросил его деловой человек.

– В смысле? – немного опешил Евгений.

– В смысле, э-э... Чем занимаешься? Чье-го ты хочешь добиться в этой жизни? – незнакомец сделал объясняющий жест рукой.

Похоже, денек обещал быть веселым, если начинался с таких экзистенциальных вопросов.

– Все вокруг только и делают, что чего-то добиваются. Только мир почему-то не становятся лучше, – ответил Евгений.

Обдумывая Женькины слова, иностранец лукаво прищурился:

– Нет, я серьезно. Что бы ты съел-лал, если бы у тебя были деньги? Большие дье-ньги...

Женька потер шею. Он всеми фибрами ощущал, что иностранец над ним потешается, вряд ли он хотел поделиться деньгами. Он всего лишь проводил очередное маркетинговое исследование по изучению туземного населения для какого-нибудь крупного банка или фонда. Наверное, он все утро будет сидеть у себя в офисе и хохотать, пересказывая на английском языке слова Евгения как очередной анекдот про «непостижимую страну русских».

– Что бы я сделал? – Евгений посмотрел на облака. – Если бы у меня были деньги, я бы построил храм.

– Храм? – удивился иностранец, приложив ноготь большого пальца к подбородку. – Какой храм?

– Храм, которого нигде нет, – объяснил он, складывая из кистей рук купол. – Это такое место, где каждый может найти справедливость и спасение. Где каждый может поразмышлять о смысле жизни. Понимаешь?

– О, это большая мысль! – уважительно закивал головой иностранец. – Пробль-ема в том, что это невыгодно.

– Все богатства все равно не заработать! – усмехнулся Евгений. – Весь этот мир, в сущности, очень беден. Корпорации, банкиры, правительства – все побираются, как тот нищий. Видишь?

Евгений указал на зловонного бомжа, который маленькими шажочками удалялся от мусорного бака, и добавил:

– Весь мир побирается, помни об этом, даже всемирный банк не исключение.

На том и завершился его экзистенциальный разговор с иностранцем, который лишь пожал плечами и пошел прочь. О чем еще они могли говорить? О чем еще ему мог рассказать этот человек в безумно дорогом костюме, который в такую рань уже думал о деньгах? Для него любой индивид был только носителем денежных знаков, он не видел другого смысла в существовании людей, как будто спасение и справедливость можно было купить по выгодному курсу на какой-нибудь фондовой бирже.

Каким же преступным был весь этот так называемый «*мировой порядок*» – все это так называемое «*мировое сообщество*»! Одни побирались от голода, питаясь объедками, другие побирались от богатства, питаясь человеческой кровью, развязывая братоубийственные войны, распространяя разврат, эпидемии, уничтожая духовность. И чем многочисленнее становились обезличенные человеческие толпы в больших городах, тем мельче становилось человечество, и чем больше разглагольствовали о ценности человеческой жизни, тем незначительнее становилась сама жизнь.

Изо дня в день по всем телеканалам неслась пустословная болтовня политиков, журналистов, пастырей, общественных деятелей, лауреатов немислимых Нобелевских премий мира, которая ни к чему не приводила. Не потому ли, что если бы все это надувательство однажды прекратилось, то не было бы и никаких премий мира? В самом деле, что будет, если каждый начнет задумываться... Если каждый что-то осозна-

ет, узрит подлинный корень царящего в мире беззакония? Хотя бы каждый второй... или хотя бы каждый десятый.

Он подошел к будке гриля и решил вместо хот-дога взять слойку с крепким черным кофе. Перекусив за круглым столиком, он направился вдоль по проспекту, как обычно, не планируя свой маршрут заранее. На утреннем холсте неба пролетали ровные, вырезанные по одному шаблону облака, подкрашенные оранжевыми полосками. По чистым тротуарам гулял знакомый ветерок. Безупречно гладкие стены домов с рядами окон, как на полотнах де Кирико, вводили взгляд прямо к горизонту. Городские улицы элегантно растегивали разрезы ночных теней, снимали убранства вечерних платьев и вышагивали из них в солярий жаркого лета.

Надвинув на голову наушники, он нажал кнопку плеера и отправился слоняться по городу – у него оставался еще один день никем не контролируемой свободы. *«All Apologies»: The Nirvana, «Unplugged in New-York».*

Эпизод третий.

Labor sub tecto. Борьба с безработицей

Под мостом между массивных бетонных опор было не слишком уютно, зато здесь можно было переждать грозу, любуясь рекой, в которой плавали привидения дождевых туч, слушая громовое эхо и наблюдая за каплями дождя, стекавшими по перекрытиям. Единственное, что омрачало его умиротворенное состояние, так это комары. Надо сказать, это были особенные, городские комары, которых можно было повстречать только в мегаполисах. Они летали бесшумно, садились где-нибудь в сторонке, чтобы изучить потенциального донора, и только потом осмеливались вонзить свои тонкие хоботки, не причиняя при этом никакой боли!

Но самое поразительное состояло в том, что они прилетали и без того пузатые от чьей-то крови. Они пили кровь не для того, чтобы выжить, а для того, чтобы оценить ее вкус. Кровь волновала их исключительно с эстетической и научной точки зрения – они постоянно оценивали ее густоту, уровень сахара и ее питательность. О, эти комары были искусственными гурманами, совсем не то, что деревенские дурни! Питаясь из поколения в поколение кровью городских обита-

телей, они сами становились им под стать и, наверное, тоже считали себя таким венцом всей комариной эволюции.

Как только гроза стихла, он спрыгнул с бетонной плиты, отряхнул руки и вышел из-под моста на обочину дороги. Широкая асфальтовая дорога уводила его на окраины города – туда, где возле складов оптового рынка скапливались большегрузные фуры и компактные газельки-термобудки. Они подъезжали к ангарам, внутри которых кипела работа. К машинам то и дело подбегали грузчики, забрасывая на борта коробки, мешки, полиэтиленовые паки. Они сновали туда-сюда, прогибаясь под тяжестью товаров, словно крохотные муравьи.

Длинные цепи большегрузов подъезжали и выезжали с оптового рынка, а грузчики непрерывно их обслуживали с раннего утра и до позднего вечера. Безусловно, во всех этих быстрых перемещениях был некий смысл, однако он полностью терялся и пропадал, как пропадает замысел киноленты, если прокручивать ее в ускоренном темпе. Здесь по-особенному ощущался бешеный ритм урбанизации, в котором моментально прокручивались целые десятилетия, прожитые наспех в парадоксальном одиночестве среди великого множества людей.

Солнце быстро высушило асфальт. Воздух наполнился шумом машин. Он шел рядом с ними не спеша по самой кромке дороги. Была в этой пешеходной неторопливости какая-то роскошь, которой были лишены те, кто проезжал ми-

мо, не замечая в круговороте жизни самой жизни, не замечая ни взросления детей, ни роста деревьев. Он тоже многого не замечал, а кое-что хотел бы не замечать в принципе. Иногда ему хотелось просто остановиться и замереть, бросив вызов земному притяжению, и пускай уж тогда меняются времена года, пускай взбивается пена облаков на небосводе, пускай восходит и заходит светило, пускай из почвы пробивается трава, видоизменяется ландшафт, расположение звезд и облик планеты, ничто бы уже не потревожило его ум.

Возможно, тогда бы он уловил непреходящий смысл всего того, что оставалось за кадром жизни, стертую грань между зрителем и действующим лицом, между внешним и внутренним, ощутил бы присутствие сознания во всем происходящем, где бы оно ни происходило – в настоящем или только в воображаемом мире. Ему самому было непонятно, отчего и для чего у него возникла эта привычка постоянно о чем-то размышлять, читать старомодные книги, которые теперь мало кто брал в руки. Ведь ему еще ни разу не пригодились все то, над чем он так много и напряженно думал. Так для чего была дана человеку эта способность, если она никогда не пригодилась, если она никогда не соприкасалась напрямую с окружающим здесь-и-сейчас-существованием? Он надеялся найти ответ на этот вопрос, он почему-то знал, что однажды сумеет его найти.

Проходя рядом с оптовым рынком, он заметил, как на противоположной стороне разгружают фуру с газировкой, и

понял, что ему страшно хочется пить. Пошарив рукой в кармане, он убедился, что денег в кармане не было, если не считать монетку достоинством в 50 копеек, которая запрыгнула ему в руку и теперь издевательски блестела в ладони. Ему вдруг вспомнилось социалистическое детство, когда на 50 копеек можно было купить целых десять кружек отменного кваса из большой желтой бочки возле кулинарии, и усмехнулся. Память подсказывала ему, что когда-то это было возможно. Более того, он помнил, как собственными руками покупал большую кружку кваса за 5 копеек, а стаканчик за 3 копейки, но теперь ему не хватало элементарной смелости поверить в эти сбивающиеся с толку цифры.

Его ум был будто загипнотизирован вездесущей товарно-денежной системой. Деньги – они всегда находились где-то в будущем и всегда исчезали где-то в прошлом. Они являлись искусной имитацией времени, которое требовалось для достижения материальных целей, тогда как настоящее бесценное время вычиталось из жизни человека – из его собственной жизни! Каста банкиров на вершине человеческой пирамиды прекрасно понимала, что она торговала не деньгами, как думали остальные, она торговала временем и присваивала себе маленькие частички и большие куски чужих жизней. Тысячелетия непрерывного труда бесследно исчезали в банковских ячейках, и этого совершенно никто не замечал.

Он приблизился к ангару, возле которого топтался рослый

мужик в ярко-синей кепке и в рабочем комбезе такого же цвета.

– Здравсте, у вас простой воды не найдется?

– У нас все найдется, – ответил складской работник. – Только это оптовый рынок. Сечешь, парень? К нам на машинах приезжают тариться. Ты в руках, что ли, пак воды понесешь?

– А просто так попить не дадите?

– Просто так даже мухи не летают! – усмехнулся весельчак. – Ладно! Так и быть, заходи.

Евгений вошел в просторный тенистый ангар, где громыхали тележки с поддонами, где пахло лапшой быстрого приготовления, соусами, мукой, сырами, колбасами, шоколадными пряниками и бог знает чем еще. Прилавки в ангаре были до отказа забиты паками с минералкой, ящиками бананов, апельсинов, винограда, всевозможными йогуртами, тугими связками мясных деликатесов.

– Держи! – мужик в полукомбезе открыл и передал Евгению банку газировки.

– Спасибо, – поблагодарил Женич, пригубив прохладный напиток.

– А ты сам-то откуда взялся?

– Оттуда, – Евгений мотнул головой за плечо.

Кладовщик сунул руки в карманы полукомбеза и критически осмотрел Евгения с ног до головы.

– И куда направляешься?

– Туда, – Евгений указал подбородком на дорогу.

– Правда что ли? А паспорт у тебя имеется?

– Есть, а что?

– Грузчик с дальнего склада уволился. Если никуда не торопишься, могу халтурку предложить.

– Что делать?

– Скоро фуры подгонят с сахаром, а у меня людей не хватает. Хорошо поработаешь – хорошо заплачу.

– Рублей триста будет?

– Даю пятьсот плюс сухой паек.

– Договорились, – недолго думая согласился Женич.

– Запиши его в смену, а там посмотрим! – крикнул мужик, постучав в стекло кассы, за которой сидела девушка с фирменным логотипом на полновесной дородной груди, которая, судя по всему, была призвана приподнимать не только лацканы халата, но и продажи всей торгово-оптовой компании.

Работа на дальнем складе была не из легких. В тупик перед бетонированной платформой подгоняли прицепы с грузом. По специальному желобу с прицепов спускались мешки, которые затем перекладывали на автопогрузчик, развозивший их по складу. Евгений трудился до седьмого пота, перетаскивая и аккуратно складывая мешки с сахаром на поддоны.

– Да не торопись ты! Как там тебя? – махнул рукой кладовщик, принявший Евгения на работу. – Это же не олим-

пийские игры, золотую медаль не дадут!

Его звали Валерий, он был заведующим склада – балагуром и душой компании. Чувствовалось, что бригада его уважает. Была в нем деловая хватка, строгость хозяина и какая-то доброта. А пошлые шуточки, которые он себе позволял, были больше на показ, чтобы всех взбодрить. За маской неунывающего кладовщика он скрывал другого человека. Так делали все – у каждого вместе с появлением работы появлялась своя маска, и через пару десятков лет маска прирастала так сильно, что порой сам ее носитель забывал о том, кто под ней находится.

Кто-то был вынужден шутить, даже если было совсем не смешно, кто-то все время лебезил перед начальством. В любом коллективе, даже среди грузчиков на оптовом складе, обязательно находился пижон, считающий себя умнее и лучше всех. Того мальчика для битья всегда будут гнобить, а на совести того трудяги всегда будет выезжать руководство, привыкшее сваливать трудности на других. Так было везде, не зависимо от того, какой сферой деятельности занимался трудовой коллектив.

– Давай, Жэка, к нам! Посиди немного, – подозвал его Валерий. – Рекламная пауза!

– Пфу-у, – выдохнул Евгений, вытирая лицо и подходя к остальным грузчикам, отдохавшим на поддонах возле ангара.

– Хорошо справляешься. Раньше грузчиком не приходи-

лось работать?

– Было дело, – улыбнулся Женич, отмечая про себя наблюдательность Валерия.

– Я сразу понял – наш человек! Знаешь, Жэка, вот что я тебе скажу – профессия грузчика одна из древнейших, – с интонацией наставника произнес Валерий, вызывая у мужиков дружный хохот. – Грузы, они как люди, бывают разных фасонов: сыпучие, огнеопасные, жидкие, сухие. Были они до нас, будут и после нас. Следовательно?

Он обвел бригаду глазами, желая, чтобы кого-нибудь из грузчиков продолжил его мысль.

– Следовательно, без работы мы не останемся, – простуженным голосом отозвался хмурый водитель автопогрузчика.

– Верно, Михалыч! – тут Валерий многозначительно покрутил пальцем. – По крайней мере, пока на этой планете, продолжает действовать сила гравитации. Вы со мной согласны, коллега?

Он поставил локоть на мешок сахара и подпер подбородок кулаком, адресуя шутливый вопрос Евгению. Бригада замерла в ожидании, что он ему ответит. В такие моменты в любом коллективе решалось, как дальше относиться к новичку – стушуетса он, сумеет выкрутиться или, может, обидится. Евгений не собирался здесь задерживаться, так что ему, по большому счету, было все равно, как к нему будут относиться.

– Да... наверное, поэтому слова «груз» и «гравитация» происходят от одного корня «гуру», что на санскрите означает «весомый», – шутя, как коллега коллеге, ответил Женич. – Перемещение тяжести – основа любого существования, хотя само существование неперемещаемо. Человек живет, перемещая тело, но то, благодаря чему он может перемещаться, – это пространство, а не тело.

Кладовщик молча пожал Евгению руку и добавил:

– А я Михалыча никак понять не мог! Что он мне все выговаривает: «*Неправильно гуртуешь! Неправильно гуртуешь!*». Думал, Михалыч один у нас такой деревенщина, а он, оказывается, на санскрите со мной общается.

Грузчики опять рассмеялись, и сам Михалыч, вроде как, повеселел от этих слов.

– Ну все, мужики! – Валерий громко хлопнул в ладоши. – Теперь всем за работу! Еще четыреста мешков осталось!

После окончания смены Евгений подошел к окошку кассы, стараясь не подавать вида, что у него побаливает спина.

– Выпиши ему семьсот рублей, – распорядился Валерий, обращаясь к девушке по ту сторону перегородки.

Кладовщик не обманул, заплатив даже больше, чем Евгений рассчитывал получить. Радостно сунув деньги в карман, Женич последовал за Валерием в столовую, на дверях которой висела табличка «*Только для персонала*».

– Вадик, ты за старшего! – крикнул Валерий парню с грузовой тачкой.

Они вошли в небольшую комнатушку, интерьер которой чем-то напоминал пивной паб. Валерий ополоснул руки, заглянул в холодильник, вынул оттуда пакет с полуфабрикатом, обернутый пленкой, и положил разогреваться в микроволновку.

– Бери что хочешь, Жэка, – гостеприимно предложил кладовщик. – Здесь у нас что-то типа шведского стола.

Женич взял упаковку пюре, раздобыл в холодильнике лодочку копченой курицы, налил сока и прихватил сдобную булочку. Такой ужин случался у него не каждый день. По правде говоря, он показался ему просто шикарным. Почти таким же шикарным, как три дня назад, когда Евгений пробовал устроиться официантом в ресторан. Однако щепетильное искусство, коим является натирание до блеска бокалов и разливание в них дорогих вин, оказалось ему не по силам. Он с трудом вынес инструктаж, обслужил двух клиентов – и все, этого ему хватило. Денег не заплатили, зато накормили до отвала вкуснейшими салатами из креветок, с кунжутом и ароматными пряностями.

– Спина не болит? – спросил кладовщик, выдавливая себе в тарелку добрую порцию кетчупа.

– Немного, – сказал Евгений.

– Работа тяжелая, что верно, то верно. Но жить можно, в нашей конторе грузчики тысяч по двадцать пять – тридцать в месяц имеют. Бывает и больше, – Валерий сделал маленький глоточек кофе. – Это я к тому, что если тебе нужна работа,

можешь завтра официально устроиться. Кстати, ты на кого учился?

– На историка вообще-то.

– Так вот откуда все эти твои познания, ты не согласишься, но я сам по специальности инженер-конструктор баллистических ракет.

– Ничего себе! – перестал жевать Женич.

– Было это давно, еще до Ельцинского путча, страшно подумать, как я тогда ликовал. Думал, наконец, заживем! Ельцин, он же был наш, уральский. А что вышло? – развел руками Валерий. – Какой там институт, какие ракеты? Всю страну распродали, до сих пор сердце ноет.

Кладовщик потер себе грудную мышцу под лямкой полукомбеза.

– А вернуться в специальность не хотелось?

– Ты что, какой из меня теперь специалист? Голова совсем не та стала, это в твоём возрасте можно за любое дело браться, – Валерий серьёзно глянул на Женича. – Хочешь дам совет? Можешь поработать у нас несколько месяцев. Но потом уходи, как только появится возможность.

– Знать бы ещё куда, – улыбнулся Женич.

– Ты же сам сказал: «Туда», – Валерий выставил подбородок вперед. – Если останешься на складе, станешь как я и ничего в своей жизни, кроме этого ангара, не увидишь.

Евгений попробовал себе представить, кем он станет лет через десять – простуженным грузчиком, трудягой на лес-

пилке, продавцом, сельским учителем или, может, библиотекарем? Больше на ум ему ничего не приходило. Кем он вообще мог стать, не умея заниматься распилом бюджетных средств, не умея наживаться за чужой счет? Ведь точно так же и кладовщик Валерий не стал тем, кем хотел. Почему-то в этом мире все складывалось не так, как хотелось.

Евгений пожал плечами:

– Иногда мне кажется, что на всех наложено какое-то проклятье, кругом показная радость, телешоу, шуты гороховые, а настоящего счастья почти не осталось.

– Реальная жизнь – тяжелая штука, Жэка, и она не становится легче. День ото дня она становится только тяжелее, – сказал кладовщик. – Если не будешь заниматься показухой, как это делают все, долго не выдержишь. Тебя просто выжмут, как лимон, и ничего от тебя не останется.

– А может, жизнь становится тяжелее, потому что с каждым днем лжи и показухи становится больше? Взять ту же науку. Наука пытается доказать, что владеет истиной в последней инстанции, что ей по силам создать даже искусственный разум, но наука понятия не имеет, что такое сознание, и этот комплекс неполноценности подавляет всю современную культуру.

– И что, по-твоему, будет дальше? – спросил Валерий. – К чему это приведет?

– Чем больше власти получает наука, тем становится очевиднее, что наука не столько решает, сколько создает еще бо-

лее опасные проблемы, для решения которых требуется еще больше власти во всех сферах жизни, еще больше ресурсов. Это как раз и подрывает веру в науку.

Валерий в душе своей был инженером, продолжающим по-прежнему верить в науку, хотя выражение «*Вера в науку*» ему не понравилось:

– По-твоему выходит, между наукой и религией нет никакой разницы?

– Почему? Между ними очень даже большая разница, они по-разному относятся к знаниям, к жизни, к человеку.

– Но ты не веришь, что наука может решить все проблемы, так?

– Какая-то область знаний всегда будет находиться за гранью науки, – объяснил Евгений. – Был такой позитивист, Альфред Айер, не признававший потусторонней жизни до момента, пока сам не пережил состояние клинической смерти. В действительности этот мир преобразуют ментальные образы, они – часть реальности, которую наука не признает, что ведет к катастрофическому нарушению баланса между материальным и духовным.

– А если появится баланс, то что? Все проблемы сразу решатся? – усмехнулся кладовщик.

– Нет, но тогда мы бы увидели более полную картину. Всем известно, что человеческое тело не летает, это так. Но во сне мы почему-то иногда летаем, и это тоже правда, которую невозможно отрицать.

– Только в детстве, – уточнил Валерий, – это особенность растущего организма.

– Да, все так говорят. А может, это особенность растущего сознания? В зрелом возрасте полеты во сне тоже случаются. По-моему, дело не в росте тела или синапсов мозга, а в сознании, которое у взрослых перестает развиваться.

Валерий убрал тарелку, хлопнув Евгения по плечу.

– Интересно было с тобой поболтать. Похоже, к нам на склад пожаловал не грузчик, а гуру философии. Ты не бойся, Жэка, общество тут у нас приличное. Бахрутдин был преподавателем русского языка под Самаркандом, Михалыч – заслуженный металлург. Понимаешь, завода давно нет, а заслуженный металлург остался. Мировой мужик, я тебе скажу! Вадик в горном институте учится, а гендиректор наш вообще в Москве баумановку оканчивал. Так что, ждать мне тебя завтра или нет?

– Да, я приду, – кивнул Женич. – До завтра!

Евгений вышел из ангара и отправился восвояси. Было все-таки что-то загадочное на этом складе, где инженеры, физики, металлурги и учителя перетаскивали сыры и колбасы, импортные окорочка, пакеты в заманчивых упаковках с надписями на английском языке. Может, это и была настоящая русская интеллигенция? Может, только здесь и можно было сохранить качества, которые давным-давно атрофировались у так называемой «элиты», и было даже неплохо, что он тоже придет сюда завтра, чтобы вместе с ними все это пе-

ретаскивать.

На конечной остановке он сел в трамвай, доехал до центра и отправился бродить по ночному городу. Он прогулялся по Набережному парку, разглядывая темные волны в реке и багровый закат, который раздваивался в едва заметной демонической усмешке между двумя гуталиновыми тучами.

Потом он заснул на скамье, увидав во сне странное место. Он как будто зашел в целый город, построенный из ящиков и коробок. Вокруг него выросли высокие, покосившиеся башни из сломанных поддонов, громадные пирамиды из картонных и полиэтиленовых упаковок. Он пробежал по пустынным улицам города, и никак не мог найти выход. Потом он залез на одну из башен, чтобы сориентироваться, но за чертой города простиралось бесконечное поле, заваленное такими же ящиками. Он почувствовал себя погребенным заживо, приговоренным к утилизации в этих трущобах, из которых не было выхода. Ему казалось, что всех людей тоже утилизировали, и весь мир был словно приговорен к тотальной утилизации.

В глубине сознания он еще верил, что сможет выбраться отсюда. Он бежал и бежал, сам не зная куда, пока не заметил на безжизненной земле крохотный росточек. От него исходили ветви, которые стали стремительно расти. Ствол тоже многократно увеличился в размерах, ломая вокруг небо-скребы из ящиков и очищая землю. Проснувшись в парке, он открыл глаза и увидел, как над ним столпились раскиди-

стые деревья.

Эпизод четвертый.

Цокольный этаж. *Lux in tenebris*

После напряженной трудовой недели у него впервые выдался выходной. Накопить денег на съемную комнату не получилось. Зато получилось устроиться ночным сторожем в магазин мужской одежды. Это был обычный магазинчик в самом центре города на маленькой улочке имени великого русского поэта: костюмы, куртки, брюки, ботинки, шапки, ремни, галстуки на любой вкус и цвет... Необычным было то, что располагался магазинчик в старинном здании на цокольном этаже.

Чтобы попасть в магазин, нужно было спуститься вниз по крутым гранитным лестницам, держась за кованые перила. В торговом зале находилось единственное окошко, из которого были видны ноги прохожих, колеса автомобилей, да еще краешек здания Дома писателей на противоположной стороне улицы. Из светлого зала, оборудованного под магазин, можно было проникнуть в подсобные помещения. Правда, чтобы протиснуться в арочный проем, приходилось пригибать голову, так как потолки в подсобных комнатах были очень низкими. Местами потолки становились настолько низкими, что кое-где невозможно было стоять с выпрямленной спи-

ной.

Жить в памятнике архитектуры было чрезвычайно романтично, но чертовски неудобно. Тем не менее, это было гораздо лучше, чем вообще нигде не жить. Обязанности охранника сводились к тому, чтобы по ночам находиться в магазинчике, утром разместить прилегающую территорию и дожидаться продавца. После чего Евгений выходил на трамвайную остановку и ехал на склад в торгово-оптовую компанию.

Владелец магазина, Роберт Искандерович, выделил ему комнатуху, которая, судя по размерам, когда-то раньше служила кладовкой. Из мебели в нее вмещалась лишь кровать с выдвижным ящиком снизу. Рядом лежал коврик, над входом висела лампочка. На одной стене коморки виднелись красные кирпичи, не знавшие, что такое штукатурка с момента постройки здания в XIX веке. На другой стене сохранились обои с винтажными наклейками и газетными вырезками, от которых захватывало дух. Впрочем, оценить их уникальность мог разве только коллекционер антикварных вещей на барахолке.

Заселившись в комнатуху, Евгений первым делом как следует рассмотрел наклейки на обоях. Были среди них рекламные афишки, вроде таких: *«Продолжается подписка на 1913 г. на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету РЕЧЬ, издаваемую въ С.-Петербурге В.Д. Набоковымъ и И.И. Петрункевичемъ. Пробные NN газеты для ознакомленія высылаются бесплатно»*. Или таких:

«Кремль ЖАНО. Всемирно известное средство от веснушекъ, загара, прыщей, угрей и желтыхъ пятенъ. Результаты блестящiе. Тысячи благодарственных писемъ», «Г-м Куряцимъ! Выдающееся патентованное изобретение: табакъ безъ никотина съ сохраненiемъ всехъ ароматическихъ и вкусовых свойствъ его», «Метрион: машинка для набивки папиросъ, модель 1907 г., на которой каждый легко набиваетъ 600 папиросъ въ 1 часъ».

Кроме того, попадались чайные этикетки *«Товарищество чайной торговли В. Высоцкiй и Ко»* с очаровательной гейшей, держащей в руке распахнутый веер, коричневые банкноты Временного правительства, этикетки от винно-водочных изделий и тут же – лотерейные билеты *«Книга вместо водки»* Всероссийского общества борьбы с алкоголизмом, а также множество заметок и иллюстраций из дореволюционных газет и журналов.

Дальше по коридору располагалась гостиная – еще одно помещение, не содержащее, правда, ничего экстраординарного. Евроремонт скрывал кирпичные стены. На полу стоял длинный кожаный диван, два кресла, журнальный столик из темного стекла, к потолку – ради экономии места – был подвешен телевизор. Здесь же можно было вскипятить чайник, зарядить ноутбук или заглянуть в холодильник. В самом конце подсобных помещений находился запертый на ключ кабинет Роберта Искандеровича, а также склад с одеждой, который редко когда открывался.

– Привет-привет, кажется, я опять опоздал, да? – запыхавшись, спустился в магазин продавец-консультант Юрка, обладавший феноменальной способностью часами напролет рассказывать о разных производителях одежды, о технологиях выделки кожи, об утеплителях, модных фасонах и тканях.

– Да, есть немного, – пробубнил Женич.

– Так-так, сегодня же воскресенье! Работаю до шестнадцати – и сваливаю отсюда, – радостно потирая руки, озвучил Юрка свои мысли, проверяя кассовый аппарат.

– Ну, раз ты пришел, я пойду, прогуляюсь. Это же у тебя сегодня укороченный день, а у меня как раз наоборот, – заметил Евгений, накидывая ветровку.

– Конечно, без проблем! Слушай, я тебе не рассказывал, как один раз, перед самым закрытием, заходит одна гламурная фифочка, вся такая из себя, и спрашивает: «*Простите, а у Вас нет женских трусиков?*». Ну, я, значит, ей отвечаю: «*Мадмуазель, Вы что-то путаете, у нас магазин мужской одежды. Что касается меня, увы, не имею такой привычки*».

– Смешно, даже очень, – Женич задержался у выхода и, открыв дверь магазина, вышел на свежий воздух.

– Знал, что тебе понравится! Вот зануда, даже не улыбнулся...

Евгений автоматически побрел в сторону трамвайной остановки. Потом сообразил, что ехать на склад ему не на-

до, и остановился возле киоска, витрины которого сверху до низу были забиты свежими газетами и журналами. На ослепительно ярких обложках красовались супер-модели, супер-роботы, супер-машины, супер-герои звездных сплетен.

Поближе к покупателям лежали книжные бестселлеры – одни и те же из года в год. Если бы не зарубежные авторы, тот же «Алхимик» Коэльо с иллюстрацией Ерко на обложке, впервые вышедший на русском языке, кажется, еще в восьмидесятых годах прошлого века, то глазу не за что было бы зацепиться. Такая складывалась беспросветная повестка дня. То ли столичным писателям не о чем было писать, то ли у них на это не хватало времени, то ли они вместе с издательствами совсем не уважали читателя и уже ни о чем, кроме денег, не думали.

Но больше всего его поразила боковая сторона киоска с иностранной периодикой. Здесь среди груды эротических журналов ровным строем шагали американские, британские, германские, польские и другие издания, с обложек которых на читателя бросались тираны с советской символикой, медведи, окровавленные маньяки и матрешки, покрытые татуировками воры, безобразно измазанные гримом клоуны, которых объединяло только одно – все они изображали либо Россию в целом, либо президента России, либо содержали заголовки со словами «*Putin's*», «*Russia*», «*Aggression*».

Ничего нового в этом, конечно же, не было. Интернет всю пестрел подзаголовками типа «*Радио Свобода: идеология*

Путина – сгусток ненависти», «Европа: ненависть к России растет», «Generation «П»: как в России выросло поколение Путина», а иногда, совсем уж откровенно «Детей учат резать русню», «Главный враг США – русский человек». Непонятным было другое: если Россия в самом деле была такой тоталитарной и агрессивной страной, как об этом пищали в западных медиа, то почему же тогда все это крикливое безобразие вот так свободно выставлялось напоказ? Где был предел терпимости, до какой степени омерзения можно было еще унижать и оскорблять русский народ? Когда же наступит и наступит ли вообще хоть какая-то расплата за эту клевету?

Всем статьям, всем глянцевым журналам и газетам предначертано превратиться однажды в желтую труху, в кучки дряхлого мусора, подобно тем вырезкам, что висели у него на стене в коморке. Но они навсегда сохраняют постыдные воспоминания об этих судорожных конвульсиях чего-то как будто навсегда сгинувшего и малозначительного, которые и вспоминать потом будет неудобно, от которых потом будут отмахиваться, как отмахиваются от подленьких грешков молодости, вычеркнутых из официальной биографии, содержащих в себе, тем не менее, нечто весьма существенное, как те неприличные садомазохистские мечты, что красноречиво изобличают душу доведенного до отчаяния невротика. Так ничего и не купив в киоске, он пересек дорогу, пока на светофоре мигал зеленый, и свернул к прямоугольным цветоч-

ным клумбам, благоухающим в прогретом воздухе лета, к которому уже добавлялись ароматы сентября.

Главный проспект встречал его дружескими объятиями. Евгений смотрел на эти бордюры, на стриженные лужайки и кустарники в парках совсем не так, как обычные горожане. За пару месяцев скитальческой жизни у него с ними возник своеобразный симбиоз. Его внимание привлекали не открывающиеся на террасах кафе, не рекламные афиши кинотеатров, не щуплые девушки с татуировками, проколотыми губами, бровями и носами, а вещи, на которые едва ли было принято обращать внимание.

Он видел, как толкутся голуби, отгоняя от сытных мест конкурентов-воробьев, как на крышах домов крохотные фигурки монтажников занимаются установкой вентиляционного оборудования. Его глаза непроизвольно пробежали по неровностям асфальта в поиске мелких предметов – брелоков, бумажников, кредитных карт и флэшек, которые тоннами валялись на улицах мегаполисов.

– Женич! – крикнул кто-то с трамвайной остановки.

Евгений обернулся и увидел, что через дорогу к нему перебегает человек, которого за потоком автомобилей было трудно разглядеть.

– Господи! Витяй, ты, что ли? – радостно махнул ему Женич. – Вот так встреча! Ты как здесь оказался?

– Вообще-то, я к тебе ехал! Ты же в личку мне письмо отправил, что вроде работу нашел. Вот я и решил узнать, где

тебя теперь носит.

– Давно не виделись! – сказал Женька, крепко сжимая руку Витяя. – А эти чертовы социальные сети – какой от них толк? Фуфло какое-то, а не общение!

– Согласен. Ты куда направляешься?

– Да, я хотел в мини-маркет зайти за продуктами.

– Ну, так пошли! Ты как вообще устроился?

Они стали друг другу что-то рассказывать, вспоминать студенческую жизнь в квартире №11 в доме на улице имени легендарного командарма Красной Армии. Как сдавали экзамены в универе, как отмечали День математика и механика на кухне Аделаиды Прокопьевны, как подвешивали хлеб к гардине, спасая его от рыжих мурашек, а те все равно пробирались по веревочке в мешок с хлебом. Да, веселое было времечко! Они снова были прежними Витяем и Женькой или, может, вовсе не переставали ими быть. Так за разговорами они зашли в магазин, набрали там каких-то продуктов и пошли гулять по Набережной.

– Слушай, а где теперь математики? Наверное, сейчас всех не собрать, – спросил Женька, глядя с парапета на волны.

– Славинский, сам знаешь, компьютерным салоном заведует. Кондратий окончил аспирантуру и уехал в Москву. Алексей – в Питере. Казанова системным администратором работает.

– А мусье Царевф?

– Ему стажировку предложили на военной кафедре, сейчас служит в армии по контракту, – задумчиво ответил Виктор. – Ты прав, всем сейчас не собраться, у всех жены, дети. Кстати, у нас тоже прибавление скоро будет к семейству.

– Это что, получается, я один такой лоботряс, слоняюсь без дела?

– Ты живешь одним днем, – пожал плечами Виктор. – Не мне судить, хорошо это или нет. Со стороны кажется, что это нерационально. Раньше так жили самураи – для них тоже каждый день был как последний. Все-таки, Женич, ты Дон Кихот...

– Ладно, пошли я тебе лучше особняк покажу, куда я устроился охранником. Это, я тебе скажу, что-то с чем-то! Мигель де Сервантес был бы в восторге.

Евгений мотнул головой в обратном направлении, и они с Виктором отправились в магазинчик мужской одежды. К тому же, времени было около четырех часов. Оказалось, они проговорили так долго, что надо было уже идти закрывать магазин и отпускать Юрку, у которого, как всегда, были какие-то дела, не терпящие отлагательств. Спустившись на цокольный этаж, Евгений показал Виктору свою комнатку с винтажными обоями, а затем, отпустив Юрку, разогрел чайник в гостиной.

– Ну, и как тебе здешний колорит?

– На вид магазин как магазин, ничего особенного. Но твоя, с позволенья сказать, комната – ты уж меня извини –

полный отстой!

– Заметь, обычно постоялец платит за комнату, а мне платят за то, чтобы я в ней жил, – подняв палец вверх, добавил Женька.

– Понятно, – усмехнулся Виктор. – Дон Кихот продолжает войну с ветряными мельницами, а ведь эти мельницы делали муку – хлеб насущный для людей.

– И все же он не был сумасшедшим, этот Дон Кихот, ведь крестьяне отдавали владельцам этих мельниц большую часть урожая, так что в этом смысле мельницы, действительно, были чудовищами.

– А ты, я смотрю, все так же философствуешь, пишешь статьи. Доказать недоказуемое, чтобы постичь непостижимое? Пуанкаре, Дирак, Бергсон, Лосский, «Шесть систем индийской философии»...

Виктор перебрал книжки, лежавшие стопкой на столе рядом с ноутбуком.

– Это так, чтобы мозги не заржавели!

– Все равно, Женич, неужели ничего более подходящего не нашлось, чем работа охранником?

– Это же самый центр! И универ, опять же, рядом находится.

– Ну и что?

Евгений вздохнул, опустив глаза в пол. По его взгляду Виктор догадался, что, скорее всего, все из-за той девушки, в которую Женька влюбился в университете.

– Извини, конечно, но ведь столько времени прошло.

– Три года, – напомнил Евгений. – Скорее всего, она в академическом отпуске.

– Думаешь, она тебя помнит? Возможно, она давно замужем. Знаешь, когда обычно девушки берут академический отпуск?

– Да все я понимаю, – Евгений потер себе висок, чтобы скрыть волнение. – Просто хочу еще раз ее увидеть.

За столиком из темного стекла, на поверхности которого причудливо отображались лица друзей, вдруг установилось молчание. Он никому, кроме Витяя, о ней не говорил. Так сложилось, что говорить больше было некому – наверное, как раз потому, что они могли вот так молча посидеть и ни о чем не говорить.

– Все как в песне БГ: *«У некоторых сердце поет, у некоторых болит. Он нажимает на «Save», она нажимает «Delete»»*, – произнес Витяй. – Помнишь, ты сказал как-то, что источник настоящих чувств находится выше течения жизни? Любовь в самом деле выше всего, это источник всего – разума, жизни, чего угодно. Она не сводится к удовольствиям, как думают тупицы, придумавшие выражение *«заниматься любовью»*.

– Сомневаюсь, что его придумали тупицы, – сказал Женька. – Даже если придумали, они бы не смогли так успешно его внедрить в массовое сознание.

– И кто его внедрил – тайные общества? – недоверчиво

улыбнулся Витяй.

– Ты уверен, что хочешь знать?

Евгений подключил ноутбук к интернету, понажимал на клавиши – и на экране появились первые кадры из кинофильма «*Omen II*», где по старинным улочкам на автомобиле мчится старый археолог Карл Бугенхаген под впечатлением от невероятного лика антихриста на стене Игоэля.

– Великолепный фильм, – прокомментировал Евгений, указав рукой на экран. – Режиссура, сюжет, актеры – все бесподобно подобрано! Здесь открытым текстом сказано, кем придумана реальность, в которой мы живем, хотя фильм вышел в 1979 году. Да, в наши дни так вдохновенно уже никто не снимает.

– Ты серьезно? Думаешь, это антихрист?

– Подожди немного, ты сейчас сам все увидишь. Вот, обрати внимание: «*Антихрист, восходя к власти, менял четыре лица*». Звучит интригующее, правда? Разумеется, в фильме показан персонифицированный образ антихриста, некий мальчик из влиятельной семьи, но это только художественный прием...

Продолжая просмотр фильма, Евгений то замолкал, то отвлекался на другие темы, то снова начинал комментировать сюжет, опираясь на события из мировой истории. Иногда он подливал себе чаю, выслушивая язвительные замечания Виктора, которому казалось, что эти исторические экскурсы Евгения не имели никакой связи с тем, что показывалось

в фильме. Кое в чем Евгений с ним соглашался, но все-таки оставался при своем мнении. Наконец, когда последовала сцена с преподавателем, решившим проверить антихриста на знание истории, Евгений прибавил громкости.

– Это мой любимый фрагмент, – произнес он. – Антихрист рассказывает о войне Наполеона с Россией. После того, как Наполеон проиграл эту кампанию, он был низложен.

– Да, но причем тут Наполеон?

– Такое ощущение, что ты все пропустил мимо ушей, – поразился Женька. – Потомки тамплиеров создали в Англии первые масонские ложи. Так возник первый лик антихриста, восходящего к власти, *«как лев, но у него крылья орлиные»*. Затем в Германии был создан орден баварских иллюминатов – второй масонский корпус или зверь, похожий на медведя, *«и было три клыка во рту у него»*, третьим клыком станет Третий Рейх Адольфа Гитлера. После якобинской революции во Франции к власти приходит Наполеон – зверь, *«подобный барсу, с четырьмя головами и крылами»*.

В столетие независимости США французские ложи подарили Штатам статую Свободы – сакральный символ, через который произошел транзит власти четвертому зверю, *«который отличен от всех и будет пожирать всю землю»*. Подробности читай в книге пророчеств Даниила, глава седьмая.

– Но, Женич, это ведь ничего не доказывает! – возразил Витяй. – Твой мистический взгляд на историю, на мировые войны напоминает пресловутую теорию заговора, не имею-

щую никакого отношения к исторической науке. Твою субъективную интерпретацию событий ни в одном учебнике не напишут.

– Вот именно, не напишут, – усмехнулся Евгений. – Смотри дальше! В фильме перечисляются приоритетные научные направления компании «Торн Индастрис»: микроэлектроника, сланцевая энергетика, канцерогены для сельского хозяйства, избирательная генетика и половые аттрактанты. Добавим сюда рынок развлечений, средства массовой информации и получим список именно тех отраслей, в которых американские компании являются мировыми лидерами.

– Когда снимался фильм, все эти разработки были уже известны, – не согласился с ним Виктор. – Что касается масс-медиа, то это основа любой системы, не только антихристова царства.

Они снова с ним спорили, совсем как на кухне Аделаиды Прокопьевны! Виктор и тогда, и теперь придерживался рационалистической точки зрения. Он объяснял совпадения исторических событий теорией вероятности и самовнушением.

Если человек верит, что Земля плоская или, скажем, кубическая, то он найдет множество доказательств тому, что так оно и есть. Если человек верит, что Земля шарообразная или имеет форму додекаэдра, то он будет видеть неопровержимые доказательства в пользу именно своей версии, хотя на самом деле Земля с таким же успехом может иметь форму

яблока, живой клетки или вообще не иметь никакой определенной формы, подобно квантово-механическим струнам.

Их теологическая беседа с элементами математики, мистики и чего-то еще в том же духе затянулась до самых сумерек, пока Витяй не стал собираться домой.

– Ну, давай, Женич, не теряйся! Если что, пиши в личку или звони, я всегда на связи.

– Подожди, я тебя провожу!

Под светом фонарей они дошли до остановки, затем Евгений вернулся в магазинчик и отправился в свою комнату. На днях он заглянул в художественный салон, который находился на соседней улице, купил кисти, краски и решил ради забавы что-нибудь нарисовать. Когда в магазине никого не было, он доставал свою незаконченную картину, которую прятал за спинкой кровати, включал в наушниках медитативную музыку без слов и погружался в неторопливый созидательный процесс. При этом мысли его обычно сами начинали упорядочиваться и перетекать одна в другую. Иногда он будто полностью исчезал, растворялся то ли в акриловых красках, то ли в потоках космической энергии, переставая рассуждать о чем бы то ни было. Но в этот насыщенный событиями воскресный вечер порисовать ему не удалось.

В дверь магазинчика вдруг энергично постучали. Евгений стремглав выбежал в торговый зал – в окне цокольного этажа маячили две женские ноги, а в дверь продолжал кто-то напористо барабанить. В таком случае Евгений обязан был по-

звонить Роберту Искандеровичу. Однако, поднеся телефонную трубку к уху, Евгений услышал за дверью голос Юрки:

– Жэка, это я, все в порядке!

Заглянув в окошко, Юрка продемонстрировал Женичу довольную физиономию с искрящимися от веселья глазами. Он был подшофе, и к тому же еще привел с собой девушку.

– Времени первый час! Ты какого черта приперся? – спросил Евгений.

– Я барсетку оставил у холодильника! Ты меняпустишь или как?

– А должен?

– Ты что, я же продавец-консультант, забыл? – захохотал Юрик. – Ну, можешь позвонить Роберту Искандеровичу, если думаешь, что я грабитель.

Тяжело вздохнув, Евгений отворил дверь – и в магазин ввалился пьяный Юрка со своей ночной спутницей. По тому, как он с ней обращался, можно было догадаться, что этот сумасброд притащил с собой малолетнюю проститутку. Ей было лет пятнадцать, наверное, от силы шестнадцать – собранные на затылке русые волосы, славянские черты лица, густо накрашенные ресницы, ярко-синие глаза. Евгений никогда не забудет эти ее глаза, посмотревшие на него так пронзительно, словно они знали про него буквально все, его неудачи, страдания, его потаенные желания и надежды. Эта девочка, похожая на красивую куклу, смотрела на него детскими глазами, но глаза эти не могли принадлежать ребенку.

– Э-э, Жэка! Она тебе тоже нравится? – спросил Юрка заплетаящимся языком. – Ты только посмотри, какая попка!

Он задрал ей подол, поведив с вожделением по заду, отчего она томно перевела взгляд на Юрку, изогнула талию и поцеловалась с ним. Евгений закатил глаза вверх, сожалея о том, что их впустил.

– Ты барсетку хотел забрать, – напомнил Женич.

– А-а, то-очно! Пойдем, у нас там типа ко-омнаты отдыха.

Пошатываясь из стороны в сторону, Юрка со своей пассией направился в подсобные помещения. Женич ожидал в торговом зале, когда он заберет свои вещи и уберется из магазина. Но вскоре в дальней комнате заработал телевизор – какой-то музыкальный канал, по которому круглосуточно гнали клипы. Евгений зашел в гостиную, чтобы выпроводить Юрку, однако тот уже развалился на кожаном диване, обнимая полураздетую девушку.

– Мы тут немного по-окувыркаемся, я утром все приберу, – бесстыже приподнялся пьяный вдрызг Юрка. – Жэка, ты только Иска-андерычу не говори!

Ничего не ответив, Евгений вышел вон. Ему захотелось покинуть магазин. Но он не мог этого сделать, он не мог оставить магазин с пьяным Юриком и малолеткой внутри. Поэтому он просто закрылся в своей коморке, напялил на себя наушники, чтобы не слышать стоны, раздававшиеся в соседней комнате, и так пролежал всю ночь, а утром молча собрался и уехал на работу, игнорируя проспавшегося Юрку.

– Жэка, ты чего? Так и будешь теперь молчать? – виновато прохрипел Юрка вечером, когда Евгений вернулся к закрытию магазина.

– Юрик, ты скотина!

– Да, ты прав, – отчаянно кивнул Юрка. – Да, может быть, я скотина! Только ты пойми, все люди такие, все без исключения! Деньги есть – живем, денег нет – лапу сосем. Дыши полной грудью, Жэка, пока дышится! Жизнь – она одна, понимаешь?

– Нет, не понимаю! Той девочке, ей сколько лет было? Ты хоть поинтересовался?

– Ты просто не в курсе! Мне ее сутенер в стриптиз-баре, бородатый такой абрек, даже паспорт показывал. По паспорту ей уже двадцать! Прикинь?

– Ты меня что, совсем за идиота принимаешь?

– Хорошо, может, ей еще и шестнадцати нет! Каюсь, грешен, – ответил Юрка. – А ты знаешь, какая сейчас молодежь пошла? Они сейчас все с четырнадцати лет этим занимаются! Все поголовно. Это мы с тобой в их годы были примерными учениками, пионерами. Макулатуру собирали, на портфелях с ледяной горки катались. Оглянись по сторонам – теперь совсем другая жизнь пошла! Поверь, они в своих смартфонах такое зырят в интернете! Или, хочешь сказать, у тебя в студенческие годы ничего такого не было?

– Такого точно не было.

– Ты же образованный человек, Жека, вспомни «Ромео и

Джужетту», «Лолиту» Набокова...

– Слушай, какой Ромео, какая Джужетта? Опомнись, ты хоть о чем говоришь? Конечно, я не исключаю, что можно влюбиться в школьницу, провожать ее из школы, стихи о любви писать. Но ты подумай, какая у этой малолетки жизнь будет? Она до двадцати лет вряд ли доживет, умрет где-нибудь в притоне от передозировки.

Закрыв лицо руками, Юрий замолк, потом взъерошил на голове волосы и замычал. Случилось нечто совсем, казалось бы, невозможное. Юрий вдруг покраснел – и это был один единственный раз, когда Евгений увидел Юрку покрасневшим, точно сгорающим от стыда.

– И что ты предлагаешь? Ну, допустим, я ее разыщу, извинюсь, – размышлял Юрка вслух. – Ну, допустим, она что-то поймет, решит с этим завязать, начать новую жизнь. В чем я лично сомневаюсь. Ведь на ее место придет другая малолетка! Ничего же не изменится! Как можно что-то изменить в этой дерьмовой жизни?

– Я не знаю, Юрка, честное слово, я не знаю, можно ли что-то изменить. Тем более, можно ли что-то изменить навсегда, – ответил Евгений. – Ты, давай, иди просппись хорошенько.

Вообще-то, Женич сам смертельно устал. Ему казалось, что он не спал больше недели – с тех пор, как устроился сюда ночным сторожем. Он закрыл за Юркой дверь магазинчика. Зашел в ванную комнату, где был самый низкий

сводчатый потолок, ополоснул шею, склонившись над керамической раковиной, вытерся полотенцем и сразу завалился спать. Он никогда не стремился выстраивать дружеские отношения с огнями большого города, с мигающими вывесками, с рекламными баннерами, банкоматами и телефонами, но стоило тут немного задержаться, прикоснуться к неписаным законам, которые диктовала система потребления, как жизнь мегаполиса схватила его цепкими клешнями и никуда не отпускала.

В действительности он ничего здесь не выбирал, ничего не решал. Город не предоставлял ему никакого права решать что-либо самому. Все решения были уже учтены, и если что-то не нравилось, система требовала выходить на улицы, устраивать беспорядки и акции протеста. Но от этих акций всепланетарному монстру становилось только лучше, как в средневековье ненадолго становилось лучше пациентам, на любые жалобы которых доктора в черных масках прописывали одну и ту же процедуру кровопускания. Совершенно обессилев от всего этого, от всей этой борьбы с ветряными мельницами, он лежал в темноте цокольного этажа, будто пережеванный и проглоченный многоликим зверем бездны.

***

Он пронесился над теплым морем, над гребнями пустыни, над восточным городом с обветшалыми домами, смотрю-

выми башнями, плотно застроенными кварталами. Кое-где внизу виднелись покатистые купола античных храмов, мелькали склепы и старинные мраморные плиты, которыми были усеяны холмы и пригорки.

Редкие деревья вязов и маслин отбрасывали синие тени на золотистую охру каменных уступов, поднимавшихся к старинной крепостной стене. Высоко над стеной сверкал купол изумительной красоты, однако вход в крепость был почему-то замурован камнями. Евгений пролетел над стеной и стал снижаться, маневрируя между дорожками парка и деревьями. Коснувшись ногами земли, он осмотрелся в надежде повстречать кого-нибудь на площадке перед храмом, в который вели семь готических арок, поставленных в ряд, подобно семисвечнику. Но поблизости никого не было.

Тем не менее, со стороны арочного портала до него донесся озорной детский смех, как будто играющий с ним в прятки. Евгений обошел колонны, пытаясь разглядеть, кто от него прячется, однако смех больше не раздавался. Он вышел во двор с каменным колодцем. Чуть поодаль от него в тени одноэтажного здания с башенкой минарета росло черное дерево, ветви которого были подрублены. По всему двору были расставлены остатки коринфских капителей и постаментов, придававших этому месту весьма загадочный вид. Впрочем, загадочным и нереальным было все вокруг – его окружали реплики давно разрушенных архитектурных сооружений, которые продолжали на что-то намекать и каким-то чу-

десным образом присутствовать в этих разбросанных повсюду камнях.

Обойдя остатки колонн, он заметил за ними девочку, которая во что-то играла сама с собой. Она бросала камешек на известняковый пол и прыгала следом за ним на одной ноге, а потом двумя ногами сразу. Подойдя ближе, он остановился неподалеку от игравшей девочки, заметив римские цифры от одного до десяти, расчерченные на пористых плитах известняка.

– Сыграешь со мной? – спросила девочка, не оборачиваясь к нему.

– Это что, классики? – улыбнулся Евгений, вспоминая правила детской игры.

Не прерываясь и не отвлекаясь на него, девочка продолжала прыгать с одной плиты на другую, повторяя странную считалку:

*Один – сам себе господин,
Два – и вот началась игра,
Три – части в одно собери,
Четыре – свет изливает в мире,
Пять – чтобы его принять,
Шесть – он находится здесь,
Семь – светит всем,
Восемь – останется после,
Девять – чтобы его измерить,*

Десять – вернись на прежнее место.

Допрыгнув до цифры десять, которая была изображена в виде крестика, девочка обернулась лицом, которое показалось ему знакомым. Но, как обычно бывает в сновидениях, Евгений не мог припомнить, кому именно принадлежало это прекрасное юное лицо, от которого исходило легкое сияние. Девочка посмотрела на него с упреком.

– Ты в самом деле не помнишь меня, Эжъен? – мелодичным голосом произнесла она.

Это было во сне! Евгений вспомнил сон, в котором его однажды так уже называли.

– Лючия? – не поверив глазам, отозвался он.

Она сделала шаг в сторону, разглядывая его чарующим взглядом из-под ресниц. Ей понравилось, что Евгений не назвал ее «*Люцифером*», этим вульгарным именем из комедийных книжек – именем, которого одни глупцы боялись, а другие обожествляли, хотя и те, и другие неизменно вызывали у нее лишь презрение.

– Ты опять вторглась в мое сознание? Зачем?

– А что, нельзя? Это же сон, здесь все можно, – серьезно сказала она. – Или ты думаешь, что сны принадлежат только тем, кто их видит? Как клочок земли, который обносят забором и называют неприкосновенной частной собственностью?

Она изящным жестом обвела дворик.

– Ты знаешь, где мы находимся?

Евгений оглянулся, заметив справа от себя музейную табличку.

– Музей под открытым небом?

– Почти угадал, – произнесла Лючия, склонив голову набок. – Во дни царя Ирода здесь была величественная крытая колоннада. Только мало кто помнит об этом, и даже камни перемешались на этой горе, позабыв места, на которых стояли прежде.

– Так мы... мы на Храмовой горе? – тихо прошептал он.

– Гора Мория, Сион, Харам аш-Шариф, у этой горы много названий! Ты удивлен повстречать меня здесь, на этом святом месте? Как видишь, сюда могут возноситься не только Джебраил и пророки.

Разумеется, Евгений был потрясен! Ему не доводилось бывать на Храмовой горе, поэтому он не узнавал окружающих его строений, кроме, разве что, того изумительного купола, мимо которого он пролетел. Такой купол он мог видеть на старинных фотографиях или, быть может, на открытках с видами Иерусалима.

– Говорят, именно отсюда началось сотворение мира, – вспомнил он, поглядев в синее-пресинее небо.

– Ты, наверное, имеешь в виду Купол Скалы, Ас-Сахра? – Лючия медленно приподняла руку, указав на тот самый золотистый купол за деревьями. – Скажем так, это было удобное место...

Она уклончиво хмыкнула, то ли разыгрывая его, то ли подразумевая некий иной смысл этих слов. К сожалению, Евгений не был специалистом по истории Храмовой горы и легендам, связанным с ней, но он понимал, что падшего ангела с этим местом, должно быть, что-то связывало еще до низвержения его на землю. Вероятнее всего, сакральное пространство вокруг, наполненное священными образами, именами, подземными гrotами, ступнями, дорожками, входами и выходами было отображением недоступного осязанию духовного измерения, в котором у этих видимых объектов появлялись дополнительные значения. Значения, которые оказывали воздействие на сознание и могли влиять на события в потоках времени, на ход самой истории.

– Ты вспоминаешь о Нем? – спросил Евгений загрустившего Люцифера. – Ты всегда вспоминаешь здесь о Нем...

– Раньше одна мысль об этом вызывала у меня безудержный смех, сводила с ума. Но сейчас, ты знаешь, сейчас мне все равно, – сказала она безразлично.

– Ты ведь любила Его когда-то, и Он любил тебя.

– Пытаешься причинить мне боль? – обиженно поджав губы, отвела глаза Лючия. – Или ты действительно ничего не понимаешь?

– Возможно, я чего-то не понимаю, но мне кажется, Он бы мог тебя простить, Бог всемогущ и милостив, Он может простить даже падшего ангела. Разве нет?

– О, да! Он милостив! Он всех прощает! Любые грехи на-

сильников, убийц, прелюбодеев, но сумеет ли Бог простить Самого Себя? Ты прав. Он любил меня когда-то, как никого на свете, когда задумывал все эти Свои творенья! Он использовал меня, когда я была Ему нужна. А потом? Знаешь, что было потом? Он меня бросил – и ради кого? Ради человека, ради этих никчемных, мелочных и скудоумных существ, именующих себя людьми.

Евгений растерялся от столь неожиданных откровений. Он и сам не представлял, чем можно было искупить грех преднамеренного убийства, изнасилования невинной девочки. Ему просто не хватало воображения, чтобы понять, чем можно искупить подобные преступления, а ведь люди были способны совершать куда более страшные деяния! Он отказывался признавать так называемые «законы», по которым даже серийные убийцы, загубившие сотни душ, спокойно отбывали наказание, как будто, отбыв его, и вины за ними по решению суда уже не оставалось.

Еще сложнее ему было представить искупление грехов павшего ангела. Как знать, возможно, есть преступления, которые невозможно искупить никаким наказанием... Но его размышления прервала Лючия, которая вновь заглянула ему прямо в глаза.

– Тебе не понять, Эжень, что чувствуют сыны Израэля там, у Стены плача!

Она кивнула в сторону галереи за спиной Евгения, с обратной стороны которой располагалась Стена плача, и про-

должила:

– Он нарек их Своим избранным народом! Обещал им вечное Царство! Что с того? Он их бросил, Эжьен! Он их тоже бросил. Понимаешь? На этой горе не построить Храм, который всех примирит, где всем будет воздаваться по справедливости, ибо справедливости для всех не существует! Когда голодных и страждущих кормят ароматным пловом, в чем вина того агнца, из которого приготовлен плов? Любое действие – грех, бездействие – грех! Мысли – грех, отсутствие мысли – тоже грех! Жизнь и смерть – грех! Что ни сделай, о чем ни подумай – все грех! Муки неразделенной любви – то единственное, что дает Бог в конечном счете.

– А Сатана, значит, тебя не использует? Он что – любит тебя?

– Это совсем другое, – она стала обходить Евгения кругами. – Конечно, он использует меня! Он использует всех! Но он учит тому, что только безграничная любовь к самому себе имеет значение. Ибо только любовь к себе никогда тебя не предаст.

– Мне так не кажется.

В ответ Лючия звонко расхохоталась и закружилась, держась за края ситцевого платяца. Ему вспомнилось, как она кружилась с ним в каком-то позабытом сновидении, когда они стояли вместе в ночи на крыше готического собора и почему-то плакали, как дети. Может, это был такой трюк, к которому она прибегала, чтобы вызвать доверие, а может, она,

действительно, была способна к сочувствию, только не могла с собой ничего поделаться, не знала, как остановить свою разрушительную изуверскую месть.

– Эжъен, мы же одни на этой горе! Ты видишь здесь Бога? Нет! Но ты видишь здесь меня. И так было всегда! Всегда, когда люди стремились к Богу, сначала они приходили ко мне, а не к Богу. Знаешь почему?

– Нет... ну так объясни, если сможешь.

– Да потому, что любовь к себе и любовь к Богу невозможно различить. Это почти одно и то же! – наклонившись вперед, весело ответила Лючия. – Представь, сам Мухаммед совершил ночное путешествие на место этой Отдаленнейшей мечети, после чего вознесся на небо! Первоначальная кибла для намаза находилась здесь, на Храмовой горе, пока великий пророк, погрузившись в раздумья, не осознал, что человек порочен по своей природе. Люди не способны различать истинное от ложного, которое может лишь казаться истинным. Вот для чего кибла была перенесена в Мекку, чтобы напоминать об этом различии. Но разве это вам помогло?

Муса, Ибрагим, Иса! Все пророки знали об этом изъяне человеческой природы. Они придумывали для людей очищающие обряды, создавали свои учения, чтобы как-то преодолеть сей врожденный порок. Но ничего не помогло! Назарей совершил величайшую глупость, родившись и пожертвовав Собой... Для чего? Скажи, для чего Он это сделал? Ради всего этого?

– Ты же знаешь не хуже меня. Все не так просто... – поджал губы Евгений.

– Ах, да! – Лючия сделала извинительный и одновременно пренебрежительный жест рукой. – Это все из-за Нее! Не ты первый – не ты последний, кто думает, что избрал путь к Истине. Только что это тебе дает? На этом пути тебя ждут только муки, только страдания. Ты смешной, очень смешной, Эжъен! Но я тебе сочувствую...

– Потому что, несмотря ни на что, не можешь позабыть Его любовь?

– Нет! – усмехнулась над ним Лючия. – Потому что неудачники всегда вызывают жалость. Как те бедные рыцари Храма, устроившие здесь свою резиденцию. Ты знаешь – они так стремились к Истине, так верили в Нее, что поклялись исполнить все страшные пророчества, которые должны свершиться до Второго Пришествия. Ради грядущего спасения они поклялись пролить реки человеческой крови, уничтожая мечом непокорные народы.

– И тут не обошлось без твоей помощи, – предположил Евгений.

Потеряв ее из вида, он повернул голову, но Лючия приблизилась к нему сзади, встав вплотную за его спиной, и прошептала в ухо низким холодным шепотом:

– А ты? На что ты готов пойти, ради всеобщего спасения? Ради вечной жизни и Царства Небесного?

Она простерла свою длань над плитами с изображением

римских цифр – и цифры вспыхнули синим пламенем! Евгений увидел, как десять светящихся цифр, пылавших прямо перед ним, сначала оторвались от земли, а затем стали подниматься, повинувшись напряженной руке Люцифера. Вокруг каждой цифры сияли люминесцентные круги, которые двигались друг относительно друга вместе с надписями на иврите и латыни. Между подвижными кругами пламенели лучистые дорожки – внутри них тоже переливались буквы и каббалистические знаки.

Ну, конечно! На плитах была изображена вовсе не игра в классики, как подумал Евгений, а Древо Сефирот! Падший ангел, перемещаясь по этим цифрам, повторял считалку, тайный смысл которой теперь, более или менее, стал ему понятен. Непонятным оставалось только само действие – для чего Лючия все это ему показывала? Почему все это происходило на Храмовой горе? Какая роль в этой игре была отведена ему?

– Все здесь! – прошептала она. – Ответы на все твои вопросы находятся здесь. Но главный вопрос в том, сумеешь ли ты правильно понять эти ответы?

Продолжая на него смотреть, она сделала три шага назад, отходя спиной к пылающему Древу, и коварно расхохоталась зычным хохотом, так что по плечам у него пробежала немая дрожь.

– Еще увидимся, Эжъен!

Она вдруг стала очень быстро передвигаться. Совершен-

но противоестественным образом, как при обратной ускоренной перемотке кинофильма! Размахивая руками и ногами, Лючия взмыла вверх, все так же двигаясь спиной назад и глядя на него немигающим взглядом.

Евгений остался один напротив лучезарного Древа Сефирот, висевшего в воздухе над землей. Он решил сделать один шаг вперед, чтобы прикоснуться к пламенным кругам, но в тот же миг пространство рядом с Древом потекло и словно затряслось. Вместо того, чтобы сделать один шаг вперед – он сделал шаг назад! А потом еще и еще! Моторика его тела нарушилась, перестав ему подчиняться. Он тоже стал как бы ускоренно перематывать себя обратно, разбегаясь спиной назад, затем с силой оттолкнулся от земли и взмыл в небо, покидая древние чертоги и стены Храмовой горы.

Эпизод пятый.

Минус один – мнимое безумие

Каждое утро он заходил в трамвай, вставал на свое место возле окна и так отправлялся до конечной остановки, и каждый раз, проезжая обратно вечером, сидел в том же трамвае у влажного окна, чтобы на несколько мгновений увидеть за ветвями, сбросившими желтую листву, университетские колонны. Они манили его в тусклой осенней сырости на фоне подсвеченных стен, простирая к нему свои объятия. А рельсы трамвая с шумом проносили его по накатанной орбите мимо университета. Он вращался на этой орбите как заколдованная комета, которая не решается покинуть Солнечную систему окончательно, но и не может в ней оставаться на постоянных правах, как это было дозволено большим планетам и спутникам, ухитрявшимся получить вид на жительство в гелиосфере, обустривая скромный быт где-нибудь на окраинах бедняцких кварталов.

Вокруг исторического центра города, где местами еще встречались уютные скверы, сохранявшие меланхоличное очарование эпохи классицизма, важно пыжились стеклянные небоскребы, отражая высокие облака и стараясь тем самым продемонстрировать свою фундаментальную значи-

тельность. Но, если честно, ничего значительного в них не было. Они смотрели свысока, занимая в городском ландшафте доминирующее положение, но никто из прохожих не глядел в их сторону. Никого не восхищала ни их высота, ни переливы зеркальных стекол, потому что у этих огромных зданий не было ни великого прошлого, которое следовало помнить, ни прекрасного будущего, в котором хотелось жить. Никто даже не обращал внимания, когда эти фешенебельные новостройки сносились, и на их месте вырастали другие высотки, более оригинальные по задумке, но на проверку такие же пустотелые.

Ему хотелось пройтись в толпе студентов по университетской аллее, заглянуть в просторный холл, подняться в зал библиотечного каталога, где можно было сколь угодно долго перебирать карточки в ящиках, делая вид, что ищешь книгу с чрезвычайно нужным для тебя содержанием, но которой почему-то нигде не находилось. Или зайти в столовку, чтобы поесть настоящей здоровой еды, с порцией салата, первым и вторым блюдом, сладким компотом и сдобной булочкой, а не эти полуфабрикаты в полиэтиленовой упаковке, которыми за неимением времени всем приходилось питаться, разогревая их в микроволновке не столько для того, чтобы утолить голод, а скорее так, для подстраховки, чтобы это неприятное чувство не застигло тебя врасплох.

Он мог без конца прогуливаться где-нибудь в окрестностях *alma mater*, кутаясь в стяженную куртку с поднятым во-

ротом и капюшоном, пока вездесущий октябрьский мороз не пропитывал ее насквозь. Тогда он возвращался, спускаясь в полуподвал магазинчика, чтобы просушить куртку и как следует отогреться за чашкой горячего кофе. Пару раз он уже мимоходом навещался в университет, ненадолго, только чтобы осмотреться, так как времени для ностальгии особо не было.

К тому же правила посещения для посторонних лиц, а он теперь считался именно таким лицом, стали совсем не те, что прежде. Теперь на пропускном пункте сидела лицензированная охрана, следившая на мониторах за всеми перемещениями посетителей. Для получения пропуска на проходной нужно было оставлять паспорт с указанием цели и времени посещения. Ничего подобного в студенческую бытность Евгения, понятное дело, не было. Он застал старорежимные времена, когда университетские двери были открыты абсолютно для всех, когда никто бы и не подумал устанавливать на входе металлоискатели, когда никто не боялся незнакомых людей, и люди почему-то ощущали себя в большей безопасности, чем теперь, когда за ними всюду следили камеры видеонаблюдения.

В тот осенний день он тоже оставил на проходной паспорт, поднявшись в зал университетской библиотеки, где просидел около получаса, а затем пошел прогуляться. Он вышел в фойе конференц-зала, где все так же красовалась сюрреалистическая фреска «Возвращение Орфея», занимавшая всю

стену. На ней все так же летел Орфей, задевая струны волшебной кифары. Но орфический гимн звучал не так объемно, как раньше. Натяжные потолки приглушали звуки и создавали атмосферу стеснительной монументальности, как будто осознававшей свою неуместность в новом интерьере.

Рассматривая фреску, он слышал, как на полу поскрипывают кроссовки команды юных студенток, готовивших ко Дню первокурсника ритмичный танец с хлопками в ладоши и синхронным подпрыгиванием. Всюду на стенах висели экраны, на которых беззвучно транслировались передачи университетского телеканала. Но никто не смотрел на экраны, развешанные для чего-то в каждом углу в таком неимоверном количестве.

В переходе появилось еще больше киноафиш, объявлений о мероприятиях, концертах, туристических походах, различных кастингах красоты и подработках для студентов. Вроде бы все, как всегда, но чего-то в университете не хватало – слишком тихо, слишком цивильно везде было. По коридорам неторопливо прохаживались преподаватели матмеха, чьи лица были хорошо знакомы. Они о чем-то разговаривали, но их разговор тоже был каким-то беззвучным и тусклым. А ведь когда-то голоса математиков сразу выделялись дерзновенным остроумием в шумном университетском многоголосии. Все куда-то пропало, испарились запахи математики и пролетарский дух Сорбонны шестидесятых. Даже название университета стало другим. Прежнее название ушло

в дождливый октябрь, прихватив с собой дырявый зонт и что-то такое, чего у нового названия не было, как бы напыщенно и пафосно оно ни звучало.

На истфаке его ожидали еще более разительные перемены. Безупречная отделка стен, стильные двери, евроремонт в каждой аудитории. Нигде уже не было старых исчерканных парт и деревянных оконных рам, которые приходилось утеплять к зиме полосками строительного скотча. Он заглянул в «Черную дыру» – так называлась аудитория, где на задней стене красовался забавный рисунок. Один студент нарисовал когда-то, будто в аудитории нет стены, будто стена провалилась в космическое пространство, и вместе с обломками стены в это космическое пространство улетает человек, античная ваза и парусный корабль. Вместо черной дыры в аудитории появилась приличная стена, теперь здесь было безопасно, никто больше не падал в космическое пространство, но от этого почему-то становилось грустно.

Евгений вышел из аудитории и повернулся к расписанию занятий, которое висело возле деканата дальше по коридору. Сколько же раз он вот так машинально подходил к этому расписанию, где толпились студенты. Но в этот раз, еще не успев ничего разглядеть, он заметил среди веселых первокурсников едва уловимое движение света, которое ни с чем не мог перепутать! Не различая лиц в пестрой толчее, он уже знал, что где-то среди этих студентов стояла Она. Да, это была Она! Ее присутствие всегда замедляло ход времени, и в

этот раз произошло то же самое – время для него как будто остановилось.

Посмотрев на план занятий, Она вышла из окружения первокурсников и стала широкими уверенными шагами приближаться к нему. Он запомнил каждый ее шаг, каждое плавное движение рук, каждый мимолетный поворот головы, струящиеся золотистые локоны. В этот момент он не мог двинуться с места. Он хотел, чтобы этот момент длился всегда. На ней не было никакой косметики, глаза и ресницы были чуть бледнее, чем запечатлелось в его памяти несколько лет назад. Теперь ей не нужно было никого покорять своей красотой – студенты-первокурсники восхищенно заглядывались на других девчонок. Никто не смотрел ей вслед, никто не видел в ней богиню, сошедшую с небес.

Она просто шла по коридору истфака, как ходят все женщины, и только Евгений знал, что она не переставала оставаться тем же неземным созданием, лишь слегка изменившим свой облик. Как долго он ждал этой встречи, перебрав в голове сотни всевозможных вариантов и ситуаций, лишь бы переброситься с ней парой слов. И вот она шла ему навстречу, ее свободный сарафан струился так легко, а он по-прежнему не мог произнести ни слова. Он не имел на это права, ведь она приближалась к нему не одна. Под трепетным сарафаном с завышенной талией она носила ребенка, как спокойна она была, как неотразима, как сосредоточена на своем материнском счастье!

Все остальное в этом мире не имело для нее значения, было просто бессмысленным. Никто не имел права омрачать ее мысли какими-то словами. Никто, тем более, он. Он улыбнулся, как может улыбнуться лишь человек, осознавший мнимость собственного существования, несуществующей улыбкой i -того числа, над которым была поставлена последняя точка. Его глаза были несказанно рады увидеть ее снова, хотя в них, должно быть, стояли слезы. Она задержала на нем взгляд и вспомнила его – она все-таки его узнала, и это было самое важное, что она могла ему сказать без слов, что могла оставить как утешение, которое нисколько не утешало. Они смотрели друг на друга из двух бесконечно удаленных туманностей, и эти туманности неумолимо разлетались в разные стороны. Разлетались навсегда, разлетались со скоростью света, и целой жизни не хватило бы для того, чтобы преодолеть это расстояние, разделявшее их теперь.

Она проходила совсем рядом... совсем рядом! Это мгновение повторялось и повторялось у него в голове. Он не мог оглянуться, не мог вернуться к ней в ту реальность, которая с каждым новым мгновением удалялась от него все дальше, превращаясь в мираж.

Он сам давно превратился в мираж – в мнимую единицу, не то куда-то шедшую, не то стоявшую всю жизнь на одном и том же месте. Он окончательно запутался, потерялся в этих потоках людей, в этих переходах, лестницах, в этих лицах, деревьях, дорожных знаках. Ему приходилось заню-

во учиться соображать, заново учиться ходить, потому что его прежняя личность не могла больше быть прежней. В его нервной системе выгорел последний предохранитель, позволявший работать всем этим рассудочным микросхемам, аккуратно прошитым в его сознании общественной системой. Он пришел в себя где-то посреди дороги – до него донесся звук оглушительно сигналившей машины, грязный бампер которой упирался ему прямо в голень.

До него дошло, что он стоит на проезжей части дороги, после чего кое-как добрал до тротуара и зашел в первый попавшийся бар. Впервые в жизни ему захотелось зайти в какой-нибудь бар, чтобы там до беспамятства напиться. Выложив на барную стойку бумажник с получкой, он стал ожидать, когда к нему подойдет официант.

– Что будем заказывать? – спросил бармен, протирая салфеткой бокал.

Евгений не видел лица бармена, так что ему показалось, что с ним говорит черная жилетка и черная бабочка на ослепительно белом воротнике рубашки.

– Не знаю, – пожал Евгений плечами.

– Водка? Коньяк со льдом? – предложил бармен, обращаясь к нему. – Эй, да мы же знакомы! Ну, точно! Женич? Мы же в универе на одном потоке учились!

Подняв голову, Евгений узнал в бармене Андрея, знакомого парня-гитариста, игравшего когда-то в студенческой фольк-группе.

– Вот это совпадение, – попытался улыбнуться Евгений.

– Слушай, сюда обычно приходят, преследуя две цели. Либо для того, чтобы нажраться, либо чтобы закадрить девушку. Если бы я тебя не знал, то решил бы, что ты хочешь нажраться. М-да, приятель, выглядишь ты хреново!

– Даже не знаю, чего я хочу, – признался Женич. – Наверное, вообще ничего не хочу. Такие клиенты у вас бывают?

– Бывают-бывают, но они нажираются, – бодро ответил Андрей. – Слушай, ты пока здесь посиди, ладно? Никуда не уходи, у меня минут через пятнадцать вечерняя пересменка будет, я к тебе подойду. Посидим, пообщаемся.

Он обслужил других посетителей и вскоре вышел из-за барной стойки, сняв с себя небольшой фартучек. Они перебрались в ложу за бархатной ширмой, где стояли темно-бардовые диванчики и столики с принадлежностями для кальяна. Андрей захватил с собой бутылочку виски с черной этикеткой и два широких стакана с квадратными основаниями.

– Так, значит, ты сюда прямиком из универа? – продолжил разговор Андрей после пары дежурных фраз, которыми обычно перекидываются люди, давно друг друга не видевшие. – Ну, и как там без нас?

– На капремонт и процесс обучения не скупятся, это же теперь университет имени первого президента. А вообще, по-моему, скучновато стало, даже «Черную дыру» замазали, чтоб никто не улетел.

– Хм, вот извращения, – покачал головой Андрей. – По-

чему-то прошлое всегда кажется лучше, и предыдущее поколение было добрее, и чувства светлее, и мысли. Даже музыка была настоящей, со смыслом, совсем не то дерьмо, которое сейчас везде крутят. Кстати, мы завтра с парнями в рок-клубе выступаем, приходи! Не знаю, что у тебя стряслось, но музыка помогает. А что касается алкоголя – от него точно никакой помощи не будет, поверь мне, я в баре на такое посмотрелся.

– Да, тут такое дело... – Евгений остановился, чтобы подумать, как адекватно описать ситуацию, но адекватно не выходило. – Встретил в университете девушку, в которую когда-то влюбился... Вот меня и переклинило.

Андрей вздохнул, разливая виски по стаканам:

– По-другому, Женич, и не бывает! Им доставляет удовольствие нас помучить, ущипнуть, растоптать наши чувства. Иногда у них так странно любовь проявляется, хотя это, конечно, не их вина, жизнь так устроена. Помнишь Ярославу?

– Ты что? Разве можно забыть Ярославу?

Ему вспомнились каштановые волосы, васильковые глаза самой сногшибательной первокурсницы на истфаке, с которой он сам же и познакомил Андрея.

– Как она? Замуж не вышла?

– Уехала покорять Лос-Анджелес.

– Шутишь, что ли? Что, насовсем уехала?

– Да кто ее знает? Кажется, да. Иногда в личку пишет, жа-

лается, что поговорить не с кем. Если хочешь, сам ей напиши что-нибудь. Прикинь, может, увидим ее в рекламе какой-нибудь косметики или в фантастическом блокбастере?

– Ага, скорее, раздетой на обложке мужского журнала или еще где-нибудь похлеще, – мрачно продолжил Евгений. – В этой чертовой индустрии красивые девушки – лишь биологический материал, который у всех пользуется спросом. А знаешь, мы ведь с ней когда-то философствовали о чем-то таком, о красоте, которая спасет мир... только в этом мире давно нужно спасать саму красоту.

Задумавшись, Андрей долго переваривал эти слова, пытаюсь, по всей видимости, понять, как можно спасти красоту.

– Девчонки, они все такие. Когда можно что-то спасти, они не хотят, чтобы мы что-то спасали. Сначала им свободы не хватает, потом внимания, потом денег и власти, а то вдруг такое вытворяют, что потом сами себе простить не могут. Главное спасение в жизни – это любовь и дети, это самое главное!

– Наверное, так и есть, – согласился Евгений, разглядывая отсутствующим взглядом белую квадратную салфетку. – Мы не меньше им страданий причиняем, все зло исходит от нас самих. Мы почему-то сами разрушаем то, что любим, и ничего не можем с этим поделать.

Если бы ни этот разговор, трудно сказать, чем бы мог закончиться день, когда Евгений прекратил свое существование, обратившись в ничто. Какое чудо должно было произой-

ти, чтобы в миллионном городе он повстречался с Андреем, который учился с ним на истфаке, и чтобы это произошло именно тогда, когда битые осколки реальности выскальзывали из несуществующих рук, когда вокруг происходила вселенская катастрофа, а весь город продолжал жить обычной жизнью, не замечая никаких вселенских катастроф.

В троллейбусах все так же ехали люди, держась за поручни, чтобы не трясло. В магазинах отоваривались покупатели, шурша пакетами. И всех все устраивало, у всех все было нормально. Для этого и нужен был большой город, чтобы как можно меньше чувствовать, чтобы не замечать ни рождения, ни жизни, ни любви, ни смерти, и даже рождение сверхновых звезд и смерть целых галактик оставались совершенно незамеченными в этом гуле мегаполиса, в шуршании этих пакетов, в движении этих машин.

В жизни каждого рано или поздно происходила катастрофа или серия катастроф, делившая жизнь на «до» и «после». Каждого ожидал свой апокалипсис – точка невозврата, за которой что-то менялось в сознании, когда в действительности никто не мог тебе помочь, потому что помогать уже было нечему. Но все же именно тогда, когда все смыслы существования были полностью уничтожены и разрушены, человек мог приблизиться к тому, что было действительно неуничтожимым.

Три дня он был живым мертвецом, а может, ожившим трупом. Никто, конечно, этого не замечал, не видел, что он

ходит с ножом в сердце, и он сам не видел этого ножа. Но ощущение было такое, что его сердечную мышцу чуть ниже аорты пробило черное лезвие и вышло с обратной стороны, вызывая в груди постоянную тупую боль.

Он взял несколько дней отгула на оптовом складе, сославшись на то, что подхватил грипп, и пролежал в комнатухе полуподвала около недели, уставившись не то в низкий потолок, не то в такой же низкий пол. Ему не было тесно между этим низким полом и потолком, потому что он совершенно не ощущал собственных размеров. Он смотрел на часы, и все равно не знал, который час. Наверное, он мог бы так пролежать целый год. Ему всегда хотелось проверить, существует или нет состояние самадхи. И вот оказалось, что не нужно было ничего проверять, не нужно было ничего достигать – все и так было достигнуто, хотя он представлял это иначе. Теперь он понятия не имел, для чего были написаны кипы мудреных трактатов про какие-то там достижения. Все было просто, даже слишком просто, чтобы быть чем бы то ни было.

***

Над деревьями Главного проспекта пролетали крупинки первого снега. Они падали на асфальт, на тротуарную плитку, словно мелкие пенопластовые хлопья, и тут же таяли, не оставляя следов. Евгений чувствовал себя лучше, хотя на-

кануне ему привиделся кошмар. Он как будто попал в клип «*Otherside*»: *Red Hot Chili Peppers*, в котором из кривых стен многоэтажек выползали гельминты, а люди выбегали из домов и пытались от них отбиться. Теперь по асфальту тоже ползли черви, но это были обычные дождевые черви, они были напуганы – они не знали, куда скрыться от наступающих холодов. Они просто ползли по асфальту, а люди не замечали их и давили, безжалостно наступая на червей каблуками.

Ему нужно было пройти пешком, чтобы проветрить мозги. В прохладном осеннем воздухе хорошо дышалось, и это была единственная причина, по которой он шел по дороге, обходя прохожих и стараясь не наступать на несчастных червей. Он миновал театр музкомедии, парк с мокрыми деревьями и беседкой, стоявшей посреди пруда в отражении темной неподвижной воды. Свернул на чистую улочку возле Военной академии, рядом с которой никогда не ездили машины, и вышел на дорожку сквера, где до сих пор зеленели стриженные лужайки и газоны.

По дорожке, прямо лоб в лоб к нему приблизился человек в длинном плаще, одетый во все сшитое не по размеру. Евгений хотел пройти мимо него, но тот вдруг неожиданно протянул ему руку, чем несколько обескуражил. Однако затем он произнес фразу, которая обескуражила еще больше:

– Извините, Евгений, у вас не найдется минутка, чтобы выслушать меня?

– Да, э-э... то есть, откуда вы меня знаете? – озадаченно

ответил Евгений, продолжая пятиться от незнакомца.

– Это прозвучит очень странно, но мы с вами уже знакомы.

– Наверное, вы обознались, я вас первый раз вижу, – сказал Евгений, желая как можно скорее удалиться.

– Вот черт! Черт! – постучал по своей голове незнакомец. – Декарт так и сказал, что вы не поверите!

– Декарт? – оглянулся Евгений, надеясь, что ослышался. – Ренэ Декарт?

– Ну, да! Они всюду – они вас ищут!

– Кто они?

– Незримые ангелы, – приглушенно ответил незнакомец.

– Все ясно, – усмехнулся Евгений, стараясь сохранять самообладание. – Кто-то из нас сошел с ума. Что ж, передавайте привет Ренэ Декарту, а я, пожалуй, пойду...

– Но все же сходится! Я пришел туда, куда вы меня сами направили, – незнакомец показал на памятник Георгию Константиновичу Жукову, стоявший рядом со зданием Военной академии. – Вот он, Георгий Победоносец на коне! Я что, по-вашему, сам это придумал?

Рядом со сквером притормозила машина, из которой вышли медики в халатах и доктор в сером пальто. Это было уже совсем не смешно! Незнакомый мужчина действительно оказался невменяемым, сбежавшим из лечебницы. Хотя говорил он вполне осмысленно, и впечатление складывалось такое, что сходиться с ума начинал уже сам Евгений. Допустим,

что кто-то решил подшутить, устроить розыгрыш или незнакомец просто угадал, как его зовут. Но откуда он мог знать про Декарта, про мистические сны, которые Евгений видел несколько раз?

– Вы тоже путешествуете во времени! – выкрикнул незнакомец, которого повели к машине. – Теперь я здоров! Я здоров! Это все он!

– Господи...

Женич просто не мог поверить в происходящее.

– Вот моя визитка, – сказал ему седовласый доктор, протягивая карточку с номером телефона. – Ничего страшного, обычное диссоциативное расстройство, он с самого утра твердил про этого Георгия Победоносца, так что найти было нетрудно.

– Мне кажется, я сейчас тоже свихнусь, – пробубнил Евгений. – Он угадал как меня зовут!

– Да? Это интересно, – задумчиво затронул подбородок доктор. – Вообще-то, я тоже отмечаю в его расстройстве странные явления. Нам бы это исследовать, а мы его по старинке транквилизаторами пичкаем! Не читали Налимова – «Спонтанность сознания»? Трансперсональная психология, вероятностная психокинетика...

– Нет, – помотал головой Евгений.

– Рекомендую почитать, может, там найдете объяснение?

Евгений осмотрел визитку и, хлопая глазами, проводил взглядом доктора, севшего в машину. Возможно, для психо-

терапевта во всем произошедшем не было ничего необычного. Однако для Евгения в этом событии, которое можно было списать на какую-нибудь осеннюю депрессию, оставалось слишком много загадок, требующих рационального объяснения.

Если допустить, что в одном из сновидений его сознание пересеклось с сознанием Декарта, жившим за четыре сотни лет до него, то теоретически такое пересечение можно было назвать своеобразным «*перемещением*» во времени, точнее, неким кольцом синхронных событий. Это было возможно, так как Евгений знал, кто такой Декарт, видел его лицо на картинках, он мог понять во сне, что видит именно Декарта. Но как этот сумасшедший смог узнать Евгения, если они с ним никогда раньше не виделись? Как смог определить, что это именно Евгений? С другой стороны, если незнакомцу во сне тоже являлся Декарт, то события могли синхронизироваться именно через Декарта, образ которого был известен им обоим.

Размышляя над подобными теоретическими построениями, Евгений добрался до магазинчика, включил ноутбук и стал рыскать по интернету, надеясь набрести на какой-нибудь подобный пример. Правда, попадались в основном хрестоматийные описания «*парадокса близнецов*», не вызывавшие, впрочем, особого доверия, общеизвестные случаи озарений ученых, да еще ссылки на фильмы про перемещения во времени. Но все эти примеры были слишком поверхност-

ными, перечисляли лишь гипотезы и явления, совершенно не указывая причин их возникновения. Перемещение во времени происходило только в непосредственной связи с сознанием человека, однако ученые выстраивали такие теории, в которых параметры времени были всегда отделены от сознания. С таким же успехом можно было рассматривать движение лодки, отказываясь признавать существование определенных свойств у воды, и удивляться тому, что эта лодка перестает плыть, когда гребцы пытаются плыть на ней по земле.

Так, просидев целый вечер перед монитором, Евгений все-таки скачал книжку Налимова «Спонтанность сознания» и стал перелистывать на экране страницы. Но читал отрывками, невнимательно, пропуская абзацы – сказывалась утомленность, вызванная эмоциональным всплеском и напряженное припоминание смутных сновидений про Декарта, про незримое братство *R.C.*, так что из первых глав ему запомнился только один абзац, прочитанный перед тем, как отправиться спать:

«Отметим, что в опыте внетелесного состояния фиксировались и некоторые проявления, типичные для так называемых измененных состояний, достигаемых в медитациях: переживание изменения времени (33%); видение блестящего белого света (30%); пребывание в темном тоннеле с белым светом в его конце (26%). Обращают на себя внимание и совсем особые проявления: желание вернуться

назад в тело (54%); способность проходить сквозь объекты (50%); осведомленность о присутствии нефизических существ (37%); ощущение присутствия руководителя или помощника (26%)».

Эпизод шестой.

Мистериум. Зал Дверей

В детстве, будучи еще дошкольником, он часто видел сон, один и тот же сон. Он поднимался по каменной лестнице и попадал в место, о котором никто не знал. Снаружи это была обычная белая стена. Люди всегда проходили рядом с ней, не представляя, что находится с другой стороны, и только он непостижимым для себя образом мог заглядывать за эту стену. Ему было любопытно и немного страшно, как он это делал, потому что никаких дверей в стене не было.

Другая загадка состояла в том, что за белой стеной не было никакого помещения – за ней всегда открывался вид на зеленую лужайку. Зато с обратной стороны имелись три небольшие дверки. Это было его потайное место, куда он мог спрятаться так, чтобы его никто не нашел.

Первая дверца открывалась без труда – из нее всегда выбегали звери, иногда вылетали птицы. Он не знал, откуда они там каждый раз появлялись, но ему нравилось их выпускать. Через другую дверь он мог вернуться обратно к людям, а дверь посередине никогда-никогда не открывалась. Она всегда была заперта, хотя ему так хотелось посмотреть, что там за ней находится! Он был уверен, что за той дверью от него

скрывалась какая-то удивительнейшая тайна, объяснявшая предназначение белой стены. Но как бы он ни пытался отпереть эту дверь, она никогда не отворялась.

И вот, спустя десятилетия, ему снова снился этот сон. Как будто он стоит рядом с той белой стеной и даже слышит собственный детский смех! Да, именно так он смеялся, когда озорничал. Он вспомнил свой заводной детский хохот и испугался, что, повернув голову, увидит самого себя – бесшабашного мальчугана, убегающего после очередного посещения секретного места. Он поднялся по лестнице, не решаясь прикоснуться к поверхности стены. Он не хотел ничего проверять, ему не хотелось разрушать наивную детскую мечту. Теперь он понимал, что пройти через стену, в которой нет дверей, невозможно. Он знал, что сейчас ничего не получится, и если он приложит к ней руку, то ощутит только вертикальную поверхность, вот и все. Для чего же тогда ему снился этот сон? А может, все-таки...

Набрав в грудь побольше воздуха, Евгений прикрыл глаза. Он вспомнил, как проходил сквозь эту стену – ни о чем не думая, как будто ее не было. Да уж! В детстве у него это отлично выходило – ни о чем не думать.

Вдруг, уловив это краткое мгновение в памяти, он сдвинулся с места – и прошел через стену, заметив краем глаза, как поперечное сечение стены перевернулось, словно в зеркальном отражении. Это было потрясающе, он вновь испытал то забытое чувство восторга! Он вновь увидел за стеной

ту самую лужайку, которая нисколько не изменилась. И три дверцы с обратной стороны стены! Он знал, что если откроет крайнюю дверь, из нее выбегут кролики, пятнистые олени, может быть, выпорхнут голуби... Однако в этот раз что-то изменилось – крайнюю дверь кто-то запер. Он взглянул на среднюю дверь, которая никогда не открывалась – и дверь сама перед ним отворилась, приглашая войти внутрь.

***

Сначала за дверью было слишком много света, чтобы определить, что он видит перед собой или над собою. Евгений слегка прикрыл глаза рукавом, привыкая к лучам, струившимся откуда-то сверху, и которые вроде бы притянули его к себе, а затем резко отпустили и поставили на место. Покачнувшись, он понял, что лучи пробивались через высокое окно, над которым смыкались огромные стрельчатые пилястры. На подоконнике возвышался мраморный бюст бенедиктинского монаха, но его не получалось разглядеть из-за лучей. В дымке под окном проступали готические арки – в них были вставлены три мемориальные плиты из черного мрамора. Евгений приблизил к ним голову, чтобы прочесть золотистые буквы на центральной плите.

Надпись была сделана на латыни, но чтобы прочесть имя «*Renati Descartes*» перевод был не нужен! Очевидно, одна из памятных плит была посвящена Ренэ Декарту. Значит, в его

сновидении всплывали отголоски дневного инцидента с тем помешанным на улице. Не хватало еще его теперь здесь по-встречать.

– Я знал, что ты меня наведишь!

– Ой! – вздрогнул Евгений от неожиданности.

– Не то чтобы от меня много чего осталось. Голову так и не вернули!

– Ренэ???

Повернувшись на звук, Евгений увидел знакомые контуры лица и белки умных глаз в тени широкополой шляпы. Декарт был одет в мушкетерский жилет с пышным воротником, на боку висела великолепная шпага, неизменная его спутница.

– Только не подумай, что я ностальгирую, но все-таки моя голова чего-то стоила!

– Вот это да, черт подери! *Renato Cartesius!* – обрадовано уставился на него Евгений.

– Черт здесь ни при чем! Во всяком случае, я на это надеюсь, – Декарт учтиво поклонился возле надгробия, сняв шляпу с красным, зеленым и белым пером.

Ответить ему таким же изысканным поклоном Евгений, разумеется, не мог. Он мало что смыслил в придворном этикете, и даже если бы попытался изобразить такой же шаркающий поклон, выглядело бы это весьма комично. В самом деле, любой современный человек смотрелся рядом с человеком эпохи барокко абсолютным невеждой.

– Студиус Женэ! – Декарт ударил Евгения по плечу, осматривая его одежду и лицо. – Для меня ты так и останешься бродячим философом, потерявшим свою Диогенову бочку.

Ренэ Декарт с удовольствием рассмеялся над бестолковым видом Евгения, одетым в свитерок и штаны-шестикарманики, которые в начале XXI века считались «*модным прикидом*». Но для Декарта такая одежда в лучшем случае смахивала на робу трубочистов.

– В этот раз найти тебя было труднее, – посетовал Декарт, продемонстрировав на руке некий предмет. – Пришлось использовать *виватрон*, очередное безумное изобретение старика Кардано!

Евгений с улыбкой осмотрел предмет, напоминающий не то старинный компас, не то наручные часы с крутящимся внутри калейдоскопом.

– Выглядит как китайская игрушка, у нас такие детские гаджеты в любом магазине продаются, – пошутил Евгений из расчета, что Ренэ хотя бы намекнет на принцип действия этой штуковины.

– Для чего живым использовать проявитель живых? Вы и так друг друга видите, – усмехнулся над ним Декарт. – *Виватрон* бывает необходим только усопшим. Для нас это что-то вроде будильника. Заводишь *виватрон*, фиксируешь в воображении душу живущего человека, с которым ищешь встречи, и ждешь соответствующей констелляции, когда в астрале

наступит подходящий момент.

– Должно быть, незаменимая вещь, этот проявитель живых, – высказал предположение Евгений, не скрывая от Декарта ироничное отношение к изобретению. – И когда наступает подходящий момент, то что происходит? Ты просыпаешься?

– В то же мгновение!

– Но как может проснуться душа усопшего?

– О, есть вещи, которые нам запрещается рассказывать! Но, думаю, кое-что тебе уже знать положено, – Ренэ хитровато подмигнул. – Для начала, ты должен понять, чем отличается живой человек от усопшего. Люди живут, когда бодрствуют, и как бы не живут, когда спят. Мы же наоборот – как бы не живем, когда бодрствуем, и живем, когда видим сны. Вот и выходит, Женэ, что для нас проснуться – это значит заснуть.

– Э-э... понятно, – почесал затылок Евгений, обмозговывая сказанное Декартом. – Так это, прости за прямоту, твоя могила? Меня сюда *виватроном* перенесло?

– Нет-нет, проявитель живых никуда не переносит! – успокоил его Декарт. – Мы встретились там, где вероятность нашей встречи была больше всего. Вот так-то! Разумеется, это местечко знакомо мне лучше, чем тебе. Признаться, мне крупно повезло с аббатством Сен-Жермен де Пре. Только представь себе, это же древняя усыпальница Меровингов! О таком месте захоронения можно только мечтать.

– Да, пожалуй, – произнес Евгений, понимая, что для души усопшего это имело большое значение, особенно для обезглавленного Декарта, болезненно переживавшего за свою голову.

– Кстати, буду тебе признателен, если ты не станешь рассказывать на собрании про *виватрон*, – Декарт положил шляпу на каменный гроб, смущенно снял браслет с калейдоскопом и сунул его за пазуху. – Пусть это будет наш небольшой секрет! Джироламо будет в ярости, если узнает, что я его взял без спроса.

Евгений настороженно свел брови. Его смутило не то, что Ренэ взял что-то без спроса у медика и математика Джироламо Кардано, а то, что Декарт упомянул про некое собрание! Неужели Ренэ снова хочет отправиться с ним в Незримый Коллегиум?

– Ты разыскал меня по заданию *R.C.F.*? Мы что, опять будем проходить некие посвящения?

На Женькином лице проступила неприязненная гримаса. Он прекрасно помнил, чем закончилось его предыдущее посещение небесной крепости. В том сне он, вероятнее всего, пережил клиническую смерть, да еще стал свидетелем перерождения одного из рыцарей Розы-Креста в жуткого демона с огромными крыльями, измазанными копотью.

– Ну, это совсем не то, о чем ты подумал! Вполне естественно, у тебя могли остаться не самые приятные воспоминания о незримом братстве, – Декарт вынул шелковый пла-

точек с бахромульками и приложил его ко лбу. – На этот раз все будет по-другому. Никаких инициаций! Намечается большое собрание, на которое приглашены очень многие, кто вхож или имеет отношение к незримому братству. Послушай, среди прочих достославных братьев и приглашенных гостей ожидают прибытия Авиценны, Томаса Аквинского, Демокрита, возможно, самого Пифагора с Гермесом Египетским! Неужели такое можно пропустить?

– Звучит заманчиво, – мечтательно приподнял брови Евгений.

– Да что же это я? – замешкался Ренэ. – Вот же оно! *«Персональное и весьма приветственное приглашение Высококочтимого Ордена Розы и Креста, адресованное просвещенному эрмиту и философу Eugenii Hyperborei с присовокуплением одного оригинального ключа для пропуска и участия означенного сим лица в большом собрании ученых мужей и прославленных теологов».*

Зачитав перевод витиеватых латинских слов, Декарт передал Евгению конверт, запечатанный сургучной печатью с большими буквами «R.C.F.», вокруг которых порхали крылья. Надломив печать, Евгений вынул из конверта длинный ключ, какие бывали в ходу несколько столетий тому назад. Однако впечатление складывалось такое, что ключ был изготовлен только что – он пылал красным пламенем, от него исходил жар, нисколько, впрочем, не обжигавший руку.

– И что мне с этим делать? – спросил он, показывая ключ

Декарту.

– Собрание состоится в Зале Дверей, войти в него без именного ключа невозможно. Но у нас с тобой еще есть время. Пойдем!

Привычным движением Ренэ махнул рукой, нахлобучил шляпу и вошел в мемориальную плиту, на которой было выгравировано его имя. Потом снова выглянул из плиты и спросил:

– Ты идешь или как?

Евгений уперся взглядом в плиту, через которую предлагал пройти Декарт. Сосредоточившись, вернее, наоборот рассредоточившись, Евгений шагнул в каменную стену следом за Ренэ Декартом... Никакой церкви Сен-Жермен с обратной стороны не оказалось. Они стояли в чистом поле, посреди которого возвышался жертвенник друидов с руническими знаками, а может, дорожный указатель. Вдаль от него уходила дорога, только это была очень необычная дорога! На фоне ярко-зеленого луга ее практически не было видно. Она состояла из тысяч зеркал, а в зеркалах переливались миллионы других зеленых дорожек, уходивших ввысь, до самого неба, насколько хватало глаз!

От лицезрения такой небывальщины в голове возникал суший кавардак. Но подлинный шок Евгений испытал, когда они с Декартом вошли в этот многомерный ярко-зеленый коридор и когда во множестве зеркал во всех проекциях отразились их фигуры. В некоторых зеркалах Евгений видел,

будто он все еще стоит возле указателя и осматривает зеркала снаружи, в других видел, будто он только входит в коридор. В некоторых он видел свою спину, а из некоторых на него тарасился он сам! Но этого события с ним еще не происходило... Он удивленно оглянулся – и понял, что теперь данное событие с ним произошло.

– Это что такое? – обомлел Женич, не понимая, куда его ведет Декарт.

– Не отставай, Женэ, с непривычки здесь можно заблудиться, – предупредил его Декарт. – Никто не знает, как появились эти коридоры. Их называют по-разному – Лабиринт, Мистериум, Роза миров... видишь ли, тут любой переход ведет к какому-нибудь входу или выходу. Так-так, теперь, давай-ка, свернем сюда!

Ренэ остановился напротив зеркала, в котором, вопреки здравому смыслу, Евгений не обнаружил своего отражения. Декарт тоже в нем не отражался, зато в зеркале переливался сказочный портал с красивыми коралловыми сводами. Лазуритовые геометрические орнаменты покрывали портал пестрыми кружевами, распускаясь всюду, словно неведомые райские цветы.

– Дворец маркиза Арагонского, – задумчиво пробормотал Декарт. – Не совсем то, что нам нужно. Однако до Флоренции отсюда рукой подать!

Они вошли в ультрамариновый портал, пульсирующий в нежнейшей оправе оранжево-красных узоров, многократно

отраженных в других отражениях, и вышли из зеркального коридора между двух мавританских врат. Над ними был начертан девиз «*Non plus ultra*». Действительно, к этому совершенству добавить было нечего! Здесь присутствовала только неземная красота, одухотворявшая весь интерьер замка, а вместе с тем преображавшая душу каждого, кто в этой неземной красоте находился.

– Послушай, Ренэ, я очень ценю твой опыт и вообще все то, что ты для меня делаешь, – решил прояснить ситуацию Женич. – Но все-таки хотелось бы хоть что-то понимать. Например, для чего мы отправляемся во Флоренцию? Спору нет, замечательный город! Только какая в том необходимость?

– Замечательный город?! – отозвался Декарт, восприняв его слова почти как оскорбление. – Флоренция, друг мой, это не город – это целая вселенная! Нам назначена одна встреча, на которую мы с тобой не должны опоздать. Поверь, я сам порой не понимаю суть поручений Коллегиума. Если бы я знал больше, думаешь, я бы стал от тебя что-то скрывать?

– Не знаю! Иногда кажется, что ты только этим и занимаешься, скрывая от меня неприятности, которые вскоре произойдут.

Ничего не ответив, Декарт расплылся в самодовольной усмешке, понимая, что в чем-то Евгений был прав. Они вышли из дворца и направились к бордюру садовой клумбы. Ренэ поставил ногу на бордюр, вынул из голенища ботфорт

крохотный футлярчик с блестящим кремом и стал неторопливо натирать то один, то другой сапог. Как только крем впитался, позади ботфорт Декарта, прямо над шпорами, проклюнулись крылья! Аккуратно расправив свои перышки, они стали быстро трепыхаться.

– Ну, вот! – Евгений указал на крылья, выросшие из ботфорт Декарта. – Я же говорю, ты постоянно что-то скрываешь!

– «*Начищенные сапоги окрыляют солдата*»! Наш командир во время осады Ля-Рошеля любил повторять эту фразу, – вспомнил Декарт, вручая Женичу футлярчик с магическим кремом. – Бьюсь об заклад, кто бы ни придумал сей герметический крем, он планировал воспроизвести крылатые сандалии Гермеса, только эксперимент оказался не слишком удачным – начищенная обувь не летает! Но она позволяет мгновенно перемещаться из одной точки в другую. Время действия *герметика* весьма ограничено, так что давай не будем терять время!

Дабы подать пример, Ренэ Декарт поглядел вдаль и сделал размашистый шаг вперед. Он тут же испарился и появился там, куда смотрел – метрах в двадцати от Евгения! После такой впечатляющей демонстрации Женич с энтузиазмом принялся натирать свои ботинки *герметиком*. Дождавшись, когда из ботинок выросли крылья, он тоже посмотрел в сторону Декарта, мысленно пожелав туда переместиться – и в тот же миг оказался рядом с Ренэ, поменяв одну точку располо-

жения в пространстве на другую.

– Ух ты! Вот это да! – поразился Евгений, взглянув на футлярчик с герметическим кремом, который пришлось вернуть Декарту.

– Теперь следи внимательно. Переходим на тот холм, – Ренэ указал рукой направление и исчез, возникнув на возвышенности среди деревьев.

Преодолевая таким образом путь с помощью скороходного *герметика*, сложно было определить, с какой скоростью они передвигались, потому что скорость эта была виртуальной. Телесные ощущения подсказывали, что они сделали не более сорока шагов, хотя в действительности счет шел на десятки километров!

Вскоре перед ними развернулась широкая долина реки Арно с живописным видом на мосты, черепичные крыши и величественный купол собора Санта-Мария дель Фьоре в мягких предвечерних облаках персикового цвета. Евгений почему-то был уверен, что Декарт направится туда – к этому куполу, на внутренней стороне которого располагалась впечатляющая панорама Адовой Бездны и Царства Небесного. Но они стали передвигаться по улочкам, ведущим в ином направлении.

Действие *герметика* прекратилось, и теперь они шли своими ногами. Крылья на обуви то ли исчезли, то ли отвалились. Евгений не обратил на это внимания. Его занимал другой вопрос – для чего, ну, для чего Декарт притащил его

сюда, к этой неприметной церквушке с печальной колокольней? Неужели нельзя было назначить встречу в Галерее Уффици или у статуи Персея с головой Медузы? Неужели во всей Флоренции не нашлось другого места для встречи?

– Вот она, часовня Огниссанти, – с придыханием указал Ренэ.

Понятное дело, во сне нельзя было проверить, существует такая церковь или нет. Евгений ничего не знал про «*часовню Огниссанти*» во Флоренции, так что пришлось поверить Декарту на слово. Перед входом Ренэ снял шляпу, смиренно перекрестившись. Евгений тоже вошел в храм, который был гораздо крупнее часовни и мог легко вместить тысячу человек.

В былые времена здесь было многолюдно. По пышному убранству романских колонн, по обилию света над алтарем можно было представить, какая возвышенная радость царила в этих стенах. Но только было это давно, с тех пор все внутри замерло и опустело. Так бывает, когда из сверкающего ожерелья вынимают самый прекрасный и чистый кристалл. И вроде бы украшение по-прежнему продолжает сверкать и переливаться, но сияние это уже не радует глаз, не греет душу, а доставляет щемящую боль. Именно такое впечатление безутешного страдания от утерянной любви витало в этом светлом и, в то же время, сумрачном храме.

На скамье возле алтаря неподвижно сидел человек в монашеской рясе. Евгений не мог его разглядеть, так как лицо бы-

ло скрыто капюшоном, и когда Декарт приблизился к нему, человек даже не шелохнулся, продолжая оцепенело смотреть в пустоту.

– Брат Алессандро? – попробовал его растормошить Декарт.

– *Qui scit ignem invisibilem...* – безучастно произнес монах, едва шевеля губами.

– *Scit motum latentum,* – продолжил Ренэ свою часть пароля.

Пароли на латинском языке были обычным делом в незримом братстве. В переводе обе части пароля звучали примерно так: «*Кто знает невидимый огонь, знает и скрытое движение*». После этих слов монах, наконец, поднялся и откинул капюшон с головы. Прическа у него была явно не монашеской. Во всяком случае, явно не католической. Длинные вьющиеся волосы свисали ниже плеч, выцветшие серые глаза казались почти белыми и были как будто совсем без зрачков! Он выглядел пугающе измотанным и словно окаменевшим. Его лицо не выражало никаких эмоций. Ни тоски, ни радости, ни страданий, ни желаний, ни жестокости, ни мягкости. Ничего, абсолютно ничего!

– То, что вам нужно, нельзя вносить в храм Божий, – произнес монах.

– А что нам нужно? – настороженно поинтересовался Декарт.

– Идемте, я вам покажу, – ровным голосом ответил он,

повернув к лестничному проходу, через который можно было подняться на колокольню.

Декарт и Евгений молча последовали за ним в колокольню башню, где стали взбираться по крутым ступеням наверх. Там, возле оконного проема, монах поднял котомку, увешенную амулетами, зловещими оберегами, мешочками из крокодиловой кожи, гнутыми рогами, сушеными саламандрами и прочим инвентарем неизвестного происхождения. Отцепив один рог, брат Алессандро выкрутил из него плотно закупоренную пробку. Из открытого рога повалил едкий дым – внутри закипела жидкость!

– *Микстура Драконис*. Весьма опасное и действенное средство, – предупредил монах. – Если вы никогда им не пользовались, запомните – можно сделать только три глотка. Первый глоток позволит лететь, подобно дракону; второй – воспроизводит в телах вторичные демонические признаки; третий – сделает нечувствительным к огню; четвертый – окончательно превратит в дракона, и больше никто не вернет вас к прежнему облику.

С этими словами брат Алессандро пригубил бурлящую микстуру из черного рога, закупорил его обратно пробкой и передал Ренэ Декарту. Некоторое время ничего особенного не происходило, монах повесил сумку через плечо, снова накинуд на голову балахон. Затем на спине у него стремительно отрос горб, который выставился из специального отверстия в одеянии. Брат Алессандро подвигал плечами – и над

головой у него поднялись мощные кожистые крылья. Ничего не объясняя, он встал на подоконник готического окна.

– Не знаю, для чего вам понадобилась эта микстура, – сказал он напоследок. – Но если вы сделаете четвертый глоток, пути назад не будет. Вас станет терзать вечная жажда плоти и крови, которую невозможно утолить.

Не попрощавшись и не сказав больше ни слова, монах выпорхнул в окно, оставив Ренэ и Евгения в полном замешательстве. Декарт старался выглядеть спокойным. Но у него это плохо получалось. Все-таки, что ни говори, речь шла о телесном превращении. Тревогу вызывало именно это! Зачем прибегать к столь рискованному и ужасающему снадобью, если в астрале были доступны другие, вполне безопасные и проверенные способы перемещения?

– Да, похоже, неприятностей нам не избежать, – пробормотал Декарт. – Знаешь, Женэ, а ведь брат Алессандро был когда-то художником.

– Этот монах? Художником? – переспросил Евгений, не представляя себе такое сочетание. – Постой-ка, получается, что это Сандро Боттичелли?

– Он не любит, когда его так называют, – ответил Декарт, подтвердив догадку Евгения. – Так его звали только близкие и друзья, Лоренцо ди Пьерфранческо, Джулиано и Лоренцо ди Медичи. Надо было видеть, какие карнавалы они закатывали! Поговаривают, брат Алессандро нашел в Лабиринте те самые Врата Ада, через которые прошли Данте и Верги-

лий. Несчастный Сандро до сих пор ищет свою возлюбленную красавицу Симонетту.

– Похоже, он думал о ней каждый день, всю свою жизнь, – произнес Евгений с сочувствием. – И даже после смерти не обрел покоя.

– Брат Алессандро находит покой только здесь, когда возвращается в эту церковь, где впервые увидел юную Симонетту и влюбился. Дружище Галилео мне кое-что рассказывал об этом. Ей было тогда всего пятнадцать. Как прекрасна и чиста была она в тот день, когда венчалась с Марко Веспуччи! Никто тогда и подумать не мог, что это место станет гробницей и для нее, и для брата Алессандро. Кто знает, может быть, когда-нибудь они снова здесь встретятся?

Проводив взглядом улетавшее на драконьих крыльях существо, которое сложно было назвать человеком, в котором не осталось ничего от того утонченного флорентийского художника, написавшего «Рождение Венеры», «Весну», «Палладу и кентавра», Декарт с Евгением спустились с колокольни и вышли на улицу. Между ними возник разговор, на который Ренэ давно не мог отважиться.

– Такая любовь, как у брата Алессандро, большая редкость, – вздохнул он. – Конечно, я тоже любил мою бедняжку Элен. Но мне не хватило бы смелости влюбиться в нее так безрассудно. Мой разум был целиком поглощен созданием новой философии. Я надеялся раскрыть сокровенные тайны природы и чисел, а уж потом взяться за мысли и чув-

ства. Мне казалось, что простые правила для руководства ума позволят, в конце концов, познать сам разум – внутреннее устройство всех *res cogitans*. Но это не так, Женэ, нельзя познать разум с помощью придуманных правил. Моя философия рационализма потерпела фиаско.

– И этим воспользовался Люцифер?

– Он знал наперед все изъяны моей философии, все изъяны рационализма! Послушай меня, это очень важно. Люцифер изобрел свою науку, он поставил ненадежное и трусливое *ratio* над естеством природы, над Богом и человеком. Но такой разум, отделенный от божественной мудрости, ни к чему не пригоден, он повинуется Люциферу. Я должен был подвергнуть сомнению философию рационализма еще до того, как ее начнут восхвалять. Да, я должен был видеть дальше! Брат Мерсенн предупреждал меня. Он говорил, что новую науку будут использовать для разрушения веры, нравственных устоев, для уничтожения человечества. Но в молодости я списывал подобные опасения на привязанность моих друзей к отеческой старине и авторитетам схоластики.

– Должно быть, многие творцы науки чувствуют себя обманутыми, – поддержал его Евгений. – Теперь, спустя сотни лет, считается, что каждый ученый – по необходимости безбожник, а каждый безбожник – по необходимости образованный человек и представитель научного мира.

– Да, мрачные пророчества Мерсенна сбылись. Но братство Розы и Креста придумывалось не для того, чтобы вос-

торжествовало безбожие. Напротив, оно создавалось как духовное братство, где не имело бы значения кто ты – католик, протестант, древний эллин, сирийский дервиш или египетский математик. Познание природы виделось нам первым шагом к открытию несметных сокровищ души и Вселенского Разума. Мы верили в грядущее преобразование веры, в возрождение всего человечества. Однако Люцифер все переиначил на свой лад.

– В этом ему нет равных! Знаешь, он ведь опять приходил ко мне в сновидении, – вспомнил Евгений. – Только после пробуждения я почти все забыл. Помню только, что меня напугали какие-то светящиеся круги. Они двигались в воздухе, прямо передо мной!

– Люцифер явно что-то затевает, – задумчиво пробормотал Ренэ. – Он всегда что-то затевает... с тобой, со мной, со всеми!

Они перешли через мост на другой берег реки, где флорентийские улочки становились совсем узкими и похожими одна на другую. Так что Евгений даже запутался. Ему казалось, что Ренэ водит его кругами. Однако после очередного поворота Декарт подошел к кованой двери, которой раньше здесь не было. Он вынул из-за пазухи связку ключей и причудливых отмычек. Покрутив в руках отмычки, Ренэ вставил одну из них в замочную скважину, потянув за дверное кольцо. Внутри показался длинный зеркальный коридор, вернее, сразу три коридора, ведущих в разные стороны. Декарт вы-

брал тот, что справа, и стал углубляться в темное зеркальное пространство.

В зеркалах мелькали фрагменты знакомых архитектурных сооружений. В одном Евгений узнал неповторимые очертания храма Василия Блаженного. Из другого выдвинулись конструкции Эйфелевой башни. Затем его поразила двойная спиралевидная лестница, отразившаяся сразу во множестве зеркал. Чтобы начать движение по ее плавному спуску, достаточно было положить руку на изящные перила.

– Библиотека Ватикана, – объяснил Ренэ Декарт. – Всегда перекрывает остальные коридоры. Раньше приходилось тратить уйму времени, чтобы ее обойти. Но в каждой библиотеке существуют небольшие лазейки, своего рода Лабиринт внутри Лабиринта.

В руке Ренэ блеснули толстые линзы в изогнутой оправе.

– Невооруженным глазом их не разглядишь, слишком острый угол обзора, поэтому приходится использовать гиперскопический *окуляр*...

Как только Декарт нацепил сей *окуляр* на переносицу, из оправы тут же выскочили линзы меньшего размера, и глаза Ренэ скрылись под слоями разноцветных стекляшек. Он медленно поводил головой, что-то разглядывая, потом повернулся бочком и протиснулся в едва заметную щель между зеркалами. Затем из той же щели вытянулась его рука, передавая *окуляр* спутнику. Евгений примерил линзы – и перед ним тоже мгновенно расширилась тонкая спектральная

щель между зеркалами. Теперь он смог через нее пройти или, точнее, просочиться, судя по ощущениям, которые при этом возникали.

Лабиринт внутри Лабиринта оказался тонкой астральной сетью, соединявшей библиотеки между собой. Поэтому вместо Апостольской библиотеки Ватикана они с Декартом вошли в другую библиотеку, не такую обширную, но выполненную с безупречным вкусом, столь же величественную и чудесную. Чередование витых и прямых колонн между книжных полок зрительно умножало количество шкафов, а сплошная окантовка из балкончиков на втором этаже подчеркивала роспись куполообразного потолка, создававшего мистическую ауру, словно это была не библиотека, а самый настоящий храм со своими таинствами, обрядами, иконами, всенощными бдениями.

– Вуа-ля, добро пожаловать в Клементиум, пражский коллегиум Общества Иисуса! – огласил Декарт. – Каждый раз, приходя сюда, волнуюсь как мальчишка!

– Думаю, тебя можно понять, это же штаб-квартира некогда самой могущественной секретной службы, – добавил от себя Евгений.

– Так сложилось! Почти все тайные общества и разведывательные службы создавались по нашему образцу. Мы были первыми во всем. Иезуиты не узнавали секреты – мы их создавали! Мы первыми проникли в Китай. Мы были первыми в науке, осознавая всю недалёковидность Ватикана, пытав-

шегося запретить систему небесных тел Коперника...

Декарт обошел стоявший посреди библиотечного зала астрономический глобус с изображениями знаков зодиака и других созвездий.

– Если бы ни мои воинские обязанности, я бы мог еще при жизни встретить здесь Иоганна Кеплера. Меня восхищал его ум, способность разглядеть вселенскую гармонию в движении планет, в пчелиных сотах, в плодах граната, в каждой пролетающей снежинке. Он видел глубокую связь там, где другие ничего не видят. Даже в самых простых наблюдениях могут скрываться великие тайны, Женэ.

– В каких наблюдениях?

– Например, в простом наблюдении Кеплера, что квадратная упаковка шаров при сжатии дает более плотную треугольную упаковку ромба. Следовательно, квадратное расположение в пространстве не существует без треугольного, и наоборот.

– Напоминает теорему из молекулярной физики, – произнес Евгений, сомневаясь, что Декарту известно о существовании такой науки.

– Речь не только о молекулах, – Декарт обвел рукой библиотеку. – Речь обо всем этом, о том пространственном мире, в котором мы движемся!

– Ты забываешь, что для меня это мнимое пространство. Для меня это только сон! – напомнил Евгений.

– Но существование одного пространства невозможно без

существования другого, – заявил Декарт, подсказывая Евгению следующую мысль.

– Подожди-ка! Выходит, трехмерное пространство – более плотная упаковка четырехмерного, а четырехмерное – более плотная упаковка пятимерного? – от удивления Евгений приподнял бровь.

– Ты быстро схватываешь!

Декарт развернулся и направился к выходу из библиотеки.

– Получается, те образы, которые возникают у меня в голове в данный момент, ты и я – мы существуем в таком пространстве? – не отставал Евгений. – Четырехмерная нервная система создает в пространстве-времени более разряженное, пятимерное пространство?

– Мышление *res cogitans* можно представить таким пространством. В нем материальные тела порождают образы, а образы порождают материальные тела. Мы возникаем из свернутых в пространстве потенциалов. Мы создаем их, влюбляемся в них, мы живем одновременно с ними, и мы исчезаем, когда существующие вместе с нами образы вновь становятся менее плотными.

– Значит, свернуть и развернуть образ – это то же самое, что родиться и умереть или, скажем, проснуться и заснуть? Это как колебание вакуума? Как расширение и сжатие Вселенной?

– Полагаю, с точки зрения живого человека так оно и есть.

– Поэтому действия, которые недоступны в более плот-

ном, свернутом пространстве, доступны в другом, развернутом пространстве, где степень свободы выше?

– Когда обитаешь в астрале достаточно долго, привыкаешь ко всему, что в земной жизни назвал бы выдумкой. Не думаю только, что общий уровень свободы зависит от некоей плотности. Да будет тебе известно, многие, попадая сюда, не могут привыкнуть к тому, что здесь совсем не обязательно пить или употреблять пищу. Это, конечно, поначалу очень удручает.

– Как же вы... – Евгений попробовал подобрать слово, но все равно пришлось использовать каламбур. – Как же вы тогда живете?

– Чтобы полностью восстановить силы, достаточно побывать в небытии – в особом состоянии, которое заменяет сон усопшим. Свобода – колоссальная! Абсурд в том, Женэ, что колоссальная свобода делает нас менее свободными. Видишь ли, она лишает нас чего-то присущего нам. По наитию мы ищем более плотную среду обитания. Впрочем, ты вряд ли это поймешь, – Декарт широко улыбнулся. – Ты вряд ли поймешь, как можно захотеть испытать настоящий голод и жажду, от которых когда-то хотел избавиться.

– Ну, почему же? Порой, у меня самого возникает такое желание. Вот бы снова зимняя сессия! Два дня до экзамена, а у тебя – ни конспектов, ни понимания, как вообще можно хоть что-то выучить!

По-дружески похотав над этим сравнением студенче-

ской и загробной жизни, они вошли в помещение, которое выглядело как продолжение библиотеки с расписным потолком. Но никаких книжных шкафов здесь не было. Декарт остановился между зеркал, висевших на двух противоположных стенах, вытянул ладонь вперед и сделал круговое движение, точно протирая маленькое запотевшее оконце. Под рукой у него тут же проступила поверхность кристалла с силовыми линиями, образующими крест. Расстегнув наэлектризованные линии, словно застежки, Ренэ отошел подальше от кристалла, поверхность которого принялась разрастаться и выбрасывать из себя пластинчатые лепестки – размноженные копии барочных узоров, перемещать плиты под ногами так, что из них складывались иллюзорные орнаменты, менявшие то глубину, то высоту, то угол наклона пола.

– В лунную ночь пражский меридиан открывает коридор в Зал Дверей, – произнес Декарт. – Ничего экстраординарного – таких коридоров тысячи! Трудность не в том, как их отыскать, а в том, как через них пройти.

Они двинулись с места, и только сейчас Евгений почувствовал себя очень странно, как будто он шагал по стене или, вероятнее всего, по потолку! Как будто под ногами переместились не плиточные орнаменты, а поменялось само расположение пола в пространстве.

– Дико извиняюсь, но у меня такое ощущение, что мы идем по потолку. Так и должно быть? – спросил Женич.

– Переориентация скоро пройдет, – успокоил его Декарт. – Тебе кажется, что ты вот-вот упадешь головой вверх?

– Каждый раз, когда поднимаю ногу!

– Пустяки, – отмахнулся Ренэ. – Не обращай внимания!

Евгений доверился Декарту, продолжая шагать дальше вглубь разраставшихся лепестков. Он видел в кристаллических лепестках бесконечный ряд своих отражений, входя в них поочередно. Декарт шел где-то рядом. Его тело тоже двигалось за прозрачными слоями кристаллов, в которых мелькали детали барочного интерьера и расписного потолка. Но вскоре кристаллы почернели. В их черноте стали пролетать ярко-красные языки пламени, от которых приходилось уклоняться. Затем перед путниками выросла сплошная огненная стена.

– Найди в стене замочную скважину!

Исходившее от пламени низкое гудение заглушало голос Декарта, так что Евгений не разобрал ни слова!

– Что?! Я не понимаю! – крикнул ему Евгений.

Вместо объяснений Декарт высунул из внутреннего кармана ключ и помахал им перед глазами. Кивнув ему, Евгений тоже достал свой ключ и стал приглядываться к языкам пламени, за которыми как будто виднелось небольшое отверстие замка. Проникнув в замочную скважину, ключ тут же расплавился – и в пламени возник ровный прямоугольный тоннель, стены которого продолжали бешено полыхать. Декарт открыл соседнюю дверь и скрылся за огненной завесой.

Зажмурив глаза, прислонив ладони к ушам, Евгений вбежал в огненный коридор, полагая, что если двигаться быстро, одежда и волосы не успеют обгореть.

Однако внутри коридора не было никакого жара! Шум от пламени резко прекратился. Затаив дыхание, он вошел в грандиозное помещение с невероятным звездчатым куполом, на котором двигались небесные светила, медленно проплывали фиолетово-лиловые галактики, кружили астероиды, пролетали искрящиеся хвосты комет. Иногда на поверхности купола вспыхивали ленты северных сияний. В них проступали бессмысленные чередования знаков и надписей на различных языках – они могли означать что угодно, и в этом состояло все их очарование.

– Любуешься немеркнущим сводом? – спросил Декарт, поглядывая из-под полов шляпы на сияющий купол. – Кое-кто верит, что он предсказывает будущее, но, говоря по правде, еще никому не удавалось полностью разгадать его послания.

Евгений так увлекся, что ничего не ответил, продолжая смотреть вверх на северное сияние. Как жаль, что во сне не было возможности сфотографировать хотя бы одно такое пророчество! Иначе он бы попытался его расшифровать после пробуждения. Ренэ Декарт жестом пригласил Евгения спуститься по лестнице, которая вела к переходам и множеству других дверей, расположенных ниже. Их было много! Очень много!

Двери постоянно в беспорядке открывались и закрывались на верхних и нижних ярусах. Здесь не было ни одного окна! Вместо оконных проемов стены были покрыты воротами, ажурными порталами и крохотными дверцами. К некоторым дверям вели широкие каменные лестницы, из некоторых выдвигались винтовые ступеньки, кое-где посетителям приходилось ожидать, когда к ним подъедут передвижные лестницы. В то же время многие двери перемещались по стене сами собой.

Глядя сверху вниз на это фантастическое помещение из тысяч дверей, невольно вспоминались ступенчатые миры Пенроуза и литографии Эшера, совмещающие в себе невероятные ракурсы. Только в Зале Дверей такие ракурсы становились вполне вероятными. Здесь встречались перевернутые двери, при выходе из которых нужно было ступать на такие же перевернутые лестницы. Изредка из стен вылетали порталы с невесомыми дверями, которые сами спускались по воздуху.

Во всем огромнейшем зале нельзя было встретить двух одинаковых дверей. Византийский стиль соседствовал с древнеегипетским, средневековая готика перекликалась с персидскими бирюзовыми воротами и диковинными индийскими торанами. Но больше всего внимание привлекали, конечно же, не двери, а люди, выходившие из них. Вон тот ученый в римской тоге вполне мог оказаться легендарным архитектором Витрувием, а этот убеленный сединой бородач в

золотистом тюрбане вполне мог оказаться создателем алгебры аль-Харезми или самим Омаром Хайямом!

По пересекающимся лестницам медленно спускались ученые средневековья, тибетские монахи, вавилонские маги, астрологи, философы, эксцентричные математики, джентльмены в черных смокингах и цилиндрах на головах. Некоторых из них Декарт знал лично и учтиво приподнимал шляпу перед ними. Евгений всматривался в лица, надеясь хоть кого-то узнать. Он терялся в догадках, из каких вселенных, из каких отдаленных времен выходили и выходили эти мыслители. Среди них он был случайным гостем из совершенно другого времени. Ему было немного стыдно представлять на столь почтенном собрании то человечество, которое он знал. Человечество, напичканное *«высокими технологиями»*, которое на деле ничего высокого не создавало, оставляя после себя лишь вопиющее бескультурье и духовную пустыню. Евгений правда не понимал, для чего Ренэ Декарт привел его на это собрание, для чего он вообще мог понадобиться незримому братству *R.C.*?

Преодолев последний лестничный пролет, который шатался под ногами и грозил обрушиться каждый миг, они с облегчением ступили на сверкающий полированный пол, покрытый ромбовидными переходами и разноцветной звездчатой мозаикой. Среди малахитовых колонн и мраморных лестниц прохаживались приглашенные ученые. Некоторые стояли в сторонке, о чем-то секретничая, бросая по сто-

ронам подозрительные взгляды. Кое-где возникали кружки единомышленников, которые отлично между собой ладили и перебрасывались шутками. Возле алхимического фонтана, украшенного тремя статуями – белым единорогом, черным драконом и красным фениксом – проходили какие-то дебаты, в суть которых Евгений не вдавался. Ему был интересен сам фонтан с золотым философским яйцом наверху, из которого изливалась субстанция, периодически менявшая цвет. Внутри жидкости протекал какой-то удивительный процесс автокатализа.

– Только не спрашивай меня, что это за фонтан, – предупредил Декарт. – Одни говорят, в нем три тинктуры, дающие семь при взаимодействии. Другие доказывают, что их десять или девять, а из них возникает тринадцать или двадцать три. Может быть, правы и те, и другие, а может, ни те и ни эти. По мне так весь смысл этой загадки – в самой загадке. Первично не яйцо или птица, но сам принцип того, что всякая птица возникает из яйца, а яйцо возникает из птицы. В первичном состоянии они существуют одновременно.

– Одно невозможно без существования другого... – тихо пробормотал Евгений, не ожидавший увидеть в Зале Дверей столько экзотики. – А когда откроется собрание? Или оно уже началось?

Декарт открыл рот, чтобы ответить, но в тот же миг увидел вдалеке человека, подающего ему знак рукой. Переключившись на своего знакомого, Ренэ снял шляпу и тоже по-

махал ею.

– Пойдем, Женэ, я тебя кое с кем познакомлю!

– *Renato!* Дружище, ты все-таки нашел своего гиперборейца? – человек в бархатном жилете с поднятым воротником обнял Декарта, покосившись на Евгения.

– Ты же знаешь, я всегда иду до конца, когда дело касается заданий Коллегиума, – ответил ему Декарт. – Женэ, позволь представить моего друга и соратника, знаменитого естествоиспытателя Галилео Галилея. А это, как ты уже догадался, тот самый *Eugenius* из Гипербореи!

– М-да, наслышан о ваших феноменальных способностях! Надеюсь, камень заточенного света в надежном укрытии? – озабоченно прошептал Галилей, протягивая руку Евгению.

– Мы же договорились не вспоминать про тот случай в *Porta Lumen...* – оборвал его Ренэ.

– Да-да, я помню! А что с братом Алессандро, он вас дождался?

Декарт рассказал про чудовищную микстуру, которую им вручил Сандро Боттичелли, после чего Галилео нахмурил брови и принялся молчаливо тереть ус. Евгений продолжал стоять рядом с ними, чувствуя, что его присутствие мешает Ренэ и Галилео переговорить о чем-то важном.

– Прошу прощения, я ненадолго отлучусь, – предложил Евгений, указывая на причудливую фреску, занимавшую на стене все свободное пространство между дверями. – Помогите, эти изображения на стене как-то взаимосвязаны.

– *Le Tableau Alquimica!* – утвердительно покачал головой Декарт. – В таблице алхимических элементов каждый ряд и столбец означает трансмутацию мысли с последующими переходами на другие ментальные уровни.

– Вот класс! Таблица алхимических элементов, да это же прямо как таблица Менделеева!

Евгений выкрикнул эти слова так громко, что на него обернулись стоявшие неподалеку ученые, среди которых оказался некто весьма похожий на Дмитрия Ивановича с косматой бородой. Он внимательно осмотрел Женича, после чего слегка склонил корпус, подтверждая тем самым, что он и есть Дмитрий Иванович Менделеев!

Как бы извиняясь за свое нетактичное поведение, Евгений вытянул шею и робко приподнял руку в знак приветствия. Кто бы мог подумать, что на розенкрейцерском собрании можно вот так невзначай повстречаться с профессором Менделеевым? В этом труднодоступном месте, окруженном сплошной огненной стеной, между мыслителями, действительно, происходил некий обмен идеями. Восхищала сама возможность того, что в Зале Дверей в нескольких шагах от Галилея с Декартом стоял Менделеев, который обсуждал потенциальные объемы памяти «*миниатюрного демона*» со своим коллегой, таким же бородатым джентльменом, одетым в длинный сюртук и жилетку с карманными часами на цепочке.

Господи! Да это же был не кто иной, как сам Джеймс

Максвелл! Он в шутку поздравил Дмитрия Ивановича со столь завидной популярностью, а затем стал сокрушаться по поводу научных интриг, в результате которых из его уравнений исключили *«большеразмерное скалярное слагаемое»*, и поэтому он наотрез отказывается признавать *«сей вероломный подлог»* теорией, названной его именем. Конечно, Евгений не имел права вмешиваться в разговор двух великих ученых, он просто остановился поблизости, слушая Джеймса Максвелла с округленными глазами. Выходит, не только картезианская философия рационализма, не только теория иррациональных чисел, но буквально вся история науки была ловко подтасована так, чтобы скрыть от людей глубочайшие глубины, из которых произрастала сама наука, чтобы направить умы подальше от вопросов о подлинном смысле всего сущего, чтобы никто не смел размышлять сверх дозволенного. Именно так – чтобы никто не смел размышлять!

Как машины, ученые больше не вникали в суть. Они жонглировали формулами, не зная, что они означают, подменив слово *«эфир»* другим словом – *«континуум»*, как будто речь шла о давно решенном вопросе. Но в действительности машины ничего не решали. Их задача всегда состояла только в том, чтобы следовать заранее заданным предписаниям, даже если предписания эти вели к сбою системы. Из миллиардов людей, когда-либо изучавших и применявших науку, всего несколько тысяч умов были по-настоящему причастны к созданию тех теорий, которыми располагало человечество. И

большая часть этих умов, вероятно, присутствовала сейчас здесь, в Зале Дверей. Возможно, это было вовсе не помещение даже, не архитектурное сооружение, где собирались ученые различных эпох, а некое ментальное ядро эволюционирующего коллективного сознания.

Джеймс Максвелл, словно подтверждая мысли Евгения, заметил, что никакой *«миниатюрный демон»* не заменит *«живой ум человека»* и сослался на слова Джона Мильтона о том, что *«убить книгу – почти то же самое, что убить человека»*, так что всех присутствующих на этом собрании он делит на *«умерших коллег, чьи книги пока читают»*, и *«дваждыумерших, чьи книги забыты, навсегда утеряны либо их совсем перестали читать»*, относя себя ко второй категории, поскольку его крайне удручал факт незавершенности его теории.

– К сожалению, коллега, наука не занимается истиной, наука занимается наукой, – поддержал его неудовольствие Дмитрий Иванович. – Всякий живой ум, коему посчастливилось испытать озарение, усваивает сие различие между логикой истины и логикой науки. Первая ступает быстро и верно даже с завязанными глазами. Вторая требует множества доказательств, вымеряя каждый шаг с помощью своих инструментов, но завсегда ступает опрометчиво, не поспевая за первой.

Их можно было слушать и слушать! Очень лаконичный и быстрый слог Джеймса Максвелла и тяжеловесный голос

Менделеева, который выглядел гораздо старше Максвелла, хотя, на самом деле, все обстояло как раз наоборот. Но приватный разговор двух ученых, невольным свидетелем которого стал Евгений, терялся в потоке других обсуждений, звучащих под немеркнущим сводом. В этой атмосфере сверкающих звезд хотелось услышать все голоса сразу – сколько всего тогда можно было бы узнать!

И все же Евгений не собирался ходить по залу, чтобы подслушивать участников собрания, не имел такой привычки. Он сосредоточил свое внимание на большой таблице алхимических элементов, покрывавшей таинственными рисунками стену. Некоторые изображения оживали, перемещаясь в промежутках между дверями – другие почему-то оставались едва заметными и неподвижными.

В самом верху алхимической таблицы под старым деревом дремал Первочеловек. Время от времени он как бы раздваивался на Адама и Еву, скрывавших лица под масками Солнца и Луны. Рядом были изображены песочные часы, на которых сидела странная птица с лицом бородатого человека и в золотой короне на голове. Под песочными часами лежал череп, проросший колосьями пшеницы. В стволе дерева имелась дверца, которую охраняла химера с женственным торсом, обвивавшая толстые ветви своим чешуйчатым хвостом. Вот по небу проплыл волшебный корабль. Он сбросил якорь сквозь облака, зацепившись за магическую скалу. Из недр этой скалы поднялся Вулкан – красный гигант с копной

волос, дымившихся от пламени. На другой стороне в колеснице, запряженной двумя сфинксами, промчался бог Кронос, безумно вращающий орбитами глаз. Он удерживал в руке кровавый серп, которым оскопил своего отца Урана, чтобы из морских волн на уровень ниже вышла прекрасная Афродита.

От корней старого дерева расходились три дороги. Одна ввела в лесную чащобу, где обитали сказочные животные, а из земли росла чья-то рука, похожая на дерево с плодами в виде ключей. В том же лесу росло огненное дерево и еще одно дерево, за которым скрывалась Артемида. Рядом с ней в окружении девяти муз на лире играл ее брат-близнец бог Аполлон. Другая тропа проходила через лабиринт в пещеру дракона, кусавшего свой хвост. Третья дорожка была самой длинной. Она доходила до самого края таблицы, где на краю земли сидел крылатый лев, пожирающий диск Солнца, и когда он его проглатывал, на небосводе появлялись звезды, а из туч выходил молодой месяц с улыбкой Джоконды.

Конечно, разглядеть и запомнить все изображения алхимических элементов при всем желании было невозможно. Евгений только мельком осмотрел некоторые из них, прогуливаясь вдоль лестниц и порталов в сторону восточного нефа, под которым расположились индийские математики и пандиды, сидевшие на ковриках для медитации. Может быть, среди них медитировал Панини, знаток ведических гимнов Пингала, толкователь упанишад Шанкара или сам

Бадараяна, а примкнувший к ним человек в европейской одежде, возможно, был философом Шопенгауэром. Приветствуя их, Евгений сомкнул ладони над переносицей в почтительной брахманджале.

– Будь в здравии, о, Женич, незабвеннейший из разгадывателей загадок! – послышался позади старческий голос.

– Это вы мне? – растерявшись, обернулся Евгений. – Кажется, мы где-то уже встречались.

– Встречались, встречались, – умиленно произнес старец, раскачивая свою голову мелкими движениями шеи, как это умеют делать только на Востоке.

Евгений заметил на коврике перед стариком шахматную доску, каждая клетка которой была украшена самоцветными магическими узорами.

– Имхоттэб? – пробубнил Женич неуверенно. – Тот самый мудрец, придумавший шахматы?

– Тот самый, тот самый, – продолжая покачивать головой, улыбнулся ему дервиш, одетый в индиговое покрывало и длинный халат, какие носят жители пустыни.

– Но, послушайте... – поразился он чудаковатому старику. – Это же не книжка про шахматы, не сказка про могущественного джина, заточенного в кувшине! Как вам удалось сюда проникнуть?

– Был заточенный джин, и кувшин был! – назидательно вытянув вверх указательный палец, произнес тот. – Имхоттэб может создать и уничтожить тысячу кувшинов, но ни один

кувшин не может ни создать, ни уничтожить Имхоттэба!

Вспомнив, что спорить со стариком бесполезно, Евгений тут же с ним согласился и отвесил вежливый поклон. После чего Имхоттэб шевельнул рукой – и лежавший перед ним магический квадрат 8 на 8 из 64 клеток приподнялся в воздух, разделившись на части, а потом вновь собрался, но уже в виде прямоугольной фигуры 5 на 13, состоявшей из 65 клеток.

– Вот ответ на твой вопрос, как Имхоттэб проник сюда, о драгоценнейший друг моего сердца! – торжествующе развел руками дервиш.

– Ты прошел сквозь огненную стену без ключа?

– Познай магию одного ключа – и познаешь магию всех ключей...

После этих слов центральная клетка прямоугольника открылась, и из нее поднялся ключ. Почти такой же Ренэ Декарт вручил Евгению в конверте с надписью «*R.C.F.*».

– Ну, хорошо, предположим, ты сам себе создал ключ, – незаметно для себя Евгений перешел с ним на «*ты*». – Только причем тут магический квадрат? Не хочу тебя расстраивать, но все знают этот фокус. Когда квадрат разрезается на два треугольника и две трапеции, а затем собирается в виде прямоугольника, его диагональ внутри становится неравномерной по толщине. Вот, откуда берется дополнительная 65 клетка, увеличивающая площадь фигуры.

– Никто ничего не знает! – упорствовал старик. – Скажи, неужели Имхоттэб такой глупец, что не заметил, откуда бе-

рется клетка? Вместо этого глупейшего объяснения понять другое ты должен!

– Понять что? – внимательно вслушиваясь, спросил Женич.

– Понять ты должен, отчего толщина стала неравномерной и отчего она равна одной клетке?

Мудрец замер, ожидая ответ на поставленный вопрос. Действительно, во всех толкованиях этой популярной головоломки всегда упускалась самая важная деталь – почему диагональ утолщалась ровно на одну клетку? Между тем именно в этом замечательном свойстве заключалась вся суть головоломки.

– Внешнее пространство может перейти во внутреннее... если для фигуры выполняется некое преобразование, – принялся рассуждать Женич вслух. – Преобразование, искривляющее пространство так, чтобы внешнее могло становиться внутренним, а внутреннее – внешним. Выходит, всякий ключ и есть такое преобразование.

– Верно, о, Женич, да продлятся твои дни! – старик просиял от радости, хлопнув в ладоши. – Ты познал магию одного ключа!

Дервиш поводил рукой над прямоугольником 5 на 13 клеток – и фигура вновь собралась в виде квадрата 8 на 8 клеток. Евгений еще раз с почтением поклонился старику, хотя ничего вразумительного из его урока не усвоил. Впрочем, когда-то загадка Хоттабыча про пшеничные зерна здорово

ему помогла в одном сновидении. Он как раз собирался рассказать об этом дервишу, но, подняв голову, никого перед собой не увидел. Имхоттэб или мудрец, придумавший шахматы, – кем бы он ни был – просто-напросто исчез вместе со своим ковриком и шахматной доской. Похоже, этот старик, путешествующий в астрале, мог перемещаться не только из книги в книгу. Судя по всему, ему были доступны внетелесные состояния куда более высокого порядка.

Евгений отдавал себе отчет в том, что находится в мнимом пространстве, где все события были подчинены логике сна. Поэтому внезапное появление и исчезновение мудреца было воспринято им как должное. В его подсознании могли параллельно решаться сразу многие задачи: и геометрический трюк дервиша с искривлением пространства, и намек на скалярные вектора в электродинамике Максвелла, и преобразования Галилея, и таблица химических элементов Менделеева, – все это вместе взятое могло содержать верную мысль, которую пока никто не сформулировал.

В подобного рода сновидениях не было ничего бессмысленного. Бессмысленным было как раз отрицание реальности сновиденческого инобытия – всех этих чудодейственных образов, без которых всякая культура деградировала, теряя способность к передаче духовного опыта.

– Достопочтенные философы Запада и Востока, благородные брамины Юга и Севера, незримые старейшины, просвещенные наставники, благочестивые братья! – разнеслось по

залу громкое эхо. – Мы вновь собрались с вами под этим сводом, дабы известить друг друга о славных делах и достижениях в познании сил природы и разума, коими наделен сей универсум. Невзирая на времена, разделяющие нас в астральной протяженности, мы едины в неустанном стремлении нашем к Премудрости Божией.

На золотистом театральном подиуме, возведенном посреди Зала Дверей, стоял невысокого роста глашатай, открывавший собрание и приветствовавший всех участников в превосходных эпитетах, заранее извиняясь, что не может назвать каждого приглашенного поименно.

– Пфальцграф *Michael Maierus*, доктор медицины, спикер собрания, – прокомментировал Ренэ, подойдя к Евгению со спины и прикрыв перчаткой подбородок, чтобы никто не мог прочесть по губам, о чем он говорит. – Один из тех заговорщиков, на которых Общество Иисуса объявило охоту. Всегда славился красноречием. Попадись он мне в Праге, пришлось бы его арестовать, возможно, даже убить.

– М-да, странные у вас взаимоотношения в братстве, – пробубнил Женич, считавший доктора Майера с его музыкально-алхимическим трактатом «*Atalanta Fugiens*» чуть ли не главой всего ордена. – Мне казалось, он и есть Христиан Розенкрейц, основатель братства и таинственный отец *C.R.*

– Женэ, мы же с тобой говорили об этом, – ворчливо напомнил Ренэ. – Под духовным отцом *C.R.* подразумевалась книжная мудрость, уцелевшие античные тексты, толко-

вания пророчеств, не более того. Мистический орден Розы и Креста получил название от древних символов посвящения, а вовсе не от имени Христиана Розенкрейца, хотя псевдоним этот, несомненно, имел физический оттиск в лице князя Христиана Анхальтского, политического авантюриста, мечтавшего во что бы то ни стало свергнуть династию Габсбургов. Именно ему верой и правдой служил Михаэль Майер, вплоть до битвы у Белой Горы.

– Но ведь главным зачинщиком мятежа против Габсбургов был Фридрих Пфальцский, это его в 1620 году провозгласили королем Богемии...

– Курфюрст Фридрих был пешкой в руках князя Анхальтского, – возразил Ренэ Декарт, решивший провести небольшой экскурс в хитросплетения истории. – Заговорщики избрали его своим вождем, так как надеялись на помощь короля Англии Якова I, который приходился отцом принцессе Елизавете, супруге Фридриха. Но Яков I предпочел бросить собственную дочь на произвол судьбы. Поддержка заговорщиков не входила в его планы, ему нужна была бойня в империи Габсбургов, и он ее получил. Вот так, Женэ, Британия всегда одурачивала Германию. Хочешь дам совет на будущее? Никогда не заключай договора с англичанами, ибо это самый верный признак того, что они его нарушат.

В голове Евгения, пожалуй, впервые выстроились в четкую систему запутанные обстоятельства, при которых зародилось братство Розы и Креста и которые до сих пор продол-

жали загадочным образом дозвлет над участниками тех событий. В самом деле, почему здесь, в астрале, бывшие враги продолжали считать себя розокрестными братьями? Для чего продолжал существовать этот потусторонний Незримый Коллегиум?

Евгений немного отвлекся от своих размышлений, потому что на подиум, увитый позолоченной лепниной с алхимическими знаками семи планет, поднялся философ, которого доктор Майер представил Гермесом Триждывеличайшим. Он был одет очень скромно, совершенно не так, как его изображают в книжках – то полубогом с головой собаки, то египетским жрецом, то древнегреческим богом Гермесом с крылатыми сандалиями и змеиным скипетром. Здесь же перед учеными появился простоватый пастух в изношенной одежде, опиравшийся на обыкновенную трость из дерева.

– Да, *Hermes Trismegistus*, – с горечью произнес он. – Так меня величают, но взгляните на одежды мои, и вы узрите нищету мою, ибо я пришел к вам ни с чем. Что сказать вам, просвещенные мужи? Мне покорялись цари, великие мудрецы и народы, обширные земли лежали подле ног моих, но сейчас мне нечего вам дать. Вы сами не хуже меня знаете, что наши астральные сферы погружаются в беспросветную тьму. Мистериум наводняют неведомые нам демонические создания, хаос нечистот и безумия овладевает умами ныне живущих в телесном мире, связь с которыми была нами утрачена. Многие из вас по-прежнему почитают начер-

танную мной Изумрудную скрижаль как неисчерпаемую сокровищницу мудрости. Но должен предупредить каждого из вас – мудрости этой недостаточно для защиты разума от натиска темных сил! Как нерожденное дитя не имеет защиты от собственной матери, решившей избавиться свое чрево от плода, так же и мы оказались беззащитны перед наступлением сумерек человеческого сознания. Апостолы Тьмы вырвались из преисподней, повсюду разнося проказу разложения.

Что сказать вам у края той бездны, куда нас толкает опустошительный смерч всеобщего помешательства? Слишком долго мы спорили не о том! Слишком отстраненно взирали мы на дурные предзнаменования, наивно полагая, что они нас ни в коей мере не коснутся, и Господь покарал нас за нашу гордыню. Но нельзя впадать в отчаянье, братья! Мы не должны давать волю своим страхам и сомнениям, когда временно попираются законы воздаяния, когда сам дьявол вошел в тела человеческие. Близится эпоха великого Разделения и великого Очищения, близится то время, когда будут раскрыты злые козни нашего врага. Поэтому хочу пожелать вам одного – постигните Разум, братья, постигните его божественные таинства так глубоко, как только сможете, ибо в нем одном заключена Тайна тайн и Свет всего света.

После выступления Гермеса Трисмегиста, астрологи выступили с предупреждениями о великом потопе, который будет «изливаться из чаши Водолея», затем теологи приступили к разбирательствам апокалипсических бедствий, которые

должны обрушиться на племена и земли, и весь род человеческий, «*покуда земля не изменит свой облик*». Между тем Евгений продолжал переговариваться с Декартом.

– Так значит, подлинным инициатором создания братства Розы и Креста являлся Кристиан Анхальтский? Розенкрейцерские аллегории, эзотерические послания, сакральные знаки были нужны заговорщикам как прикрытие для банальных политических интриг?

– Инициатором? О, конечно же, нет! Мысль о грядущем тысячелетнем царстве просвещенных иллюминатов князю Анхальтскому внушил знаменитый геометр, заклинатель демонов и глава секретной службы Ее Величества Джон Ди. Он был первым, кто догадался, какую пользу британская корона может извлечь из ереси тамплиеров, если направить ее соответствующим образом в нужное русло.

– Ренэ, если бы ты знал, какая страшная мировая война была развязана в XX веке под тем же предлогом создания «*тысячелетнего Рейха*»!

– Война перевернутого креста, здесь мы ее так называем, – прикрываясь перчаткой, отозвался Декарт. – Теперь понимаешь, что это не шутки? Ты можешь не верить в реальность этого незримого собрания, можешь не верить в реальность моего существования. Но мы с тобой говорим о реальных убийствах в телесном мире, об истреблении реальных людей. Тамплиеры никогда не прекращали свою войну, их вера в одно единственное для всех государство не пропала бесслед-

но. Наоборот, после своего разрыва с Церковью Христовой они обрели полную свободу действий, создав самое могущественное, скрытое от посторонних глаз царство антихриста.

– То есть после разрыва с Ватиканом? Не хочешь ли ты сказать, что падение ордена тамплиеров было хорошо продуманной инсценировкой?

– Вообще, это был заговор внутри заговорщиков, – мрачно поправил Декарт. – Когда пытали воинов Христа, преданных великому магистру де Моле, когда его самого прилюдно сожгли на костре, к этому времени он уже не являлся главой ордена. Как рокировка в шахматах, Женэ! Под удар поставили туру, а настоящего короля вывели на край доски. Иначе Филипп Красивый, захватив Тэмпл, стал бы самым влиятельным монархом Европы. Но этого не произошло. Не верь в глупые рассказы, будто сам Римский Папа придумал вздор про черную магию, чтобы расправиться с Орденом Храма.

Зачем ему это, если Орден и так находился в личном подчинении у Понтифика? Если бы Папа захотел распустить Орден, он бы издал буллу о переводе всей казны Тэмпла в Рим, и тамплиеры бы не посмели ослушаться приказа. Не будь простаком, Женэ! Где богатство – там и коварство. Неужели ты веришь, будто часть тамплиеров каким-то чудом успела покинуть Францию, чтобы спастись от гонений в Англии? Да они просто оболванили короля Филиппа, а тот оболванил Папу Климента V, который поначалу решил, что это фе-

одальная распря и даже встал на защиту Ордена. Вся правда в том, что тамплиеры сами жаждали порвать отношения с Ватиканом. Они сами подготовили себе пятницу 13 числа октября месяца 1307 года. И всегда, слышишь, всегда, когда им нужно было развязать войну, они устраивали себе такое же показное самобичевание – вероломное нападение на самих себя.

Надо признать, откровения Ренэ прозвучали для Евгения как гром среди ясного неба, потому что в таком случае выходило, что множество невесть откуда расплодившихся книжек, статей, телепередач про тамплиеров тиражировали одну и ту же однобокую версию о разгроме якобы ни в чем не повинных бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова, таких образчиков христианской добродетели. Почему же историки ничего не говорили о том, что подлинная ересь тамплиеров была связана с хронологией и толкованиями библейских пророчеств? Почему историки скрывали, что катализатором Тридцатилетней войны 1618 – 1648 годов было, по сути, то же самое лжепророчество о «*тысячелетнем Рейхе*», которое три века спустя было подсунуто Адольфу Гитлеру?

– Господа, не хочу показаться неблаговоспитанным, но за вами наблюдают, – поклонившись Декарту, произнес пожилой ученый с тонкими чертами лица и окладистой бородкой поверх английского круглого ворота, в черной ермолке, в такой же черной куртке и в дутых рифленых панталонах.

– Высокочтимый брат *Ioh*, какая великая честь!

Ренэ учтиво снял шляпу перед ученым, взглянув исподлобья на готическую арку неподалеку, в тени которой стояла загадочная фигура. Разглядеть одежду и лицо наблюдавшего за ними человека не представлялось возможным, однако его рука с рубиновым перстнем, нервно постукивающая пальцами, лежала на ярко освещенных перилах, так что было совершенно очевидно – таинственный гость смотрит вовсе не на сцену, а пристально следит за тем, как перешептываются Ренэ Декарт и Евгений.

– Брат *I.S.*, – произнес Ренэ, не то вопросительно, не то утвердительно.

– Полагаю, он самый... – подтвердил пожилой ученый. – Ах да, позвольте представиться, милостью Божией теолог и математик *Johann Valentin Andreae*. Вы же, если мне не изменяет память, школяр Королевского колледжа *Eugenio Hiperboreus*. Мне довелось побывать на вашей инициации – поистине чудовищная трагедия! Демон Каббалаим в облики одного из архонтов Коллегиума! Изгнать его из Мистериума было не так просто...

– Брат *Ioh*, ты меня тогда неправильно понял. Он не учился в колледже Генриха Великого, – вмешался Ренэ, положив руку на плечо Андреэ. – Студиус Женэ жил в XXI веке.

От этих пассажей Евгений побледнел и остолбенел одновременно. Ему не послышалось, перед ним стоял Иоганн Валентин Андреэ, автор «Химической свадьбы Христиана Ро-

зенкрейца», которому иногда приписывали первые розенкрейцерские манифесты. И да – ему не послышалось, Ренэ Декарт упомянул о жизни Евгения именно в прошедшем времени! Когда тебя считают уже умершим, хотя ты знаешь, что ты еще живешь, ничего приятного в этом нет. Но интеллигентный Андреэ, судя по выражению лица, был потрясен не меньше. Немигающим взглядом он посмотрел на Ренэ, как бы вопрошая, неужели Евгений и вправду переместился в сон Декарта из XXI века?

По разным причинам продолжать разговор никто из них не хотел. Благо, что прения астрологов подошли к концу, и теперь на сцене в Зале Дверей разворачивалось театральное действо. Ренэ Декарт, Иоганн Валентин Андреэ и Евгений стали внимательно наблюдать за представлением. Над сценой повисли два Солнца и две Луны. Под их остроконечными лучами выросла зеленая пирамида, которой поклонялись люди с головами саранчи. Они изготовили для пигмеев с разноцветной кожей разговаривающую раковину и ужасающие кривые зеркала, которые летали, создавая отражения людей. Возрадовавшись этому, люди с головами саранчи предались прелюбодейским пляскам. Но вот грянул гром – и в пирамиду ударила молния, расколов ее на две части. Из расколотой пирамиды вышел зверь с козлиной головой. Он принялся швырять горящие стрелы в людей. Вокруг убитых поднялось облако дыма, и все померкло.

В темноте заблестела новая звезда, и ангел стоял на ней.

Держа в руке чашу, он поливал землю со всех сторон. Вместо пирамиды на сцене появилась другая картина – три волны всемирного потопа, как бы поедали три хрустальных города. Из земли выползали люди-муравьи, люди-скорпионы, люди-стрекозы. Их по очереди давил конь в железных доспехах, кативший по сцене страшное колесо, и на вершину этого колеса поднимались различные флаги, знаки, гербы. Зверь изрекал пророчества, указывая перстом на ложное Солнце и Луну. И вот зверь поднялся, чтобы сразиться с ангелом, и они воевали, пока ангел не сбросил ложные солнце и луну на рога зверя. Под занавес действия ангел спустился на землю в летающем городе, возвысил руки в молитве – и волны потопа расступились. За ними засияла радуга и лучезарная природа.

На позолоченную сцену вышел доктор Майер, элегантно поклонившись, он поблагодарил всех за аплодисменты и объявил перерыв перед второй частью большого собрания.

– Превосходно! – с видом театрального знатока похвалил постановку Декарт.

– Комбинации символов, – философски заметил Андреэ. – Они помогают Творцу скрыть то, что должно оставаться скрытым. И они сводят с ума тех, кто думает, что знания символов достаточно для знания истины. Если бы мы понимали это в земной жизни нашей, многих ошибок можно было бы избежать, не так ли, *Renato*?

– Когда-то нас всех ослеплял свет двух Солнц и двух Лун,

и никто не мог разобрать, где истина, а где ложь, – согласился Декарт. – Да, мы были обмануты Люцифером, но без нашего горького опыта Незримый Коллегиум не продолжил бы свою деятельность в астрале. Здесь мы стали понимать больше, но все же память продолжает терзать нас за каждую невинную жертву тех братоубийственных баталий.

– Позвольте засвидетельствовать свое почтение, – обратился к Евгению господин в суконном жакете, с кожаным мешочком на поясе и мечом весьма искусной работы. – Доктор Филипп-Теофраст Парацельс фон Гогенхайм, странствующий пилигрим и алхимик.

– Доктор Парацельс? – Евгений радостно протянул ему руку. – Очень приятно, признаться, я никогда не видел сразу столько прославленных ученых вместе. Прошу меня извинить, если мои манеры покажутся вам неловкими. В моем веке люди разучились общаться с должным почтением, и теперь никто не раскланивается в знак уважения.

– Ну их, к черту, эти поклоны! – поднял руку Парацельс. – Лучше вовсе не знать никаких манер, чем становится невольным их заложником! Все эти знаки уважения придумали лицедеи, для того чтобы оболванивать друг друга.

– Хм-км, – Ренэ Декарт побряхтел в перчатку, не согласившись с Парацельсом в том, что обходительные манеры всегда являются признаком обмана.

– А что, я не прав? – покрутил головой Филипп-Теофраст, поглядывая на Декарта с Андреэ. – Эти двое – чем не лице-

деи? Просвещенный вольнодумец с душой иезуита и сочинитель невинных пьес, плетущий дворцовые заговоры. Что, правда глаза режет?

Парацельс обладал каким-то природным талантом привлекать к себе внимание. Он говорил прямо в лоб то, о чем думает, при этом каким-то образом умудрялся никого не обидеть. Что началось дальше – трудно передать словами! Видимо, слух о том, что Ренэ Декарт разыскал «*чужестранного гиперборейца*», быстро разлетелся по всему залу, и к ним стали подходить другие мыслители, имена которых были вписаны в историю человеческой культуры золотыми буквами.

Доктор Парацельс не преминул воспользоваться скоплением ученых мужей и громко попросил Евгения подтвердить либо опровергнуть его слова о том, что «*Московия, сиречь Тартария или Гиперборея, одержала верх в войне с перевернутым крестом*», поскольку часть присутствующих на собрании розенкрейцеров не верила, что малознакомая им северная страна способна на такой подвиг. Евгений, ни о чем не подозревая, стал им рассказывать, что теперь эта северная страна больше известна как Россия и что народам этой страны, действительно, каждое столетие приходится отбиваться от легионов Тьмы.

– Во всем мире воинам Хаоса противостоит только Гиперборея? Разве в это можно поверить? – донесся возглас из толпы.

– Разумеется, нет, я об этом и не говорил! – возразил Евгений. – Но существует причина, по которой антихрист питает особую ненависть к моей стране, пока Гиперборея поддерживает баланс сил между Западом и Востоком, враждующие народы не в состоянии поработить или уничтожить друг друга.

– Возможно ли это, чтобы всехристианнейшая Европа вела войну с целью истребления какой бы то ни было расы? Не стану отрицать, наши благородные рыцари воевали за Гроб Господень, мы часто вступали в религиозные усобицы, но ваше обвинение совершенно абсурдно! Как могут наши потомки, пережив ужасы войн и эпидемий, убивать другие народы ради самой идеи убийства?

От этих слов Евгений бессильно развел руками. Вокруг него стояли выдающиеся просветители и европейские гуманисты, им было трудно поверить в то, что страны Запада будут воевать под знаменами антихриста. Возмущение среди них нарастало.

– Он прав, – раздался голос незримого брата, который старался держаться подальше от толпы. – Я имею в виду гиперборейца! Враг рода человеческого явит себя на Западе, нравится вам это или нет. Война перевернутого креста временно ослабит Зверя, но в следующем веке он обретет прежнюю силу и повторно нападет на Гиперборею, и это произойдет тогда, когда в той стране будет править человек с неустрашимым сердцем.

Евгений не сразу узнал пришедшего ему на выручку ученого в средневековой шапочке – им оказался *Michael Nostradamus*, секретарь незримого братства, которого Евгений уже видел во сне Декарта. Нострадамус прочел всего один катрен, наделавший в свое время много шума:

*«L'an mil neuf cent nonante neuf sept mois,
Du ciel viendra un grand Roy d'effrayeur
Ressusciter le grand Roy d'Angoumois
Avant après Mars regner par bonheur».*

Он прочел его именно так, на среднем диалекте французского. Пророчество гласило, что в 1999 году на седьмой месяц с неба придет грозный царь, который воскресит великого короля Ангулема и будет править праведно до и после Марса. Евгений читал различные толкования этого пророчества, но никогда не слышал, как оно звучит в оригинале, тем более не мог рассчитывать услышать его из уст самого Нострадамуса. Он вежливо поклонился секретарю Коллегиума, подтвердив, что такой правитель, действительно, появился в России в 1999 году на седьмой месяц по старому стилю и, хотя царей в Гиперборее нет, его полномочия продлевались в Марте месяце, посвященном богу Марсу. Впрочем, это вряд ли убедило тех, кто не верил в существование России или некой мифической северной страны Гиперборей.

– А как наш «гипербореец» объяснит воскрешение великого короля Ангулема? Или медицина в Гиперборее шагнет так далеко, что короля Франции Генриха II Ангулемского

воскресят из мертвых спустя четыреста сорок лет после его кончины? – продолжал возмущаться скептически ко всему настроенный монах-алхимик. – Или, быть может, сам брат *M.N.* раскроет тайнство воскрешения Генриха II, ранение и смерть которого он со столь поразительной точностью предругадал в другом своем четверостишии?

– Воскрешение бывает телесным, когда сердце убитого вновь начинает биться, духовным, когда в ином теле повторяется образ души, а также иносказательным, когда возобновляется характерный образ действий. В данном случае речь идет о третьем, – взял слово Мишель Нострадамус. – Когда черное знамя антихриста будет стоять под Дамаском, христианский правитель Гипербореи, подобно великому королю Ангулемскому, заключит союз с магометянами Востока и сразит черное знамя небесным огнем.

Поразмыслив немного, Нострадамус добавил:

– Наблюдая, какие действия повторяются, а какие нет, земледельцы по одному весеннему дню могут предугадать урожайным будет год или нет. В этом вечном возобновлении по характерному образу действий и состоит тайнство натурального воскрешения, вытекающее из самой природы времени.

После подробных разъяснений Нострадамуса Евгению задали еще пару вопросов, но больше никто не делал категорических высказываний против «*чужестранного гиперборейца*». Евгений стоял среди всех этих мудрецов, не понимая,

что здесь все-таки происходит, почему он отвечал на их вопросы? По логике вещей, это он должен был задавать им вопросы. Но порядок событий выстраивался в Зале Дверей в парадоксальную структуру, выходящую за рамки здравого смысла. Евгений в очередной раз убедился в этом, когда доктор Майер объявил со сцены о начале второй части собрания, предупредив, что она будет *«всецело секретной, покрытой завесой непреложного обета и тайны братства Розы и Креста»*, что разглашать ее содержание не дозволительно будет никому из присутствующих.

После этих слов по залу прокатился ужасающий гул, напоминающий металлический скрежет, и под ногами покачнулся пол, как при землетрясении. В высоте от немеркнущего свода отделилось как бы великое облако света, которое удерживалось бесчисленным множеством крыл. Незримые братья, как и во сне Декарта, стали общаться при помощи мысли, не произнося при этом никаких звуков.

Некоторые из них исчезали, превращаясь в светящиеся сгустки энергии или, быть может, в шаровые молнии. Они могли свободно парить по воздуху. Иногда крылатое облако притягивало их и отпускало, точно раздавая задания. Но даже если бы Евгений запомнил эти телепатические голоса, он бы все равно не смог ничего о них рассказать. Так бывает в сновидениях, когда сновидец знает, что с ним нечто происходило и что он являлся соучастником неких событий, но после пробуждения обнаруживает, что совершенно не в со-

стоянии объяснить, что это было и что именно он видел.

– Ты как, *Eugenio*? Надеюсь, мы тебя не слишком напугали? – спросил у него Нострадамус, когда кружащееся сонмы крыл подняли облако света обратно к немеркнущему своду.

– Мало кто побывал в Зале Дверей при жизни, – вмешался Иоганн Валентин Андреэ. – Вы же понимаете, как это может закончиться для воплощенной души.

– Да и после смерти не каждый получает приглашение, – шепнул на ухо Ренэ Декарт, как ни в чем не бывало, поправляя широкополую шляпу.

– Кажется, я в порядке, – медленно промямлил Евгений, приходя в чувства. – Если, конечно, данный термин применим к этому месту.

– Что я говорил, у него отличное чувство юмора! – рассмеялся Ренэ, по-дружески подтолкнув Парацельса.

– Боюсь, вас не обрадует то, что я вам сейчас скажу. Нашего астрального гостя ожидает брат *I.S.*, это он настоял на его приглашении, – произнес Нострадамус, обращаясь ко всем.

Быстро оглянувшись на арку, в тени которой все так же скрывался таинственный наблюдатель, предпочитавший никому не показываться на глаза, Ренэ Декарт протестующее помотал головой, а потом неожиданно схватил Евгения за рукав и отвел в сторонку.

– Женэ, как бы тебе сказать, будь с ним поосторожней, ладно? Не хотел тебе говорить, но брат *I.S.* якшался с тамплиерами, и он не перестал этого делать в астрале, заняв вы-

сокое положение в незримом братстве. Кое-кто уверяет, что он служил Люциферу и остался ему верен! Никто не знает, что у него на уме. Поэтому запомни, здесь никому нельзя доверять, даже мне. В мире духов каждая душа сама за себя в ответе. Ну все, Женэ, теперь с Богом, ступай!

Чтобы приободрить Евгения, Декарт поднял руку и посту- чал пальцем по своему виску:

– Главное не теряй голову, Женэ, – усмехнулся он, прово- жая его взглядом.

Евгений натянуто улыбнулся, поняв мрачную шутку Де- карта, и неохотно побрел к арке.

– Ренэ, а кто такой этот брат *I.S.*? – спросил он, обернув- шись. – В смысле, может быть, я о нем что-то знаю?

– Кто такой брат *I.S.*? – удивленно переспросил Ренэ. – Разумеется, знаешь! Полагаю, в телесном мире нет человека, который не знал бы, кто такой сир Исаак Ньютон.

Эпизод седьмой.

Пандемониум. *Sub umbra alarum*

Неведомая сила с легкостью привела в движение готическую арку, и темный портал медленно поплыл вверх – к волнам северного сияния, пробежавшим по немеркнущему своду Зала Дверей. Они стояли рядом, совсем как случайные попутчики, которые оказываются на короткое время в одном лифте, – член Королевского общества сир Исаак Ньютон и Евгений, и оба почему-то молчали. Ньютон выглядел слишком отстраненным – ему как будто не хотелось ни с кем говорить. Могло даже показаться, что он считал ниже своего достоинства общаться с чужестранцем, приглашенным на большое розенкрейцеровское собрание.

– *Cartes*, – задумчиво произнес Ньютон. – Меня восхищали его «*Principia Philosophiae*», он был моим кумиром когда-то.

Евгений взглянул вниз, где среди многочисленной братии ученых еще можно было разглядеть шляпу Декарта с пышными перьями. Судя по всему, Ньютон наконец решил завязать разговор, хотя от него все равно исходила какая-то холодная неприязнь.

– А сейчас? – осторожно спросил Евгений.

– Сейчас? – сир Ньютон недовольно отвел взгляд в сторону и с важным видом поправил широкий рукав роскошной мантии. – Он же француз, и к тому же католик! Могу себе представить, что он обо мне наговорил. Брат *I.S.* – тамплиер и слуга Люцифера. Я не прав?

На этот риторический вопрос Евгений смог лишь пожать плечами.

– Надеюсь, между нами не возникнет таких непреодолимых разногласий, как с Декартом, – добавил Исаак Ньютон. – Скоро, *Eugenio*, ты сам убедишься, что никакой разведки не бывает без контрразведки. Тех же иезуитов, к примеру, погубила вера в их собственную непогрешимость. Они порой могли усмотреть соринку в глазу у других, а у себя бревна не замечали.

– Почему не замечали? Ренэ рассказывал, что за Римско-Католической церковью стояли те же самые заговорщики, с которыми Общество Иисуса вело борьбу среди протестантских проповедников. За открытие этой тайны он и поплатился своей головой.

– Если он рассказал тебе о своих сношениях с иезуитами, значит, он тебе доверяет. Это хорошо, очень хорошо... Картезий один из немногих, кто сумел разобраться что к чему в этом Великом Делании, где каждый выполняет ровно ту работу, на которую хватает ума.

Парящая по воздуху готическая арка приблизилась к северному сиянию, в котором вспыхивали таинственные

знаки и предсказания, и беспрепятственно прошла сквозь ярко-фиолетовую галактическую туманность немеркнувшего свода. Там, с обратной стороны галактики, в огненной стене возник длинный коридор, уходивший во тьму Лабиринта.

– Должно быть, тебя мучают сомнения, – произнес Ньютон перед входом в Лабиринт. – Если ты меня считаешь вассалом Люцифера, ты вправе отказаться следовать за мной. Кажется, твой друг *Cartes* предлагал считать заведомо ложным все то, что вызывает у нас сомнение, ибо мы заблуждаемся тогда и только тогда, когда вещь недостаточно нами осмыслена – *res non satis percepta*.

– Но, сир, если я не последую за вами, разве это избавит меня от сомнений? – спросил Евгений. – Если все сомнительное считать заведомо ложным, вместе с заблуждениями можно отбросить и зерно истины. Думаю, есть только один способ проверить это наверняка.

– В таком случае, молодой человек, следуйте за мной. Не могу ничего обещать, но я постараюсь быть предельно честным, насколько это возможно, учитывая данные обстоятельства.

Взметнув профессорской мантией, сир Исаак Ньютон быстрыми шагами устремился в черный коридор. Он действительно производил впечатление незаурядного человека – настоящего аристократа мысли, подлинное величие которого состояло не в системном изложении теории всемирного тяготения, не в открытии метода флюкций или дифферен-

циального исчисления, не в этих известных достижениях, а в чем-то другом. Перед ним стояли иные, куда более грандиозные цели, о которых понятия не имели ученые, считавшие себя его последователями.

– Простите, сир, – обратился к нему Евгений. – Мне хотелось задать один вопрос.

– Правда, всего один? – не поверил ему Ньютон.

– Ведь это не ваши инициалы – *I.S.* – это что, первые буквы имени?

– Брат *I.S.*, – уточнил Ньютон, шагая по мрачному кристаллическому Лабиринту. – За этой подписью визируются письма и бумаги Незримого Коллегиума. Возможно, ты еще не привык к тому, что в Мистериуме время течет не так, как в телесном пространстве. Здесь различные временные потоки переплетаются в единовременную структуру, соответственно тому, как различные линии меридиан сходятся на полюсах глобуса. Из-за разницы в периодах жизни для некоторых братьев доктор Ньютон еще как бы не появился, для них мое имя мало что значит. Зато всем известно, кто такой магистр Розы-Креста *IEOVA SANCTVS UNIS* – сокращенно брат *I.S.*

– Единый Святой Иегова, – Евгений сразу же вспомнил странную анаграмму, составленную Ньютоном путем перестановки латинских букв в его имени *ISAACUS NEVVTONIS*.

Значит, Декарт был прав! Люцифер, конечно же, посещал Ньютона в его земной жизни, внушая мессианские на-

важдения вроде тех, которые довели до помешательства Георга Кантора. Люцифер умело пользовался «*комплексом Бога*», проникая в самые глубины сознания, чтобы контролировать ум через возвеличивание ложного *ego*. Пифагор, Декарт, Ньютон, Кантор... Сколько же их было – тех, кому являлся падший ангел света? Ведь эта зависимость развития науки от сверхъестественных состояний, пережитых ее создателями, не была случайной! Люцифер на протяжении всей истории человечества действовал в коллективном сознании как некая самостоятельная и вполне объективная, в конечном счете, сила. И чем упорнее ученые пытались ее отрицать, тем очевиднее становилась связь науки с тайными интригами Люцифера.

Не подавая вида, Евгений тихо шел за Ньютоном, хотя теперь у него не осталось сомнений – Люцифер однажды прельстил Ньютона, и великий мыслитель, вероятнее всего, продолжал служить ему до сих пор.

– Мы не знаем, что именно произошло, – оглядываясь на Евгения, произнес Ньютон. – Достоверно известно лишь то, что Мистериум изменился. Ваш временной поток заблокирован, духовная вязь времен разрушена. Мы не можем использовать даже книги, потому что сознание людей перестало в них погружаться. Двери или астральные переходы, как мы их называем, стали исчезать где-то во второй половине XX века. В местах разрыва образовались трещины, которые расползаются по всему астралу. Что самое неприятное, через

трещины к нам вторгаются экзархи Тьмы. Борьба с ними все тяжелее. Откровенно говоря, скоро незримое братство окажется не в состоянии их сдерживать.

– И что тогда?

– Если так пойдет дальше, Мистериум будет разрушен, а лорды Хаоса продолжат свой поход в высшие сферы, – ответил Ньютон, изысканным движением поднося загадочный кубический ключ к квадратной замочной скважине.

Евгений приготовился войти в дверь – но никакой двери не было! Вместо этого отверстие замка выросло и расширилось до размеров дверного проема либо, что тоже нельзя исключить, Евгений и сир Ньютон в несколько раз уменьшились в обратном к нему масштабе.

Внутри проема оказалась еще одна квадратная скважина, Ньютон поднес к ней ключ – и отверстие снова расширилось. На этот раз он не стал вынимать ключ из замка – и замочная скважина стала вновь и вновь расширяться, подобно оптической иллюзии. Трудно сказать, сколько раз расширился магический дверной проем или во сколько раз они с Ньютоном уменьшились, но когда дверь все-таки открылась, они спустились по винтовой лестнице в грандиозную гиперсферу, походившую больше всего на орбитальную станцию, воздвигнутую в космосе нечеловеческой расой. Она была поистине астрономических размеров!

Небесные сферы, висевшие над головами Ньютона и Евгения, в буквальном смысле слова были небесными, зани-

мая пространство, сопоставимое с размерами земной атмосферы или даже Солнечной системы! На прозрачных сферах сверкали орбиты планет – группа гигантских наэлектризованных колец из сверхпроводящего материала. Планетарные орбиты порождали безразмерные спектральные волны. Некоторые волны вздрагивали, искривляясь, словно неведомые океанические медузы, другие плавно перетекали из одной геометрической фигуры в другую. Весь этот планетарный симулятор выглядел как увеличенный Кубок Кеплера с элементарными телами Евклида, только небесных орбит было больше, кажется, восемь, и геометрические объекты в нем постоянно видоизменялись, образуя в пространстве глубокие деформации.

И вот, в самом центре этой холодной космической бездны стояли всего два человека, которые умещались на одном единственном островке тверди – на крохотной площадке, испещренной знаками вавилонского письма, индийскими и римскими цифрами. И потоки белого света медленно вращались над ними.

– Не догадываешься, что это за место? – как бы невзначай спросил Ньютон, хотя в движении его редких седых бровей угадывалось легкое волнение.

– Модель вселенной, может быть, планетарий или календарь, – навскидку перечислил Евгений свои гипотезы, разглядывая метагеометрические фигуры, внутри которых они находились.

– Долгие годы мне не давала покоя одна проблема – проблема времени, его необратимость, – начал издалеку магистр. – Видишь ли, зная расположение тел в пространстве и их скорость, мы можем рассчитать место, где эти тела окажутся в следующий момент, либо узнать, где они находились раньше. Наши расчеты работают только благодаря тому, что время для микрокосмических точек не является необратимой функцией. Многие алхимики пытались выделить эти точки из металлов, чтобы получить первичную субстанцию, философскую *prima materia*. Не замечая, что память наша обладает тем же замечательным свойством – способностью обращать вспять внутреннее время, когда мы о чем-либо вспоминаем.

– Но наша память – это только наша память, – затронул нижнюю губу Евгений. – Система способна обратить вспять лишь свое внутреннее время, потому что в системе сохраняется память только о ней самой.

– А что, если у системы изменить объем памяти?

– Хм-м... – задумался Евгений, обозревая висевшие в космосе небесные сферы. – Незримый Коллегиум в самом деле располагает такой возможностью?

– Все, что ты видишь вокруг, мы называем линзой времени, – сир Исаак Ньютон обвел рукой небесные сферы. – Мы крайне редко используем сей *хроноскоп*.

– Выходит, это что-то вроде телескопа. Только он приближает... время?

– Если правильно отшлифовать линзу, проходящие через нее лучи искажутся, они визуально приблизят, перевернут либо удалят область пространства, от которой отражаются. И наши глаза по своему устройению являются такими же линзами, воспринимающими потоки света, отражающими и передающими их душе. Поэтому все далекое кажется нам мелким, а близкое – большим.

– Но как можно приблизить время, ведь это не область пространства? – недоумевая, моргнул глазами Евгений.

– Время есть не что иное, как объем перенесенной светом памяти, исчисляемый корпускулярно-волновым способом. Объем, который мы можем сжать и вывернуть наизнанку, если соблюсти одно условие.

– Какое условие?

– Мы должны проникнуть в корпускулу света, чтобы восполнить объем нашей памяти теми преломлениями, какие потребуются. Тогда мы сможем сфокусировать эту память в другом объеме – в другом времени. Чем сильнее нужно вывернуть время, чем дольше мы хотим в нем задержаться, тем больше преломлений нам потребуется произвести. Неужели ты еще не догадался? Мы находимся сейчас внутри корпускулы.

Евгений приподнял руку, чтобы дать себе пару мгновений на приведение мыслей в порядок.

– Проникнуть в корпускулу?! – повторил он недоверчиво. – Все равно что оказаться внутри глаза и перенаправить

поток света из головы... куда-то наружу?

– Это не совсем так, – сохраняя невозмутимый вид, ответил сир Ньютон. – Ведь глазами, фокусирующими свет, располагают весьма немногочисленные создания, тогда как корпускулы света находятся всюду. Они могут появиться в любой момент времени, в любой точке мирового пространства.

Немного образумившись, Евгений взял себя в руки, ему не хотелось, чтобы Ньютон, и без того пребывавший в каком-то чувственном расстройстве, раздражался по поводу несообразительности своего компаньона. Спорить с ним Евгений не собирался, да и не мог, поскольку ничего толком не понимал. Положив ладонь на самую длинную стрелку, установленную на циферблате, Ньютон молча прогулялся до наконечника с рычагами для ручной настройки. Как выяснилось, на календаре было четыре стрелки, которые крепились на ось четырехсоставной винтовой лестницы.

– При всем уважении, сир, ни один человек не способен создать подобную линзу! На это ушли бы миллиарды лет работы, – вымолвил Евгений, с тревогой осознавая происходящее и совершенно не желая того, чтобы это происходящее с ним дальше происходило.

По лицу Исаака Ньютона пробежала тень снисходительной улыбки.

– Что ж, резонное замечание! По нашим правилам я не должен тебе об этом рассказывать, но Коллегиум действительно реквизирует эту линзу времени у наших оппонен-

тов, – уклончиво намекнул магистр.

В голове Евгения роились самые разные подозрения и вопросы, однако он не мог их задать. Он не доверял Ньютону, в то же время был не в состоянии сопротивляться его могучему интеллекту. Ведь он где-то слышал о том, что незримое братство якобы располагает возможностью перемещаться во времени, но никогда не придавал этому значения. И вот теперь, когда магистр ордена показал вселенский *хроноскоп*, эту демоническую машину времени, которая не имела ничего общего с машиной, ему стало жутко оттого, что некое братство в бессознательном мире могло перемещать пусть даже ничтожно малые количества ментальной энергии из одного времени в другое.

– *Cartes* говорил, ты историк. Это правда?

– Да, сир, – сухо подтвердил Евгений, наблюдая за тем, как Ньютон проверяет на *хроноскопе* четыре стрелки, установленные на час, день, год, тысячелетие...

– Ну и дела, значит, мы с тобой почти коллеги! – взбодрил его Ньютон, почувствовав, что Евгений вот-вот попросится выйти вон из корпускулы. – Должно быть, тебе, как историку, известны мои работы по библеистике.

– В университете прочел «Замечания на книгу пророка Даниила», – признался Женич. – Еще видел составленный вами чертеж Храма на Сионской горе.

– Ах да, Первый Храм! – подхватил Ньютон. – Можешь себе представить, какой мудростью обладало бы челове-

ство, познай оно истинный замысел сего Строяния!

– Полагаю, тогда бы перед людьми открылись все тайны мироздания, – решил ему подыграть Евгений.

– Тайны божественного Творения и Ковчега Завета! Целостность древнего знания, идущего от самого Адама! – возторгался Ньютон. – Как раз на этом меня и подловил Люцифер, знаешь, он ведь обещал раскрыть мне самую главную тайну!

Исаак Ньютон вдруг расхохотался, продолжая говорить сквозь смех с примесью горечи:

– Люцифер обвел меня вокруг пальца, как всех этих почтеннейших ученых! Тем не менее, даже понимая, что их обманули, некоторые продолжают питать надежды, что низвергнутый ангел однажды исполнит обещание и приоткроет главную тайну именно ему, а не кому-то другому.

Простодушное признание Ньютона немного успокоило Евгения, но не развеяло тягостных дум о наваждениях, которыми был охвачен разум мыслителя в земной жизни. Проверив настройку вселенского календаря, магистр вынул из потайного кармана кубический ключ и задумчиво посмотрел на него.

– Что бы ты сделал, *Eugenio*, если бы знал, что твоими трудами воспользуется злейший твой враг? – спросил магистр. – Что должен сделать капитан, если весь корабль с оружием на борту вот-вот попадет в руки вражескому флоту? Сколь бы ни был дорог корабль, его следует затопить, чтобы он не

достался неприятелю. Сколь бы ни был важен труд, его следует уничтожить, чтобы враг не сумел им воспользоваться в своих целях. Ты со мной согласен?

– Совершенно верно, сир, хотя я не представляю, каким будет мир без трудов Ньютона, и никто не представляет, – ответил Евгений, начиная понимать, с какой целью брат I.S. хотел применить линзу времени.

– Речь идет всего об одной тетради с набросками по поводу объединения свойств *prima materia* с периодами времени библейских пророчеств.

– В наше время никто не верит в алхимию, – улыбнулся Евгений. – Да и в пророчества не слишком верят. Даже если в ваших записях содержатся такие секреты, к ним не будут относиться серьезно. Уж поверьте, ваша научная репутация от этого ничуть не пострадает.

– Тем более следует уничтожить эти записи, если к ним не будут относиться серьезно, – возразил Ньютон, прибегая к какой-то парадоксальной аргументации. – Мы можем это сделать прямо сейчас. Могу ли я рассчитывать на твою помощь в этом деле?

От поднявшегося волнения Женич набрал в грудь воздуха, чтобы ответить «да», но не смог ничего ответить – и просто кивнул в знак согласия. Исаак Ньютон погрузил кубический ключ в изящное навершие, которым была увенчана нулевая отметка вселенского календаря, и повернул ключ ровно на четыре оборота против часовой стрелки. Евгений тут

же ощутил, как его голова начинает уплывать куда-то в сторону. То же самое происходило с головой Ньютона – она вытянулась вбок, впрочем, как и все его тело. В следующее мгновение Евгений почувствовал, как его собственные ноги оторвались от пола и стали закручиваться в водоворот белого света, вращавшегося над площадкой.

Затем он как будто полностью лишился тела, с невероятным ускорением влился в поток света и стянулся в узкое кольцо, которое превратилось в сингулярную точку. Он не знал, сколько времени потребовалось на то, чтобы переместиться во времени, потому что время здесь было другим, оно всюду пересекалось с обычным временем, но текло параллельно ему. В сингулярном времени любые процессы протекали с одной и той же мнимой скоростью и поэтому были неразличимы друг от друга.

Его мозг сжался до планковских размеров, а потом резко раскрылся с обратной стороны линзы, как парашют. Евгений в самом деле как будто весь вывернулся наизнанку – в иное пространство-время. Переместиться через линзу времени стоило хотя бы ради того, чтобы испытать это странное состояние, вызывавшее не менее странные образы при попытках его объяснить.

Долю мгновения назад или вперед – это как посмотреть – он был всего лишь миниатюрным слайдом, свернутым в корпускулу света, а теперь вдруг развернулся и заполнил своей памятью бесчисленные множества молекулярных связей,

спроецированных на трехмерное полотно вселенной, которое оказалось не воображаемой в голове картиной прошлого, а настоящим – самым настоящим настоящим, какое только могло быть! Здесь не было никаких астральных штук-вин, зеркальных лабиринтов, дверей, безумных стен, сквозь которые он почти привык проходить. Здесь было очень зябко, сумрачно и по-зимнему уныло. Под ногами хрустела покрытая снегом застывшая трава.

– А здесь холодно! – поделился он своими впечатлениями с Ньютоном. – Не думал, что прошлое будет таким настоящим.

– Не самое лучшее прошлое, – отозвался стоявший рядом магистр. – Но я тоскую по нему время от времени.

Евгений потер замерзший нос:

– А что сделать-то нужно?

– Пройдись! – предложил ему Ньютон. – Сделай несколько шагов!

Евгений прогулялся туда-сюда, ожидающе поглядывая на взбудораженного магистра.

– Великолепно! Ты чувствуешь холод и оставляешь следы! – сир Ньютон показал пальцем на тонкую корку снега, в которой отпечатались неровные шаркающие следы Евгения.

Затем Ньютон сделал три шага, не оставив на земле совершенно никаких отпечатков! Здесь, в более плотной материальной среде, его тело продолжало оставаться астральным. Он не мог производить никаких действий. Вот для че-

го ему потребовался живой человек – Евгений, память которого позволяла восстановить в линзе времени материальное тело. Ему нужен был даже не человек, а инструмент для совершения манипуляций. Он использовал Евгения как щипцы, которыми берут раскаленный металл, не имея возможности к нему прикоснуться собственными руками.

– Идем, я тебе все покажу, – пригласил магистр, указывая на окутанную морозным туманом улочку с редкими деревьями. – Нам нужно торопиться, пока никого нет.

Они быстро прошагали вдоль домов с высокими каминными трубами, из которых валил едкий дым, и свернули в небольшой сквер. За рядами кустов, припорошенных снегом, стояла усадьба. Ньютон обошел строение сзади и указал на окно, которое, судя по всему, часто открывали, используя не по назначению и выплескивая из него некие растворы. Через окно они проникли в помещение со столами и склянками для химических опытов. Магистр о чем-то вспомнил, остановившись и попросив закрыть окно изнутри, после чего они направились в кабинет, расположенный рядом с лабораторией. В кабинете было тепло и уютно. Окна были задернуты темно-малиновыми занавесками. На кушетке с округлыми подлокотниками лежала бархатная подушка и халат бургундового цвета. Вдоль стен располагались книжные шкафы с аккуратно расставленными книгами, секретер с ящиками, бумагами, чернильницей и письменными принадлежностями...

Тут Евгений обнаружил нечто такое, от чего на пару секунд потерял дар речи. Возле секретера, словно тень, стоял еще один Ньютон, в точно такой же профессорской мантии!

– Все в порядке, – сказал первый Ньютон второму. – Мы тоже из астрала. Пусть Картезий разыщет своего гиперборейца. Коллегиум должен пригласить его на большое собрание, и тогда задача будет решена.

Затем первый Ньютон обратился к Евгению:

– Как видишь, я уже пытался справиться с этой проблемой самостоятельно. Не волнуйся, у тебя все получится, я уже видел это своими собственными глазами, – магистр кивнул на второго Ньютона, появившегося в кабинете, очевидно, еще до того, как Декарт разыскал Евгения в астрале.

– Ты можешь взять эту тетрадь? – спросил второй Ньютон, сверливший нервозным взглядом рукопись, лежавшую на секретере.

Евгений поднял рукопись, а затем оглянулся на первого Ньютона, от которого, собственно, и ожидал дальнейших распоряжений.

– Хорошо! Теперь видишь бумаги на столе? – сказал магистр. – Это мои наброски по оптике, я собирался их тщательно отредактировать. Меня до такой степени заботила вся эта неуместная тяжба с мистером Гуком, что мне до сих пор бывает стыдно за то, что я позволил себе в нее втянуться. Мы должны сжечь эти бумаги вместе с тетрадью.

– Сжечь?

На столе посреди комнаты лежал ворох бумаг, над которыми недавно работал еще один, вполне осязаемый Исаак Ньютон, профессор Тринити-колледжа, покинувший кабинет, казалось, только что.

– Сир, вы серьезно? Разве можно вот так просто взять и изменить прошлое из-за каких-то там неугодных бумаг? Никто же не знает, к чему это приведет!

Евгений не хотел ничего сжигать, он не имел на это никакого права. Он предпочел бы забрать тетрадку с собой и хорошенько ее спрятать. Однако Ньютон был непреклонен:

– Послушай меня, мой мальчик, я прекрасно знаю, к чему это приведет. В моей земной памяти сохранится лишь то, что эта рукопись лежала возле шкафа. Следовательно, она не могла сгореть на столе вместе с бумагами по оптике. Она могла затеряться среди других моих записей. Так я и думал, пока не решил разыскать ее несколько лет спустя. Но рукопись исчезла! Мне кругом мерещились заговорщики, похитившие тетрадь, чтобы обвинить меня в какой-нибудь ереси. Затем я сотни лет искал свою рукопись в астрале, полагая, что она попала в библиотеку Люцифера. В конце концов, так и произойдет, если мы не сожжем ее! Ты меня понимаешь?

Терпение Ньютона было на исходе, он неистово таращился на Евгения старческими глазами, в которых бушевала невыносимая боль, накопившаяся за несколько столетий.

– Ладно, но это не мое решение. Надеюсь, вы понимаете, что записи исчезнут. В материальном мире их никто боль-

ше не увидит, – предупредил Евгений, перелистывая страницы, исписанные вдоль и поперек торопливым почерком. – Не понимаю, чего опасного может содержаться в этой тетради. Тут какие-то таблицы интегралов, кажется, это занятная попытка разложить в ряды библейские пророчества. Но если другого выхода нет...

Он захлопнул тетрадь, подходя к столу, на котором горела свеча. Под бдительным присмотром сразу двух Ньютонов, вернее, одного и того же Исаака Ньютона, раздвоившегося во времени, Евгений поднес трактат к пламени свечи, утешая себя тем, что уничтожение злосчастной тетради, возможно, пойдет на пользу и спасет от безумия многих исследователей творчества великого ученого, что вообще происходящее не имеет никакого отношения к реальности.

Пламя поедало рукопись неохотно. Глаза одного Ньютона заволокло слезами от нахлынувших воспоминаний, а на лице другого проступило долгожданное спокойствие. Получается, что брат *I.S.* уже второй раз наблюдал за тем, как обращается в пепел его трактат, и нисколько не сомневался в том, что поступает правильно. Когда тетрадь как следует разгорелась, Евгений осторожно положил ее рядом с бумагами. Теперь на столе запылал настоящий костер! Магистр Розы-Креста приказал немедленно раздвинуть шторы, чтобы огонь в кабинете стал заметен с улицы, – и вскоре за окном бойко зазвонил пожарный колокол. Дождавшись этого момента, оба Ньютона подняли вверх демонические ключи от

хроноскопа. Грани кубических ключей быстро закрутились, многократно провалившись внутрь, а затем втянулись в микрокосмическую точку, увлекая за собой три световые волны, покидавшие пылающий кабинет.

***

Евгений вновь шел за Ньютоном по переходам астрального Лабиринта. Было немного обидно, что магистр перестал его замечать, нисколько не заботясь о том, что ночной гость может свернуть не туда и затеряться в бесконечных осколках псевдореальности. Впрочем, Евгений думал вовсе не об этом. Ему вспоминались какие-то намеки или, может, слухи о том, что Ньютон пережил помутнение рассудка. Но что это было за помутнение, в чем оно выражалось и какие области памяти затронуло? До этого, похоже, никому и дела не было! А ведь если память имела волновую природу, помутнение рассудка могло быть вызвано именно вмешательством астрального сознания Ньютона в события прошлого. Подобно тому, как в опытах по дифракции света одна волна, проходящая одновременно сквозь две точки в преграде, начинает перекрывать сама себя, порождая темные пятна там, где все ожидают увидеть сплошной свет. Только в качестве преграды в данном случае выступал пласт времени, через который хроноскопическая линза перенесла сознание Ньютона.

– Никто не должен знать что произошло, даже Картезий, –

сообщил сир Ньютон тоном, не допускающим возражений. – Придет время, я сам ему все расскажу. Полагаю, тебе не нужно объяснять, что могущество ордена зиждется на соблюдении тайн братства?

– Конечно, сир, тайна всегда должна оставаться тайной, даже если она тебе откроется! – эти слова, произнесенные когда-то Рэне Декартом, вырвались у Женьки сами собой, хотя в действительности он не видел смысла скрывать от Декарта свое корпускулярно-волновое путешествие в *хроноскопе*.

Вскоре кристаллический коридор вывел их к высокогорному водопаду, по склонам которого струились гирлянды непролазных джунглей, как на затерянном плато Рорайма. В небе над облаками восходила амоннитовая луна, создавая над водой поистине мистический мираж – радужный мост из капель, парящих в воздухе. Не обращая никакого внимания на эту диковинную красоту, Исаак Ньютон стал быстро взбираться по лунной радуге вверх, иногда полностью пропадая в клубах тумана. На другой стороне радужного моста виднелась вершина скалы. Но было что-то не так в этой скале! Она как будто не принадлежала астральному миру. Как инородный пузырек, возникший по игре случая в мерцающих прожилках янтаря, она ни к чему не крепилась, а просто висела над бездной, медленно вальсируя с другими ближайшими вершинами в веретене нежно-азуровых облаков.

– Вот и оплот братства! Ты ведь уже бывал в *Porta Lumen*

coeli? – спросил Ньютон.

В дымке облаков показались очертания башен и крепостных стен, чарующая притягательность которых была обманчива и не сулила ничего хорошего тем, кто здесь оказывался.

– Да уж, это было незабываемо, – вымолвил Евгений, припоминая проходившую в крепости розенкрейцерскую мистерию с его участием. – В прошлый раз, чтобы сюда попасть, нам с Декартом пришлось долго подниматься по огромной лестнице. Неужели нельзя было сразу воспользоваться этим мостом?

– Крепость небесного света не связана с коридорами Лабиринта, – объяснил магистр. – Она движется сквозь астрал, изредка вступая с ним во взаимодействие через оптические переходы на своей орбите. Они крайне нестабильны и открываются в разных местах, что, собственно, и делает эту крепость такой неприступной.

– И она уцелеет, даже если экзархи Тьмы разрушат Мистериум, даже если исчезнет земной мир?

– Да, это очень древние горы. Достаточно древние, чтобы появиться раньше звездного неба и пережить одну или несколько вселенских катастроф, – заявил Ньютон. – Брамины Юга верят, что здесь обитал *Там-Пуруша*, некое предначальное существо, самопроизвольно возникшее из акаши, то есть из самой *prima materia*. Он медитировал в изначальных мирозданиях для выявления наилучшим образом сбалансированных параметров будущего Творения. Это было

до возникновения материального мира, до сотворения светоносных ангелов и задолго до Адама. По их мнению, предначальное существо по сей день обитает в этих горах. Но на самом деле все пещеры и ущелья неоднократно осматривались, и никаких мифических существ здесь обнаружено не было. Развалины святилища, на которых построена крепость, – единственное подтверждение тому, что эти горы были некогда обитаемы.

Исаак Ньютон говорил о браминах с подчеркнутой отстраненностью, чтобы Евгений не подумал, будто он склонен им верить. Однако, когда речь зашла о *prima materia*, магистр не смог сдержать своего восхищенного порыва. Он был по-прежнему поглощен поисками универсального знания. В нем, в этом сухощавом старце, было нечто такое, чего давно лишилась «зрелая наука» и «зрелая философия». От него исходила героическая решительность, отличавшая его от «настоящих ученых», выдававших порции приблизительных формул за научную истину.

Поставив под сомнение всякую веру, они так настойчиво призывали верить им и выделять еще больше средств на их подчас совершенно безнадежные, сугубо меркантильные прожекты, что, как бы ни хотелось надеяться на порядочность их намерений, доверия к ним становилось все меньше. Seriously, как можно верить, что основу науки составляют проверенные факты, если никто не мог экспериментально проверить, ну, хотя бы бесконечность последовательно-

сти числа *π*. Дельцы науки, которых все сложнее было демаркировать от деятелей науки, безотказно служили Люциферу, и ему даже не нужно было их соблазнять.

Магистр Розы-Креста, тамплиер и алхимик Исаак Ньютон был не таким. Его можно было заподозрить в чем угодно – в изменении хода времен, в тайном сговоре с Люцифером, но только не в отсутствии веры и не в мелочном прагматизме. Ибо нет и не могло быть большей подлости по отношению к истине, чем обыкновеннейшая человеческая мелочность.

За этими размышлениями Евгений и не заметил, как они с магистром вышли по горной тропе к перекидному мосту, где их ожидал трехметровый рыцарь-гигант, закованный в латы. Быстро сказав стражу пароль, что-то вроде библейского «*Claves Regni Caelorum*» – «*Ключи Царства Небесного*», сир Ньютон пригласил Евгения первым войти во врата между крепостными башнями. Внутри крепости не произошло никаких видимых изменений – те же замшелые от времени статуи и готические аркады. Во внутреннем двореке среди зигзагов, выложенных из камней, их встретили те же спящие деревья, на которых не было листьев и которые все так же раскачивали своими большими белыми ветвями при полном отсутствии ветра.

Евгений почему-то был рад увидеть их снова. Ему вдруг подумалось, что эти деревья могли оказаться реликтовым видом, занесенным сюда из какой-нибудь исчезнувшей вселенной. Сир Ньютон остановился возле самого высокого де-

рева по левую руку от небольшой романской часовни. Из храма, на карнизе которого смиренно стояли скульптуры семи ангелов, вышел секретарь незримого братства Мишель Нострадамус. Следом за ним показался Ренэ Декарт, затем вышли Иоганн Валентин Андреэ, Галилео Галилей и доктор Парацельс.

– Наш гиперборейский гость с успехом прошел испытание. Мишель, если вы готовы, можете приступать к выполнению задания *R.C.F.*, – распорядился Ньютон, обратившись к Нострадамусу.

– Кого отправить сопровождающим? – спросил Нострадамус у магистра Розы-Креста.

– Позвольте мне, – вызвался Декарт, громяхая шпорами на ботфортах.

– Другие желающие есть? – сир Ньютон обвел взглядом остальных незримых, не дождавшись ответа. – В таком случае *Cartes* отправится вместе с *Eugenio*, да поможет им Всемогуший Господь!

– Женэ, – Декарт положил руку на плечо Евгения, с подозрением поглядывая на Ньютона. – Незримый Коллегиум кое-что ищет в Лабиринте – кое-что очень важное. Ты ведь уже знаешь, что существуют разные переходы и разные двери, некоторые из них находятся под запретом. Мы стараемся их избегать, и все же иногда нам приходится нарушать наши собственные правила.

Из сказанного было ясно, что их с Декартом отправля-

ют на какое-то задание. И оно, видимо, было настолько секретным, что Ренэ не мог о нем ничего рассказать либо, что было более вероятно, он не хотел о нем говорить в присутствии магистра. Оставив Ньютона во внутреннем дворике *Porta Lumen*, Декарт повел Евгения в часовню. Все остальные незримые, включая Нострадамуса, отправились следом за ними.

– Церковь святого Иоанна, – продолжил Декарт под сводами трехнефной романской базилики. – Здесь мы храним святыни братства и редкие артефакты. Об их подлинном значении мало кому известно, один из них появился благодаря Люциферу и сновидению, в котором мы с тобой впервые встретились.

– «*Le Melon phénoménal*»? Та самая «дыня», которая оказалась отрывком из Апокалипсиса? – спросил Евгений с надеждой на то, что Декарт объяснит ему, наконец, что это за «дыня» и с чем ее едят.

Но вместо объяснений Ренэ открыл потайную дверь за алтарем и спустился в церковную крипту. За ним спустились незримые братья и Евгений. Там, в подземелье, они проникли в комнату с покрытыми паутиной и пылью книжными шкафами. Посреди комнаты возвышался древний восьмигранный камень, вытесанный из цельной скалы в незапамятные времена, о которых не сохранилось никаких свидетельств, не считая невразумительных рассказов браминов о некоем «предначальном существе».

– Ты хотел знать, для чего Люциферу нужен этот манускрипт? – вздохнул Декарт, вынув из закованного в цепи ящика кусок обгоревшего пергамена и положив его на восьмигранный подиум. – Дело в том, Женэ, что этот свиток открывает путь туда, откуда сумел выбраться заключенный Люцифер. Он открывает путь в Инферно...

– Куда-куда? – ужаснулся Евгений, почувствовав, как на лбу у него выступает испарина.

– Ты не ослышался, мы должны спуститься в Инферно, на самый нижний астральный уровень, – повторил Картезий. – В местопребывание грешных душ и демонических созданий... Едва ли во всем астрале найдется место более устрашающее.

– То есть Коллегиум решил отправить меня в самое пекло Ада?! Ну уж нет! – возмущению Евгения не было предела. – Спасибо, конечно, но мы так не договаривались!

– Твое негодование можно понять, – вступил в разговор Мишель Нострадамус. – Каждый из нас предпочел бы никогда не спускаться на нижние уровни. Однако именно там, по нашим сведениям, спрятано *серебро всепрощения*, которое Люцифер стремится заполучить любой ценой. И наш долг, долг незримого братства, этого не допустить.

– Понятия не имею, что вы ищете, но вы обратились не по адресу. Знаете что, в мире полно сумасшедших, которые бы с радостью отправились на экскурсию в Ад. Вам просто нужен кто-то другой!

– Не так легко установить связь с воплощенной душой, – постарался переубедить его Иоганн Валентин Андреэ. – Разум может вернуться в тело в любой момент времени, но если это произойдет в Инферно, часть души останется там навсегда. Как бы это сказать, там действует чрезвычайно сильное притяжение, особенно для душ, память которых отягощена преступлениями и грехами.

Евгений прищурился, подбирая более понятную для себя аналогию:

– Что-то вроде черной дыры, из которой не может вырваться свет?

– Да, это как ловушка, – подтвердил Нострадамус. – Свет души не может выбраться оттуда самостоятельно.

– И вы хотите, чтобы я отправился туда, рискуя потерять часть своей души ради какой-то горстки серебра? – усмехнулся Евгений, поражаясь, с какой непринужденностью Нострадамус и брат *Ioh* обо всем этом ему рассказывают.

– Риск будет минимальным, – тут же добавил Андреэ. – У тебя есть опыт взаимодействия с братством, который нас полностью устраивает. Коллегиум тебе доверяет, и это, пожалуй, самое главное, поскольку речь идет о реликвии необычайной важности, в существование которой до недавнего времени мало кто верил. Конечно, брат *I.S.* давно уведомлял Незримый Коллегиум, что тамплиеры занимаются поисками *серебра всепрощения*, но...

– Репутация магистра и его методы не вызывают всеобщее-

го одобрения, – проворчал доктор Парацельс. – Хотя, должен признать, его связи с тамплиерами бывают весьма полезны.

– Так вот... – продолжил свою мысль Иоганн Валентин Андреэ. – Считается, что во время пребывания Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалиме рука Его коснулась серебряника, принесенного в Храм на Пасху и оказавшегося затем среди тридцати монет, принятых Иудой от фарисеев в качестве платы за предательство. Цепь роковых событий наделила тот серебряник исключительным свойством. Если это правда, и реликвия дарует искупление самых страшных и непростительных грехов, никто не должен ею воспользоваться, и уж тем более Люцифер!

После короткой паузы Евгений почесал затылок и посмотрел на Декарта:

– Получается, что выбора у нас нет?

– Выбор есть всегда. Ты можешь отказаться от поручения R.C.F., – ответил Ренэ. – Тогда мы будем искать другого подходящего кандидата, потому что поднять *серебро всепрощения* сумеет только душа, имеющая связь с материальным телом. Именно поэтому Люцифер пытался приблизить меня, когда я был моложе, лет на четыреста кряду.

– Если разобраться, – сказал Евгений, прикидывая, стоит или нет ввязываться в очередную розенкрейцерскую авантюру, – *серебро всепрощения* неплохо спрятано! Живых людей в Ад не пускают, следовательно, никто не сможет им воспользоваться. Серебряник может пролежать там тысячи лет.

С другой стороны, туда спускался Данте Алигьери, а до него Орфей... И ничего, кажется, оба вернулись! Следовательно, Люцифер в состоянии отправить туда своего человека, если, конечно, мы его не опередим.

– Мы обязаны его опередить, – уточнил Галилей, кивнув головой. – Но Врата Ада надежно охраняются, для успешного выполнения задания никто не должен увидеть вас проходящими через них. Брат Алессандро много раз спускался в Инферно и возвращался оттуда. Он дал несколько советов, которые могут вам пригодиться...

Далее Галилео провел инструктаж о том, какие места в Инферно представляют наибольшую опасность, как следует избегать караульные посты и что говорить в случае, если их обнаружат и запустят процедуру дознания. В основном он обращался к Декарту, так что Евгений не слишком вникал в детали. Он усвоил лишь то, что от него почти ничего не зависит – он должен был неукоснительно соблюдать указания Декарта, не допуская никакой самостоятельности. Затем, после наставлений Галилео, Иоганн Валентин Андреэ попросил незримых братьев оставить помещение. Из комнаты спешно удалились все, кроме Андреэ, Евгения и Ренэ Декарта, державшего в руке клочок пергамента.

– Берегите манускрипт, без него вы не сможете вернуться назад. Итак, с Божией помощью приступим!

После этих слов брат *Ioh* осенил себя крестным знаменем, Ренэ и Евгений последовали его примеру. Плотной закрыв

глаза, Иоганн Валентин Андреэ стал медленно читать молитву на греческом языке, чтобы Декарт мог за ним повторять. При этом Ренэ сосредоточенно всматривался в обгоревший свиток. Буквы на пергамене были греческими, и Евгений догадался, что Андреэ читает не молитву, а едва различимый отрывок Откровения, записанный на свитке: *«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли...»*.

По мере чтения Евгений заметил, что буквицы на пергамене сделались кроваво-красными. Затем ему показалось, что сам манускрипт озарился изнутри ярким светом, но это был какой-то мрачный свет, выходивший за рамки диапазона привычного видимого света.

И вот одна обгоревшая точка на свитке испустила красный луч – и стала расширяться. Оторвать взгляд от этого расширения было невозможно. Внутри разраставшейся в манускрипте дыры пламенел огонь, взметались столбы серных облаков, текли реки раскаленной лавы. Черные скалы бесконечно спускались все ниже и ниже, так что Евгений перестал различать край свитка. Пламенеющая дыра обьяла и поглотила собой все окружающее пространство! Оглянувшись на Декарта, Евгений увидел его рядом с собой, но теперь они находились не в подземелье небесной крепости. Теперь они стояли на обрыве чудовищной бездны.

В мареве струящейся плазмы очертания каменистых уступов, контуры шляпы, перчатки и шпага Декарта – все пред-

меты вокруг расплывались перед глазами. Заглянув за край пропасти, Евгений обнаружил, что отвесная скала была покрыта густым кустарником из ветвящихся в разные стороны окровавленных рук. И руки эти, они поедали друг друга, щелкая зубастыми челюстями, торчавшими из ладоней! Они поедали друг друга, становясь еще ужаснее и длиннее. Одна рука выростала из другой, с хрустом съедала несколько рук, а затем набрасывалась на руку, из которой сама только что выросла. Почувствовав, что на скале кто-то стоит, огромная зубастая рука с варикозными прожилками на запястье бросилась вверх. Она выползла на уступ и стала его ощупывать.

– Проклятые взяточники! Встань за мою спину и ни к чему не прикасайся, – скомандовал Декарт, выдвигая шпагу из ножен на случай нападения зубастой руки.

Евгений так и поступил, но за спиной Декарта по неосторожности наступил на кость, торчавшую из земли. На хруст сломанной кости приподняли головы трое копошившихся неподалеку чертей. Один из них был с головой кабана, другой – с головой адского петуха и очень походил на дьявольское отродье с гравюры Альдегревера «Притча о богаче и Лазаре», а третий был в шипастом ошейнике и с головой гиены.

– Декарт! – позвал Евгений Ренэ, – кажется, у нас возникла еще одна проблема.

– Вот дьявол! – выругался Декарт, озираясь то на зубастую руку, то на троих чертей.

Приблизившись к Декарту, демонический петух прогого-

тал что-то на адской латыни, перевернутой задом наперед, тыкая куриной лапой на засыпанную костями землю.

– Нет, мы никого не видели, – громко ответил Декарт, шепнув Евгению на ушко. – Они кого-то ищут.

– Если они ничего не знают про беглеца, почему бы нам не отведать их крови? – облизываясь, предложила женоподобная гиена. – Они выглядят аппетитно, и такие свеженькие!

Демон-петух одернул гиену за ошейник, сжав в кулаке рукоять устрашающей вериги. Гиена при виде цепей зашипела, но покорно отползла в сторону. Петух гортанным голосом проговорил:

– Никакой еды, пока не найдем пропажу!

– Грешника могли сожрать эти двое, – подтыкая воздух клыками, прохрипел демон-кабан. – А может, его ухватила рука жадности? На этом месте следы беглеца теряются.

Взъерошив гребень, демонический петух ударил веригами зубастую руку, которая содрогнулась от боли и скрылась обратно в ущелье. Затем петух истошно заорал на своих подчиненных:

– Иска-ать! Какой толк от ваших домыслов?

Принюхиваясь к земле в поисках следов беглеца, черти двинулись дальше.

– Ты их видел? Нам крышка, – прошептал Женич, испуганно заглядывая в глаза Ренэ.

– Не стану спорить, – ответил тот, – из всех переделок, в которых я побывал, а я побывал в самых разных переделках,

эта самая безрассудная.

Декарт задрал голову, придерживая шляпу одной рукой.

– Взгляни на эти башни, Женэ, они выложены не из камней. Мой Бог! Это же тела и головы нечистых душ.

Над пропастью хаотично громоздились архитектурные сооружения, выполненные в превратном искажении высокой готики и сахельского стиля Тимбукту, слепленные из полумертвых тел и покрытые искореженными в мучительных гримасах лицами. Кое-где из окон темниц вырывалось пламя и звучали душераздирающие вопли.

– Походит на многоэтажные камеры пыток, – мрачно прокомментировал Евгений.

– Помогите! Заклинаю вас именем Христа, – раздался поблизости сдавленный голос.

Наклонившись над пропастью, Ренэ протянул руку человеку, который висел на краю обрыва. По-видимому, как раз его и разыскивали демоны. Выбравшись наверх, незнакомец тут же упал на колени и стал слезно умолять Декарта:

– Мой господин, прошу вас, возьмите меня с собой, я буду вам служить, только не сдавайте меня надзирателям!

– Мы не можем взять тебя с собой, – грустно произнес Ренэ. – Грехами своей земной жизни ты сам обрек себя на страдания.

– Но я еще не умер, я живой! – беглец обхватил обеими руками ботфорты Декарта, целуя их и не отпуская от себя. – Поймите же, я попал сюда случайно, я не должен здесь на-

ходиться! Мой земной путь еще не окончен.

– Постой-ка! Нет, этого не может быть, – вымолвил Евгений, взглянув на грешника.

– Чего не может быть? – не понял Ренэ Декарт.

– Кажется, я его знаю, – с сомнением в голосе произнес Женич. – Тебя лечит доктор Николай Андреевич... как его там!?

– Да-да, меня лечит доктор Решетников! – весь просяив от радости, беглец подполз на коленях к Евгению. – Это он вас послал, да? О, ангелы Божии! Я же ему говорил, что я не сумасшедший. Теперь он мне точно поверит, да-да! Он обещал вытащить меня отсюда!

От удивления Евгений открыл рот, припоминая сквозь сон подробности того инцидента на улице, когда к нему подошел этот самый человек, сбежавший из лечебницы и страдающий психическим расстройством. На визитке врача, приехавшего за своим сбежавшим пациентом, действительно стояла фамилия «*Решетников*».

– Ты меня помнишь? Я Евгений, мы с тобой разговаривали вчера возле памятника Георгию Константиновичу Жукову... Георгий Победоносец на коне! Ну как, вспомнил?

– Евгений, Евгений... – сумасшедший стал бить себя кулаками по голове, раскачиваясь на коленях. – Не помню! Ничего не помню!

– Ладно, успокойся, – Женич приподнял беднягу с колен. – Кстати, как тебя зовут? Просто объясни, как ты сюда

попал?

– Игнат, меня зовут Игнатий Татарин, в честь моего деда. После контузии на фронте он тоже видел ангелов, и я их видел. Никто не видит ангелов, а я их видел... – как бы по секрету сообщил им сумасшедший. – Они были всюду! Они приходили ко мне, такие красивые. А потом...

– Что было потом?

– Нет, этого я не могу вам сказать, – всхлипывая, он зажал рот рукой, словно провинившийся ребенок.

– Ринат, ты помнишь, что говорил Иван Валентинович? Воплощенная душа может раздвоиться, если попадет в Инферно, – обратился Евгений к Ренэ Декарту, который искренне не понимал всю эту бессмыслицу.

– Иван Валентинович? – ошарашено уставился Ренэ на Евгения.

– Да, Иван Валентинович Андреев, – пояснил Евгений, решив на всякий случай не называть настоящие имена незримых братьев в присутствии Игната, ведь задание *R.C.F.* было все-таки секретным.

– Ах да, Иван Валентинович! – сообразил Ренэ.

– Мне кажется, с этим несчастным произошло именно такое раздвоение личности. Я видел его в телесном мире, там он сбежал из лечебницы для душевнобольных. Каким-то образом Игнатий оказался в Инферно еще при жизни. Кто-то отправил его сюда, понимаешь?

– Ты что, хочешь взять его с собой? – Ренэ Декарт окинул

Игнатия презрительным взглядом. – Думаешь, он нам поможет? Парень не в своем уме, это же очевидно!

– Я могу вам помочь, я вам все расскажу. Смотрите, у меня есть карта... – проговорил бедняга, размотав на шее лохмотья, которые использовал вместо шарфа, и раздвинув ворот холщовой рубахи, изношенной до дыр.

На костлявой груди сумасшедшего виднелись мистические татуировки, некие слова, записанные зеркально, и знаки, напоминающие математические формулы.

– Перевернутая пентаграмма! – усмехнулся Декарт при виде геометрической фигуры на груди сумасшедшего. – Мы только зря теряем время с этим еретиком и дьяволопоклонником.

Ренэ Декарт резко развернулся прочь и стал продвигаться по краю пропасти, держа шпагу наизготове. Евгений последовал за ним. Он не мог послушаться Декарта, хотя понимал, что на груди Игната была изображена не перевернутая пентаграмма, а сложная фигура из треугольных граней.

– Мой господин, это же икосаэдр! Ад имеет форму икосаэдра, я все понял! – опять взмолился Игнатий, не отставая от них. – Меня отправили в Ад для сбора секретной информации... Скоро вы сами поймете. Топология пространства, все дело в ней! Данте описывал Ад как гигантскую воронку.

– Нам об этом известно, – оглянулся на него Декарт. – Не слишком много информации тебе удалось собрать.

– Но Алигьери не сравнивал свои видения с арабскими

источниками. В Коране сказано, что Ад охраняют девятнадцать ангелов. Они стерегут девятнадцать врат над бездной. В Древнем Китае верили, что Ад состоит из восемнадцати чертогов и судилища. А теперь взгляните на икосаэдр, он собирается из двадцати неправильных тетраэдров. Что это значит? – спросил сам себя Игнатий и сам себе дал ответ. – Это значит, что воронка Данте находилась внутри одного такого тетраэдра.

– Ты сказал, что адских врат девятнадцать, а икосаэдр собирается из двадцати тетраэдров. Где же еще одни врата? – спросил Декарт, продолжая спускаться по каменному уступу.

– Их нет! Вместо них находится пустота, уходящая в бесконечную тьму. Здесь все неправильно, и это сводит с ума! Вы не должны терять контроль над своим сознанием.

– Что ж, любопытная теория от сумасшедшего, я смотрю, ты над ней долго думал, – сделав несколько шагов, Декарт оступился на узкой тропе, чуть не сорвавшись в пропасть. – Стойте! Дальше идти нельзя!

Прижавшись к стене, на которой корчились грязные от копоты лица грешников, Ренэ Декарт убрал шпагу и высунул из-за пояса демонический рог с *Микстурой Драконис*.

– Придется использовать *это*, – он откупорил пробку рога, понюхав бурлящую жидкость. – Пахнет отвратительно, запах как в нечищенной конюшне. Делаем ровно по одному глотку! Игнатий, это касается и тебя тоже – только один гло-

ток!

Евгений надеялся, что до этого не дойдет, но перемещаться в Аду пешим ходом без дьявольской микстуры брата Алессандро было куда опасней. Он принял рог из рук Декарта и, зажмурившись, сделал глоток, передав рог Игнату. Зелье было вязкое и обжигающее, как смола ядовитого дерева, смешенная с густой кровью и ликером. Оно быстро растекалось по телу, вызывая сокращение продольных мышц на спине, плечах и груди. Затем у него на спине раздвинулись лопатки, из-под которых наружу выпряглись два темно-фиолетовых крыла, разорвавших своими острыми краями свитер. Теперь на высоком уступе стояли три существа, почти ничем не отличавшиеся от прочих демонических созданий. Расправив кошмарные кожистые крылья, они оттолкнулись от камней и зависли в затяжном полете над бездной.

Они кружили над огненными облаками, разглядывая кишашие внизу полчища inferнальных тварей. Подобно трем крохотным мушкам, они пролетали мимо липких кровавых паутин. Они видели великие вулканы и горы, растущие вершинами вниз, словно сталактиты. За эти перевернутые вершины цеплялись насекомоподобные демоны. А потом они долго парили над хвостатой кометой, обозревая ее изрезанный каньонами ландшафт и тянущиеся заостренные хребты, с ужасом осознавая, что это была совсем даже не комета и не астероид, а гигантский дракон, проплывавший в просторах подземного мира как древнеегипетский змей Апофис.

От этих чудовищных зрелищ в жилах стыла кровь, гормоны страха сковывали сознание. Полет на демонических крыльях в пламенеющих облаках Ада доставлял удовольствие разве только Игнатию. Он сверкал глазами, увлеченно рассказывая о том, что Данте Алигьери, придавший своим inferнальным видениям законченную поэтическую форму, так и не сумел передать всего ужасающего величия Ада. В этом безудержном полете Игнатий и впрямь производил впечатление одержимого человека. Он кричал что-то про ангела, явившегося ему во сне и заманившего его в Ад, посулив в качестве награды сделать ангелом самого Игнатия. Выслушивать весь этот бред было порой невыносимо, однако постепенно из несвязных слов сумасшедшего стали вырисовываться подлинные причины его умопомешательства.

– А вы помните, помните эту балладу Гумилева? О, да! Это же самая лучшая, непревзойденнейшая вещь всего Серебряного века, – вне себя от радости ликовал Игнатий, выкрикивая по памяти четверостишия из упомянутого им стихотворения Николая Гумилева:

*Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.
Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней*

*И игре моего золотого кольца.
Там, на высях сознания – безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичом,
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.
В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.
И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.*

– Люцифер? – спросил у него Евгений. – Так это он заманил тебя в Инферно?

Ничего не ответив, Игнатий, наконец-то, притих. После радостного возбуждения он стал таким спокойным и кротким, что это выглядело крайне неестественно и подозрительно. Евгений с Декартом переглянулись, подумав об одном и том же. Если Люцифер отправил Игнатия в Ад, дальнейшие поиски *серебра всепрощения* могли оказаться бессмысленными.

Они летели над пылающими просторами, ни о чем больше не разговаривая. Где-то там, внизу, среди огненных рек, разносилось эхо стенающих душ, изредка прерываемое шелестом крыл, хлопающих за плечами путников. Демонических

созданий и проклятых душ было так много, что Евгений не мог различить с высоты полета девять кругов Ада, о которых повествовал Алигьери. Только поэтический гений Вергилия и Данте мог разложить зло по полочкам, но Евгений не обладал таким талантом. Он не видел в бушующем море страданий никакого подразделения грехов. Всякая скверна в душе человеческой имела одну и ту же греховную природу и питалась одним и тем же корнем мирового зла. Где было одно зло, там однажды возникало и другое. Где была алчность, там была и жестокость, где была жестокость, там была и корысть, где была корысть, там был и обман.

Сама идея существования в Аду иерархии грехов и соответствующего справедливого воздаяния была слишком человеческой для этого места. Демоны Ада не занимались правозащитной деятельностью, им не нужно было лицемерить, взывая к морали и к чувству сострадания, чтобы смягчить преступнику приговор. Здесь никто не взвешивал с аптекарской точностью злодеяния грешников, поэтому из всех возможных человеческих страданий inferнальные муки были самыми несоразмерными по своей жестокости, и одно лицемерие их могло свести с ума кого угодно.

– Мы приближаемся к Джудекке, где терзается, не ведая покоя, душа предателя божественной любви Иуды, – оповестил Ренэ Декарт, снижаясь над обширным подземным озером и придерживая шляпу, которую пару раз чуть не слудило во время полета. – Ни одна душа не была Люциферу так

близка и в то же время не вызывала большей ярости, чем душа Иуды!

– Да, но, как вы знаете, Люцифер давно покинул Инферно, по моим подсчетам, еще в эпоху Просвещения, – отозвался Игнатий. – Если хотите, я могу показать, где теперь обитает тень Иуды, это недалеко отсюда.

Игнатий чуть накренился и наострил крылья к пустынной долине близ озера Коцит, над которой пролетал белый снег. Лишь ступив ногой на твердую поверхность, Евгений поймал на ладонь несколько хлопьев, определив по ним, что вместо снега на дно Ада нескончаемо падал унылый пепел сгоревших тел. Путники поднялись на гребень из золы кремированных грешников и увидели возле адского дерева истерзанного прокаженного, зашивавшего себе губы колючками терновника. Его пустые глазницы что-то искали во тьме. Ему как будто хотелось взглянуть на свет хотя бы одной крохотной звезды, но вверху простирались лишь огни страшной впадины с кружившими без конца мрачными бесами.

– Весьма прискорбное зрелище, – вздохнул Ренэ, подходя ближе к Иуде.

– Нет, не прикасайтесь к нему! – вздрогнул Игнат. – Его проклятье считается заразным.

– Он что, совсем ничего не говорит? – Декарт разочарованно развел руками при виде колючек, торчавших из губ Иуды.

– А вы хотели у него что-то узнать, что-то связанное с Лю-

цифером? – прищурился Игнатий.

Приподняв бровь, Ренэ Декарт решил рассказать про *се-ребро всепрощения* в надежде прояснить обстановку. Но вдруг, заметив кого-то неподалеку, быстро откупорил рог с *Микстурой Драконис* и сделал глоток, после чего лицо Декарта облезло и покрылось отвратительной толстой коркой. Он хотел передать рог Евгению, но не успел.

– Так-так... Давненько у нас не было гостей!

За спиной Евгения раздался сухой голос, от которого на затылке волосы встали дыбом. Повернув голову, он обнаружил позади молоденького парня с красивым лицом. Он стоял в офицерской форме, и невозможно было представить, чтобы он оказался демоном Ада. Тем не менее, когда парень развернулся, чтобы осмотреть путников, Евгений обнаружил, что второй половины лица у офицера-особиста не было – она полностью отсутствовала, так что вместо нее был виден только окровавленный мозг. Рядом с ним стояли еще четверо: изуродованный взрывом матрос в бескозырке, буденовец с обмороженным лицом без носа, черный гусар смерти с шашкой наголо, да еще корниловец с мертвой головой на шевроне – оба объятые непрестанно горящим пламенем.

– Достопримечательности осматриваем? – поинтересовался молоденький офицер, прикуривая половиной рта сигарку, скрученную из нежнейшей кожи юных грешниц-курильщиц. – Говорят, этот прокаженный еврей когда-то целовал Христа.

– Бедняга, не успел себе девушку завести, – широко лыбясь во весь рот, подтрунивал матрос-атеист, даже на самом дне Ада не веривший ни в бога, ни в дьявола.

– Мы разыскиваем одного беглеца, – трескучим демоническим голосом произнес Декарт. – Остальное вам знать не обязательно.

– Видали мы таких чертей! – сплюнул черный гусар в сторону.

– Проклятые жидомасоны... – с ненавистью проскрежестал сквозь зубы корниловец.

– Эти двое выглядят как живые души, особенно этот! Ишь, как испугался, – офицер-особист уставился на Евгения вырванным глазом, который приподнялся на тоненькой ниточке нервов, словно кобра.

– Ну что, товарищи-троцкисты, сами во всем сознаваться будете или как? – оживился безносый буденовец, скидывая с плеча трехлинейную винтовку со штыком.

– А может, ну их в пекло? Да и дело с концом! – не раздумывая, предложил матрос.

– Разговорчики! – прикрикнул офицер. – Прокаженный не просто так сюда посажен! Ясно? По особому предписанию мы должны сопроводить их в Пандемониум.

– Ты что, командир!? – вырвалось у матроса. – А ежели что не так пойдет? С тебя же первого шкуру сдерут!

– Сдерут – так сдерут. Знаешь, что бывает за невыполнение приказов Верховного?

Прикусив язык, матрос тут же сменил тон, с каким-то почтением предложив пройти с ними для устранения всех возникших недоразумений. Ренэ Декарт припугнул стражей, что скоро они пожалеют о своем вмешательстве в «*расследование побега*», но все-таки был вынужден им подчиниться. Вокруг пятерки дозорных и трех путников вспыхнули прозрачные сферы. Приподнявшись над барханами из кремированных тел, эти пламенные сферы помчались по пустынной долине, населенной зубастыми адскими червями, бороздившими залежи золы в поисках пищи.

На самом краю пустоши их взорам открылся пещерный дворец. Две величественных зазубренных скалы возвышались над входом в демоническую обитель, а между скал тянулась лестница из окаменевших от ужаса тел. Нефилимы с опаленными крыльями сидели на карнизах и воротах Пандемониума, разглядывая немигающими красными глазами горстку посетителей, посмеявших нарушить их сладкую дрему после очередного кровавого пиршества.

Пламенные сферы растворились, как только путники переступили порог подземного грота, огромнейшие своды которого подпирали колонны, то и дело испускавшие языки огня. В тенистых промежутках между колоннами виднелись восемнадцать порталов, увенчанных дьявольскими рогами, обвитых толстыми цепями с орудиями пыток. Судя по всему, эти порталы связывали Пандемониум с другими inferнальными измерениями.

– Скорее падайте ниц, это же Владыка бездны... – прошептал Игнатий, опускаясь на колени и вытягивая руки вперед.

Посреди зала на троне восседал демон Ада, из пасти которого валил густой дым. Его охраняли сторукие великаны с серпами, древние боги-асуры, восставшие против законов праведности, презревшие свет небес семиголовые змеи-наги, проклявшие самих себя осквернители жизни ракшасы, не ведающие ни любви, ни жалости, ни сострадания.

– Какая дерзость! – прошипела змееголовая нага. – Вы не поклонились Владыке бездны!

– В былые времена здесь поклонялись Люциферу, падшему ангелу света, – громко ответил Ренэ. – Откуда нам знать, кого вы сейчас величаете Владыкой бездны?

Восседавший на троне демон воспламенился от гнева, поднявшись и расправив черные крылья. Тень, исходившая от него, накрыла весь зал Пандемониума. Он поднес лицо ближе к Декарту, чтобы его разглядеть.

– *Яма-радж, Ирлик-хан, Владыка бездны Тартарос*, у меня много имен. Выбирай любое... – устрашающе произнес демон. – Только не жди от меня пощады, прислужник Люцифера. Милосердие в царстве грешников – самый тяжкий из грехов!

– О, Владыка бездны, позволь мне молвить слово, – обратился к нему Игнатий, приподымая глаза. – Эти двое не служат самозванцу-Люциферу! Они совершенно не понимают,

куда попали.

На плечо демонического гиганта, назвавшего себя *Тартаросом*, опустился измазанный копотью нефилим, с подобострастьем прошептавший что-то своему повелителю.

– Не служат самозванцу-Люциферу? А мне только что сообщили, что один из вас – его слуга и осведомитель, бежавший из бастионов смерти! – верховный демон Ада не сдержался и выдохнул из пасти столб пламени.

– Это я, – Игнатий вновь опустил глаза книзу, чтобы не встретиться взглядом с разъяренным демоном. – Но эти двое ничего обо мне не знали! Я был послан Люцифером, чтобы раздобыть...

– Потерянный Иудой *дар всепрощения*!? – взревел *Тартарос*, мучительно подняв огненные глаза к темным сводам Пандемониума.

– Да, о великий Царь бездны! Но Люцифер обманул меня. Я все проверил, никому неизвестно, где находится *дар*! С тех пор каждый раз, когда тело мое засыпает, душа просыпается замурованной в стене. Этот кошмар повторяется вновь и вновь, – Игнатий схватился за голову. – Я больше так не могу, не могу...

Верховный демон Ада резко поднял руку, перебивая жалобы Игнатия:

– Если тебе надоело твое наказание, его заменят на другое, более суровое и невыносимое. Разве ты не знаешь? Доброта в царстве грешников означает только слабость, а я не

могу себе позволить слабость! Впрочем, ты прав, смертный, этот падший ангел непревзойденный лжец... Он переманил у меня легионы проклятых и увел их с собой, как только они его вытащили из бездны. Он обманул самого *Тартароса*! – расвирипел демон, да так, что вся его свита расплзлась по углам Пандемониума, прячась за огненными колоннами.

– Однажды Люцифер узнает, где лежит *серебро всепрощения*, и поднимет его, – неожиданно для всех сказал Декарт. – Если реликвия попадет в его руки, бедствия обрушатся на весь Мистериум, на верхние и нижние уровни астрала. Поэтому Незримый Коллегиум ордена Розы-Креста направил нас на его поиски. Мы должны опередить Люцифера.

– Незримый Коллегиум... – задумался демон *Тартарос*. – Мистический орден, который ведет борьбу с воинством Хаоса. Насколько я знаю, раньше вы сами прислуживали Люциферу. Так назовите причину, по которой я выслушиваю ваши жалкие басни вместо того, чтобы засадить всех троих в трубу инфернального органа? В моем театре вечной боли как раз не хватает свежих голосов для исполнения неистовых слезных какофоний, так согревающих мою истерзанную душу.

– Разрушение Мистериума означает разрушение и твоего царства грешников. Ты можешь нас упрятать в адскую темницу, но это ничего не изменит. Это не остановит Люцифера. Он будет отправлять сюда своих осведомителей до тех пор, пока не догадается, где находится то, что ему нужно.

Слова Декарта возымели на *Тартароса* такое действие, что архангел бездны Ада закатил глаза. Опустившись обратно на трон, он напряженно обдумывал решение, прислонивши ко лбу указательный палец.

– Пожалуй, мы вас отпустим, – произнес он наконец. – Вам не придется более искать, где был спрятан *дар всепрощения*. Не ведая подлинной его цены, один старый горшечник, отдал серебряник Иуды моему стражу *Харону*. Не сумев его удержать из-за невероятной тяжести, *Харон* призвал меня. Но даже мне было не под силу удержать *серебро всепрощения*! Здесь, в царстве грешников, сей *дар* имеет особый вес, поэтому я тайно выбросил серебряник в озеро Коцит, используя смертных болванов, вроде вас. Там он и лежит у подножья глыбы, что ранее являлась вершиной Преисподней. Сумеете поднять его – он ваш, только я бы трижды подумал на вашем месте, стоит ли погружаться в озеро, из которого невозможно выбраться.

– А как же астральный разлом, в котором застрял Люцифер? – спросил у него Декарт. – Через разлом мы попадем в Чистилище, а там найдем переход в Мистериум.

– Вот уж два века прошло, как разлом затянулся, – язвительно ответил *Тартарос*. – Теперь я и сам вижу, что вы не понимаете, куда попали. Ступайте прочь, пока я не передумал! И не вздумайте меня благодарить, в Аду не говорят «спасибо»! Здесь никому не желают здоровья и не говорят «прощай» или «до скорой встречи»...

– Полностью согласен, – Декарт галантно приложил чешуйчатую руку к полам шляпы. – Для нас всех будет лучше, если мы никогда больше не увидимся.

Перед Декартом с ужасом расступились грязнокрылые нефилимы и адские создания, населявшие Пандемониум. За все время, пока путники находились во дворце *Тартароса*, Евгений не произнес ни слова, и даже когда Ренэ с Игнатием облегченно вздохнули, покидая демонические ворота, он не мог ни о чем говорить.

– Вот это да! – не скрывая радости, воскликнул Игнатий, спускаясь по лестнице между двух зазубренных скал. – Верховный владыка сам рассказал, где спрятан *дар всепрощения*! Я потрясен – это немыслимое везение, вы хоть понимаете, как нам повезло?!

– Наши пути расходятся, Игнатий, – серьезно сказал Декарт. – Как осведомитель Люцифера, ты больше не можешь нас сопровождать. По роковой случайности ты нам действительно помог, но на этом все кончено.

– Нет-нет, вы не можете меня вот так бросить! Неужели вы думаете, что я буду доносить Люциферу после всего того, что перенес!? – запротестовал Игнатий. – Единственное, чего я хочу, так это навсегда покинуть эту чертову бездну! Я хочу жить обыкновенной жизнью, понимаете? Я хочу быть как все – я хочу обо всем забыть! Но первым делом, как только мы выберемся отсюда, я хотел бы сходить в церковь. Если, конечно, меня туда впустят.

– Он прав, Декарт, мы не можем его оставить, – постепенно приходя в себя, сказал Евгений. – Никто не застрахован от козней павшего ангела. Каждый может оступиться, и если мы не протянем ему руку помощи, кто ее здесь протянет?

– Женэ, ты слышал, что сказал демон? Из озера Коцит нет пути назад. Переход из Инферно в Чистилище закрылся! Теперь мы обязаны вернуться в небесную крепость, чтобы собрать Коллегиум и решить, что делать дальше...

– Декарт?... – вмешался в их разговор Игнатий. – Тот самый Ренэ Декарт, с которого началась эпоха Просвещения? Если вы в самом деле посланники незримого ордена, тогда, боюсь, у вас уже нет времени. Готов поспорить, у Люцифера есть свои «уши» в Пандемониуме, которые в этот самый момент отчаянно ищут с ним встречи, чтобы сообщить, где находится серебряник Иуды. Вам нельзя медлить ни минуты!

Игнатий вспорхнул вверх, призывая Евгения и Декарта следовать за ним. Евгений окончательно перестал понимать, что происходит. Декарт в демоническом облике настаивал вернуться в *Porta Lumen*, а бывший доносчик Игнатий торопил их отправиться к озеру Коцит. Похоже, только у Евгения не было никакого плана действий. Возможно, это была ошибка, но он поднялся на крыльях следом за Игнатием – как ни странно, только он мог правильно ориентироваться в том безумии, которое пронизывало inferнальное пространство. Ренэ Декарт, как и подобает старому ветерану осады Ля-Рошеля, крепко выругался по-французски, но тоже при-

соединился к ним, взмахнув крыльями.

Они помчались к озеру Коцит что было сил... Так быстро, что Евгений не успевал переводить дух. Ему казалось, что целая вселенная висела в этот миг на волоске от гибели. Над адским озером Декарт вынул из ножен свою шпагу, поцеловал эфес и со всей высоты спикировал вниз, чтобы пробить наконечником корку льда. Он ринулся в бой, как бывало не раз, сдвигая рукоять клинка двумя руками. Приземлившись рядом с ним, Евгений увидел разорванные перчатки и окровавленные ладони Ренэ, из которых хлестала кровь. Пальцы Декарта тряслись от боли, однако на его лице, в котором угадывались прежние человеческие черты, сияла знакомая улыбка.

– Ну вот и все, Женэ, теперь нам предстоит сделать еще одну небольшую глупость, – грустно улыбаясь, сказал философ. – Мой добрый дух, я был так рад повстречать тебя в том самом первом сне. Господи, как же давно это было...

– Я тоже был рад тому странному знакомству, – ответил Евгений. – Ренэ, что бы я без тебя делал? Но в озеро должен спуститься только я один. Ты забыл? Чтобы поднять серебро, нужна связь с материальным телом.

– Пойми, это не просто страшный сон! Твоя душа не выберется из озера Коцит обратно. Ты не сможешь проснуться и вернуться в телесный мир! Ты *это* понимаешь?! – повысил на него голос Декарт.

– Между прочим, он не шутит, гиблое это место, – под-

твердил Игнатий, с опаской поглядывая в прорубь. – Притяжение бездны, что находится где-то под озером, удерживает память падших душ, растворенных в этой нечистой воде.

– Как притяжение потухшего солнца, которое... больше не светит, – вспомнил Евгений. – Ну, конечно! На поверхности озера царит вечный холод, потому что остатки горячей плазмы скапливаются внизу, на оболочке черной дыры. Должно быть, там температура в миллионы градусов!

– Довольно жарко даже для Инферно, – цинично заметил Игнатий.

– Ренэ, у тебя ведь еще осталась эта чертова микстура? Только не говори, что она кончилась!

Декарт растерянно похлопал по карманам своего камзола. Потом вспомнил, что рог с *Микстурой Драконис* висит у него на поясе и прикоснулся к рогу дрожащей рукой, боясь ненароком расплескать остатки эликсира.

– Послушай, ты должен сделать все так, как я скажу! Когда я нырну в прорубь, раскрой свиток и начинай читать отрывок из Апокалипсиса. Не дожидайся меня, слышишь? Ты должен вытащить отсюда Игнатия – это самое главное!

– Женэ, через свиток может выйти ровно столько душ, сколько вошло, – заметил Ренэ. – Если Игнатий переместится со мной, он выберется из астрала, а ты навсегда останешься в Инферно. Я не могу так поступить! Уж лучше я спрыгну в озеро вместе с тобой и погибну как солдат, чем спасу душу этого несчастного.

– Ты должен взять Игнатия вместо меня.

– Но почему!?! – недоумевал Декарт.

– Потому, что это уже произошло, – попытался объяснить Евгений. – Если ты не вытащишь Игната, я не увижу его на улице, не вспомню тебя. Тогда я не увижу сон, в котором ты найдешь меня с помощью *виватрона*. И я не попаду в Зал Дверей, не встречу там магистра Ньютона... Игнатий, на самом деле все сейчас зависит от тебя! После пробуждения ты должен найти меня возле памятника Георгию Константиновичу Жукову рядом со зданием Военной академии. Когда мы встретимся, скажи, что я сам тебя отправил, и не забудь выкрикнуть: «*Вот он, Георгий Победоносец на коне!*». Это очень важно...

– Женэ, как ты можешь помнить то, чего с Игнатием еще не произошло? – высказал сомнение Декарт. – Даже если ты ничего не напутал, и вы с Игнатием встретитесь, ни один человек, находясь в здравом уме, не станет слушать на улице какого-то сумасшедшего!

– Он ничего не напутал, – потирая виски, пробубнил Игнатий. – Это можно объяснить, если представить астрал сферическим пространством. На одной стороне день еще не окончился, а на другой – уже наступил следующий. Когда Евгений нырнет в озеро, он пройдет через ядро бездны и окажется в завтрашнем дне, а я останусь в сегодняшнем. Он увидит свой сон завтра, поэтому мой сон окажется для него вчерашним. Не знаю как, но он переместится во времени от-

носителем времени моего сновидения!

– Вот видишь, Ренэ, если Игнат видит меня сейчас во сне до того, как мы с ним встретимся на улице, и если я это помню, значит, я выберусь из озера Коцит! Но для этого мне потребуется сделать два глотка из твоего драконьего рога, чтобы сделаться нечувствительным к огню.

– Не знаю, кто из нас спятил – он, ты или я... – произнес Ренэ Декарт. – Или, возможно, мы все вместе сошли с ума, но пусть будет по-твоему!

Декарт медленно передал остатки *Микстуры Драконис* Евгению, который дважды пригубил отвратительной жидкости и выронил рог из руки. Подпрыгивая от возбуждения, Игнатий впал в безумие, нашептывая очередное стихотворение. Он кружился на месте, хватая себя за волосы и наблюдая, как Евгений корчится от изменений, происходивших с его телом. Оно трещало по швам, обрастая пластинами неуязвимой чешуйчатой брони, невосприимчивой к боли. Теперь он не просто походил на дракона – он ощущал себя им! Прежние движения рук стали ненужными – теперь он мог двигаться иначе, более эффективно, более раскованно! В его мозгу пробудились повадки, о которых он не подозревал, которые должны были давно стереться из генетической памяти человека.

– Боже! Боже правый! Какой безумный день! Неужели мы с тобой встретимся? – трепеща от страха, приседал Игнатий и снова подпрыгивал, ударяя в ладоши.

– Знаешь, что я понял после встречи с тобой? – сказал ему на прощание Евгений. – Все люди безумны, только не все об этом догадываются. Некоторые всю свою жизнь притворяются нормальными, считая себя адекватными людьми, а некоторые не могут больше притворяться. Вот и вся разница. Между твоим и моим безумием разница всего в один день!

Но поверь, самые настоящие безумцы живут не в лечебницах для душевнобольных – они живут в самых дорогих домах мира, едят самую дорогую пищу, покупают самые дорогие вещи. Они воображают себя знаменитостями, выдающимися людьми, вершителями судеб и всей человеческой истории. Они заражают этим своим безумием человечество. Поэтому, когда мы с тобой встретимся, ты поймешь, что тебе не нужно становиться как все, и когда ты это поймешь, душа твоя очистится, она обязательно исцелится, вот увидишь!

После этих слов Евгений глубоко вдохнул, встал на край ледяной проруби и нырнул в темные воды Коцита.

***

Он не чувствовал ни холода, ни жара. Он погружался в бездну самой Бездны, в самый сгусток вселенского зла. В глубинах озера он увидел разросшиеся корни адского дерева, которые ревностно следили за ним и тянулись к самому дну – туда, где вращалась чернеющая тьма водоворота и без-

видная пустота самых тяжких грехов. Над водоворотом двигались обломки темной скалы – он устремился к ним, надеясь различить в темноте отблески *серебра всепрощения*, но притяжение черной дыры стало его затягивать. Он ухватился когтями дракона за каменную глыбу, лишь бы не сорваться в бездну, не думая уже о том, чтобы найти серебряник Иуды.

Хватаясь за камни, которые один за другим отрывались и падали в водоворот, он карабкался по скале, пока не нащупал твердый выступ. Вцепившись в него, он повис над черной дырой, теряя силы, озираясь по сторонам и вниз, где кружили тени проклятых. Он чуть приподнял голову – и тут взгляд его остановился на половинке монеты, застрявшей в камне. Она потемнела от времени и выглядела неказисто, но это, несомненно, была та самая реликвия, которую разыскивало братство Розы и Креста. Вряд ли в озере Коцит мог находиться какой-то другой серебряник.

Он попытался вытащить монету из камня, но какая-то сила удерживала серебряник изнутри. За ним виднелась узкая щель или замочная скважина, открывавшая дверь в астральный переход. Подцепив серебряник когтем, Евгений с трудом извлек его из щели, искренне обрадовавшись этому, потому что других поводов для радости у него не было. Из последних сил цепляясь за выступ одной рукой, крепко сжав другой рукой серебряник, он осознавал, что не сможет выбраться из озера, тем более, протиснуться в узкую астральную щель.

Его мозг с дикой скоростью просчитывал все варианты. Ему нужно было что-то вспомнить, ему нужен был ключ... Ключ, магия одного ключа! Что имел в виду дервиш в Зале Дверей? Ведь он не дал ему никакой подсказки, не дал никакого ключа. Неужели тем единственным ключом, открывавшим в конце концов все двери, являлся сам человек? Неужели путешествующий в астрале дервиш хотел сказать, что Евгений сам является ключом?

И он вспомнил... Да, он вспомнил то забытое чувство, которое все люди неизбежно забывали уже во младенчестве, как только начинали ходить. В точности такое же чувство он испытывал, когда рождался, когда ощущал себя всего лишь ключом, который должен был что-то открыть – открыть огромный мир, целую вселенную со всеми ее испытаниями. Как же он мог забыть то величайшее и таинственнейшее чувство? Как же мог забыть, что все это время был всего лишь ключом, и никогда не переставал им быть? В этом и был весь его дар, дар каждого человека. Дар, благодаря которому внешнее пространство могло становиться внутренним, а внутреннее – внешним...

Не успел он об этом подумать, как узкая щель затянула его внутрь, объяв со всех сторон яркими протуберанцами. Он падал сквозь древнее потухшее солнце, покрытое темными пятнами. Оно прожигало каждую его клетку насквозь, он выгорал изнутри и снаружи, как выгорают дрова в печи. Однако тело дракона не испытывало боль, и, что самое неверо-

ятное, оно успевало моментально восстанавливаться по мере своего выгорания! По крайней мере, пока он падал. А затем... затем он вновь оказался в воде. Но вода эта почему-то обожгла его сильнее десяти тысяч протуберанцев! Он испытал такой болевой шок, что тут же лишился сознания.

Он запомнил только, что его подхватила какая-то раскаленная решетка и рассекла его тело на части. Иногда до него доносились какие-то голоса. Они испуганно причитали. Потом один басистый голос стал нараспев читать псалом «*Живый в помощи*». И это было так необычно, что Евгений собрал всю волю в кулак и чуть приоткрыл веки. Первым делом он увидел свою обгоревшую демоническую руку, запутавшуюся в сетях, которая лежала на мокрых досках вместе с мелкой рыбешкой. Морские волны шумно раскачивали рыбацкую барку, а над ее бортами светили открытые лазурные небеса. Как и предполагал Игнатий, он вынырнул где-то с другой стороны астрала! Несмотря на страшную боль, ему стало так хорошо и спокойно на душе, как еще никогда не было. После озера Коцит он был готов плыть в этой барке весь остаток жизни, прильнув щекой к этим мокрым доскам.

Но вскоре кто-то нарушил его покой. Обожженное тело стали тыкать и тормошить веслом. Чьи-то сильные руки подхватили рыбацкие сети и бросили его тело на песчаный берег, по которому бегали люди в монашеских одеяниях.

– Истинно говорю вам, сие есмь морской дьявол! – сказал

один монах, перекрестившись.

– Морской дьявол, говоришь? А зачем ему крылья, ась? – спросил второй. – Молчи уж, коли не знаешь!

– Не к добру это! Ой, не к добру, – повторял рыбак в монашеской рясе. – Эвона, какой рыбы наловили!

На берег сбегались другие перепуганные насмерть монахи. Они наперебой талдычили про конец света, вспоминая строки из Апокалипсиса. Евгений не мог ничего им сказать, потому что его губы были покрыты запекшейся коростой, которую он не решался разлепить.

– А ну, расступись, – повелел подоспевший иеромонах. – Где ваше чудище морское? А ну... Господи Иисусе!

– Оно живое аль нет? – тихо полюбопытствовал кто-то.

– Сейчас проверим! – басом ответил здоровенный монах, ткнув обгоревшее тело веслом.

От нестерпимой боли Евгений заорал, содрогаясь в конвульсиях всем телом.

– Кажется, живое! Что делать-то с ним будем?

– Предадим огню! Вместе с сетями и лодкой сожжем демона!

– Да подожди ты, тут разобраться нужно, – рассудил священник. – Неслыханное дело, чтобы из Околоземного моря беса выловили!

– Околоземное море? – прохрипел Евгений, едва размыкая губы. – Возможно ли это?

– Дьявол говорит, он говорит по-нашему! – разнесся

изумленный шепот среди монахов.

– Отвечай, сатана, откуда ниспал? – спросил иеромонах, наставляя на него нагрудный крест.

– Да не сатана я, а человек. Был я у вас однажды...

– Врешь, лукавый! Где ж это видано, чтобы таких чудищ поганых да в монастырскую обитель впускали? – прервали его окриками монахи.

– Нечего с ним церемониться, – махнул могучей рукой здоровяк. – Тащите дрова, братцы!

– Постой-ка, Олешка, – приостановил его один из братьев. – А помнишь странноприимца из России, который далече переполох в обители нашей устроил? Батюшка Лаврентий с именем встречался, притчи свои сказывал, и я их слушал. Зело чудной малый был на этого дьявола схож.

– Старец Лаврентий рассказывал нам притчу о дереве, которое погубили наследники садовника. Все ветви погубили! Кроме одной, которая осталась ничейной, – напомнил ему Евгений. – Если не верите мне, позовите отца Павла Флоренского. Он узнает меня даже в таком обличье, скажите ему, что это Евгений.

Промеж небесноафонских братьев прокатился ропот. Никто из них не верил, что *«сей морской дьявол»* говорит правду, называясь человеческим именем, да еще утверждая, что ему сказывал притчи сам настоятель Святогорского монастыря схиархимандрит Лаврентий.

– Чего уставились? А ну, живо за братом Павлом Алек-

сандровичем! И к отцу Лаврентию бегите немедленно! Да чан с водой освященною принесите, – распорядился иеромонах. – Мало ли что на уме у этого беса.

– Да не бес я, – устало вздохнул Евгений.

– Вот заладил, не бес да не бес! А кто ты, кажи, такой? Бес, он и есть бес! – притопнул ногой монах-рыбак. – Ишь, крылища отростил! И рога, эвон какие! Тьфу на тебя, тьфу, нечистый! Смотреть даже противно...

Евгений расплылся в добродушной улыбке – этот небесноафонский рыбак, выловивший его из Околоземного моря, совершенно не умел сердиться. Он и ругал его как-то по-старинному, по-доброму. Так беззлобно укорять могли только в исконной светлой Руси, которой больше не было в осточертелых, говоривших на русинглише городах. Но здесь, на небесном острове, сохранилась и та заповедная Русь, и русский дух, и то живое русское слово, которое Евгений так любил. Он лежал на песке и думал, что, наверное, рыбак был-таки прав, и он действительно был бесом – таким же, как все обезличенные люди, принявшие числоимя Зверя. Ему, конечно же, было не место на этой святой земле. Его появление только портило всю благодать здешних красивейших гор, густо заросших кипарисами, и этой чистой лагуны, которую огибали голубые волны.

– Евгений, призрачный друг, ты ли это!?

Рядом на песок рухнул запыхавшийся небесноафонский брат. Он прибежал, даже не сняв с себя суконного фарту-

ка, измазанного иконописными красками, темперой с лазурью, источавшими елейный аромат. Мыслитель и священник Павел Александрович Флоренский был очень напуган, но не внешним видом Евгения, а чем-то другим.

– Да я и сам не знаю, я это или не я, – пробубнил Евгений.

– Что же ты, что же ты с собой соделал!?! – склонился над ним Павел Александрович, не смея прикоснуться к обгоревшей коже трясущимися от горя руками.

– Дело было такое, Павел Александрович, что даже ты не поверишь, коли расскажу, – Евгений разжал демоническую длань, в которой сжимал серебряник Иуды. – Все из-за этой вещицы...

Павел Александрович тронул серебряник, впекшийся в ладонь Евгения, и тут же одернул руку. Видимо, серебряник до сих пор был горячим.

– Вижу, тебе удалось разыскать *дар всепрощения*, – неторопливо сказал подошедший вместе с монахами Черниговский духовновидец Лаврентий.

– *Дар всепрощения?* – повторил за ним Павел Александрович, смутившись.

– Кто не знает, братия, тому скажу, что серебряник сей был принесен на Храмовую гору Сыном Божиим и Помазанником Иисусом, но взяли его с другим серебром первосвященники из казны храмовой и расплатились им за предательство Иудино. Когда же Иуда совершил предательство свое и одумался, то вернул старейшинам и священникам се-

ребро их нечистое. Они же купили на него земли для погребения бродяг, и никто с той поры не видал серебряник, дарующий прощение всякого греха и всякую скверну души очищающий.

– Чтобы его отыскать, пришлось изменить человеческий облик и окунуться в озеро Коцит, – как можно кратче поведал старцу Евгений. – Но что-то пошло не так, действие снадобья окончилось, а тело мое не возвращается в прежнее состояние.

Небесноафонские братья пропустили эти слова Евгения мимо ушей. Они стояли, как вкопанные, окаменев от ужаса при виде обожженной ладони с почерневшим серебряником. Павел Александрович с надеждой взглянул на старца Лаврентия, уповая на то, что он как-то поможет Евгению.

– Человеческий облик мы тебе, может быть, и вернем, – молвил отец Лаврентий. – Но душа твоя в большом искушении находится. Серебряник этот не приносит ни добра, ни счастья.

– Может, будет лучше оставить его в Граде Небесном? Слишком многие хотели его заполучить – и незримое братство, и тамплиеры, и падший ангел света.

Евгений протянул серебряник Луке Евсеевичу, но тот помотал седой головой.

– *Дар всепрощения* всегда будет притягивать зло, – ответил он. – Град Небесный Афон не может его принять.

– Куда же мне его спрятать?

– А тебе не нужно его прятать, – по-детски улыбнулся старец Лаврентий своею лучезарной улыбкой, рассеивающей всякие сомнения. – Подлинная сила сего *дара* не в обретеннии всепрощения.

– А в чем же она?

– Могу лишь приоткрыть тебе эту тайну, ибо вещати многи могут, а понимать не все, слушай же. Встретил раз один нищий богатого на базаре, покупавшего домочадцам подарки. И хотел уже по привычке милостыню просить, как подумал в сердце своем: *«Почему же я нищ и ничего не имею, и не могу сам делать другим подарки?»*. Пошел к ключику, испил из него водицы, подобрал на дороге зерна, выпавшие из обоза. И тем себя пропитал. Тем временем богач купил каждому домочадцу подарок, а когда стемнело, отправился на постоялый двор, чтобы выспаться перед обратною дорогой. Проснулся утром, а все его добро вместе с подарками украли. Взревел богач, потому что подарки те были самыми дорогими, и нигде больше было не сыскать таких подарков.

Вышел с постоялого двора, видит, стоит перед ним вчерашний нищий. *«Почему же ты не стал у меня ничего просить? Я бы мог и тебя сделать богатым, теперь бы часть моего богатства у тебя осталась, и ты бы со мной поделился, когда я сам остался ни с чем»*, – спросил богач у нищего. *«Неужель ты думаешь, что богатство твое принесло бы мне счастье и спасло бы нас двоих? Все, что было приобретено, однажды может быть отнято, и у меня могут*

отнять даже тот ключик, из которого я беру воду. Если бы ты сделал меня богатым, то и мое богатство украли бы воры. Только ничего у тебя не спросив, сумел понять я, что подлинный мой дар нельзя ни подарить, ни приобрести, ни отнять».

Тако же и мы, братия, токмо находя самое само, которое нельзя отнять, перестаем испытывать зависимость и внешнюю, и внутреннюю. Токмо тогда можем мы подарить все без остатка и ничего не потерять. Зло же всегда будет находиться в зависимости, сколько бы ни украдо, сколько бы себе ни присвоило, вот почему зло всегда слабее добра будет.

– В прошлую нашу встречу я ведь так и не поверил в слова твои, отец Лаврентий, что в православных церквях великое коварство готовится, что воцарившийся на земле антихрист омертвит церковь. И все же – все случилось так, как ты говорил! Ныне сам Патриарх Константинопольский встал во главе церкви самозваной, и народ наш изводится, и язык русский под запретом, и самые страшные пророчества твои сбылись. Все ветви дерева подрублены, и нет никого, кто бы мог одолеть Зверя и Блудницу Вавилонскую, сидящую на водах многих. Доколе же будет твориться великое беззаконие? Неужто и весь наш народ будет изведен и пленен антихристом?

– Покуда есть на земле человечество, народ наш не изведется, как не может известись корень, на котором растет дерево. Ни одна ветвь, возомнившая себя выше других и ближе

к Богу, не сможет себя ни пропитать, ни удержать без корня, – дал ответ старец Лаврентий. – Но о сроках беззакония не могу тебе ничего сказать. Сроки сии запечатаны в пророчествах, а их каждый склонен толковать по-своему.

– А если я скажу, что собственноручно сжег одно такое толкование перед тем, как спуститься во Ад? Об этом меня попросил сам толкователь. Он почему-то решил, что в противном случае антихрист будет использовать указанные им сроки в своих богомерзких целях, – намекнул Евгений, а потом ради ясности добавил. – Толкователем тем был сир Исаак Ньютон.

– Разве тебе не ведомо, что сир Ньютон причислял себя к тамплиерам? Он был одним из тех, кто вольно или невольно содействовал созданию первых масонских лож, – спохватился Павел Александрович. – Что же, скажи, было в тех его толкованиях?

– Не знаю, я только мельком глянул в тетрадь. Он решил утаить эти записи от Люцифера.

– Может, тебе запомнились какие-то цифры? – продолжал спрашивать Павел Александрович, которого необычайно взволновало то, что Евгений виделся с магистром Ньютоном.

– Шестьдесят две седмины... Он высчитывал дроби методом флюкций.

– Пророчество из книги Даниила о Пришествии Христа *«знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о вос-*

становлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины», – наизусть прочел старец пророчество Даниила. – Стало быть, он вычислял время Второго Пришествия, как и все прочие толкователи.

– Семь седмин означают семь юбилейных циклов еврейского календаря, другими словами 490 лет от возвращения Ездры до распятия Христа нашего Спасителя на горе Голгофе, – бегло заметил Павел Александрович. – Если разуместь два числа как указание на дробь, то шестьдесят две седмины можно представить семидневными неделями. Тогда к тем годам добавится еще один год и десять недель.

– Насколько я помню, – согласился с ним Евгений, – в своих «Замечаниях на книгу пророка Даниила» Ньютон как раз доказывал неточность нашей хронологии, сдвигая ее примерно на год. По его мнению, распятие приходилось на 34-й год земной жизни Иисуса, а не на 33-й, как принято считать.

– Вот уж, действительно, где откровение по Ньютону, – проговорил Флоренский свои мысли вслух. – Но если произвольно сдвигать разряды дробных значений времени, можно получить самые разные сроки. Например, вместо семи юбилейных седмин можно получить 49 лет, вместо шестидесяти двух седмин получить обычные 62 года, состоящие из семидневных недель.

– Орден тамплиеров создал протестантское движение в Европе, поскольку храмовники считали Римского Папу Зверем Апокалипсиса, а Западную Римскую империю царством

антихриста, – решил во всем разобраться Евгений. – Сир Ньютон следовал той же традиции, понимая апокалипсические 42 месяца или 1260 дней как годы правления Зверя. Отсчитав 1260 лет от 800 года, когда был коронован первый император Священной Римской империи Карл Великий, он получил 2060-й год. Эта дата и стала его навязчивой идеей, он полагал, что именно в этот год будет повержена Вавилонская блудница.

– А ну-ка, брат, отними-ка 49 и 62 от двух тысяч шестидесяти, – обратился старец Лаврентий к Павлу Александровичу. – Сколь будет?

– Выходит 1949-й год, – подсчитал отец Павел Флоренский.

– Да вычти еще один год, которого по Ньютону не хватает в обычной хронологии нашей, тогда мы и получим 1948-й год – год, когда было восстановлено государство Израиль, – подытожил все вычисления старец Лаврентий. – Вот какую дату решил утаить Ньютон от падшего ангела и сборища сатанинского, чтобы не могли они, сославшись на его толкование, выдать антихриста своего за нашего Спасителя.

Внимая каждому слову, затаив дыхание, слушали небоноафонские братья дивный разговор этот между выловленным из Околоземного моря чудищем, старцем Лаврентием и Павлом Александровичем. А как только разговор их закончился, вдали над островом показалась большая темно-синяя туча. Ветер поднял песчаный вихорь, от которого нестерпи-

мая боль стала пробегать по обгоревшей коже Евгения ужасными невидимыми волнами.

– А теперича, раб Божий Евгений, должен ты вновь возвратиться на землю грешную, но прежде надлежит нам вернуть тебе человеческий облик. Ох, и ненастную бурю вызвало появление твое, но буря эта утихнет на Небесном Афоне. А расколом великим во церквах православных не омрачай сердце свое, даже если отнимут у нас все храмы, и сожгут все наши книги, и во всей вселенной запретят говорить на языке русском, Русь поднимется из тлена и просияет в веках, и духовность наша исконная никогда бысть не престанет.

С такими словами окунул старец Лаврентий кисть в чан со святой водой и стал окроплять ею тело Евгения, смывая с него остатки обгоревшей чешуи дракона, под которой виднелась невредимая кожа и плоть человеческая.

Монашеские рясы небесноафонских братьев порывисто трепыхались на ветру. Они стояли все в ряд на морском берегу, наблюдая за тем, как из тела драконьего выходит тот самый странноприимец, которого они прежде видели в Граде Небесном. Отвалились пугавшие их рога и обгоревшие кожистые крылья, и боли тяжкие, которые Евгений испытывал от этих рогов и от крыльев, оказались фантомными, как будто их и не было вовсе. Так начинал он просыпаться от долгого сна, а может, рождался заново на белый свет. Он покидал благолепный остров, паривший в небесах, покидал астральное пространство, где самым таинственным и непости-

жимым для него образом переплетались времена и судьбы людей, и в руке его сверкал очищенный от копоти *дар всепрощения*.

Эпизод восьмой.

Рукотворный хаос. Цэ квадрат

Прошло две недели с тех пор, как он проснулся в холодном поту от того сновидения про незримое братство *R.C.*, про бездну Тартара и Град Небесный Афон, и все это время ему казалось, что воспоминания об увиденном должны были вот-вот стереться из его памяти. Но они никак не стирались. И каждый раз после работы, когда он садился в красно-желтый, местами облупившийся трамвай и ехал на потертом сиденье до своей остановки, ему вспоминались те удивительно четкие образы и картины. Он видел, как двери и астральные переходы кружили в загадочной темноте за трамвайными окнами вперемешку с отблесками рекламных огней, и не мог понять, почему он видит их изо дня в день, почему садится в трамвай на одно и то же место. И было совершенно бессмысленно спрашивать, видят ли другие пассажиры эти призрачные тени, находят ли что-то загадочное в той потусторонней темноте увозившего их трамвая.

Двери трамвайчика брезгливо фыркнули и отворились перед ним, предлагая прогуляться по Главному проспекту в нервном потоке автомобилей, привычно застрявших в пятничной пробке. В гудящем городском воздухе пролетали

хлопья мокрого снега, которые падали и бесследно исчезали на черном асфальте, бликующем праздничными гирляндами, развешенными на деревьях возле магазинов. Он так привык к этой вечерней иллюминации билбордов, к этому бесконечному потоку машин, к этому конвейеру из людей, что почти ничего вокруг не замечал. Всю неделю ему приходилось подменять на складе захворавшего Михалыча, таскать в холодильнике пласты мороженой рыбы, пакеты с жирными окорочками, связки деликатесных колбас. Руки мерзли так сильно, что под конец рабочего дня пальцы немели от холода.

Теперь он понимал, почему Михалыч никогда не снимал свою вязаную красную шапочку и своих огромных просаленных перчаток, с магической периодичностью порождавших в бригаде грузчиков безобидные, но, впрочем, как всегда неуместные шуточки. Вообще, когда пожилой металлург дорабатывал годы до пенсии в складском холодильнике, а молодежь тусила в клубах, пабах, стриптиз-барах, проживая в них весьма цивилизованную, но никому не нужную матерщино-блевотную городскую жизнь, когда новые поколения лекарств создавались для того, чтобы человек болел тяжелее и чаще, когда микроволновое излучение поджаривало мозги телефонозависимых горожан, а технократы всех мастей продолжали жаловаться на недостаточный уровень цифровизации, любая глупость или нелепица, над которой можно было поржать, уже не казалась чем-то из ряда вон выходящим, но

и не вызывала того ажиотажа, на который претендовала.

Несуразность обыденной действительности, в которой пребывало человечество, никоим образом не могла быть описана в точных терминах, которыми приучала мыслить удушающая формальдегидная система. Можно было в тысячу первый раз сходить на какой-нибудь посредственный фильм, в котором очередной супергерой в тысячу первый раз победит восставший искусственный разум, спасет всех от инопланетного вторжения, от эпидемии, от глобальной катастрофы, от всемирной диктатуры; можно было зависнуть в социальных сетях, почитать какую-нибудь легонькую беллетристику о маленьких, не слишком постных и в меру солоноватых житейских драмах, постараться восстановить нарушенное чувство реализма, взявшись за пафосный нон-фикшн или за нетронутую блатным жаргоном нетленную классику; но суть в том и состояла, что это все проходило мимо. Никто не собирался думать за вас, никто не собирался улучшать вашу жизнь, и уж тем более спасать от реальных эпидемий, от реальных войн, от реальных катастроф.

Кажется, только самые стойкие либеральные интеллектуалы, прятавшие за своей рефлексией над чем бы то ни было – не важно, над чем – банальную лень духовных паралитиков, не говорили уже этих слов «*Цивилизация зашла в тупик*». Им прочили славу новых Вольтеров, отбросивших стереотипы мышления и прежние границы дозволенного, будь то сфера семейной жизни или международное пра-

во, с них рисовали иконы спасителей мирового прогресса и демократии. Но даже эти стареющие мученики свободомыслия, пылко призывавшие мировое сообщество сплотиться в новой упреждающей войне против России, несколько оплавились от собственной пылкости, когда дух уличной свободы ни с того, ни с сего разгулялся по городам Европы, и больше не производили впечатление стойких оловянных солдатиков. Оно и понятно, ведь всякому уважающему себя интеллектуалу бывает приятно созерцать жгущих автомобильные покрывки демонстрантов в утренних заставках «Евро-ньюз» только на киевском Крещатике, а террористов-выкоремышей США только де-нибудь в сирийском Идлибе, но никак не у себя под носом в Латинском квартале или на площади Согласия.

А еще бывало, соберутся парализики интеллектуального труда на каком-нибудь телеканале и как начнут разворачивать нафталиновые портянки о гуманизме и достижениях американской демократии, о ценности человеческой жизни, о свободе слова и толерантности, о необходимости новых непопулярных реформ, что просто диву даешься – кто и для чего их туда пускает, да еще в таком количестве... А пятничная пробка все так же стояла и стояла, и никто не мог взять в толк, отчего она появилась и как из нее выбраться.

***

Он нажал на кнопку пульта, включив прикрепленный к низкому потолку телевизор, чтобы узнать новости и как-то отвлечься от рутины рабочего дня. Именно так обычно делали по вечерам миллионы и миллионы людей, заранее предполагая, что на самом деле ничего нового они не услышат. Годами по всем телеканалам передавали одно и то же. Можно было легко подменить очередной выпуск новостей прошлогодним, и по большому счету никто бы этого не заметил.

В тот день тоже не произошло ничего собственно нового. Европейские неофашисты продолжали убивать русских, безнаказанно громить и захватывать православные церкви; сенат США ввел очередной пакет санкций против «*русской агрессии*»; напряженность на Ближнем Востоке; учения НАТО; обвал биржевых индексов; паника на *Wall Street*; стихийные бедствия в различных регионах; температурные аномалии. Ровно то же самое показывали год и два, и три года назад – с тех пор абсолютно ничего не изменилось, разве только воровства и насилия стало больше.

Минула эпоха нового и новейшего времени, завершилась эпоха модернизма и постмодернизма, и вот для обозначения очередного периода не нашлось даже мало-мальски подходящего слова. Ибо это было время «*ни о чем*», когда можно было сколько угодно думать «*ни о чем*», произносить какие угодно похотливые ругательства, получать удовольствия любыми доступными средствами. Но думать «*о чем-то*», тем более высказывать мысли о чем-то свыше установлен-

ного системой лимита стало чем-то запредельным и постыдным. В определенный момент человеческая культура перестала вырабатывать гормоны духовного роста, выбрав путь механизации всего человеческого существа, заставляя людей всецело сосредоточиться на своей потребительской жизни «здесь и сейчас». Но чем более человек жил «здесь», тем менее в нем оставалось человека, и чем более он жил «сейчас», тем менее у него оставалось времени.

Глобальный массовый психоз, вызванный цифровизацией сознания, привел к появлению особой карликовой культуры, не позволявшей никому жить в полный рост. И поэтому каждый карлик, который оказывался на полсантиметра выше остальных, тут же признавался великаном. Все карлики непременно должны были верить, что они живут в эпоху великанов. Они должны были верить, что не сегодня – завтра возводимая ими пирамида потребления, новая наука и технологии изменят мир к лучшему. Но завтра почему-то никогда не наступало. И только завтра знало, почему оно никогда не наступит «здесь и сейчас». Да, только завтра знало «никогда» – совсем как в той записанной шиворот-навыворот песенке *The Beatles* «*Tomorrow Never Knows*», названия которой уже никто не понимал.

Может быть, так было и раньше. Возможно, зло и порок неотступно преследовали человечество, так что временами общество низвергалось в пучины мерзости, а временами поднималось до недоступных высот. Поднималось, но ни-

когда не исцелялось окончательно. А что если он, Евгений, был неправ, и где-то рядом прорастали невиданные побеги чего-то возвышенного и вечного? Что если где-то в далеком провинциальном городке, в какой-нибудь далекой, вымирающей деревне происходило нечто способное однажды облагородить весь этот коллапсирующий карликовый мирок мегаполисов. Ведь даже конченные дегенераты, составлявшие теперь значительную часть народонаселения Земли, не могли до бесконечности смотреть тупые приколы, порно-ролики и рекламу по интернету.

Что если рост сознания был возможен даже в таком расщепленном сообществе? Что если каждый мог на своем личном опыте убедиться в существовании того живительного луча, скрытого подальше от суетливых городских огней в самых потаенных, нетронутых глубинах души, способного преобразовать человеческий дух навсегда. Кто хотя бы раз видел тот луч, тому не нужно было объяснять что есть добро и что есть зло, читать нравоучения и проповеди о любви к ближнему, тот знал, что сознание едино и дух един. И это была истина – та самая истина, которую никогда не знала и никогда не будет знать наука со всеми ее квазиформулировками, суперкомпьютерами и адронными коллайдерами. Ибо всеохватное и полное знание невозможно было ни передать, ни принять с помощью внешнего сигнала, как невозможно передать тишину, произнося слова. И самая важная, бесконечно важная часть истины всегда пребывала где-то внутри,

а не снаружи, где угодно и когда угодно, только не «здесь и сейчас».

Он выключил телевизор, налил в кружку горячего чая, бросил в него дольку лимона и открыл на столике ноутбук, чтобы просмотреть сообщения, пришедшие за неделю. После долгого перерыва письмо прислал Влад Крылышкин. Разумеется, это имя ни о чем не говорило и не могло сказать жителям городов-муравейников, еще слыхавших, быть может, о каком-то Камю, Сартре, Хайдеггере или хотя бы о каком-то там еще Ницше. Ведь каждый цивилизованный человек был обязан знать парочку «умных» фамилий, с десятка два исторических и политических имен, и уж никак не меньше двух сотен имен музыкантов, певиц, шоуменов, голливудских киноактеров и популярных персонажей. Но что мог знать городской обыватель, озабоченный комфортом, курсом валют, ворохом личных дел, да и, конечно, еще прогнозами погоды, о самобытном мыслителе, про которого не писали в глянцевах журналах и которого не показывали в клипах по телеку?

Тем удивительнее было их знакомство, тем более странным было то, что существовал такой человек, размышлявший о запредельном и невозможном в бесчеловечных условиях гражданской войны:

«Здравствуй, Евгений! Извини, что не сразу ответил, я сейчас редко пользуюсь почтой. Украина блокирует интер-

нет, поэтому пишу с временного e-mail. По-прежнему живу в своем селе. Родители в Горловке, звоню им по несколько раз на день. Пока, слава Богу, беда их обходит, но в городе уже не осталось мест, не отмеченных взрывами и осколками. Сейчас даже из дома выходить опасно. Там в ходу рубли, гривна отменена.

Автобусы через демаркационную линию ходить перестали, частный транспорт, километровые очереди на КПП. Проезд только по специальным разрешениям, которые выдаются в течение 10 дней после подачи заявления на украинской территории. Но туда еще надо попасть, а как это сделать без того же разрешения? Украина не хочет терять потенциальных баранов на заклание своим идолам. Зависшая территория, как Приднестровье. Боевые действия продолжаются, чтобы рана не заживала. Все конфликты имеют под собой четко разработанный план – египетский плен для всего человечества, управляемый хаос, созданный для наживы на чужом горе. В информационном поле война ведется не с русским миром, которого так боится Запад и Украина, а с человечностью, с искренностью и дружбой как таковой. Но подлинную человечность и дружбу ничто не может сломить.

Ловлю мысли в предрассветных сумерках, между сном и пробуждением. Сам себе удивляюсь, меня в это время просто распирает от образов и метафор, а мысль находит совершенно неожиданные перспективы. Пишу философское

эссе для журнала «Топос», хороший журнал со своим смысловым пространством, и его редактор, Валерия Шишкина, необыкновенный человек.

С уважением, жму руку, Влад».

Прочитав письмо, Евгений молча приложил руку к токавшим вискам. Казалось, это было совсем недавно, ведь он сам не так давно ездил в Одесский университет имени Мечникова на международную конференцию.

Ему вспомнилось, как он прогуливался по уютным одесским мостовым, по тем же осенним улочкам, по которым когда-то хаживали Николай Алексеевич Умов и Дмитрий Иванович Менделеев, где все было таким родным и близким. Он вспомнил, с каким благоговейным трепетом он вошел в старое здание Императорского Новороссийского университета, где сотню лет назад бывали Пирогов, Сеченов, Ляпунов, князя Романовы, с каким волнением поднялся в зал диссертационного совета, где впервые прочитал доклад о противоречиях в системе аксиом арифметики, где познакомился с профессором Стаховым, Скоттом Олсеном, Григорием Яковлевичем Мартыненко...

Тогда он никак не мог понять, отчего же так застенчиво и ласково его встречала Одесса, с какой-то затаенной тоской, с мечтой о чем-то несбыточном, уходящем вместе с последними яркими красками осени, как девушка, которая уже знала, что скоро с ней должно произойти что-то неприличное, что-

то ужасное и непоправимое, но которая не могла, не решалась об этом сказать, наслаждаясь последними мгновениями навсегда уходящей свободы и детства. Тогда он еще не мог этого понять... а потом была весна, был Дом профсоюзов, превращенный украинскими карателями в газовую камеру для русских «ватников», та весна в Одессе так и не наступила, и уже никогда не наступит.

Все переменялось так быстро, что он до сих пор не понимал, для чего по всем телеканалам показывали феерически глупых политиканов, которые так нагло и непринужденно лыбились, когда у них спрашивали, ради чего, за что украинцы убивают русских. Неужели ради американского печенья и кружевных трусиков, недостаток которых так остро ощущался на Майдане? Неужели хваленая свобода Запада и состояла в свободе убивать кого захочется и когда захочется? Но убивать русских им почему-то хотелось всегда... Так неужели свобода западной демократии напрямую зависела от количества убитых русских?

Судя по всему, так оно и было. Он давно знал об этом, даже в детстве он постоянно ощущал, как инородные силы, пронизывающие общество, пытаются в нем что-то переиначить, что-то в нем задушить. И вот теперь уже никто не скрывал, что русский человек был нежелателен и совершенно не нужен этому миру, его язык, его историческая память, его представления о прекрасном. Но больше всего оказалась не нужна его способность любить вопреки всему, что так ста-

рательно в него внедрялось. За все эти долгие годы он так и не смог себе объяснить лишь одного – почему сам русский человек продолжал на что-то надеяться и думать, что такой враждебный по отношению к нему мир был еще все-таки для чего-то нужен.

Евгений опустил взгляд на журнальный столик из темного стекла. Рядом с ноутбуком, возле телефона, лежал листок, напоминавший о каком-то невыполненном поручении. Перевернув листок, он узнал визитную карточку доктора Решетникова. Было довольно поздно, и Евгений засомневался, стоит ли ему звонить, но все же решил не откладывать звонок на потом, то есть, возможно, еще на неделю.

– Ало, Николай Андреевич? – спросил Евгений, прижимая телефонную трубку к уху.

– Да, я слушаю.

– Вы помните, пару недель назад... – Евгений замешкался. – Э-э, как бы вам сказать, один из ваших пациентов самовольно уехал из клиники?

– Конечно, помню, вы тот самый Евгений? – с энтузиазмом отозвался Николай Андреевич. – Я уже думал, вы не позвоните. Поразительный случай!

– Да, я просто хотел спросить, как самочувствие Игната, он в порядке?

– Все замечательно! После встречи с вами он быстро пошел на поправку. И знаете что самое удивительное? Теперь он засыпает сам, без медикаментозного вмешательства!

Спит как ребенок. Его совершенно перестали мучить кошмары. Он рассказал мне фантастическую историю... Постойте! А как вы узнали его имя?

– Николай Андреевич, он сам представился, – рассмеялся Евгений в трубку. – Рад, что ему лучше, только не говорите, что я звонил, мало ли что.

– Хорошо, мне тоже кажется, что ему лучше пока ни о чем не напоминать. Мы понаблюдаем за ним до конца месяца, но думаю, его можно выписывать уже сейчас. Если не секрет, что вы такое ему сказали? – заинтригованно спросил доктор Решетников. – Он считает, что излечился после разговора с вами, но не может объяснить, как именно это произошло.

– Ничего особенного. Сказал, что на самом деле все люди сумасшедшие, кто-то больше, кто-то меньше, только не все об этом догадываются, – ответил Евгений. – Что-то вроде того.

– Что ж, неплохо, неплохо! Иногда это срабатывает, – дал свою оценку Николай Андреевич. – А иногда, знаете ли, может вызвать обратный эффект.

– Наверное, вам виднее, – улыбнулся Евгений. – Спасибо за книжку Налимова, я ее прочитал. Похоже, без вероятностной психокинетики дело не обошлось.

– Да у меня такими книжками все шкафы забиты, – засмеялся в ответ доктор Решетников. – Если бы книги могли лечить, я бы прописывал их вместо препаратов. Сейчас, знаете ли, люди перестают читать и понимать тексты, многие

боятся читать, полагая, что чтение сводит с ума. В психиатрии даже специальный термин появился – литературофобия. Кстати, Игнатий очень начитанный человек, у него прекрасно развита память, что в наши дни большая редкость.

– Ну, как говорится, нет дыма без огня. Если человек панически боится высоты, это не значит, что высота не опасна. Если человек не готов к осмыслению каких-то знаний, для него лучше оставаться в неведении, хотя невежество и есть главная причина безумий и массовых психозов.

– М-да, а вы интересный собеседник...

Евгений сам не предполагал, что разговор с доктором перейдет в философскую плоскость. Он взглянул на часы, на которых был уже одиннадцатый час.

– Извините, я, наверное, вас сильно отвлек поздним звонком...

– Ничего, я привык к поздним звонкам, – ответил доктор Решетников. – Очень хорошо, что позвонили!

Попрощавшись с Николаем Андреевичем, он положил телефонную трубку, а затем некоторое время просто сидел в кожаном кресле, уставившись на журнальный столик. Наконец-то вся эта история благополучно завершилась. По крайней мере, он убедился, что Игнатий не был плодом его воображения.

Теперь он мог спокойно досмотреть почту. Придвинув к себе ноутбук, он стал прокручивать на экране список непрочитанных писем, удаляя из него англоязычный спам. Впро-

чем, одно письмо сразу чем-то выделялось из этого списка. Как следовало из текста, его давнишнюю статью в интернете прочел профессор Раманатх Пандей из Университета Вадодары, штат Гуджарат, Индия.

В письме была отмечена удачная аналогия между историей развития науки и мифом Пуран о пахтанье первобытного океана – подобно тому, как демоны Дайтьи и боги Адитьи добывали эликсир бессмертия, перетягивая змея Васуки, в эволюции познания ограниченные модели вселенной сменялись представлениями о бесконечном пространстве-времени, дискретные методы чередовались с непрерывными. Профессор Пандей посчитал это наблюдение настолько важным, что даже отправил письмо с поздравлением.

Евгений перечитал письмо еще раз. Он впервые в жизни получил отзыв от настоящего индолога, который не разводил склоки, не артачился, доказывая превосходство, как бывает в научной среде, а понимал, о чем на самом деле написано, и понимание это ощущалось очень отчетливо. За пониманием этим стояло что-то такое, до чего сам Евгений еще, может быть, не дошел своим умом. Что и говорить, это была добрая весть! Евгений поблагодарил профессора за отзыв и стал просматривать в поисковике картинку индийских храмов, многолюдных кварталов, пестрых праздников. Ему не верилось, что такая древняя, по-детски наивная и неисчерпаемо мудрая культура могла до сих пор существовать в этой прямоугольно-серой цивилизации, где свобода отождествля-

лась то с одними, то с другими убийствами, где гордились то одними, то другими митингами и расстрелами на площадях.

Наутро следующего дня ему пришлось выходить из магазинчика со снегоуборочной лопатой. За ночь напало столько снега, что двери на цокольном этаже перемело, и они с трудом приоткрылись, пропустив его на улицу. Была в этом – как всегда неожиданном – наступлении русской зимы толика городского чуда, когда размытая по дорогам слякоть со следами пешеходов и машин вдруг превращается в никем неисхоженный снежный покров, и вместо хаотичной мешанины на дороге проступает хрупкая, порожденная небесами структура, словно подсказка на какую-то все время ускользавшую суть.

Расчистив от снега тротуар перед магазином, Евгений дождался Юрика, который открыл кассу, вытащил из-за прилавка свою кружку и пошел наливать кофе, на ходу рассказывая байки, вычитанные им где-то в социальных сетях. О том, что некие *«авторитетные эксперты»* рекомендуют срочно переводить сбережения в доллары, потому как со дня на день ожидается катастрофический дефолт всей экономики, о том, что какая-то знаменитость из столичной богемы не может больше жить в *«стране нищевродов и рабов»* и собирается переезжать в Европу. Евгений внимательно выслушал Юрика – не потому, правда, что находил интересной всю эту бредятину, которую одни городские кретины каждый месяц упорно распространяли, а другие городские кретины с таким

же упорством обсуждали в соцсетях, поддерживая общегородской градус кретинизма, а потому, что именно в такие моменты он как никогда бывал счастлив от осознания того, что не имел смартфона и не мусолил его в руке каждую свободную минутку, засоряя голову токсичным мусором и прочими канцерогенными мыслишками.

Он заглянул к себе в комнату, накинул теплую куртку и перевел взгляд на бумажный пакет возле кровати. В пакете была картина, написанная пару дней назад, которой не нашлось подходящего места в каморке с обрывками обоев на стенах, поэтому он собирался ее продать. Единственное затруднение состояло в том, что он никогда не продавал картин, и сама идея продажи того, что изначально не предполагало продажи, казалась ему довольно дикой, и все же ему хотелось испытать это чувство.

Протянув руку к пакету, он захватил картину и отправился на Главный проспект по сугробам снега, который не успели убрать грейдеры и снегоуборочные машины. Каждую субботу на центральной аллее за Набережной собирались многочисленные художники, коллекционеры-старьевщики, народные умельцы, торговавшие берестяными туесками, шкатулками, украшениями из камня. Евгений прогулялся по рядам, разглядывая картины, чтобы понять, куда лучше пристроиться, и нашел отличное местечко под заснеженным кленом.

– Вы не против, если я здесь постою? – спросил он у ху-

дожника, оказавшегося поблизости.

– Вообще-то места на ярмарке платные, – ответил тот, поправляя прозрачную пленку на своих полотнах, защищавшую их от пролетавшего снега.

– Да у меня же всего одна картина.

– Ну-ка, покажи, – развернулся к нему человек.

Евгений вытащил из пакета картину, на которой была изображена фигура с маской без лица, медитирующая в космическом пространстве на фоне янтры.

– Что-то связанное с индуизмом, – произнес художник. – Ладно, вставай рядом! Может, кто-нибудь купит, хотя я бы на твоём месте не рассчитывал. Как называется-то?

– Что? – не расслышал Евгений.

– Я говорю, как картина называется, – повторил художник, выдохнув теплый пар на руки и растерев их, чтобы согреться.

– А-а! *«Внутри – вовне»*.

После этого художник еще раз окинул взглядом работу.

– Понятно, меня Вячеслав зовут, – протянул он руку.

– Очень приятно, Евгений, – представился Женич.

– Понимаешь, здесь такие картины спросом не пользуются. Если хочешь, чтобы у тебя что-то покупали, рисуй что-нибудь попроще, – посоветовал Вячеслав. – Пейзажи с морем, горы, лес, иногда хорошо идет импрессионизм. Как правило, люди подбирают картины под расцветку обоев у себя в офисе или дома, смысл и сюжет мало кого интересует.

– Но, по-моему, у вас картины как раз со смыслом, – возразил Евгений, выбравший место по соседству с Вячеславом именно потому, что его полотна отличал несвойственный уличной живописи мифический символизм.

– Скажем так, кого интересует смысл, у того обычно не бывает денег. Вообще-то я здесь не ради продажи стою.

– А ради чего?

– В основном ради общения. На ярмарку приходят мои друзья и даже преподаватели. Видишь того старика? – Вячеслав покрутил головой в сторону пожилого художника на другой стороне аллеи. – Когда-то Геннадий Иванович был самым востребованным художником в городе. Рисовал плакаты к праздникам и монументальные полотна. По его эскизам создавали мозаики и скульптурные композиции для зданий соцкультбыта. Он иллюстрировал книги, которые расходились сотысячными тиражами. Чем только он ни занимался! Потом вдруг наступила перестройка – и он тоже перестроился, стал главным критиком соцреализма. Я тогда был его студентом, помню, как на одной из лекций он признался, что всю жизнь мечтал быть сюрреалистом, как Магритт, Кей Сэйдж. Представляешь?

– И что ему мешало?

– Он во всем обвинял советский режим, диктовавший ему, что и как рисовать, чтобы не остаться без куска хлеба. В начале девяностых он носил на руках либеральных политиков, разваливших Союз, потом быстро выяснилось, что раз-

грабленной стране нет никакого дела до искусства. Уехал в Берлин, прожил там пару лет и вернулся обратно. В Европе ведь и без него художников хватает. Как видишь, теперь Геннадий Иванович занимается лубочной живописью, а когда выпьет, начинает вспоминать советские времена, когда у него отбоя не было от больших заказов.

– Получается, сейчас ему тоже «режим» мешает? – усмехнулся Евгений. – Может, проблема все-таки в нем самом. Всегда есть что-то, что мешает. Воздух мешает разгоняться атлету, но он бежит и продолжает дышать благодаря воздуху, который мешает ему разгоняться.

– Вот-вот, – покачал головой Вячеслав. – Мне жаль таких художников-конформистов, хотя, ты знаешь, рано или поздно любой профессиональный художник становится приспособленцем того или иного жанра, стиля, направления. Особенно, когда приходит популярность, и от тебя начинают чего-то ожидать, либо когда художник сам начинает ожидать от себя безупречных образов. Для нас это самая опасная штука...

– Почему? – вырвался вопрос у Евгения.

– Может показаться, что тебе чего-то не хватает. Новых эмоций, наблюдений, более сильных впечатлений, именно так сходят с ума и рушатся судьбы. Но для настоящего творчества нужен просто чистый холст, тишина, песок нехоженого пляжа, очищение от всего того, что загрязняет наше восприятие.

В словах художника сквозило что-то выстраданное, о чем он не хотел вспоминать, тем более, рассказывать, и Евгений решил его поддержать:

– От избытка впечатлений сознание запутывается точно так же, как от их недостатка. Темной ночью мы видим свет от далеких звезд, тогда как в яркий солнечный день не видно ни одной звезды, и даже пламя свечи незаметно. Есть такой психофизиологический закон Вебера-Фехнера, если внешние раздражения возрастают в геометрической прогрессии, ощущения от них изменяются в арифметической.

– Да, я где-то читал об этом. В какой-то момент для получения новых впечатлений начинают требоваться раздражения, разрушающие нервную систему человека и дальше общественную, – добавил Вячеслав. – Ты не читал «Игру в бисер» Германа Гессе? Он приводит подобный пример из истории музыки. Об этом еще древнекитайские поэты писали, если деградирует музыка, это предвестие гибели государства и общественного уклада. Поразительно, правда? Музыкальные тона могут разрушать цивилизации.

– Либо создавать, только это сложнее.

– А ты случайно не психолог?

– Нет, просто книжки разные читаю, правда, до Германа Гессе пока не добрался.

– Отличный писатель, рекомендую. Кстати, он тоже увлекался индийской философией, хотел познакомить народы Европы с восточной мудростью накануне войны. Понятно,

что из этой затеи ничего не вышло, – Вячеслав неожиданно прервался, вспомнив о чем-то. – Слушай, я скоро сворачиваться буду. Намечается посиделка в кофейне «Цэ квадрат», если хочешь, поехали со мной.

– «Цэ квадрат»? – улыбнулся Евгений. – Как скорость света в квадрате?

– Вообще-то от названия одной картины, изображающей доказательство теоремы Пифагора: «*А квадрат плюс Бэ квадрат равно Цэ квадрат*», – объяснил Вячеслав. – Но, думаю, скорость света в ней тоже подразумевалась.

Постояв еще минут пятнадцать-двадцать, Вячеслав набрал чей-то номер, о чем-то переговорил по телефону и стал снимать картины с раскладного витража. И надо же такому случиться – в это самое время возле работы Евгения задержалась девушка в длинном бежевом пальто. Она спросила, сколько стоит картина, однако за разговором с Вячеславом Евгений так и не придумал цену, и в ответ только пожал плечами. Выглядело это довольно странно, даже как-то комично. Недоуменно на него взглянув, девушка прошла дальше.

– Даже если бы ты назвал цену, она бы вряд ли купила, – прошептал Вячеслав.

– Постойте! – Евгений вложил картину в бумажный пакет и догнал девушку. – Если картина вам понравилась, разрешите подарить ее на память, я все равно в ценах не разбираюсь.

– Спасибо, это так неожиданно, – еще больше удивив-

шись, произнесла девушка.

Евгений тоже не ожидал, что на морозном воздухе кто-то остановится и обратит на его картину внимание. Тем не менее, в действительности он пришел сюда именно за этим. Он не думал о том, как продать картину, ему хотелось в чем-то убедиться, и поведение девушки, несмотря на всю кажущуюся нелепость ситуации, полностью совпало с его желанием, которое он осознал лишь сейчас. Он испытал какую-то непередаваемую детскую радость, как будто подарил не картину, а само время и жизнь, и последовательность неких действий, которые ни с кем больше не повторятся. В этой радости не было ничего материального, ничего от мира сего, где люди радовались лишь тогда, когда могли что-либо продать или купить.

– Правильно сделал! Даже завидую тебе почему-то, – признался Вячеслав. – Так что, мы едем в кофейню или нет? А то за мной уже приехали.

На обочине дороги стоял внедорожник с затемненными окнами, в багажник которого Вячеслав по-хозяйски составил полотна. Евгений подумал, что этот большой сверкающий автомобиль как-то не сочетался с образом художника в стареньком свитере и китайском пуховике, который торгует картинами на ярмарке.

Забравшись в кожаный салон, он увидел за рулем эффектную даму в стрекозиных очках. Она завела машину, когда Вячеслав сел на переднее сиденье, и поехала, не произно-

ся ни слова. Скорее всего, она не одобряла того, что с ними едет какой-то незнакомый человек. Евгений почувствовал себя неловко, и это чувство только усилилось, когда автомобиль остановился возле кофейни.

– Кто к нам пожаловал! – широко распростер руки Вячеслав, подходя к респектабельно одетому посетителю, сидевшему в кафе. – Давно тебя не было видно. Опять в Тунис летал?

– Нет, слишком много дел накопилось, – коротко ответил посетитель, боковым зрением изучая Евгения, стоявшего рядом с Вячеславом.

Респектабельный посетитель обладал тем типом мужского лица, который с возрастом не тускнел и не увядал, а наоборот, раскрывал со временем какие-то редкие черты и особенности, которых лица этого типа бывают лишены в молодости; должно быть, в годы юности он смахивал на первооткрывателя космических высот Юрия Гагарина, а сейчас походил то ли на всегда внимательного к своей игре Энтони Хопкинса, то ли на обаятельного Эда Харриса, то ли на обоих актеров сразу в одном лице.

– Дела, дела... – неохотно повторил Вячеслав, присаживаясь за столик. – Кстати, хочу тебе представить, это Евгений. Евгений, это Константин Анатольевич, для друзей просто Костик, филолог, писатель, библиофил, наш человек одним словом. Или был им, пока не стал коммерческим директором.

Вячеслав размашистым жестом пригласил присаживаться. Евгений сел за столик и осмотрелся. Возле барной стойки действительно висела картина «Цэ квадрат» с тремя узорочными квадратами. Под оранжевым квадратом располагался красный квадрат, который был в четыре раза больше оранжевого, а поверх этих двух квадратов, словно пританцовывая на вершине угла, стоял большущий такой, как бы полупрозрачный бирюзово-сине-фиолетовый квадратище, в центре которого виднелось математическое обозначение « c^2 », выведенное декоративным средневековым шрифтом. Была в этом какая-то аллюзия или, вернее, пародия на Казимира Малевича с его черным квадратом, поскольку жизнерадостные цвета на картине создавали совсем другое, игривое настроение и содержали в себе не пустое «*ничто*», а нечто вполне содержательное и осязаемо аппетитное.

– А вот и наша очаровательная Окси, – прокомментировал Вячеслав появление в зале девушки, задержавшейся в гардеробной. – Оксана, это Евгений. Встретил его на ярмарке, поэтому не могу ничего про него сказать, но парень вроде неглупый. Представлять Костика, полагаю, тебе не нужно.

Девушка медленно и пластично опустилась в плетеное ротанговое кресло напротив Евгения, чем сразу же вогнала его в краску. Теперь на ней не было солнцезащитных очков, в которых она водила машину, и он угадал в очертаниях ее лица и стройной фигуры под малюровым пончо облик мифической героини, изображенной на одном из полотен Вя-

чеслава. Заметив его смущение, она догадалась, в чем дело:

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не брал с собой эту картину? – прошипела Оксана в ухо Вячеславу. – Ты хоть раз задумывался, что я чувствую при общении с твоими друзьями?

– На самом деле ей нравится позировать, – откинувшись на спинку кресла, произнес Вячеслав. – К тому же она сама художница. Кстати, как тебе картина? Это ее работа.

Вячеслав обратился к Женичу, имея в виду картину «Центральный квадрат».

– Похоже на какой-то розыгрыш, как у Малевича, – попытался на ходу причесать сбивчивые мысли Евгений. – Но потом начинаешь задумываться...

– Над чем? – дунув на свисавшую со лба прядь волос, спросила Оксана.

– Над тем, какую роль в познании сыграла теорема о сумме квадратов и что может скрываться за этим символом.

– Например? Что именно? – дерзко приподняла она подбородок.

– Плутарх писал, что последователи Пифагора и древние египтяне рассматривали квадрат как выражение божественной любви, – предложил свой вариант Константин Анатольевич, очевидно, не слишком веря или совсем не веря тому, что говорит.

– Ну вот, опять про любовь, – разочарованно вздохнула она. – Почему квадрат не может быть просто квадратом? За-

чем пытаться видеть сложное там, где все очень просто?

– На проверку простые вещи чаще всего оказываются самыми сложными, – с иронией заметил Вячеслав. – Один квадрат плюс два квадрат равно пять квадрат, а корень квадратный из пяти плюс-минус один, разделить на два равно божественной пропорции.

– Они собираются здесь, чтобы преодолеть интеллектуальное пресыщение, – вдруг объяснила Оксана суть посиделки. – Что-то типа клуба анонимных алкоголиков, только для ненормальных людей, увлеченных творчеством.

– Окси, ты мне сейчас напомнила Магу Хулио Кортасара.

– Слава богу, я не читаю твоих чудовищно неприличных книжек.

– Как раз поэтому ты мне ее и напомнила, – сказал художник.

– Думаешь, это умно? Никогда не сравнивай меня с другой девушкой.

– Даже с придуманной и несуществующей?

– Тем более с придуманной и несуществующей девушкой, никогда не делай этого.

– Она сегодня не в духе, – виновато усмехнувшись, приподнял бровь Вячеслав.

– А ты что думаешь о любви? Она существует? – спросила Оксана у Женича.

– Трудно сказать, возможно, все так же запутано, как в этой картине. Математики используют выражение «квад-

ратный корень из пяти»», совершенно не задумываясь, есть ли в нем смысл. Таким же образом люди говорят о любви, не зная, что это такое – иллюзия или реальность.

– На самом деле каждый образованный человек знает, что квадратный корень из пяти – иррациональное число. Такой арифметический корень можно искать бесконечно, и он никогда не найдется, поскольку числа, удовлетворяющего условиям поиска, не существует, – произнес Константин серьезным тоном университетского преподавателя.

– Получается, любви тоже не существует, – насмешливо резюмировала Окси, убеждаясь в правоте какой-то своей женской теории или, быть может, не своей и не женской, а вычитанной в каких-нибудь *«жителейских правилах»* и *«мудрых советах»*, которыми нашпигованы социальные сети.

– Можешь сколько угодно это отрицать, но я-то знаю, что ты меня любишь, – шутливо возразил Вячеслав. – Или мои деньги... ну, или меня и мои деньги.

– Любовь действительно иррациональна, – продолжал Константин. – Сперва не знаешь, как без нее жить, потом не знаешь, как жить вместе с ней. Вот такой структурализм де Соссюра.

– Евгений? – Вячеслав перевел взгляд на Женича, ожидая от него ответа, как будто между ним и Константином Анатольевичем завязался философский диспут.

– По правде говоря, все эти *«на самом деле»* в математике мало что значат, все зависит от того, в какой арифметике

выполняется поиск.

– Ну как? – оценивающе спросил Вячеслав. – Есть в нем что-то такое, да?

Филолог скрестил на груди руки и с удовольствием расхохотался.

– Знаешь, Славик, что я на это скажу? – вздрагивал он от хохота. – Не обижайся, Евгений, но эту милую глупость даже как-то глупо опровергать.

– Пусть продолжает, – прервала его хохот Оксана, поставив изящные локотки на скатерть и прислонивши кулачки к щекам.

– Да что тут продолжать?! Предлагаю оставить эту тему и поговорить о чем-нибудь другом. В следующий раз Евгений принесет нам собственный учебник арифметики, и мы обязательно найдем в нем квадратный корень из пяти. Договорились?

– А что, если один из таких корней уже найден? – невозмутимо сообщил Евгений. – Математики ищут несуществующий « c^2 », площадь которого должна без остатка делиться на пять малых квадратов. Но такого «*квадрата*» нет ни геометрически, ни арифметически, ни, тем более, физически. К примеру, нельзя просто взять пять квадратов по 1600 квадратных единиц каждый и составить из них квадрат площадью 8000 квадратных единиц.

– И какой « c^2 », по-твоему, существует? – спросил у него Константин, полагая, что Евгений пытается его каким-то об-

разом одурачить.

– Квадрат со стороной из 89 единиц и площадью 7921 квадратная единица. До 8000 ему не хватает 79 единиц, но в арифметике дробей период можно задать вычитанием либо прибавлением единицы. Прибавив единицу к числу 79, мы получим 80 единиц, которые снова разбиваются на 8000 более мелких квадратных единиц и весь процесс воспроизводится.

– То есть, если надо получить квадрат из 8000 квадратных метров, ты предлагаешь составить квадрат чуть меньших размеров, а недостаток восполнить новым разбиением с добавлением одного квадратного метра. Но тогда общая площадь составит 8001 квадратный метр. Из такой арифметики следует, что нас постоянно обсчитывают. Откуда у тебя берется дополнительный метр? – усмехнулся Константин, довольный тем, что нашел некий подвох.

– А откуда берется толщина линии, когда мы изображаем квадрат? Откуда появляется и куда исчезает разрядная единица, когда мы записываем тождество $8 \text{ равно } 7 \text{ целых и } (9) \text{ в периоде}$? Математики думают, что можно построить квадрат с помощью линии, не имеющей толщины, но это иллюзия, вызванная пренебрежением к реальности, где любая линия имеет свою толщину, где любой луч имеет свою частоту и длину волны.

– Я не силен в математике, – присоединился к обсуждению Вячеслав. – Но могу вам сказать как художник. Если

взять кисть без толщины и нарисовать квадрат линиями без толщины, такой квадрат никто из нас не увидит.

– Ничего не понимаю в ваших вычислениях, но это очень напоминает сказку про голого короля, вам не кажется? – легкомысленно обронила Окси.

Своей репликой она, видимо, окончательно разоружила Константина Анатольевича, который примирительно развел ладони в стороны. Евгений был сражен этим сравнением не меньше, к своему стыду он не читал сказок про голых королей. Но он, разумеется, знал в общих чертах, о чем шла речь, и был уверен, что аналогию Оксаны мог бы по достоинству оценить сам Герман Вейль.

– Если математика и вправду царица всех наук, то практически вся история математики – сказка про голую королеву, которая заказывает то один, то другой роскошный наряд у портных-мошенников, – поправил он образ короля на свой лад. – В XX веке голландский математик Лейтзен Брауэр даже объяснил, почему королева наук ходит голой. Само по себе выполнение портными неких операций еще не является доказательством существования действительно «*сшитого платья*». Несмотря на это, математики по-прежнему дружно хвалят несуществующие наряды королевы.

– Может быть, им просто нравится смотреть на свою голую королеву? – захохотала Окси.

– Конечно, это лучше, чем одежда, сшитая из заплат и не по размеру, – усмехнулся Евгений. – Когда репутация

королевы никого не заботит, она может ходить и нагишом. Это раньше математику связывали с чем-то божественным. Теперь считается, что это лишь продукт человеческого интеллекта, удовлетворяющий наши потребности. Не Бог создал человека, а человеческий интеллект придумал Бога по своему подобию и для своих потребностей, вот что, по сути, утверждается. Это не проблема только науки, это общее свойство всей культуры, где забыто само понятие чести. Зачем шить наряд для королевы, если можно его симитировать и получить за это те же самые деньги?

– М-да, признаться, после «Нимфы и кентавра» Хьюго Жилле, после восхитительно парящей над морем «Афродиты» Хосе Росвельта и спящей Галы, которая, похоже, не спит по-настоящему, а только прикидывается спящей, я думал, мы обсудили обнаженную натуру вдоль и поперек. Но про голую математику мы еще точно не говорили, – закинув ногу на ногу, сказал Вячеслав.

– Наука не в лучшую сторону изменила человека, – задумавшись о чем-то своем, отозвался Константин Анатольевич. – Хотя человек в принципе никогда не меняется к лучшему. Он может только постараться не стать хуже, чем есть. Знаете, о чем я думаю, когда смотрю на мусорные инсталляции, которые выдают за современное искусство? Какое же счастье, что большую часть жизни я прожил, не зная о том, что писсуары, пластиковые бутылки, вымазанные краской топоры и бревна будут выдавать за произведения искусства.

– Ты считаешь, в этом виновата наука? – Вячеслав собрал пальцы в пучок, словно удерживая в них кисть.

– А что же еще? Что позволяет подогнать индустриальные отходы и мусор под определение произведений искусства? Искусствоведение. А искусствоведение – это наука. Понимаешь, Славик, это не искусство, это наука. Это мы с тобой пытаемся понять, что такое искусство. Ты даже, черт возьми, его создаешь, хотя не являешься ни ученым, ни критиком. Нет, в чем-то Евгений прав. Наше сознание сузили и затолкнули в бутылку перевернутых категорий. Мы продолжаем думать об одном значении искусства, а действует другое, созданное наукой, которое легализует любой искусственный заменитель. В основе всех нынешних сдвигов лежит наука. Возможно, когда-то ученье было светом, но сейчас...

Сейчас мы видим, что наука – совсем не то, чем хочет казаться. Нам впендюривают, что мы живем только благодаря науке и для науки, только благодаря инновациям и прочей хренотени, которая якобы делает жизнь людей приятнее и проще. Но научное мировоззрение не делает людей ни лучше, ни благороднее, ни хоть капельку мудрее.

– Прошу заметить, – специально для Евгения пояснил Вячеслав. – И это нам говорит бывший филолог, а ныне коммерческий директор крупнейшего в регионе поставщика услуг связи.

– Да при чем тут это? Стив Джобс сказал бы, наверное, то же самое в частной беседе. Какими бы добрыми и пушисты-

ми намерениями ни прикрывалась наука, она делает людей примитивными и единообразно тупыми. Это же невероятно выгодно. А с научной точки зрения рационально только то, что приносит выгоду – а что приносит наибольшую выгоду? Обман! И он не перестает быть обманом от того, что другие не в состоянии его распознать.

– Как в Замятинской антиутопии «Мы»? – спросила Оксана.

– Окси, тебя тоже пугали в школе этой книжкой? – удивился Вячеслав.

– В университете вообще-то, – снисходительно уточнила она.

– Именно так, – согласился Константин. – Эта книга не про советских людей и даже не про фашизм, с которым они боролись побольше других. Я же в деревне вырос, и мне не надо рассказывать, как все было на самом деле. Это про науку в чистом виде, без полутонов и градаций!

Наука сулит человеку свободу от тяжелого труда, болезней и даже от земного притяжения, а на деле стремится к формализации всех процессов, языка и мышления. Наука и тоталитаризм методологически взаимосвязаны, у них общие фундаментальные цели, хотя текущие задачи могут различаться. Для меня «Дорога к рабству» фон Хайека – не более чем еще одна дорога к рабству, но, безусловно, более широкая и рафинированная, чем «Майн капф» Гитлера или «Капитал» Маркса.

Высказывание Бенджамина Франклина, которое по глупости своей цитируют либералы: «*Кто отказывается от свободы ради временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности*», – такой же призыв к порабощению и уничтожению стран и народов, вплоть до отдельных семейств, как призывы нацистов убивать славян, цыган и евреев на основе расовой теории. Потому что вообще любой союз или группа возникает как гарантия их относительной безопасности, подразумевающая, так или иначе, ограничение свобод другой группы.

Евгений не читал фон Хайека, равно как две другие упомянутые работы, да и желания их читать у него никогда не возникало, но странное название «*Дорога к рабству*» показалось ему, действительно, весьма двусмысленным.

– Так нам что, следует отказаться от науки? – задал он вопрос Константину.

– Зачем? Мы же не варвары и, в отличие от либералов, не политические дальтоники, которые делают вид, что не видят разницы между фашизмом и сталинизмом. Нам пока не запретили различать цвета, и нам пока не делают операций по удалению «*ненужных*» участков мозга. Нам разрешено иметь душу, некоторые устаревшие представления, верить в Бога, – затронув в задумчивости нижнюю губу, ответил Константин. – Хотя это так ненаучно, правда? Мы пока не Замятинское «Мы», но наука не стоит на месте, в конце концов, есть более «*гуманные*» способы для блокировки человечно-

сти.

– Послушайте, мы уже будем что-нибудь заказывать? – сгримасничала Окси, уставившись глазами в потолок. – Вы как хотите, а я буду «Мартины» с устрицами. Обожаю устриц. И еще оливки на шпажках, пожалуйста!

Она крикнула стюарду, стоявшему за баром, прямо с места. Евгений для чего-то открыл меню и рассеянно поводил по нему глазами. Он бы предпочел вообще ничего не заказывать, отношения с едой у него складывались чисто утилитарные, но на всякий случай решил, что закажет кофе со сливками.

– С каким соком подавать «Мартины»? – спросил стюард, подойдя к Оксане.

– Давайте с вишневым, – ответила она. – Или нет, давайте лучше с гранатовым, если есть.

– Всем привет! Оксанчик, привет, дорогая!

Совершенно из ниоткуда к ним присоединился еще один посетитель. Евгений не заметил, как он вошел в кафе, но был ему благодарен за то, что он своим появлением на какое-то время избавил его от необходимости что-то заказывать. Его мозг был занят другим, он пытался переварить те идеи, которые Константин с легкостью вынимал из пыльных запасников и лабиринтообразных подвалов своей памяти.

– Ты не поверишь, мы тут про голых королев рассуждаем, – сказал Вячеслав.

– Да как вы смеее, приматы несчастные? Оксанчик, на-

деюсь, это они не про тебя? – пошутил незнакомый посетитель, которого уже никто и не думал представлять, полагая почему-то, что его и так все знают, даже Евгений.

– Нет, – усмехнулась Оксана. – Оказывается, весь сыр-бор из-за моей картины. Даже не знаю, мне надо этому радоваться или нет?

Незнакомый мужчина, который почему-то был всем знаком, пощекотал руку Оксаны смешными усами. Он предпочитал носить густую небритость и раскидистые, совершенно немодные усы, которыми, впрочем, умел виртуозно пользоваться, скрывая под ними улыбку, когда становилось смешно, печаль и усталость, когда было грустно.

– Славка, не мне тебя учить, что подлинный художник не обнажает натуру. Он всегда одевает ее цветами, светом, тенью, разумом, своей душой. Без этого не бывает высокого искусства, низкопробное бывает, но художник может оставить себя в неловком положении, если перестанет расти.

– Да у нас о математике разговор зашел, – объяснился с ним Константин. – Теперь я, кажется, сам что-то припоминаю про голландский интуиционизм Брауэра, про Курта Геделя, венский кружок неопозитивистов, хотя мои интересы, Евгений, в несколько другой центрифуге вращались. Когда-то я тоже хотел изменить науку, доказать цифрократам существование метаязыковых систем, без которых любые попытки создать искусственный разум обречены на провал. Но наука безнадежна, она не может существовать в ка-

кой-то другой форме. Наука о человеке и сам человек, наука о разуме и сам разум – не одно и то же. Нельзя создать разум средствами науки о разуме. Понятное дело, наука эволюционирует, она может что-то принять, допустим, даже твою арифметику, но она всегда будет присматривать за тем, чтобы у человека не *«образовалась душа»*, иначе это будет уже не наука.

– Костик, а это, между прочим, очень интересно, – усатый посетитель лишь сейчас обнаружил, что Константин общается с незнакомым ему человеком своеобразной наружности, то есть с Евгением. – Фламандская и голландская живопись тяготели к реалистичности в деталях, к изображению пороков. Венский фантастический реализм расширял смысловые границы классического немецкого идеализма, устремленного к совершенству форм. Переведи мои познания в живописи на язык математики – и получишь тот же интуитионизм голландцев, математику австрийцев и немцев. Или я ошибаюсь?

– Э-э... – приоткрыл рот Евгений, как будто пробуя на вкус предложенную мысль. – Думаю, да, такой перевод возможен. Гильберт пытался обосновать в математике формально-логический подход, Гедель его расширил и показал неполноту формальных систем, за рамки которых выходит математика, чем, можно сказать, прервал программу Гильберта, а Брауэр обнаружил, что чистая математика и логика не лишены своих человеческих пороков. По роковой случай-

ности Курт Гедель скончался от истощения, у Дэвида Гильберта родился душевнобольной сын, а Брауэр стал мистиком. Но как... как можно объяснить саму возможность такого перевода?

– Освальд Шпенглер предлагал создать для этого новую науку – сравнительную морфологию культур. Он указал на существование в культурном пространстве гомологичных структур, этаких сходств, – пригладив усы, сказал всем знакомый незнакомец. – Вряд ли это что-то проясняет, как ничего не проясняет учение индусов о карме, но именно так Шпенглер открыл гомологию между трагической историей доктора Фауста и ходом развития западной цивилизации, написав свой «Закат Европы». Но Костик нас однажды просветил, что в оригинальном названии нет слова «Европа», так что аутентичный перевод мог бы звучать как «Закат Запада» или даже «Закат страны Заката».

– Кстати, Костик, напомни, как ты тогда перевел «Игру в бисер» Германа Гессе? – спросил Вячеслав. – А то у меня такое чувство сложилось, что я в ней чего-то недопонимаю.

Константин Анатольевич на мгновение ушел в темный лабиринт своей филологической памяти, откуда вынес длинную цепочку из немецких букв:

– «*Das Glasperlenspiel*», то есть «*Игра в искусственный жемчуг*», – перевел он. – Возможно, Гессе видел в ней ту же сравнительную морфологию Шпенглера, позволяющую отодвинуть закат Европы. Помните, как *Ludi magister* описывал

игру: «*Мы комментируем Пиндара и Гете, но сами стыдимся писать стихи*»...

– Однако этот Иозеф Кнехт умирает так нелепо, – тоскливо улыбнулась Окси, сморщив носик.

– Эх, люди, люди, всему вас учить надо, – наигранно раздосадовался усатый незнакомец, помогая Окси управиться с устрицей столовым ножом. – Иозеф Кнехт бросается в озеро, чтобы плыть за воспитанником Титом. Они плывут к восходу солнца, которое вошло где-то там, за темным гребнем скалы. Все это так по-немецки, так по-нищенски. Но господину Кнехту свобода чужеродна, где бы ни появился господин Кнехт, там появляется несвобода. В этом месте нужно вернуться к посвящению в самом начале книги и прочесть: «*Паломникам в страну Востока*».

Он побулькал срезанную устрицу в нежной перламутровой жидкости и передал раковину в руки Оксаны.

– Благодарю, – кивнула она, отправляя устрицу в запрокинутый ротик.

– Кушай, кушай, Оксаночка, тебе полезно, – заботливо сказал незнакомец, который теперь и Евгению начинал кого-то напоминать, как будто он в самом деле его знал, может быть, видел в каком-нибудь старом кинофильме.

– Да-а, умели раньше писать книги, – вздохнул Константин Анатольевич, переходя на тембр португальского фадишта, мысленно оставляющего свою возлюбленную где-то по ту сторону океана в прокуренном кабачке Лиссабона. –

Справедливости ради должен признать, переводчики тоже без дела не сидели, нечасто, но случалось по выразительности и эклектике переводы бывали лучше текстов на языке оригинала.

– А что за чудо эта «Волшебная гора» Томаса Манна? Говорят, там сейчас Давосский форум собирается, чтобы лечить мировую экономику, – поддразнивал его ностальгию незнакомец, как будто сам не раз отдохавший в швейцарских горах, причем вместе с самим Томасом Манном. – А как вам «Эликсиры сатаны» Гофмана? Как он обвел вокруг пальца критиков? Как выставил полными идиотами армию психоаналитиков? Двойная двойниковость Медарда, испившего эликсир дьявола, случайность последующих за этим событий – это вам не романтическая мистификация, не жалкая игра либидо, как потом скажет наука. Это то, о чем мы говорим, происходящее со всеми, всегда и везде.

– В том числе с самой наукой, – добавил филолог. – Наука вырастает из мифа, как Афина Паллада из головы Зевса, и если взглянуть на нее со стороны, таким же мифом, в сущности, остается, старательно подчеркивая, что якобы не имеет или почти не имеет с ним кровного родства.

– Знаете, что, – захохотала Окси, отковыривая очередную устрицу от раковины. – Один раз я так увлеклась рисованием, что не заметила, как сходила на кухню и принесла вторую чашку чая, а когда оторвалась от картины, обнаружила рядом сразу две одинаковых чашки с одинаково недопитым

чаем. Как думаете, это сюжет? Хорошо, спрошу по-другому. Как думаете, меня кто-нибудь поймет, если это нарисовать?

От истории Оксаны смех прорвал даже стюарда, стойко выносившего до сего времени непонятные для него разговоры, которые велись словно на иностранном языке, и тешившего себя тем, что к такого рода чудаческим беседам у него выработался устойчивый иммунитет.

– Оксаночка, это конгениально, – подхватил незнакомец. – Что же ты с ними сделала?

– В смысле «*что сделала*»? Потом я взяла две чашки в руки и вылила из них чай в раковину, сразу из обеих, при этом такое странное ощущение возникло. Понимаете?

– У меня было что-то подобное, – поддержал ее Евгений. – Ощущение как у безумного алхимика. Не понимаешь, что делаешь, почему и для чего это делаешь, но ты что-то делаешь и что-то из этого действия получаешь.

– Точно-точно! – махнула ему рукой Оксана, чуть не поперхнувшись глотком «Мартини».

– Итак, что это? – спросил Вячеслав, задорно оглядывая всех по очереди.

– Я думал, сюрреалисты с этим давно разобрались, – ответил ему Константин. – Разве не они должны были выявить «*таинственную связь*» разнородных явлений?

– О, нет, «*я – сюрреализм*», как Иван Сусанин, завел их совсем не туда, куда они хотели попасть, – не согласился незнакомец, незаметно становившийся все более и более знако-

МЫМ.

– Магический реализм? – навскидку предложил Вячеслав.

– А что здесь такого, почему бы нет? – вмешалась Оксана, посмотрев на него своими красиво округленными глазами.

– Она без ума от Джорджа Андервуда и Дэвида Боуи, – объяснил Вячеслав.

– Андервуд сделал Дэвида похожим на Гора, разве не понятно? Они как братья-близнецы, даже круче, потому что совсем не похожи, – вступилась Оксана за Андервуда и Боуи, отталкивая от себя широко улыбающегося Вячеслава, который, как ей показалось, слишком уж скептически высказался о магическом реализме.

– Ладно, ладно, – степенно поднял руку незнакомец, ухмыляясь в седые усы. – Оксанчик, нам тут еще драки не хватало. Все слова будут правильные, если в них вкладывать правильное значение. Значение! Нам интересно связующее значение слов, символов, событий. Возможно, это и есть мировой дух, который филистерами воспринимается как игра слов, игра в слова, игра без слов.

– Мне на ум приходит «Точка Омега» де Шардена, – представил Константин Анатольевич еще один экстравагантный экспонат из пинакотeki своих обширных познаний. – Тейяр де Шарден в своей книге «Феномен человека» ввел это обозначение, чтобы описать универсальный космический резонанс с «Омега», всеобъемлющую любовь, в которой воеди-

но слиты потенциалы всех психических состояний и всех эволюционных процессов. Он предполагал, что, когда наука объединится с религией, мышление человека и в целом все человечество покинет органическую опору в материальном мире. Но как знать, не окажется ли такая наукообразная религия всего лишь очередной тоталитарной формой науки? Де Шарден, сам будучи одновременно ученым и членом Ордена иезуитов, не исключал, что в будущем для полного достижения «*Точки Омега*» придется искусственно изменить человеческое тело и мозг.

– Это уже начинает напоминать Замятинское «Мы», – перебила его Окси, поджав губки.

– В том-то и проблема, если наука вместо цифрового имени присвоит тебе гармонизированную с «*Омегой*» частоту энцефалограммы, от которой ты будешь испытывать нескончаемое блаженство, едва ли это будет высшее божественное сознание, но это будет «*Омега-сознание*» науки.

– Очень странно, – припомнил Евгений, – математик Георг Кантор в теории множеств тоже хотел получить всеобъемлющее число «*Омега*», включающее в себя все ансамбли трансфинитных чисел.

– Насколько мне известно, ему так и не удалось создать «*трансфинитный рай*», – нахмутив лоб, произнес Константин Анатольевич.

– Да, так его теорию назвал Дэвид Гильберт, – подтвердил Женич. – Оказалось, что трансфинитное число «*Оме-*

га» должно быть больше всех трансфинитных чисел, то есть больше самого числа «Омега».

– Ну вы даете! Аж душа в пятки уходит, я даже представила себе огромную такую букву «Омега», которая пытается стать больше себя... – поедая со шпажки оливку, призналась Окси.

– Плод с древа познания позволил человеку осознать свое «я», наделил разум свободой выбора, – рассуждал Константин. – Но свобода выбора не избавила разум от ошибок, наука не в состоянии универсальным способом связать свободу выбора и порядок. Поэтому из всех так называемых научных революций возникает хаос, переходящий в тотальный контроль, иного не дано.

– Интуиция? – лаконично предложил Вячеслав.

– Возможно, – кивнул Константин. – Да, пожалуй, это не строго научный метод – у каждого она своя. Только я бы не стал делать из интуиции фетиш. Знаете, как ученые сделали фетиш из науки, и сейчас портрет Эйнштейна на каждом заборе рисуют.

– Друзья, а вы никогда не задумывались, для чего зебрам полоски? – неожиданно спросил у всех незнакомец, рассчитывая достичь своим вопросом именно такой эффект контрастности, сбивающий с толку. – Мухи! Все дело в мухах цеце. Они быстро размножаются, благодаря вирусам, опасным для высших форм жизни. Из всех животных, обитающих в Африке, мухи цеце не нападают только на зебр. Дога-

дались, почему?

– Полоски отпугивают мух? – задал встречный вопрос Вячеслав, особо не надеясь на то, что в нем содержится отгадка.

– Ну-у, не совсем, – растягивая слова, ответил незнакомец. – Мухи прекрасно понимают, что добыча где-то рядом, прямо перед носом. Вот только чередование полос приводит их нервную систему к сбою. Мыслительный аппарат мухи цеце не позволяет определить, какая из полосок является зеброй. За полосками они не видят зебру. Не кажется ли вам, что жадные до знаний ученые уподобляются мухам цеце, которые не видят за символами и буквами того единого значения, той зебры, которую мельком, между строк, иногда удается разглядеть художнику.

– В филологии, – Константин Анатольевич сделал паузу, придвинувшись ближе к столу, как будто собираясь о чем-то посеCRETничать. – Так вот, в филологии аналогичные мысли о творчестве высказывал Владимир Николаевич Топоров, считается, что он был продолжателем теории Леви-Стросса об элементарных структурах родства. Но мне довелось с ним пообщаться в студенческие годы, он уже тогда понимал и предупреждал нас, какая чудовищная химера может вырасти и вырастает на самом деле из этого структурализма.

После этого вступления Константин Анатольевич приложил недюжую силу своего интеллекта к изобличению «химеры» постструктурализма. Прошелся по «грамотеям», которые присвоили себе право бесцеремонно решать какие сло-

ва могут существовать, а какие нет, распространивших «экстерриториальные принципы» европейских языков на русский язык, чтобы приучить всех к ударениям на первые слоги и, конечно же, всегда говорить правильное «их» вместо неправильного «ихние». Вспоминал на пару с незнакомцем 1970-е годы, ту немислимую по нынешним временам интеллектуальную атмосферу, когда публикация одной статейки или романа в литературном журнале вызывала скандалы все-союзных и прямо-таки планетарных масштабов. Много отвлекался, рассказывая то про какого-то графа Тагильского из цикла легенд о короле Артуре, то про бесследно исчезнувший в Европе язык гуннов, то про старинный тобольский журнальчик, в котором не было ничего толкового, кроме красиво-загадочного названия «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Для него язык и литература были действительно миром, многоцветным и разнонаправленным, а мир был живым текстом, который лежал перед ним почти непрочитанным, хотя он умел читать его даже на вымерших языках, он умел читать его по порядку, со случайной страницы, в зеркальном отражении или сразу с конца, отыскивая содержание и уточнения в объемном глоссарии, о существовании которого едва ли кто догадывался.

Потягивая кофе маленькими глоточками, Евгений прислушивался к словам, вырвавшимся из бездонной сокровищницы его памяти, к фрагментам переведенных текстов, ко-

торыми он жонглировал, к ремаркам незнакомца, который собственными глазами видел в Питере более молодую, а по времени создания – более старую «Джоконду» Леонардо и Салаи. Евгений смеялся вместе с Оксаной и Вячеславом над возникающим в голове сумбурным литературно-художественным коктейлем, как бесшабашные дети хохочут над акробатами и дрессировщиками тигров. И этот разнонаправленный мир, покрытый со всех сторон не то полосками мирно пасущихся зебр, не то строчками умных книжек, обитал рядом с ревущими за окнами кофейни машинами, рядом с толпами ковырявшихся в тротуарных плитках «мирных демонстрантов», рядом со всем этим болезнетворным хаосом, из которого все хотели выбраться, но никто не знал как, не понимал почему.

За окнами кофейни «Цэ квадрат» давно стемнело, а они продолжали сидеть, о чем-то хохотать и судачить на фоне темноты большого города. Со стороны вульгарной «вулицы» это выглядело, конечно же, очень неприлично, почти оскорбительно, вот так сидеть и судачить за просторными окнами у всех на виду про голых королев, про каких-то Тагильских графов, и уж тем более, про питерских «Джоконд», ведь каждому дураку известно, что голых королев не бывает, как не бывает графов ни в Нижнем, ни в Верхнем Тагиле, как не бывает ни более молодых, ни более старых «Джоконд». Евгений вышел из кафе первым, засунув руки в карманы, он молча дождался остальных. То ли от головокружительных

бесед, то ли от прихлынувшей на улице прохлады, Оксана оказалась немного пьяной, хотя в кафе она не подавала никаких признаков опьянения.

– Боже ж мой, хорошо-то как! – высоко поднимая руки, крикнула она.

– Оксанчик, тут ступеньки где-то были, – предостерег ее от необдуманных шагов незнакомец.

– А ну, полезайте все в машину, – скомандовала Окси. – Сейчас я вас всех развезу. Давайте! Быстро, быстро.

– Окси, ты ничего не забыла? «Мартини» и кроссовер – две вещи несовместные! – серьезно сказал Вячеслав, протягивая руку. – Ключи, Окси.

– Ну, ладно, – вздохнула Оксана обреченно и слишком даже трагически, вручая ему ключи от внедорожника. – Ну, не вышел из меня сегодня ямщик, извиняйте, я тогда пешком пойду, как обычный смертный.

– Оксана, только давай без глупостей обойдемся! – попробовал ее образумить Вячеслав. – Времени одиннадцатый час. Какие могут быть прогулки?

Но она, не обращая больше ни на кого внимания, закутала голову в шарф-снуд и отправилась гулять по мокрому асфальту, закружившись вокруг себя через несколько неуверенных шагов. Виновато пожав плечами, Вячеслав сердечно попрощался с усатым незнакомцем, а потом с Константином Анатольевичем, который пошел открывать свою машину на другой стороне дороги.

– Евгений, тебя подвезти? – спросил Вячеслав.

– Нет, спасибо, я тут неподалеку живу, – ответил Женич. –

А она как?

Евгений посмотрел на Окси, уходящую невесту куда по тротуару.

– Это бесполезно, – помотал головой Вячеслав. – Я бы ее проводил, конечно, но если она вот так куда-то пошла одна... Слушай, а может, ты ее проводишь, а? Давай я тебе сейчас адрес напишу.

Вячеслав набросал на стикере адрес с телефоном и передал Женичу.

– И что ей сказать?

– Ничего не говори, – хлопнув Евгения по плечу, сказал Вячеслав. – Просто проводи, чтобы она не вляпалась в какую-нибудь историю.

Женька догнал Оксану, одиноко шагающую по вечернему городу среди изумительно подсвеченных фасадов, которые горделиво выделялись на фоне больших синеющих туч, подчеркивая архитектурное своеобразие городских коммуникаций, мистическую природу исторических объектов, уютившихся где-то под нагромождениями из стекла и бетона, словно они были такими же крохотными, как все, горожанами со своими истерическими капризами и причудами.

– Он разглядел в тебе что-то, – как бы сама с собой заговорила Оксана, не оборачиваясь к нему и продолжая беззаботно шагать.

– Кто? – не понял Евгений.

– Славка, конечно, – усмехнулась она, поправляя снуд. – Он счастливчик вообще-то, продал какому-то китайскому магнату серию работ за бешеные деньги. Купил студию, два магазина, кофейню открыл. Так и не признается, буржуй, за сколько миллионов картины продал. Прибедняется, одевается как барыга, ходит для чего-то на эту ярмарку.

Оксана расхохоталась над собственными словами. Только сейчас Евгений вспомнил, что он не расплатился в кафе, и стюард никому из них не приносил счета.

– За такие деньжищи мои картины никто не купит, – опустила голову Оксана. – То ли дело полотна Андервуда, в его картинах есть все то, чего не хватает моим.

– Зато в твоих картинах есть то, чего нет у Андервуда, – заметил Евгений.

– Как мило, ты меня утешаешь?

– Нет, я серьезно, – ответил Женич.

– Ты хоть видел его картины?

Евгений задумался, и ему стало смешно. Он, в самом деле, не видел картин Андервуда, а если видел, то не знал, что это картины Андервуда. Поняв это, Оксана над ним расхохоталась. Они проходили по притихшему городу мимо закрытых модных бутиков, мимо зашторенных офисов и салонов красоты, мимо Дома контор, случайно попавшего однажды на обложку юбилейного альбома «*The Beatles*», и этим, собственно, оправдавшему всю фриковость своего вырванного

из общего контекста существования.

– А как тебе Костик? Я давно его таким не видела, – задумчиво произнесла Оксана. – Он редко вспоминает студенческие годы, но сегодня его понесло.

– Да, это точно.

– Он в меня влюблен, – неожиданно призналась Окси. – Я с ним даже перепихнулась пару раз по пьяни.

– Перепихнулась по пьяни? – поморщился Евгений.

– Это из жалости, у него жена умерла несколько лет назад. С тех пор он окончательно завязал с наукой, – попыталась оправдаться Окси, скорее сама перед собой, чем перед Женькой. – Мне кажется, я совсем отупела от этого города, от вечеринок, от этих снобов, живущих ради лайков в соцсетях. Ты не представляешь, сколько боли я Славке причинила, а он, дурак такой, все равно меня любит.

Они свернули с улицы в сторону Набережной и пошли прямо к подземному переходу – к тому самому месту, где Женька когда-то встретился взглядом со своей лотосоокой богиней, которая затем растворилась у выхода, исчезла на границе света и тени в ярких весенних лучах своего самого нежного и чувственного расцвета. Было так странно оказаться здесь снова, у этого перехода. Будто вся его жизнь оказалась лишь треком, записанным на ленту Мебиуса, таким алхимическим Уроборосом, вышедшим из этого перехода и в него же теперь возвращавшимся, только уже с другой стороны.

– А ты его любишь? – спросил он.

– Наверное, да, – простодушно ответила Оксана. – Ты знаешь, я обожаю его руки, особенно когда от них исходит аромат красок, когда они рисуют мое тело, а потом те же руки прикасаются ко мне, это заводит, это реально сводит с ума! Понимаешь?

– По крайней мере, пытаюсь, – улыбнулся Женька.

– Слушай, а какая музыка тебе нравится, если не секрет? – поинтересовалась Оксана, когда они зашли под своды подземного перехода, расписанные разноцветными граффити, стихами и песнями разных лет. – Просто я такое открытие для себя сделала, что человека можно узнать через музыку, которая ему нравится.

– Ну, когда-то нравилась группа «*Нирвана*», – сказал Евгений первое, что пришло в голову. – Не все их песни, но многие.

– «*Нирвана*»? – удивленно распахнула глаза Окси, заглянув ему в лицо. – Они же сделали самый потрясающий ремейк на песню Дэвида Боуи «*The Man who sold the World*».

– Не-ет, не может быть, – усмехнулся Евгений. – Скорее всего, это Дэвид Боуи сделал ремейк на песню Кобэйна.

– Да ты что? Я тебе сейчас докажу, – она высунула свой телефон, полистав на экране список музыкальных треков. – Вот послушай, я сама сегодня все утро эту песню слушала.

Евгений узнал скользящие аккорды, которые Кобэйн сделал более выразительными, тогда как у Боуи они звучали

мелодичнее, но это, несомненно, были те же самые аккорды «Человека, который продал мир». Он впервые слышал оригинальное звучание Боуи, поднимаясь по ступенькам подземного перехода. Окси знала текст наизусть и напевала слова вместе с Дэвидом, прикрывая ресницы и совершая головой забавные движения:

– *О, ноу, но ми! Ай нэвэ-э лост контрол...*

Она легко взбежала по ступенькам и стала плавно танцевать наверху, подняв руку с телефоном, из которого раздавался психоделически мерцающий голос Боуи. Потом она включила песню еще и еще, продолжая танцевать, повторяя вновь и вновь свои плавные движения. Евгений смотрел, как она танцует, не понимая, что с ней происходит, но в ее движениях странным образом выражался загадочный смысл этой песни. Она спорила, говорила, что на самом деле все не так, что Дэвид Боуи хотел сказать совсем другое. Они долго шагали по Набережной вдоль длинной полосы с черной водой, в которой плавали огни мегаполиса.

Нет, они не пытались друг друга согреть, как пишут в женских романах, не целовались и даже не держались за руки. Они просто гуляли по ночному городу, словно далекие друзья или подруги, ведь если бывают близкие друзья или подруги, то уж наверняка должны быть и далекие. Евгений так и не спросил у нее, кем был тот усатый незнакомец, сидевший с ними в кафе, хотя он действительно был каким-то известным человеком, но в ту нереально магическую ночь это

БЫЛО СОВСЕМ НЕ ТАК ВАЖНО.

Эпизод девятый.

Джананутра.

Царь без царства в мире без людей

Он различал какие-то неясные звуки. Далеко, на самом дне ушной раковины, раздавался тихий шепот на удивительно певучем наречии. Чей-то голос вопрошал о своей судьбе, молил высшие силы о помощи. Пытаясь разобрать, что угнетало душу молившегося человека, Евгений вслушивался в иноземную речь – и лицо его неожиданно побледнело, когда в потоке слов стали встречаться знакомые выражения.

Если бы он спал, то ничего странного в этом бы для него не было. Раньше в сновидениях он часто говорил на иностранных языках, которых никогда не изучал. Иногда он даже представления не имел, как эти языки назывались, в какой части света на них говорили или, возможно, с их помощью общались лишь странные существа в его воображении. Но в том-то и дело, что он не спал. Глаза его были открыты! Он просто лежал в полутьме своей каморки на цокольном этаже, глядя на каменную стену прямо перед собой. Ему подумалось, что слуховая галлюцинация прекратится сама собой – надо лишь перестать к ней прислушиваться. Изрядно устав от бормотания внутри своей головы, он закрыл глаза и

постарался заснуть. Поначалу голос стих и даже совсем прекратился, так что Евгений ушел в сладкую дрему. Как вдруг до него снова донеслась незнакомая речь – на этот раз очень четко, словно кто-то находился прямо за стеной.

Наверняка за кирпичной кладкой, в соседнем помещении, молился представитель азиатской диаспоры, однако сон так крепко сковал Евгения, что он даже не пошевелился. На спящем лице у него не дрогнул ни один мускул, хотя ему захотелось улыбнуться. Было забавно слышать, как пылко молится парень, бежавший из теплой солнечной страны в заснеженную и промозглую Россию. Если бы он был умнее, то остался бы дома – тогда, глядишь, и жаловаться на судьбу не пришлось бы.

Спустя еще четверть часа протяжных завываний Евгений захотел узреть эту редкостную азиатскую непосредственность своими глазами. Он решил хотя бы постучать ему в стенку, чтобы тот сбавил громкость, но открыть веки не получалось – они то ли онемели, то ли слиплись. От невозможности приоткрыть веки, зрачки его закатились вверх, так глубоко, что на пару минут он заглянул в кромешную темень, которая находилась где-то внутри него. Заглянул туда, куда никогда не заглядывало его сознание, где его самого уже не было – по ту сторону самого себя. Именно так, по-другому и не скажешь!

Он провалился в какую-то абсолютную космическую темноту, которая обитала между пор его тела, кровеносных со-

судов, клеточных органелл, петелек нуклеотидов и атомных флуктуаций. Или, быть может, это он обитал на одной из ее возможных граней среди неисчислимых пересеченных поверхностей, плотно сжатых и упакованных одна в другую. Он подумал прямо во сне, что эта непроглядная тьма, вероятно, вмещала в себя всю огромность бесконечных миров и вселенных.

Оказавшись в запредельной темноте самого себя, он уже не мог определить направление, куда смотрит. Ему казалось, что он продолжает смотреть куда-то вперед, хотя его зрачки под веками были развернуты назад, в сторону сетчатки. Поскольку он лежал боком на кровати, то сторона, которая в темноте казалась ему правой, в действительности была низом, а сторона, казавшаяся ему левой, была верхом. То, что он сейчас воспринимал за нижнее направление у себя под ногами, в пространстве полуподвального помещения было левым направлением, а то, что воспринимал за верхнее направление над головой, было, соответственно, правым...

Так вот оно что! Почему же раньше он не замечал этого? В сновидениях всегда действовала такая непривычная система координат: вперед-назад – назад-вперед; вправо-вниз – влево-вверх; вниз-влево – вверх-вправо. Выходит, всякий раз, когда сознание его опрокидывалось в это сновиденческое пространство, имеющее для каждого направления дополнительные координаты, он видел события, происходящие не в четырехмерном, а восьмимерном пространстве-времени.

Его сознание начинало перемещаться во сне подобно электрону, спин которого равен двум. Обернувшись один раз кругом, он, стало быть, совершал движение, которое в обычном состоянии имело бы 720, а не 360 градусов. Но самое поразительное заключалось в том, что для входа в эту попустороннюю реальность не требовалось никаких дополнительных приспособлений – в самой природе сознания уже содержалось все необходимое для такого восприятия инобытия.

Если в сновиденческом пространстве переднее направление могло быть заодно задним, а верхнее – заодно правым, то и стрела времени могла быть здесь заодно прямой и обратной. Таким образом, что предстоящее можно было воспринимать как уже – тут, в сновидении – с ним произошедшее. Тогда как события прошлого частично забывались либо становились совершенно неизвестными ему величинами. Вместе с тем, каждое последующее действие могло отражать здесь воспоминания все более и более отдаленного прошлого, и если бы он проспал достаточно долго, то как бы затем определил, где и когда находится? Разве не могла оказаться личность, с которой он себя отождествлял, давно умершей, либо, напротив, еще не появившейся на свет?

Ему хотелось еще немного поразмышлять об этом. Здесь, по ту сторону самого себя, он увидел то, что обычно было скрыто от него самого его же собственным существованием. Он узрел непрерывную протяженность времени – необо-

зримою его высоту, которая для всякой разумной сущности была своя, познал его бездонные океанические глубины, его необъятную, запредельную широту, объединявшую архетипы отдаленных эпох и память всего живого. Ему нужно было еще немного времени, чтобы все это запомнить и осмыслить, но больше времени у него не было – оно все было здесь целиком, оно целиком находилось в этой темноте. Да, оно было здесь все время – всегда... Тут глазницы его раскрылись, и пространство стало вливаться в него белым светом.

***

Он с трудом приоткрыл дрожащие веки, осторожно впуская в себя потоки ярких красок. Ему казалось, что он видит акварельное небо над ровными горными склонами, покрытыми цветками куринджи. До него доносилось журчание воды, протекавшей по влажным плитам среди рододендронов и папоротников. Под сочной зеленью травы виднелись заросшие бордюры и башенки-виманы с углублениями для жертвоприношений, которые были осыпаны свежими лепестками карены. Ему захотелось рассмотреть этот удивительный сад релаксации поближе, войти в него полностью, даже если это было не его сновидение, даже если он не должен был здесь находиться.

Влекомый этим безрассудным желанием, он подался чуть вперед. Его кожа стала очень вязкой, черты лица – более эластичными, словно маска, они медленно растягивались и расширялись. Каждый изгиб морщинок на лбу, вокруг глаз и

рта раскалял его кожу докрасна, как при сильном солнечном ожоге. Ему приходилось напрягать каждую мышцу на шее, чтобы протиснуться через непонятную преграду. Возможно, это была горная порода, засыпавшая вход в пещеру, из которой он хотел выбраться, а может, кирпичная кладка в стене. Наконец, после того, как его лицо перестало растягиваться и гореть, он сумел вытянуть шею и осмотреться.

Но прежде, чем понять, где он находится, он увидел перед собой молившегося человека – того самого, который не давал ему заснуть. Им оказался он сам! Вернее, он выглядел так, как если бы это было его собственное зеркальное отражение. И этот странный человек настолько умело его пародировал, что выражение их лиц было практически одинаковым. Поначалу ему даже почудилось, что между ними вообще нет никаких различий. Впрочем, двойник был чуть моложе и смуглее, он был одет в восточную одежду, сохранявшую следы тонкой вышивки и роскошного орнамента, а в его глазах читалось изумление, граничащее с подлинным ужасом.

– Откуда ты взялся? – решил спросить у него Евгений, премного удивившись изменению своего голоса, который прозвучал как скрежет гигантских каменных глыб.

– О, великий Пурусинх, ты явился! – только и вымолвил двойник, упав оземь. – Ты отозвался на зов последнего из рода Раджхаттов.

– Хм-м, – раздалось в ответ задумчивое эхо.

Евгений не понимал, что происходит. Он знал, что ви-

дит очень странное, как будто вывернутое наизнанку сновидение. Вместо того чтобы смотреть сон своими глазами, он смотрел на свое ментальное тело как бы со стороны. Вполне возможно, в пространстве-времени сновидения появились какие-то неучтенные координаты, и он... его сознание попало в еще более запутанное, скажем, шестнадцатимерное состояние. Но, если так, то кем он сейчас был? Точнее говоря, кем был тот самый Пурусинх, которым он сейчас был?

Он попытался взглянуть себе под ноги, но его движения были скованными. Покрутив головой, он ощутил чудовищный внутренний жар, хотя это было не самое страшное. Краем глаза он заметил, что его руки и грудь – дымятся! Они потрескались, обнажая под лопнувшей кожей огненные потоки вулканической лавы. Евгений вскочил на ноги, принявшись тушить себя и охлопывать в клубах дыма.

Когда дым рассеялся, он громко кашлянул, высунув язык наружу, провел рукой по вздувшимся венам на шее и выдохнул с некоторым облегчением. Он посмотрел на свои руки – они почему-то выглядели безобразно большими и... когтистыми. Судя по ним, ангельской внешностью этот Пурусинх не блистал. Более того, он был настоящим монстром! За спиной продолжала дымиться пустующая ниша. Очевидно, еще минуту назад там стояло каменное изваяние, в которое непостижимым образом вселилась душа Евгения. На это указывали дымящиеся куски разломившегося рельефа, украшавшего статую.

Выбираясь из космической черноты, его подсознание, скорее всего, перепутало направления двух зеркальных поверхностей и всплыло в иной реальности. Как бы то ни было, он вошел в каменное тело Пурусинха, и сейчас стоял перед своим двойником в облике ужасного божества, причем, надо признать, ему это даже нравилось. Много чего довелось ему повидать в сновидениях, но ничего подобного с ним еще точно не приключалось.

– Так это твое бормотание раздавалось у меня в голове?

В горле Пурусинха все пересохло, однако каменный скрежет в голосе прекратился, так что ничто не мешало ему больше вести разговор. Как много хотел бы он узнать от своего астрального двойника! Как много хотел бы он с ним обсудить на древнем наречии! По отдельным словам можно было предположить, что это была одна из разновидностей ведического языка, незамутненной письменностью и надуманными правилами, в которых выражалось стремление установить одно значение для каждого слова, один смысл для каждого корня, тогда как у них были тысячи значений и тайных смыслов.

– Царь Северных гор, прости Джанапутру за мольбы его! – не поднимаясь, отозвался двойник. – Долгие месяцы продолжалась аскеза моя и моления мои, дабы внять твоему совету. И вот, когда ты явился в ужасающем великолепии своем, трепет сковал сердце Джанапутры, и он не смеет больше смотреть тебе в лицо. Если я досадил тебе своей молитвой,

ты вправе покарать меня смертью.

– Покарать смертью, это всегда успеется! – рассмеялся Евгений, которому совсем не хотелось кого бы то ни было карать, тем более, самого себя. – Раз вызвал меня, рассказывай, Джанапутра, в чем твои беды.

Евгений почему-то был уверен, что видит самого себя со стороны, а значит, и так знает все, что могло терзать душу Джанапутры. Но все оказалось не так, как он себе представлял.

– Что может быть хуже, чем царство без царя и царь без царства? – вопрошал Джанапутра. – Боль страданий омрачила весь мир после печальной кончины моей любезной матери Наянадхары, верховной жрицы Нагарасинха.

– Нагарасинх? – это слово разом воскресило в душе Евгения столько незабываемых впечатлений! – Ты хочешь сказать, что ты наследник верховной жрицы, что ты царь Нагарасинха?

– Царь, навеки изгнанный из Нагарасинха, – подтвердил Джанапутра, спокойно перед ним поднявшись.

Чтобы не выдавать свое волнение, сильное смущение и радость, Пурусинх, то есть Евгений, затронул когтистыми руками седую львиную бороду. Для него это было самой невозможной невозможностью и самой неожиданной неожиданностью – спустя столько лет оказаться в давно забытом сневидении и встретить здесь повзрослевшего сына. Как могло его подсознание запомнить все это? Зачем оно вновь напра-

вило его сюда?

– Так почему же тебя изгнали, Джанапутра, царь Нагарасинха? Может быть, ты был недостойным царем?

– А разве не видно? – Джанапутра приподнял руки, подбродком указывая на себя.

– Ах да, ты человек... – понимающе закивал Пурусинх и улыбнулся довольно мило, если учесть, что его пасть обрамляли острые, как сабли, клыки.

– Последний из рода ягуаров родился человеком. Возможно ли опуститься ниже? Царь Нагарасинха стал шутком и пошлостью. Нынче он собирает яблоки и сажает огурцы для пропитания своего живота. В самом деле, было бы очень смешно, если бы скверные времена не настали в подлунном мире. Нечестивцы и темные силы правят по обе стороны океана, и никто уже не верит в Светозарную Истину.

– Не говори «никто», Джанапутра, ибо никто не может верить или не верить во что-либо, и когда говорят «никого нет», еще продолжают думать о ком-то, – ответил ягуароподобный Пурусинх. – Были дни, когда хранители Майятустра-дхьяны безраздельно правили этой страной. Они обладали величием и славой, и где они теперь?

– Как можешь ты радоваться нашему горю? Хранители Майятустра-дхьяны сдерживали еще большее зло и коварство, пока их не уничтожил Парамаджана! – от произнесения этого имени Джанапутра сжал кулаки. – Одни говорят, что он был ягуаром, другие говорят – человеком. Одни гово-

рят, что я его сын, рожденный от противоестественной связи, другие распространяют вздорные слухи о том, что я был зачат и выношен моей матерью непорочно.

Внезапно царь Джанапутра выдохся. Он упал, как подкошенный, скрывая в песчаной земле слезы. Даже сам Пурусинх не знал, чем его можно утешить, и тогда он протянул ему руку и сказал:

– Встань, сын человеческий, в этом нет твоей вины. Всякая причина порождает множество следствий. Мы являемся причинами всех миров, и мы же – следствия этих причин. Развоплощение Майятустры стало причиной гибели хранителей Майятустра-дхьяны, а также причиной твоих несчастий, но это послужило и причиной твоего рождения. Что бы там ни говорили полулюдины, им никогда не постичь этой тайны.

– Тебе известна тайна моего рождения? – спросил Джанапутра, поднимая голову.

– В тайне твоего рождения сокрыта первопричина этого мира, а в ней сокрыты тайны многих других миров. Если не установлена первопричина существования всего сущего, борьба со злом будет порождать другое зло. Но если первопричина установлена, зло теряет свою силу.

Истощенный аскезой и многодневным чтением мантр, царь Джанапутра ухватился за лапу Пурусинха и поднялся, до сих пор не веря своим глазам, в которых отражался прославленный первопредок ягуаров. Он больше не ужасался

этих острых клыков, которыми Пурусинх пожирал полчища врагов, и этих длинных когтей, которыми древнее божество пробивало насквозь грудные клетки даймонов Сатананты, разрывая падшие души в пламенеющие ключья.

Джанапутра, никогда не видевший своего отца, догадался, что это был он – его отец, дела и поступки которого всегда казались ему превыше всякого разумения. Он ощутил, что внутренняя сущность Пурусинха и его отец Парамаджана были одной и той же личностью. Временами он его ненавидел, а временами... считал единственным доступным подтверждением существования Всевышнего.

Обдумывая догадку об отце, Джанапутра внезапно решил спросить у Пурусинха напрямую:

– Мне ведь тоже не известна тайна моего рождения. Если нам не известны даже причины, которыми являемся мы сами, как установить первопричину всего сущего? Как возможна борьба со злом, не порождающая другое зло? И для чего ты пришел, Парамаджана? Неужели для того, чтобы окончательно погубить Нагарасинх и всех его обитателей? Ты ведь не можешь придти, ничего не разрушив.

Евгений не ожидал такого каверзного вопроса от Джанапутры. Во всяком случае, не сейчас, не в такой обстановке. Ему было совершенно неизвестно, что происходило в Нагарасинхе последние десятки циклов, как, впрочем, и то, что творилось в голове у царя Джанапутры. Первое впечатление, что они были с ним похожи, практически идентичны друг

другу, оказалось обманчивым.

– Ты очень умен, царь Джанапутра. Но понять определенные вещи можно только в определенное время и в определенном месте, а некоторые вещи можно понять только в других мирах. Однажды я помог йогину Ашмара изгнать дaimона Майятустру. Вовсе не для того, чтобы свергнуть династию Раджхаттов, не для того, чтобы разрушить город Нагарасинх, а для возникновения последовательности событий в совершенно другом мире, который здесь у вас считается несуществующим и воображаемым. Эти события настолько запутаны, что я не могу их тебе описать. Для этого потребовались бы многие вещи и образы рупа-дхарни, не существующие в вашем мире. Однажды ты тоже узнаешь о вещах, которые не могут быть выражены словами, и тогда, Джанапутра, тайна твоего рождения сама откроется тебе.

– Мир людей? Ты пришел из мира людей? – с оживлением спросил царь Джанапутра.

– Он совсем не такой, каким его описывают здешние сказки, – усмехнулся Пурусинх, предвидя следующий его вопрос. – Давай лучше поговорим о твоём мире, как же долго я тут не был! Сколько тебе лет?

Впервые царь Джанапутра по-дружески улыбнулся и пригласил пройти по цветущему саду, который в действительности являлся святилищем и некрополем династии Раджхаттов. Они покинули храм Пурусинха и пошли по песчаной тропинке среди запущенных клумб и широколиствен-

ных деревьев, увитых серпантинном лиан. Встречались здесь и царские усыпальницы, и фонтаны, которые, впрочем, давным-давно превратились в озера, заросшие крупными водяными лилиями. Из глубины сада, где находился алтарь Пурусинха, они вышли к пустынному дворцу с рядами сиротливых арок.

– С тех пор здесь и обитаю... – подытожил Джанапутра свой беглый рассказ о том, как он стал царем Нагарасинха после кончины своей матери Наянадхары и как был изгнан из города темным магом Нишакти.

– Тебя в самом деле тяготит то, что ты вынужден выращивать в этом саду растения и питаться ими? – спросил Пурусинх царя Джанапутру. – А что, если в одной из вселенных первопредок династии ягуаров Пурусинх занимается сейчас тем же самым?

– Ты, верно, шутишь? – изумился Джанапутра. – Зачем вождю Пурусинху сажать огурцы? Он наделен могуществом и силой, которой никто не обладал до наступления эпохи великого затмения.

– А известно ли тебе, Джанапутра, откуда брались силы Пурусинха? Из каких глубин произрастало его могущество? Знаешь ли, почему эти овощи «*шакти*» и космическая энергия Шакти звучат одинаково?

Приподняв одну бровь, Пурусинх слегка дотронулся до зелени, которую Джанапутра выращивал на грядках возле заброшенного дворца.

– В преданиях об этом ничего не сказано...

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялся Пурусинх. – Мы с тобой и есть предание, Джанапутра, и если в преданиях об этом ничего не сказано, то лишь потому, что мы не захотели об этом сказать. Поистине, передавая предание не тогда и не тем, кому надо, можно легко сделаться предателем. Вспомни, разве тебе не доводилось слышать притчу о царе, в саду которого росло дерево?

Даже во сне Евгений не сомневался, что притча о божественном Древе встречалась и пересказывалась во всех возможных и невозможных мирах.

– То есть в одной из вселенных сознание Пурусинха вырабатывает плоды и питается ими, чтобы совершать в тонких материях великие подвиги, являясь в других мирах непревзойденным творцом тан-матры? – рассуждал Джанапутра. – Но как может растительная сила «шакти» трансформироваться в космическую энергию Шакти?

– В этой способности заключены все чудеса сиддхов, – Пурусинх сложил за спиной руки, продолжая неторопливо шагать среди зеленых грядок. – Приглядишься к этим плодам и нежным побегам, в них зреют и нарождаются поколения богов, народов, земных царей и героев, необходимые для поддержания множества миров. Что станет со всеми этими побегам и плодами, если не будет у них садовника? Их затянет сорное семя. Оно станет отнимать и присваивать их растительную силу себе. К сожалению, такое иногда случается

даже в тонкоматериальных мирах.

Грустно вздохнув, Пурусинх положил огромную руку на плечо Джанапутры, а затем продолжил:

– Ухаживание за этим садом релаксации напоминает мне управление страной, а управление страной похоже на поддержание дхармических законов во множестве миров. Видишь тот каменный забор? Он ограждает сад от диких шакалов и хищного тигра. Протекающий здесь ручей питает влагой фруктовые деревья, которые без него, безусловно, засохнут. Под сводами этого дворца ты можешь укрыться от непогоды, а забытое в дальнем углу изваяние может однажды ожить и рассказать тебе обо всем этом, – усмехнулся Пурусинх.

– И все же управлять страной, ухаживать за садом релаксации и поддерживать множество миров – это разные вещи, – возразил царь Джанапутра.

– Тем не менее, о чем бы мы ни говорили, для совершения правильных действий нужна одна и та же мудрость, а мудрости невозможно научиться.

– Отчего же невозможно? Разве мудрость наших предков не передается нам через писания древних риши? – взволнованно спросил Джанапутра.

Конечно же, царь Джанапутра свято верил в древние мантры. Немало дней и ночей провел он за чтением книг и волшебных табличек в своем уединенном жилище. Из них, по всей вероятности, он и узнал способ, с помощью которого

можно было призвать первопредка ягуаров. По ошибке или нет спящий Евгений оказался в шкуре Пурусинха – теперь это было неважно. Важным было то, что он в это втянулся, и некая сновиденческая сила производила над его сознанием необычайный опыт. Более того, он так вжился в кошмарный образ Пурусинха, что в глубине души стал допускать, что его мышление через это тайнодействие соприкасалось с более развитой духовной сущностью, нежели был он сам. По крайней мере, некоторые мысли возникали у него в голове настолько спонтанно, будто они уже были кем-то обдуманы раньше.

– Если весь день наблюдать за движением Солнца, а ночью за звездами, может сложиться впечатление, будто все они вращаются вокруг тебя. Точно так же читателю книги мнится, что глубинное средоточие всех знаний и мудрости находится в самой книге, – намекнул Пурусинх. – Но эта кажимость, Джанапутра, не должна сбивать тебя с толку, ведь это мы вращаемся вокруг Северных гор, а подлунный мир движется вокруг Солнца. Путь звезд проходит вокруг сварги, а сварги вселенной движутся подобно чакри-дхам – как частицы крови вокруг сердца.

– По-твоему, книги тоже описывают бесконечные круги вокруг истинной мудрости? – не вытерпел царь Джанапутра пространного объяснения. – Где же тогда средоточие мудрости?

– А где средоточие времени или пространства? Оно всю-

ду и нигде. Но для живой души оно, прежде всего, вот здесь, – и ягуар поднес когтистую лапу к сердцу Джанапутры. – До наступления великого затмения не было никаких книг, всю полноту божественной мудрости древние познавали без книг. Не было в том мире ни лжи, ни корысти, ни зависти, не было тогда ни просветления, ни просвещения, ибо все было светом, и сознание каждой сущности было светло.

– Если это действительно так, для чего же тогда пишут книги, для чего их читают? Ответь мне!

– С тех пор, как тень Сатананты вошла в сердце живой души, частичка тьмы отражается в каждой книге, вызывая искаженные толкования. И все же, открывая книги, мы можем открывать внутренние слои самих себя в поисках того внутреннего света, который был сокрыт от нас завесой непроницаемой тьмы. Прочитывая книгу, ты можешь почувствовать себя мудрее, но это еще не означает, что тебе передалась та же самая мудрость, которой обладал риши. Мудрость – это то, что запечатано тобой самим внутри тебя самого, таково значение слова «*мудра*»; читать – значит раскрывать слои «*чита*» внутри своего сознания «*читта*». Таково подлинное искусство мантры, преданное забвению.

– Не понимаю тебя! – вновь возразил Джанапутра. – Так много книг было написано великими мудрецами, а ты говоришь о забвении.

Пурусинх покачал головой, понимая смятение царя Джанапутры, который, видимо, страстно любил чтение. Впро-

чем, чем еще ему оставалось заниматься в этом захолустье?

– До появления книг мудрецы вчитывались не в буквы, а в звуки, – отвечал Пурусинх. – Они видели не плоские значения слов, а многомерные цели, к которым устремляются эти значения. Тысячи раз тобой была пропета одна и та же строка, чтобы она вошла в мое сознание, а мое сознание вошло в твой мир. Если бы кто в совершенстве овладел искусством мантры, то в одном слове он бы прочел тысячу книг, одной строкой вошел бы в тысячи миров и сознаний.

– Многомерные цели – те, которые никто не видит? – спросил царь Джанапутра. – В детстве матушка рассказывала мне, как Парамаджана сумел попасть из нефритового лука в змею, которую никто не видел.

– О, та змея, отравлявшая источники вод, была известна одному кентавру, нашедшему нефритовый лук. Выходит, он тоже ее видел, не так ли? – хитро прищурился ягуар. – Ты можешь потратить все стрелы, думая, что поражаешь ими незримые цели, постигая Высшую Реальность или Космическое Сознание, но в результате никуда не попасть. Незримую цель не видят не потому, что она обладает особой природой незримости, а потому, что никому не приходит в голову, что она может быть целью и что в нее можно попасть.

– Возможно, ты со мной не согласишься, но даймон Майятустра считался богом подлунного мира, богом Нагарасинха. Так неужели даже боги умирают? Неужели даже они становятся чьей-то целью? Скажи, чем не угодил тебе Майяту-

стра? Зачем ты убил его, и кто теперь защитит этот мир от темного мага Нишакти? – вопрошал царь Джанапутра. – Как долго я мечтал о встрече с тобой! Но теперь сердце мое терзают сомнения. В подлунном мире ты бы мог обмануть кого угодно. Как можно тебе доверять после всего того, что ты сделал?

– Даже простые смертные не исчезают бесследно, а боги подавно. Владыко Майятустра по-прежнему жив. Он снова стал карликом Читхой, которым был до наступления великого затмения, – неохотно ответил ему Пурусинх. – Говорю тебе, царь Джанапутра, незаменимых богов не бывает. Высшие сущности могут быть целью, но всякая достигнутая цель становится только средством. Так ты можешь отличать многих богов, именуемых «*всевышними*», но которые служат только средством, от недостижимого Всевышнего, никогда не становящегося средством, а потому не подверженного дурному влиянию заблудших джив. Только живая душа незаменима в подлунном мире. Если в ней живет сострадание и любовь, то одним своим существованием она наделяет свойством несокрушимости высшие принципы дхармы.

– Если все зависит от благодетели смертных, а не от имен богов, почему ты низверг Майятустру?

– Боги, как бы их ни называли, благотворно влияют на сознание джив. Без них ограниченное и слабое существо будет мнить себя всемогущим и совершенным. Такое восхождение разума ведет к духовному нисхождению и самоуничтожению

джива-саттв. Имена богов создают иллюзию, что один бог с течением времени сменяет другого, что боги рождаются, живут и умирают, подобно смертным. Но в действительности они не рождаются и не исчезают, как не может проявиться или исчезнуть пустота кувшина, благодаря которой мы наполняем его содержимым. Бывают боги, именами которых прикрываются для совершения преступлений. Бывают боги, имена которых забыли, и все же им продолжают молиться.

Различные имена богов – и есть семена богов, а семена богов и есть божественные семейства, благодаря которым происходит смена одних богов другими. Через них в сознании вырастают различные уровни понимания Божественного начала. Вот почему имя бога, через которое одни джива-саттвы воспринимают Божественное начало, для других может показаться заблуждением. Как в этом саду релаксации не найдется двух совершенно одинаковых по высоте деревьев, двух совершенно равных травинки, так же среди народов и джива-саттв не найдется двух сознаний в совершенно равной степени постигших Божественное начало.

– Коль скоро все имена богов в равной степени отражают наше незнание о Всевышнем, не хочешь ли ты сказать, что нет никакой разницы, какому богу молиться? И разве джива-саттвы, говорящие об исключительной истинности своего бога, не совершают ошибку? – задумался царь Джанапутра, указывая на грядку овощей. – В этих плодах «шакти» великое множество семян, но я не вижу между ними разли-

чий, чтобы одно семя было намного больше или, наоборот, намного меньше другого.

Взглянув на длинные огурцы, которые Джанапутра выращивал на грядке, Евгению вдруг вспомнилась старинная детская загадка: *«Без окон, без дверей – полна горница людей»*. Было так странно, что образ из этой народной потехи отражал суть их беседы о богах и уровнях сознания, как будто обо всем этом и так было уже давно известно.

– И все же разница существует, – немного задержавшись с ответом, произнес Пурусинх. – Нищий и царь могут родиться одинаковыми, но неодинаковой окажется их судьба. Тот и другой может стать злодеем, тот и другой может стать святым сатгуру, но даже в этом случае их пути будут различны. Не все семена, Джанапутра, дают хорошие всходы, некоторые подвержены тяжелой болезни. И они могут заразить остальные семена – вот тогда все они в равной степени окажутся непригодными к дальнейшему росту. Чтобы этот сад благоухал и приносил плоды, нужны различные семена от различных корней.

– Различные племена, языки, боги... По-моему, все эти различия ведут только к раздору и войнам. Не лучше ли иметь одного бога над всеми и один над всеми язык?

– Мудрый садовник знает, на какой почве и на каком удалении должны расти плоды, а глупый сеет их без разбора. Причина войн, о которых ты говоришь, не в различии языков и богов, а в глупости низших существ, обладающих непомер-

ной властью. Неужто ты в самом деле готов уничтожить всякое растение и всякое дерево в саду, чтобы питаться одними огурцами? – расхохотался над ним Пурусинх, запрокидывая ягуароподобную голову с алой пастью. – Ты недостаточно добр, царь Джанапутра, чтобы уничтожить весь этот мир, и ты недостаточно зол, чтобы развязать хотя бы одну войну. Только зверь может развязать войну, и только бог – предотвратить, но ты человек, Джанапутра. Как думаешь, что это значит?

– Что человек не властен над своей судьбой?

– Ни да, ни нет! Возможности человека ограничены сверху и снизу, чтобы он мог побеждать. Поэтому мудрый садовник не уничтожает весь сад и все деревья в нем, потакая глупому совету как избавиться от вредителей.

Так они поднялись с царем Джанапутрой по мраморным ступням и остановились под изящной аркой, украшенной завитками из меланита. В синем небе над фиолетовыми холмами бледнела огромная пинковая луна. Евгений никогда не видел прежде такой красивой и близкой луны. Он подумал, что это, возможно, был самый прекрасный сон, который ему когда-либо снился, и что он, возможно, никогда больше сюда не вернется. Он хотел помочь царю Джанапутре, как однажды помог йогину Ашмара. И вовсе не потому, что Джанапутра был изгнанным царем в безлюдном мире, а потому, что к этому подталкивали иные, пока неведомые ему события, которые должны были произойти в его сознании.

– Пурусинх, если я тебя правильно понял, – продолжал тем временем царь Джанапутра, – мудрости можно научиться даже в этом саду, собирая яблоки и пропалывая грядки? Быть царем для этого совсем не обязательно, хотя нельзя быть настоящим царем, не имея для этого достаточной мудрости.

– Подобно царю, садовник всегда стоит перед выбором. Он выбирает самые полезные плоды, самые здоровые деревья, самые красивые цветы, чтобы они могли расти. Он оберегает посевы от саранчи и сорной травы. Но все не так просто! Если садовник возьмет от земли слишком много, она быстро истощится. Слишком обильные урожаи загнивают, не оставляя доброго семени. В сезон дождей избыток воды – в жару наступает засуха. Бывает, и ледники спускаются с гор, царь Джанапутра. Это приводит к тому, что иногда сорное семя вытесняет добрые плоды и побеги. Сорная трава одурманивает разум, и существа начинают ее почитать как самое благородное растение, дарующее свободу. Племена и земные цари, одолеваемые демоническими наваждениями, забывают о совести, теряют веру в Высшее, находящееся вне возможности их восприятия, и тогда прискорбные дела начинают твориться.

– То, о чем ты сказал, объясняет мне причину, по которой в подлунном мире восторжествовало учение о Свабудже Вишване, – произнес царь Джанапутра, глядя на синеющие тучи, показавшиеся вдали за Северными горами.

– Свабуджа Вишвана? Высшая свобода? – вскинув седые брови, переспросил Пурусинх.

– Всепроникающая сила, сошедшая в подлунный мир для достижения полной Свободы Вселенной. Так разъясняют учение всеведающего Калиманаса его последователи.

– Что же ты раньше молчал об этом учении? В нем корень зла, питающий темного мага Нишакти.

– Наш мир стремительно изменяется, однако нет никакой уверенности в том, что это происходит по воле Свабуджи. Трудно поверить, что некая душа или высший даймон знает о настроениях каждого. Обо всех тайных и явных желаниях такого огромного мира! – пояснил свои сомнения царь Джанапутра. – В конце концов, темный маг Нишакти мог просто выдумать дарующего свободу Калиманаса и его вселенское учение о Свабудже, чтобы изгнать меня из Нагарасинха.

Евгений еще раз взглянул на лицо царя Джанапутры. Какие же несчастья он перенес, и что ему предстояло испытать в будущем? До этой встречи Евгений ни разу всерьез не задумывался над тем, как власть способна изменять сознание человека, перед каким выбором она его постоянно ставит.

– Но ведь и даймон Майягустра мог управлять помыслами всех обитателей Нагарасинха...

– Не мыслями обитателей всего мира, не помыслами целой Вселенной! – нахмурился царь Джанапутра.

– Да, пожалуй, это было бы уже слишком, – согласился с ним Пурусинх, поглаживая когтями свою бороду. – Даже

бесконечноголовый Сатананта не управляет всеми событиями во вселенных, через которые прошла его тень. Существует Свабуджа или нет, должен признать, он – великий мечтатель.

– Все мечтают о чем-то, – заметил Джанапутра печально. – Без мечты ничего не рождается и не возникает. Не бывает без нее никакого дела – ни злодеяний, ни подвигов, ни радости, ни печали. Только великие мечты и делают нас великими.

Он пригласил ягуара к невысокому столику, на котором стояли свежие фрукты и кувшин с манговым соком. Они расположились друг напротив друга, сидя на индигово-синем ковре с великолепным золотистым орнаментом, который, впрочем, был изрядно потерт под ножками стола. В тени между арок сказочного дворца пробегал теплый ветерок, тербивший цветы в терракотовых вазонах, а на открытом воздухе в саду установилась невыносимая тропическая жара.

– До сих пор вспоминаю времена, когда каждый сановник нашептывал царю: *«Перестань мечтать, Джанапутра, не витай в облаках! Не помышляй о лучшем – сделаешь только хуже»*. Но понял я, о чем мечтают говорящие *«перестань мечтать»*. Они мечтают лишь об одном – чтобы ты ничего не делал. Так они обретают свою способность к воровству, к осуществлению своих личных нескромных мечтаний, ничуть не заботясь о всеобщем благе. Возможно, я недостаточно зряч, чтобы видеть незримые цели, но царь Джанапутра

оказался достаточно слеп, чтобы вовремя не заметить сети разума, которые связывают наши руки крепче любых цепей.

– Некоторые старцы только ослепнув становятся мудрецами, но даже они недостаточно слепы, чтобы освободить свой разум от сетей. Вопрос в другом, царь Джанапутра, в том, достаточно ли ты зряч, чтобы увидеть недостижимую мечту, и достаточно ли ты слеп, чтобы следовать за ней?

– О какой мечте ты говоришь? В моем положении любая мечта недостижима, и наш разговор, едва успев начаться, уже стал для меня недостижимым. Вернуться в Нагарасинх я давно не мечтаю. Призвать тебя – то единственное, о чем я еще мог мечтать, и это была моя последняя мечта.

– Последняя мечта... – медленно повторил Пурусинх. – Знаешь ли ты, что это единственное, что тебя отделяет от недостижимой мечты? И это единственное, что может тебя с нею соединить. Но прежде, чем это произойдет, твоя последняя мечта должна умереть.

После этих слов они долго молчали, размышляя о недостижимой мечте, царь Джанапутра и Пурусинх, который закрыл глаза, погружившись в медитацию. Время словно остановилось для них. Замерло движение солнца и пинковой луны на небосводе, и даже ветер перестал шевелить цветы и деревья в саду. Ни одна птица не щебетала, ни одна бабочка не вспорхнула, покуда длилось их молчание. Вся вселенная прислушивалась к этой тишине, которую никто не смел ни прервать, ни нарушить... и волна дрожи прокатилась по ней!

– Нет, не для того пришел я, чтобы вернуть тебе царство, которое можно отнять, – вдруг произнес Пурусинх, открывая глаза. – Ты заслуживаешь большего, Джанапутра, и я пришел вернуть тебе веру в нечто большее, чем ты готов принять. Вернуть то, что Калиманас вместе с другими подобными ему падшими дживами мечтает подменить в этом мире и погубить.

Заложив руку за широкий пояс с самоцветными камнями, Пурусинх поднялся и поглядел на сидящего перед ним юношу. Ничего героического и царственного в Джанапутре не было – он был безумно одинок и к тому же сильно истощен. И все же в нем чувствовалась внутренняя сила, которой сам Евгений никогда не обладал в своем земном воплощении. Их судьбы был странным образом переплетены, как в познании высших законов бывают парадоксально переплетены вопросы и ответы.

– Между прочим, – Пурусинх укоризненно потыкал когтем в грудь Джанапутры, – древних богов просто так не вызывают. Видишь ли, сиддхическая способность к трансформации космической энергии – крайне редкий дар в любом из миров. Мы с тобой можем провести в беседах еще пару дней или часов, но одними разговорами ничего не решить. Так устроен человек, даже если он не имеет никакой мечты, мечта обязательно появляется, как только поблизости оказывается йогин, способный исполнять желания.

– И что ты собираешься делать? – спросил у него изгнан-

ный царь, заметив в глазах Пурусинха безумный огонек.

– Ну, для начала, – Пурусинх посмотрел на лестницу, ведущую к угловым башенкам заброшенного дворца. – Полагаю, для начала нам стоит навестить темного мага Нишакти, раз он столь сведущ в учении великого Свабуджи.

Они взобрались на башню с остроглавым куполом и оказались на восьмигранной смотровой площадке, окруженной колоннами. Вытянув руку вперед, царь Джанапутра показал на дорогу, которая петляла среди склонов цветущих куринджи.

– До Нагарасинха не меньше четырех дней пути, – предупредил он ягуара.

– А разве я сказал, что мы пойдем пешком? – озабоченно спросил Пурусинх, заглядывая в лицо царю. – Скажи, тебе когда-нибудь доводилось летать во снах?

– Да, но это же не сон, – растерялся изгнанный царь, не веря тому, что Пурусинх предлагает ему лететь в Нагарасинх по воздуху.

– Знаю, Джанапутра, тебе это покажется безумием, но твой мир для меня мало чем отличается от сновидения. Здесь на меня не действуют привычные ограничения – смотри!

Со всего разбега Пурусинх прыгнул в пространство между колоннами:

– Ну как?

Рассекая руками воздух, Евгений искупался в турбулент-

ных потоках, ступая на них и отталкиваясь от них, как магнит, направленный к другому магниту одним и тем же полюсом. Для Джанапутры это выглядело чем-то совершенно невероятным, как будто ягуароподобный Пурусинх плавал по ветру, ни на что не опираясь.

– Значит, предания о сиддхах, летающих по небу, – не вымысел? – поразился царь Джанапутра. – Ты и впрямь находишься словно во сне. Ты летишь, хотя у тебя нет крыльев!

– Привычка смотреть на части не позволяет тебе увидеть целое. Ты пытаешься разглядеть два крыла и не замечаешь, что все тело может быть крылом и мириадами крыльев одновременно. Твои представления пока еще слишком определенные, чтобы допустить существование неопределенных крыльев.

Зависнув на одном месте, Пурусинх раздвинул руки в стороны. Его переполняло удовольствие от этого полета, напоминавшего подпрыгивание на мягких батутах.

– Говорят, в былые времена каждому хранителю Майтустра-дхьяны были доступны волшебные чары, но твоя сверхъестественная сила превышает способности моего воображения.

– Ты в самом деле думаешь, что способности моего воображения чем-то отличаются от твоих? Что сила сиддхи принципиально отличается от сил живой природы? Знай, Джанапутра, что между ними нет и крупицы различий, ибо энергия Шакти одна и та же во всех мирах. Но различия суще-

ствуют в умах, которые думают об этих силах, полагая одно вымыслом, а другое нет.

Подлетев к башенке, Пурусинх ступил на твердую поверхность теплого мраморного пола и протянул когтистую лапу царю. Тот с недоверием подошел к самому краю смотровой площадки и нащупал одной ногой упругую волну, позволявшую ягуару парить в воздухе. А затем смело сделал два быстрых шага, раскачиваясь вверх-вниз, словно канатоходец.

– Ну, вот и отлично! – радостно похвалил Пурусинх своего астрального двойника. – Теперь мы в два прыжка окажемся в Нагарасинхе...

Вообще-то, прыжков оказалось больше. Может быть, около десятка. Каждый раз они отлетали от земли все дальше и выше. Их прыжки уже почти ничем не отличались от продолжительного полета. С бешеной скоростью проносились они над вершинами леса, над зелеными холмами, над блестящими лентами рек. От каждого нового прыжка захватывало дух.

Однажды они поднялись на такую высоту, что под их ногами показались струйки облаков. После этого они стали стремительно опускаться, и это было, пожалуй, не самое приятное ощущение – приземляться неизвестно куда с высоты птичьего полета. Евгений, крепко ухватив Джанапутру за руку, сам не мог сообразить, как можно замедлить падение. Под ногами был отчетливо виден город Нагарасинх величиной всего с монету. А через мгновение он был уже как боль-

шой глазурный пряник, на боках которого расположились крохотные коробочки-дома с золотыми дворцами и сверкающими пирамидками древних храмов.

Выбирая место для приземления, Пурусинх облетел весь город, внимательно разглядывая улицы, чтобы найти самый безлюдный район. Вернее, поскольку людей в Нагарасинхе и так не было, а были только полузвери и полулюди, то следовало сказать, что он пытался найти самый бесполулюдный район. В конце концов, он-таки облюбовал дворик на окраинах у внешней стены, где лежала опрокинутая с постамента статуя.

– Не спорю – над приземлением надо будет еще поработать, – сказал Пурусинх, спрыгивая на землю. – Как себя чувствует Ваше величество?

– Кажется, все в порядке. Чего, увы, не скажешь об этом извоянии, – Джанапутра указал рукой на разбитую и обезображенную статую. – Скульптура жрицы Читракари, которая обучала всех чтению и письму, такие фигуры часто устанавливали во времена правления матушки. Она так верила в просвещение народа – и вот к чему это привело... Теперь каждый житель Нагарасинха, заучив мудреные слова о высшей свободе, если не метит в цари, то уж точно считает себя умнее прочих.

– Ох уж эти просвещенные умы! – согласился с ним Пурусинх. – Назови пастырем каждого барана в стаде, и ты получишь стадо пастырей, которые убеждены, что они знают

толк в этой жизни, что у них нет ничего лишнего – ни стыда, ни совести, ни предубеждений. Но, видимо, их умы недостаточно просветили, ведь они еще не слышали о том, что убеждение в просвещенности – самое темное из предубеждений.

Покинув дворик, обнесенный глиняными стенами, они вышли на довольно оживленную улицу. Сразу чувствовалось, насколько сильно изменился Нагарасинх. Поначалу Евгений не мог понять, в чем именно состояли эти изменения. Вроде бы те же самые полумифические создания ходили по тем же самым мостовым. Однако выражения на козлиных, птичьих, кроличьих мордах были какими-то другими, более надменными и ко всему равнодушными. Если под воздействием чар Майятустры каждый житель Нарагасинха заботился только о своих личных делах, то сейчас казалось, что никаких важных дел у жителей города не было вообще.

Они просто двигались – не толпой, а по отдельности, почти не разговаривая друг с другом. Дети не смеялись, не бегали, как раньше, они шагали сами по себе, с таким же высокомерным и гордым видом, как взрослые. Какими же несчастными и одинокими они были!

Он заметил, что изменились не только выражения лиц, одежда жителей Нагарасинха тоже стала весьма различной и вызывающей. Вместо длинных туник в моду вошли полупрозрачные накидки, под которыми сверкало дорогое исподнее белье. Подростки носили рванину с дырами, преднамеренно проделанными в сукне, иногда в местах, указывающих

на половую принадлежность особи. В то же время по улицам вышагивали утонченные длинноногие существа, с ног до головы укутанные в черные драпировки. Если бы Евгений увидел такие высокие фигуры в мире людей, то решил бы, что они передвигаются на ходулях. Однако здесь, скорее всего, это были человекоподобные модели с ногами фламинго.

Чем ближе они с царем Джанапутрой продвигались к центру города, тем необычнее становились жители города, попадавшиеся им на пути. И тем более странно было видеть рядом совершенно бесхвостого, безрогого и бескопытного человека, коим являлся Джанапутра. Вскоре это ощущение подтвердилось. Где-то на подходе к базарной площади за Джанапутрой стали пристально наблюдать орлоголовые стражи, охранявшие пышную процессию из вельмож и нуворишей с волосатыми сумками на пузах и ожиревшими кенгуриными хвостами. На физиономиях этих полулюдей, занимавших весьма важное и высокое положение, виднелись отвратительные увечья. Возможно, это была разновидность кожного заболевания либо, что тоже не исключено, наросты на коже могли иметь искусственное происхождение.

Дополнительные рога у минотавров-сановников, по-видимому, отрастали в результате хирургических вмешательств, чтобы подчеркнуть недостижимый статус их обладателей, а вот объяснить, каким именно образом на головы эмансипированных косуль прививались ветви цветущих плодовых деревьев, было сложнее. Подобные эксперименты, приводив-

шие в мире без людей к появлению еще более нечеловеческих существ, требовали генетических вмешательств. Так что становилось даже непонятно, с кем имеешь дело – с мужчиной или с женщиной, с деревом или копытным животным, а может, вообще с электрическим скатом.

На последнем Евгений остановился после того, как его ударил током взгляд одной из косуль, раздетой – по сути, раздетой – в элегантное декольте, имитирующее цветок, обнажавшее грудь, живот, ягодицы и спину.

– Нам лучше раствориться среди полулюдинов, – предложил Пурусинх Джанапутре. – Ты слишком необычно выглядишь для этого места.

Царь Джанапутра кивнул, и они, как все окружающие, стали глазеть на прилавки базарной площади, делая вид, что подыскивают подходящие товары. Изобилие экзотических яств, приправ и пищевых добавок, разнообразие одежд, украшений, бытовых приспособлений, призванных облегчать жизнь городских обитателей, не шло ни в какое сравнение с простой едой и одеждой, что продавались здесь раньше. Взяв в руку огромный крабовый помидор, из которого росли две клешни, Пурусинх поинтересовался у продавца, где выращивают такие здоровенные овощи.

– Все настоящее, заморское! – с гордостью заявил продавец. – Совсем не портятся, однако! Покупай – не пожалеешь, а вкус какой замечательный, пальчики оближешь!

– Нет, спасибо! Нам бы чего-нибудь попроще, а обычные

томаты у вас есть?

– Обычные томаты? – удивился продавец. – А это какие, по-вашему? Самые что ни на есть обычные крабовые томаты. Куда проще, однако?

Продавец с головой попугайчика укоризненно посмотрел вслед Пурусинху. Он искренне не понимал, о чем его спрашивал ягуароподобный покупатель. Тем не менее, назидательно шепнул своему сыну, стоявшему тут же, возле прилавка, что в стародавние времена весь город Нагарасинх находился под оккупацией таких же вот бестолковых, кровожадных и невежественных ягуаров, как этот.

В самом конце базарной площади Джанапутра остановился у прилавков, где скопилось особенно много народа. Подойдя ближе, Пурусинх заметил, что очередь собралась не у прилавков, а вокруг одного циркача, показывающего фокусы. Он изрыгал пламя изо рта, выкрикивая, что, должно быть, в его жилах текла кровь дракона, перемещал железные шары с помощью магнитов. Полулюди смеялись над его громкими шутками и кривляньями. Но внимание Пурусинха и Джанапутры привлекло другое – этот шут был карликом с человеческим лицом... Так неужели царь Джанапутра не был единственным человеком в этом мире?

Тем временем карлик продолжал свое уличное представление:

– Внимание, внимание! А теперь мне грозит смертельная опасность, – завопил он под аплодисменты обступившей

его разношерстной публики. – Вильные жители Нагарасин-ха, прошу вас подавлять крики ужаса! Ваш нижайший слуга, Карлик Маркус, подготовил еще один трюк с исчезновением Скрижали просветления!

Перед карликом появились занавески, над которыми, откуда ни возьмись, поднялась фигурка даймона Майятустры со змеиными головами. Вытаращив глаза и заверещав «*О, нет, только не это!*», карлик ударил по статуэтке увесистым молоточком, расколов ее вдребезги. Но вместо нее на том же месте поднялся столб, на котором было изображено солнце с исходящими от него лучами, похожими то ли на стрелы, то ли на спицы колеса. Карлик Маркус с торжественным видом поднял этот столбик над головой.

– Так была дарована вам, жителям свободного города, Скрижаль просветления! Вы поклонялись этому камню, почитали его как идол, хотя не могли его прочесть. Вы долго размышляли над загадкой сего камня, пока в наш единственно-подлинный подлунный мир не пришел Калиманас, спаситель и освободитель Вселенной.

Карлик поставил каменный столб на землю, быстро накрыл его циновкой и выкрикнул:

– Великий Свабуджа освободил вас от веры в человека, от рабства бесцельных иллюзий и медитаций, он освободил ваши умы от дурмана Скрижали просветления!

Затем Карлик Маркус с силой ударил молотком по скрижали и сразу отбросил циновку, показывая всем, что под ней

уже ничего нет.

– Где же скрижаль? Где просветление? – наигранно растерялся Карлик Маркус. – Никто не видел?

– Да она в циновке! – грубым басом ответил кто-то.

– В циновке? – повторил карлик, передавая накидку собравшимся, чтобы ее проверили.

– Скрижаль исчезла! О, великий Свабуджа! – ахнули в толпе.

– Вы заблуждаетесь, – пояснил всем фокусник. – Дело в том, что никакой Скрижали просветления никогда не было! Если бы существовал некий бог, могла бы существовать и Скрижаль просветления. Но где ваш бог? Всевышний, ты где-е? Смотри же, я разбил твою скрижаль! Если ты существуешь, то испепели меня молнией! Останови мое сердце, сейчас же! Что? О, не-ет!

Неожиданно карлик согнулся, словно ему стало плохо, но тут же выпрямился и злорадно захохотал. Он весело запрыгал и замахал руками:

– Не может быть, я все еще жив! Хе-хей! Нет, ваш бог не умер, как думают еще некоторые из вас! Вашего бога никогда не было, нет и никогда не будет!

В этот самый момент среди зрителей уличного представления раздались отдельные хлопки, а затем – бурные овации. Засияв от счастья, Карлик Маркус стал всем раскланиваться.

– Скажите, а вы случайно не человек? – спросила его восторженная зайчиха.

– Случайно нет, – в ответ Карлик Маркус вильнул длинным обезьяньим хвостом. – Милочка, если бы вы прочли мой философский очерк, вы бы уже наверняка знали, что я был первым, кто доказал происхождение пресловутого человека от самого мудрого зверя на свете – от хвостатой обезьяны.

– Значит, царь Джанапутра тоже произошел от хвостатой обезьяны? – спросил карлика Джанапутра, по всей видимости, уверенный в том, что в толпе его никто не узнает.

Все вокруг с удовольствием заблеяли и засмеялись, ожидая остроумного ответа от карлика.

– Нет, сударь, я не претендую на престол, если вы на это намекаете, – парировал Карлик Маркус.

– К югу от Нагарасинха хвостатые обезьяны обитают тысячи лет. Неужели ни одна из них не заявила в правах на престол? Неужели ни одна из них до сих пор не произвела на свет человека?

Народ вокруг Джанапутры медленно расступился, открывая обзор карлику, захотевшему увидеть своего собеседника. Пурусинх остался стоять рядом с Джанапутрой, скрестивши на груди руки. Когда карлик не обнаружил у Джанапутры звериных признаков, по лицу фокусника пробежала тень смутения. Однако он все равно не поверил в то, что видит перед собой человека. Ведь единственным во всем подлунном мире человеком был давно изгнанный из Нагарасинха царь Джанапутра.

– Я ничуть не удивлен, – высокопарно продолжал кар-

лик. – Мы, обезьяны, слишком умны для того, чтобы нести в себе либо на себе человеческое бремя.

– Разумеется! Поэтому вы предпочитаете над всеми смеяться, – догадался Джанапутра. – Недаром говорят, что перед вашей мудростью все равны – и стар, и млад, и вельможа, и нищий, и йогин, и глупец.

– Вот именно, – с гордостью заявил Карлик Маркус.

– Отчего же вы тогда не смеетесь над Калиманасом?

На базарной площади повисла гробовая тишина. Царь Джанапутра, не услышав ответа на свой вопрос, решил спросить иначе:

– Если этот мир – единственно-подлинный, откуда пришел Свабуджа? Где он был раньше?

– Калиманас ждал, когда мы будем готовы принять его великий дар – свободу и равенство всех перед всеми. Теперь мы сами выбираем свою судьбу!

– Ха-ха, это точно! Запрещено только верить в людей, творить добро... Что еще? Ах, да! Запрещается осуждать поступки, которые раньше считались предосудительными. Все существа – в равной степени звери, и если тебе причинили зло – причини другому еще большее зло. Теперь все можно – нельзя только сомневаться в учении великого Свабуджи, нельзя сомневаться в том, что оно действительно всех освободило.

– Ты не просто походишь на человека – ты думаешь как человек! Ты хочешь поработить сей вильный город! – заво-

пил Карлик Маркус, затопав ножками.

– Рабов всегда пугают порабощением, не так ли? – заметил Пурусинх. – Но как можно поработить свободного? И разве может сам поработитель оставаться при этом свободным? Поистине всякий поработитель, нуждающийся в своих рабах, в конечном счете сам становится рабом.

– Где стража? – неистово поднял вверх кулачки Карлик Маркус. – Что вы их слушаете? Они же враги вашей свободы!

– От вас за версту несет разложением, но вы так верите в свое сверхчеловеческое предназначение, что это даже потешно, – сказал Пурусинх, обращаясь ко всем собравшимся. – Если Калиманас освободил вас от всех привязанностей, отчего же вы так привязаны к его учению? Отчего же вы так привязаны к этому городу, который был построен не вами и который никогда не будет вам принадлежать?

– Хватайте их! – заблеяла разноголосая толпа. – Куда они скрылись?

Но ягуароподобный Пурусинх, захватив с собой Джанапутру, молниеносно перепрыгнул через базарную площадь и уже шагал с царем на соседней улице.

– Карлик совершил святотатство, – вырвалось у Джанапутры. – Ты бы мог испепелить его на глазах у всех, почему ты этого не сделал?

– Может быть, потому, что он не заслужил смерти от руки Пурусинха, а может быть, потому, что в древние времена он был великим сиддхом, пока не стал даймоном Майятустрой.

– Что?! – лицо царя Джанапутры вмиг стало серым как известь.

– Как странно, да? Поутру ты хотел обвинить меня в уничтожении Майятустры, а ближе к вечеру сам пожелал его смерти. Вот так всегда. Мы всегда спешим, желая быть успешными, бежим куда-то, крутимся, словно белки внутри колеса дхармы, и не видим, куда в действительности оно движется. И даже если бы ось колеса стояла на одном месте, мы бы не заметили этого. Мы чувствуем только, как колесо выматывает нас, раскручиваясь все сильнее, и в спешке не замечаем, что мы сами являемся причиной движения. Знаешь ли ты, царь Джанапутра, куда движется твоя колесница?

– Прости, но мне трудно это понять, – недоумевал Джанапутра. – Получается, что карлик сам над собой издевался! Зачем он разбил свое предыдущее воплощение на части?

– Никто не догадывается, что Карлик Маркус был когда-то даймоном Майятустрой. Даже он сам не помнит об этом, ибо Калиманас изменил его память. В давние времена владыко Майятустра был воплощением карлика Читхи, который стал великаном, чтобы добиться расположения своей возлюбленной Винайя-деви. Но она так и не полюбила его, и тогда он перешел на сторону Сатананты. Когда же Майятустра утратил свои чары, он снова развоплотился в забавного карлика.

– Калиманас способен менять память? Но как ты об этом узнал?

– Он изгнал тебя из Нагарасинха, он захватил власть в

подлунном мире, а этого нельзя достичь, не обладая способностью изменять память и души существ. Поистине, всякая власть начинается и заканчивается с изменения сознания.

Джананутра замолчал. Возможно, он обдумывал слова, сказанные Пурусинхом, а может, вспоминал времена своего недолгого правления. Они проходили по мощеной улице, по тем же булыжникам, по которым Евгений прогуливался с кентавром Тридаништой. Так бывает, когда надолго уезжаешь из мест, где провел детские годы, а затем мимоходом возвращаешься в тот же город, на ту же улицу.

И вот ты стоишь рядом с родными стенами домов, видишь те же ступени, дорожки, вспоминаешь мельчайшие детали, шумные дворовые забавы, укромные места, известные только тебе, и тебя не покидает неловкое чувство, что это уже не те дома, и даже весь мир как будто не тот уже. Ты начинаешь недоумевать, как же так – что могло измениться? Как ты попал в эту параллельную вселенную, где все изменилось? И тебя вдруг ошеломляет осознание того, что весь этот мир, вся эта вселенная переменялись ровно настолько, насколько изменилось твое собственное сознание. То неповторимое и яркое восприятие сохранилось лишь внутри тебя – в-той-другой-вселенной!

Ты спрашиваешь себя – сколько же времени прошло? И понимаешь, что время никуда не проходило, но ты сам прошел сквозь эту вселенную, и ты сам являешься воплощением времени, сгустком всех тех моментов, из которых ты вырос,

из которых ты состоишь. Ты оглядываешься на себя-прошедшего, и только тогда замечаешь, насколько изменилась твоя внешность, и твое внутреннее существо – оно тоже как будто стало другим, обрело неизвестные тебе-прошлому способности. Затем ты заглядываешь вдаль, и когда туман грядущего расступается, вдруг видишь длинную тень, падающую от еще более неизвестного тебя-грядущего. Сохранится ли в том существе что-то светлое, и что будет знать, что будет помнить оно о тебе-настоящем?

Царь Джанапутра и Пурусинх встали у колодца, выложенного гладкими камнями – такими же древними, как весь этот город. Набрав в ладони воды, Джанапутра утолил жажду, продолжая о чем-то размышлять. Наконец, он решил ответить на вопрос Пурусинха:

– Мне кажется, я не знаю, – промолвил он, мотая головой. – Нет, я не знаю, куда движется моя колесница, и движется ли она на самом деле.

Евгений вдруг ощутил то же самое! Он так привык воспринимать Джанапутру некой отдельной личностью, незнакомым, хотя внешне очень похожим на него, человеком, что совершенно перестал сопоставлять его с собой. Между тем, Джанапутра мог быть той самой тенью грядущего – его собственной душой, прошедшей через множество воплощений и проявившейся в этой воображаемой вселенной.

А ведь если Евгений был первопредком Джанапутры и если в сновидении стрела времени могла менять направление,

то в действительности все могло оказаться совсем даже наоборот – царь Джанапутра мог оказаться более ранней, первичной душой Евгения. Тогда вся его настоящая жизнь, вся известная ему реальность могли получить первичный импульс к возникновению где-то в воображении астрального двойника, увидевшего мир людей во сне либо захотевшего его себе представить.

Возможно, всякое сознание и неисчислимое множество вселенных были устроены по такому же вложенному принципу, когда внутри каждой живой души, подобно микроорганизмам внутри тела, обитали другие личности и воображаемые джива-саттвы, поддерживающие своими сновидениями существование внешних миров. А может, все было еще сложнее...

– Я и есть ответ на твой вопрос, Джанапутра, – тихо произнес Пурусинх. – А ты в свое время окажешься ответом на мой. Ты полагаешь, что я – причина твоего возникновения и причина всех твоих страданий. Но причина и следствие нераздельны – они слиты в запредельном Едином.

Посмотри на эту воду, как она ясна и чиста, хотя ее происхождение неясно тебе, и на глубине колодца вода кажется темной. Ты черпаешь и пьешь воду из колодца, чтобы утолить свою жажду. Подобным образом каждый миг, прожитый тобой, вливает в твое будущее множество неопределенных причин.

Посмотри вниз колодца, откуда ты берешь воду, и ты уви-

дишь там свое отражение! И оно уже лежало на темной воде, когда твоя рука еще только тянулась к источнику. Точно так же на всех причинах и следствиях этого мира лежит отражение твоего сознания. В том запредельном Едином верх и низ образуют непрерывное целое, позволяющее сознанию выходить за границы отведенной нам кальпы, и тогда причины и следствия начинают меняться местами...

– Как же тебя понимать? Неужели я, изгнанный царь Джанапутра, мог стать причиной твоего появления в Нагарасинхе, причиной появления Парамаджаны, причиной превращения карлика Читхи в даймона Майятустру и причиной воцарения в подлунном мире темного мага Нишакти?

– Учитель и Ученик, отец и сын, причина и следствие, – во всем содержится запредельная грань того Единого трансцендентного знания, а точнее говоря, *со*-знания. Разве может возникнуть Учитель, если не будет Ученика? Разве может возникнуть отец, если не будет чада? Разве может называться причиной то, что не производит следствие?

Когда ты пройдешь этот путь до конца, ты поймешь, Джанапутра, что различные *Ты* и *Я* могут быть едины, потому что без одного не возникает другого. Познав это безначальное единство, ты перестанешь воспринимать меня как отдельную причину или следствие. Тогда и у твоих страданий не окажется больше ни причин, ни следствий – они прекратятся, чтобы *Ты* и *Я* могли однажды встретиться.

Так отвечал Пурусинх, и слова его многократным эхом

отозвались в душе Джанапутры.

Эпизод десятый.

Свабуджа Вишвана.

Тайна темного мага Нишакти

Тем временем на улице возле старого колодца становилось полулюдно. Похоже, с приближением сумерек в Нагарасинхе намечался карнавал, но жители города воспринимали его по-будничному спокойно, словно у них каждый день и каждую ночь был какой-нибудь праздник. То тут – то там дорогу стали перегораживать жители в роскошных тюрбанах, украшенных жемчужными брошками и нитями, зелеными перьями, морскими звездами и раковинами. Они с нескрываемым любопытством разглядывали Джанапутру, проходившего рядом с ними в потрепанном кафтане.

К нему оборачивались серебристые и золотистые маски, изображавшие бесподобно красивые человеческие лица, но в том-то и дело, что ни одного настоящего человеческого лица под этими масками не было. Некоторых выдавали ослиные или кроличьи уши, у некоторых из-под головных уборов торчали рога, у кого-то за спиной шевелился длинный хвост.

Один из участников карнавала с седой головой пожилого грифа стал кататься перед царем Джанапутрой на одноколесном велосипеде, обвязанном разноцветными лентами, не

давая при этом прохода. Он был одет в просторную мантию с ярко-желтым подкладом, на макушке его птичьей головы красовался маджентовый клобук верховного иерофанта.

– А у тебя отличная маска! – заметил пожилой гриф, вступая в разговор с Джанапутрой. – Выглядишь совсем как человек, прямо как изгнанный царь Джанапутра!

– Он и есть Джанапутра, – произнес Пурусинх, с трудом сдерживая улыбку.

– Ха! А вы любите пошутить, – не отставал тот, – мне такие нравятся.

– Послушай, у нас нет времени, – попробовал отвязаться от старика Джанапутра.

– Ладно, я понял, – ответил гриф, развернувшись на одном колесе и собравшись уезжать. – А может, вам нужно чего, а?

– Нет, спасибо, мы ни в чем не нуждаемся, – отрезал Джанапутра.

– Мне показалось, он и вправду хотел помочь, – высказал мнение Пурусинх, оглядываясь назад. – По нынешним меркам качество довольно редкое.

– Не удивлюсь, если это был страж из тайного корпуса Нишакти. И еще... ты бы мог не произносить каждому встречному мое имя? – попросил Джанапутра. – А то скоро весь город узнает о нашем прибытии.

Впереди показались восхитительные лазурные ворота внутреннего города. Когда-то их украшали два крылатых

барса, а теперь вместо барсов по краям стояли белые многогранные кристаллы. Подходя к воротам, жители Нагарасинха прикасались к кристаллам, после чего они переливались, пропуская всех желающих во внутренний город. Отовсюду с ближайших улиц стекались горожане в масках и карнавальных костюмах. Перед воротами звучал ритмичный бой там-тамов, под который танцовщицы с хвостами павлинов привлекали прохожих на шестые Ласкательные игры. По названию можно было догадаться, что это были за игры – свободные интимные отношения между полами и публичное обнажение тел, неограниченное правилами приличия и стыдливостью, являлись неотъемлемой частью учения Свабуджи.

Пурусинх остановился возле танцовщиц у ворот, размышляя, что делать дальше.

– Чтобы пройти, нам потребуются твои способности сиддхи, – шепнул ему Джанапутра.

Решив перепрыгнуть через стену, Пурусинх сжал руку астрального двойника и попытался нащупать под ногами упругие волны, но никаких волн не появлялось. По всей вероятности, стены внутреннего города имели мощную защиту, которую не могло преодолеть даже сновиденческое сознание.

– Не получается, – пробубнил Пурусинх, переводя взгляд на царя Джанапутру. – Кажется, строители этой стены позаботились о том, чтобы через нее не могли протекать силы сиддхи.

– За нами уже наблюдают, – Джанапутра наклонил голову в сторону часовых перед воротами.

– Вам точно ничего не нужно? – выкрикнул из толпы гриф, переодетый в верховного жреца, балансируя верхом на одном колесе.

Подозвав его могучей рукой, Пурусинх на ходу придумал отличный предлог для того, чтобы проникнуть во внутренний город:

– Уважаемый, говорят, для полного достижения Свободы Вселенной нужно хотя бы раз побывать на Ласкательных играх, но, похоже, чужакам вход воспрещен – мы не знаем, как туда пройти.

– Так значит, вы не имеете бакши-бакши? – подъехав ближе, спросил незнакомец. – Гуаттама сразу понял, что вы издалека!

– Вот именно, на днях мы отбились от каравана, который следовал на восток. Меня зовут Йуджин, – поклонился Пурусинх, – а это...

– Джанапутра, кажется? Ну, надо же, тебя назвали в честь нашего изгнанного царя! Должно быть, нелегко тебе живется с таким именем, – пошутил гриф Гуаттама, прищуривая глаза. – Что ж, есть один способ, как обойти бакши-матхи, но должен вас заверить, это будет весьма и весьма неприятно.

Царь Джанапутра угрюмо молчал, ничего не отвечая незнакомцу.

– О, великий Свабуджа! Чего ни сделаешь ради Свободы

Вселенной, – рыкнул Пурусинх, нарушив неловкое молчание и согласившись немного потерпеть ради пользы дела.

Заехав за угол ближайшего дома, Гуаттама вручил ему обтянутый паутиной кокон.

– Что это? – спросил ягуар, брезгливо осматривая и обнюхивая липкий комочек.

– Крепко сожмите кошин в руке, – объяснил Гуаттама.

– Кошин? – переспросил Пурусинх, изменившись в лице. – Это что, кошелек?

– Вместо монет в Нагарасинхе давно расплачиваются личинками вишвана Нишакти, – подтвердил его наихудшие опасения Джанапутра.

– То есть, – Евгений не смог подобрать слов. – Вы что... вы это серьезно?

– Это нирбакши, они ненастоящие, – успокаивающе добавил престарелый гриф Гуаттама. – Бакши-бакши их быстро распознают, после чего они их съедают.

Не видя иного способа беспрепятственно проникнуть во внутренний город, Пурусинх зажмурился и, отвернув голову, раздавил в руке кокон с личинками. В тот же миг он узнал, почему Гуаттама назвал сию процедуру весьма неприятной. Маленькие червячки, похожие на личинок моли, стали впиваться ему в ладонь, крутя своими хвостиками. Они заползали прямо под кожу, с жадностью присасываясь к венам на запястье и причиняя нестерпимую боль, от которой Пурусинх зашипел и замахал когтистой лапой.

– Их вселение доставило бы вам удовольствие, если бы это были настоящие бакши-бакши, – печально глядя на Пурусинха, сказал гриф Гуаттама. – Зато теперь вы сможете посетить Ласкательные игры.

– Даже не знаю, как тебя отблагодарить, – пошевелил надбровными валиками Пурусинх.

– Не стоит, – напутственно поднял руку Гуаттама, – ведь отрицание действий нашей самости и есть путь к освобождению. Вы же не станете этого отрицать?

Все-таки, что ни говори, было в этом Гуаттаме что-то необычное. Его понимание свободы было иным, не таким, как в учении Свабуджи, хотя имело некие внешние сходства. Отрицание действий самости, путь к освобождению – ну конечно! Почему же Евгений сразу не обратил внимание на имя Гуаттамы, напоминавшее имя Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни Будды?

Верховный жрец, оседлавший колесо дхармы сам не будучи жрецом, наверняка был проекцией перерожденного тибетского Ринпоче или неким образом, позаимствованным его подсознанием из представлений о Бодхисаттвах. Только знал ли об этом сам Гуаттама? Знал ли он, что является мыслеобразом просветленного духовного существа, посещающего не только этот, но и другие миры?

Взглянув на уезжавшего Гуаттаму, весьма удачно встреченного на карнавале, Евгений понял, что, скорее всего, пожилой гриф не знал никакого Будду, о котором сразу начи-

нают думать в мире людей. По крайней мере, он не подавал вида, что ему что-либо известно о Будде. В какой-то момент из-за этих размышлений сновидение как будто оборвалось, и старик Гуаттама куда-то запропастился. Однако Евгению, то есть, конечно же, Пурусинху, нужно было следовать дальше.

Чтобы проверить на деле отвратительный способ осуществления платежей, придуманный темным магом Нишакти, Пурусинх выдавил в ладонь Джанапутры с целую пригоршню букашек. Более чудовищные товарно-денежные отношения было сложно себе представить. Жители Нагарасинха распространяли самых настоящих паразитов, которые высасывали их кровь, которые медленно их отравляли и убивали. Между тем, обитатели города продолжали верить в свою исключительную, высшую свободу, находясь в безнадежной зависимости от личинок Нишакти – от этих букашек-паразитов, которые были подлинными хозяевами их жизни.

Вновь показавшись из-за угла дома, Джанапутра и Пурусинх пересекли площадь и напрямик направились к воротам. Охранники глядели на них с подозрением, пока Пурусинх не расплатился за вход, положив увесистую лапу на ослепительный многогранный кристалл, который в действительности оказался никаким не кристаллом, а гигантским коконом бакши-матхи, плотно обтянутым паутиной. Войдя во внутренний город, ягуароподобный Пурусинх затерялся в толпе полулюдинов, едва успевая следить за спиной шедшего впереди Джанапутры.

Когда-то внутренний город завораживал своей величественной тишиной, в которой среди цветников и древних храмов медитировали изваяния богов, однако сейчас почти ничего не напоминало о былых временах. Вокруг звучали возбуждающие звуки, соблазнительные шепоты, исступленные оханья. В некоторых местах раздавалось шелканье плеток. Барышни, обнаженные по пояс, вели на цепях невольников, которые должны были завоевать освобождение на турнирах и, если повезет, выиграть главный приз состязаний – титул «Совершенносвободного Вишвана».

Ласкательные игры напоминали гладиаторские бои, с той, правда, разницей, что вместо кровавых ристалищ с разными видами оружия здесь соревновались в эротических танцах и во всякого рода извращениях, которые воспринимались горожанами как неотъемлемый признак свободного общества. Миновав колонны и прозрачные витражи двухэтажной арены, где под овации публики оглашали имена знаменитостей и звезд Ласкательных игр, царь Джанапутра повернул к зданию, в котором раньше располагалось святилище хранительей Майятустра-дхьяны.

Сейчас на ступенях у подножия храма извивались обнаженные жрицы любви – завлекавшие посетителей гарпии, чешуйчатые медузы со змеиными языками, молодые путаны с крыльями бабочек, женщины-кошки с бирюзовыми глазами, прозрачные, словно воск, красотки с улитками на головах и оранжевыми щупальцами, растущими из груди. Одна-

ко шокировал не столько их вид, не столько их разнузданное поведение, а то, что все это просачивалось из мира людей, потому что все это давно существовало в той виртуальной реальности, к которой было подключено сознание каждого человека.

Здесь, во сне, сразу становилось заметно, что сверхъестественное уже не воспринималось человеком как нечто сверхъестественное. Более того, даже грань между естественным и противоестественным была давно стерта в человеческом сознании. Там, в мире людей, мы собственноручно творили сверхъестественное каждый день. Человек, сам того не осознавая, уже сделался «сверхчеловеком» – сверхъестественным существом, творцом новой, одному ему покорной действительности.

При этом оказалось, что для обретения сверхспособностей, для передачи изображений и звуков на расстоянии, для создания безупречных красочных вселенных вовсе не нужны были особые дарования, не нужны были никакие духовные силы. Для этого нужна была только продвинутая сенсорная стекляшка-смартфон, желательно самой последней модели. Мир людей давно стал миром демиургов, но демиурги эти оказались еще малодушнее и ничтожнее, чем прежний человек. И даже совершенно бездушными оказались эти новые демиурги! Они могли творить больше, но от этого они лишь еще больше не ведали, что творят.

– Под храмом есть подземный ход, ведущий прямо к трон-

ному залу, – обрисовал ситуацию Джанапутра. – Об этом ходе знают только члены царской семьи. Пройдя через него, мы окажемся во дворце и застигнем темного мага врасплох.

– Неплохая мысль, – одобрил его предложение Пурусинх. – Никогда бы не подумал, что скажу такое о посещении борделя.

Так ягуароподобный первопредок Раджхаттов оказался вместе с царем Джанапутрой в самом злачном заведении внутреннего города. Обходя стороной бьющиеся в экстазе тела, не обращая внимания на посетителей, вдыхавших одурманивающие смеси, они спустились в подземную крипту бывшего храма, где располагались игровые комнаты и ложи для свиданий.

– Почему они делают это? – недоумевал царь Джанапутра. – Зачем они разрушают самих себя, приближая и без того такую близкую смерть? Они называют себя совершенно свободными, но разве кто-то из них свободен от смерти?

– Взгляни, как они заняты, у них нет свободного времени, чтобы подумать об этом, – рассмеялся в ответ Пурусинх, обводя свирепой лапой обнаженные тела жриц и выпивающих полулюдинов в маскарадных костюмах. – Одни свободны от одежды, другие – от самих себя. Ведь после смерти ничего нет, а раз так – благодетель и порок, добро и зло, правда и обман не имеют при жизни никакого значения, никакой власти над ними. Только свобода действий, лишь Свабуджа Вишвана властвует над всем! Так думают они, полагая, что так

думают они.

Царь Джанапутра, разумеется, знал, что мыслями жителей Нагарасинха управляли извне, что отмена прежних запретов и показное свободомыслие, которым гордились обитатели города, сопровождалось введением ограничений и запретов иного рода. Между тем, существа все так же находились во власти потусторонних сил. Даже если силы эти провозглашали полную свободу от всего потустороннего и посястороннего.

– Мысли смертных зависят от воли властителей дум, – меланхолично размышлял изгнанный царь. – Раньше за них думал владыко Майятустра, теперь за них думает темный маг Нишакти. Вероятно, оживший первопредок Пурусинх будет следующим. Разве не ты управляешь моими помыслами в последнее время?

– И у властителей дум есть свои властители. Наши тела подобны глиняным сосудам с водой. Они создают видимость, что у каждого есть свои чувства и мысли, но мысли – словно вода, которая переливается из одного сосуда в другой. Подобно воде, чувства и мысли окрашиваются в различные цвета, в них растворяются самые разные вкусы, царь Джанапутра.

Пурусинх подхватил бокал вина у женщины-кошки с красивыми лаймовыми глазами, которая вышла им навстречу, покачивая под вуалью высоким бюстом. Коснувшись щеки Джанапутры, она положила свою ладонь на шерстистую

грудь Пурусинха.

– Виноградная лоза, впитавшая в себя весенние дожди, превратилась в это вино, – продолжал ягуар. – Но всего одна капля яда превращает прекрасное вино в смертельный напиток. В то же время, мельчайшей толики яда бывает достаточно, чтобы сделать из обычной воды исцеляющую микстуру. Помимо воли существ их мысли окрашиваются в преобладающие вокруг них краски.

Опустив глаза, ягуар легкими круговыми движениями поболтал вино в бокале – и оно превратилось в ядовито-зеленую бурлящую жидкость, потом разболтал ее в обратную сторону – и жидкость стала прозрачной водой.

– Мысли словно вода, вкус которой становится источником жизни, вдохновения, чувственных наслаждений и смерти, хотя сама по себе вода не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, – вернув бокал с прозрачной водой, ягуар продолжил путь, оставив за спиной вмиг отрезвевшую полукошку.

В самом дальнем углу катакомб царь Джанапутра остановился у серой стены, над которой смыкался тенистый свод. На полу лежал массивный блок, напоминающий чем-то ступень или могильную плиту. Казалось, он был вмонтирован в стену так, что без него скругленные своды и потолок крипты должны были обрушиться. Но тяжелая плита со скрежетом отъехала, как только царь Джанапутра, что-то нащупав, приложил обе руки к каменной кладке.

Под плитой виднелась узкая пыльная лестница, спустив-

шись по которой изгнанный царь вместе с ягуаром проникли в потайной лаз, проложенный под внутренним городом. Джанапутра с силой надавил на рычаг, приводя верхний блок в исходное положение. По-видимому, он был рад оказаться в подземелье:

– Когда-то благодаря этому ходу мне удалось бежать от мятежников-головорезов. Не думал, что когда-нибудь снова воспользуюсь им!

– Если бы Парамаджана тогда остался, наверное, все было бы иначе, и ты, Джанапутра, ты бы тоже был другим! В подлунном мире все могло быть иначе! Ты знаешь, я ведь отчетливо видел, видел в том сне, как ты родился, – вспоминал Пурусинх в темноте. – А ты когда-нибудь...

– Когда-нибудь – что?

Евгений почему-то боялся задать этот вопрос, но все же он набрался смелости и спросил:

– Ты когда-нибудь видел во сне мир людей? Не мечтал туда попасть?

– А это возможно?

– Ну, у меня же как-то получилось здесь очутиться.

– Нет, но я бы очень хотел, – мечтательно ответил Джанапутра. – Однако мои возможности, как ты заметил, весьма ограничены. Мне трудно представить даже еще одного человека. Лица людей так сложны! В подлунном мире они крайне редко встречаются в своем первоизданном виде. К тому же мне бы потребовалось допустить, что где-то живут тысячи

совершенно разных людей!

– Тысячи, помноженные на тысячи тысяч!

Джананутра, судя по всему, попытался это себе представить, но у него, в самом деле, ничего не вышло. Они продолжали идти, слыша в кромешной тьме только шаги друг друга.

– А как это происходит? Ты просто засыпаешь и видишь сон?

– Не совсем, – уточнил Евгений, – это ближе к глубокой медитации внутри сновидения. Но к этому примешивается что-то еще, как будто сон этот вижу не только я, и не только я в нем медитирую. Понимаешь?

– Кажется, начинаю, – ответил Джананутра. – В твои мысли тоже добавляются чьи-то краски?

– Вот именно, и нескольких случайных мазков тех красок, что воспринимаются нами как наши мысли и чувства, еще недостаточно, чтобы обозреть все полотно целиком. Мы можем угадать в них очертания тех или иных предметов, но подлинный замысел творца оставался бы для нас еще неизвестным.

– Как же тогда понять подлинный замысел, ведь и мысли того творца могут быть окрашены не им? И существует ли сам Всевышний как трансцендентный творец Вселенной или как Вишварупа? Существует ли высший замысел в этом вселенском круговороте мыслей, которые всегда не наши и не наши, которые никогда не принадлежат полностью джива-саттвам?

– Пойми одно – мысли творца и его краски суть одно и то же, Джанапутра. Не было бы красок без творца, и не было бы ни одного творца без красок. Мы приходим и уходим в любой из этих миров, ничего в них не имея, и даже собственного тела не имеем мы, когда рождаемся. Все, что мы обретаем и теряем, создается не только нами и не только для нас. Вот почему сотворенные сущности, вставшие на путь отрицания Высшего, отнюдь не творцу уподобляются, но вору. Таким образом демонические сущности присваивают себе богатство и славу того Творца, того Всевышнего, того Бхагавана, о котором древние изрекли «*там-экам-сатья-аси*». Да, царь Джанапутра, с наступлением эпохи великого затмения многие краски померкли. Многие, очень многие души и мысли присвоены были бесконечноголовым Сатанантой!

– Но наверху ты говорил, что в умах, охваченных учением Свабуджи Вишваны, отрицается не Всевышний творец, а жизнь после смерти.

– Так и есть, учение Свабуджи Вишваны позволяет верить или не верить в любого бога, именовать всевышним кого угодно и что угодно, ибо всю Вселенную вознамерился похитить Калиманас. Но даже великому мечтателю Свабудже оказалось не по силам присвоить себе мысль о загробной жизни. В таком случае тысячи неуместных вопросов начнут задавать джива-саттвы.

– Так она существует?

По всему подземелью прокатился хохот Пурусинха.

– Ты смеешься над моим любопытством? – обиделся на него царь Джанапутра.

Но Пурусинх продолжал хохотать:

– Нет, вовсе нет! Наверное, мне и самому не терпится поскорее узнать об этом.

– Если сам Пурусинх, хранитель Северных гор, не знает, что ожидает сущности по ту сторону смерти, стоит ли верить писаниям риши, которые свидетельствовали о вознесении праведных джива-саттв в занебесье и высшую швета-локу? Возможно, те древние мудрецы, построившие семь великих храмов в подлунном мире, придумали эту веру в потустороннюю жизнь для поддержания оснований духовности, как придумывают поучительные сказки для детей. Тогда бы эту сказочную выдумку или небольшую ложь можно было бы принять. Ведь ты сам только что сказал, что мельчайшая толика яда может стать для больного лекарственным средством.

– Первые мудрецы аджана-локи были людьми, не так ли? – припомнил ягуар мифы безлюдного мира. – Что ж, можно допустить, что эту мысль они принесли с собой из мира людей. Древние человеческие расы истово верили в загробную жизнь, порой наперекор и в ущерб самой жизни. Правда, теперь наши ученые, совсем как ваши в Нагарасинхе, доказывают полную нелепость веры в потустороннюю жизнь. Но всякая наука имеет свои ограничения, Джанапутра.

Сломанные часы не доказывают, что остановилось движе-

ние и само время – прекращение деятельности тела не доказывает полную остановку сознания, если оно было связано не только с этим телом. Поистине есть числа, которые никто не в состоянии записать до конца, ибо у них нет конца, и поэтому их называют санкхья-ананта. Есть бесконечно малые садхармы, которые не пусты, но именно они образуют то, что воспринимается саттвами как пустота, называемая иначе асанкхья-бинду. Подобно тому, как в искусстве счета есть такие числа, о которых нельзя сказать, что они четны или нечетны, так же существуют и вопросы, на которые нельзя ответить «да» или «нет» без обмана.

– Но без ответа на этот вопрос разлагаются не только помыслы джива-саттв, умирают и разлагаются целые царства, – рассуждал Джанапутра. – Ни одного жреца нельзя подготовить к богослужениям, ни одного совершенного воина. Именно страх перед смертью и неизбежное приближение ее толкают существ на низменные поступки. С другой стороны, мучительный страх перед загробной жизнью становится прибыльным делом для мошенников и жрецов. Мнимое бесстрашие перед смертью, о котором ныне разглагольствуют в Нагарасинхе, тоже не приводит царство к процветанию. Лишь к жестокости в сердцах и к принижению самой жизни приводит оно. Что бы обо всем этом ни говорили джива-саттвы, вопрос о жизни после смерти для них очень важен.

Немного погодя Джанапутра добавил:

– И вот, ты утверждаешь, что однозначный ответ на него невозможен. Таким образом, ты лишаешь его смысла и сам начинаешь подталкивать меня к отрицанию всего Высшего.

Царь Джанапутра вновь заподозрил в Пурусинхе демоническую природу или, во всяком случае, нечто совершенно иррациональное, неподдающееся никакому объяснению. Видимо, такое недопонимание возникало не только между ними – между Евгением в облике чудовищного Пурусинха и его же собственным астральным двойником – такое недопонимание, по всей вероятности, возникало между любым разумным существом и той первопричиной, которую пытался охватить пытливый ум.

– Твои слова звучат как обвинение, но я тебя не виню. Когда мы чего-то не можем понять, мы всегда говорим, что в этом нет никакого смысла. Так мы воспринимаем неопределенность, убеждая себя в том, что за ней ничего не кроется, и смысл неопределенности действительно не в том, чтобы что-то от нас скрывать.

– В чем же он? В чем смысл вопросов, на которые нельзя ответить «да» или «нет» без обмана?

– В сохранении множества смыслов, которые от нас скрывает всякая определенность. Каждый способен к состраданию, ощущая, что его самого поджидает смерть, каждый может жить, когда у него есть то, ради чего стоит жить, и каждый будет бороться за жизнь, когда у него есть то, чего следует опасаться. Но кто бы стал сострадать, кто бы стал жить

и бороться, удостоверившись в том, что живы продолжают свое существование после смерти? Разве не в том смысл смерти, чтобы поддерживать сострадание и саму жизнь?

– Первопредок, ты не перестаешь меня удивлять! Просто поверить не могу – ты защищаешь смерть?! – возмутился царь Джанапутра. – То, что причиняет больше всего страданий и горя, что является причиной зла и стольких несчастий! Не будь смерти, исчезла бы скорбь, кошмарные войны, преступные деяния потеряли бы всякий смысл. Не будь смерти, под четырьмя лунами вновь воцарилась бы светозарная эпоха.

– Нет, не смерть защищаю я, – тихо отвечал ему Пурусинх. – Каждая живая клеточка, каждое живое существо втайне мечтает о вечной юности и любви. Что может быть прекраснее? О чем еще можно мечтать? Но думаешь ли ты, Джанапутра, что бессмертие могло существовать, если бы не было смерти?

В голове Джанапутры стал всплывать один вопрос за другим. Но он молчал, перебирая их, или, быть может, сам пытался найти на них ответы. Пурусинх тоже задумался. Он не мог согласиться с тем, что бессмертие устранило бы несправедливость, предотвратило бы все преступления и войны – нет, только не преступления Сатананты! Как бы парадоксально это ни звучало, но именно бессмертие амри-таттв и прочих потусторонних сущностей становилось причиной их гордыни, которая однажды подталкивала их на путь проти-

воборства с истиной, именно мысль о вечной жизни внушала силам тьмы ощущение вседозволенности и безнаказанности.

Безусловно, смерть для живых существ являлась слишком суровым испытанием, и даже несправедливым испытанием была она в демонических мирах, где зло временно торжествовало над добром. Но что могли знать, что могли помнить они об испытании бессмертием? Возможно, еще более суровым и несправедливым показалось бы оно им... Так думал Пурусинх, сопровождая царя Джанапутру в подземелье, и вскоре тонкая полоска света забрезжила впереди темного тоннеля.

Они оказались в крохотном помещении, которое сужалось кверху, словно колокол. Царь Джанапутра поднялся по ступеням и, приложив ухо к стене, долго прислушивался, прежде чем отворить потайную дверь. Вернее, то была не дверь, а нижняя часть колонны, бесшумно отъехавшая в сторону и пропустившая лазутчиков в тронный зал. Всего мгновение потребовалось ягуару, чтобы определить, что охрана, стоявшая у парадного входа, не представляла пока никакой опасности. Орлоголовые стражи не заметили движение одной из отдаленных колонн и продолжали привычно дремать, стоя с открытыми глазами. Но то, что узрел Пурусинх перед собой в центре зала, заставило его ощетиниться и вздыбить шерсть на пятнистой шкуре.

Посреди изысканных чароитовых колонн тронного зала, на сверкающем полу с беломраморными узорами и манда-

лой, выложенной из дивных аметистов, восседало inferнальное многорукое исчадье, которое Джанапутра называл темным магом Нишакти. Тысячи крохотных глазок то открывались, то закрывались на его огромном волосатом брюхе, из которого росли двенадцать человеческих рук. Восемь из них – те, что были крупнее прочих, – упирались в пол и служили ногами, ибо передвигалось оно как паук. Остальные четыре руки находились в беспокойном движении, перебирая тонкими пальцами сеть опутавшей тронный зал паутины. Но, внимательно присмотревшись к его страшному лицу с признаками кожного заболевания, распространившегося среди всех высших сановников Нагарасинха, ягуар обнаружил еще одну ручонку, торчавшую из двойного подбородка, при помощи которой оно кормило свое ротовое отверстие.

Зрелище было не из приятных, оно было настолько отвратительным, что находиться рядом с темным магом Нишакти ничуть не хотелось. Пурусинх почувствовал, что не хочет ни будить, ни говорить с ним, ни даже убивать его – так гадко оно выглядело. Однако существо само стало просыпаться. Оно зевнуло, потянулось и приоткрыло пару больших черных зрачков, в которых тут же появились отражения изгнанного царя и ягуара. От неожиданности человекообразный паук прекратил плести паутину. Четыре передние руки повисли в воздухе, а на морщинистом лбу открылись еще десять дополнительных глаз.

– Ты? – зловеще зашевелил паук посиневшими губами. – Как ты посмел явиться ко мне, человек?

– Скажем так, у нас есть вопросы, требующие ответа, – с ходу вмешался Пурусинх.

– А ты еще кто такой, – зашипел Нишакти, – и почему Нам ничего о тебе не известно?

В тронный зал, гремя щитами и доспехами, вбежал отряд орлоголовых стражей. Они выстроились по кругу и направили свои копья на лазутчиков, ожидая приказа Нишакти.

– Думаешь, твои букашки и паутина, которой ты опутал весь город, позволяют тебе знать все обо всех? – спросил Джанапутра темного мага. – Ты в самом деле так думаешь?

– Не твоего ума дело, о чем я думаю, как трудятся мои дети, и для чего плетут они мою великую сеть. Вы мне надоели! – отмахнулся от них Нишакти. – Уничтожить обоих!

Но к тому времени сознание Пурусинха уже просочилось в ум каждого стражника. Вместо того, чтобы пронзить копьями изгнанного царя и ягуара, воины отступили к колоннам и замерли, как вкопанные.

– Что ж, общение с вами становится занимательным, – Нишакти оценивающе взглянул на Пурусинха. – Пожалуй, я выслушаю вас перед тем, как стереть в порошок своими собственными руками.

– Да-а, рук у тебя много – тринадцать, кажется? – пошутил ягуар, подставив лапу к своему подбородку и пошевелив длинными когтями, изображая недоразвитую руку Нишак-

ти. – А это, по-видимому, твой родовой знак?

Пурусинх имел в виду победоносный стяг, висевший над яхонтовым тронном династии Раджхаттов, над тем местом, куда сам повелитель Нишакти при всем желании никогда бы не смог поместиться. На черно-синем поле штандарта была изображена паутина, наброшенная на четыре луны, а также пучок из тринадцати громовых стрел и лежавший под ними причудливый ключ весьма внушительных размеров. Для достижения еще большего устрашения вокруг эмблемы располагались непонятные магические символы – мантра из тридцати двух не то букв, не то цифр, правильно прочесть которые мог только Нишакти, что явно тешило его самолюбие, внушало мысли о превосходстве и собственном величии. Вместе с тем, эта загадочная, недоступная другим мантра красноречиво свидетельствовала о колоссальном комплексе неполноценности, от которого так отчаянно пытался избавиться темный маг.

– Вам не вернуть город Нагарасинх и царство Раджхаттов, если вы пришли за этим, – заявил Нишакти. – Воля и разум Калиманаса несокрушимы. Вы цепляетесь за обломки прошлого, но мир четырех лун никогда не станет прежним после преобразований, совершенных мной во славу великого Свабуджи.

– Великий Свабуджа существует только в твоём воображении, – произнес Джанапутра. – Никто не видел Калиманаса, от имени которого ты проповедуешь освобождение саттв

и самой Вселенной, но лишь к еще большей безысходности и несвободе ведет оно их.

Обдумывая ответ, темный маг ощупал двойной подбородок короткой ручонкой.

– Ты знаешь, а ты прав, человек, – нехотя признался он. – Однако твой лоб слишком узок, чтобы понять подлинную силу воображения. Как часто приходилось мне слышать эти возгласы – мысли и образы нереальны, они не существуют в действительности. Но посмотри на меня, изгнанный царь. Я нахожусь в тронном зале – не ты, а я правитель Нагарасинха! Вся эта реальность была достигнута всего лишь благодаря моему воображению, презираемому тобой, потому что его у тебя нет. Да! Ведь это я отнял его у тебя, но я могу вернуть...

Нишакти приступил к мысленному чтению той самой мантры, которую никто, кроме него, не знал. В зрачках его стали пульсировать черные волны. Они расширились, искривляя окружающее пространство, захватывая и подчиняя себе разум Джанапутры. От невероятного напряжения изгнанный царь сдавил виски.

– Что происходит со мной?! – простонал он, упав на колени.

– Он пытается подчинить твое сознание воле Калиманаса, – отозвался ягуар. – Если он преуспеет, ты обратишься в безропотного адепта Свабуджи Вишваны.

– Помоги мне, я теряю сознание, оно покидает меня! – из последних сил крикнул астральный двойник.

– Еще не время... – закатывая глаза, отвечал Пурусинх самому себе, ибо царь Джанапутра уже лежал, пригвожденный к сердцевине шестиконечной мандалы, аметистовые завитки которой тоже стали искривляться и темнеть.

Чтобы обратить царя Джанапутру в своего ученика, Нишакти решил прибегнуть к темной магии и показать все величие Свабуджи. Он открыл потусторонний портал, внутрь которого стала втекать душа Джанапутры. Она оторвалась от тела, всколыхнулась и тут же устремилась в нависавшую над ней чернильную пустоту.

Радужные чакры живой души потеряли чистые, открытые цвета, они втягивались в бесконечную темноту портала, где бесследно растворялись. Тело астрального двойника заполнялось субстанцией, которая снаружи выглядела как вязкий, инородный смок. Растекаясь по нитевидным канальцам, эта субстанция изменяла линии жизни Джанапутры, трансформировала его сознание и память.

Но не только душа Джанапутры втягивалась в демонический портал Нишакти. Туда, в бесконечную тьму, быстро влетела мерцающая частица света, которая не растворилась во тьме. Той частицей света было сознание Пурусинха, которое ягуар испустил из своего темечка и направил движением когтистых лап вглубь портала. Он надеялся разыскать там даймона Калиманаса, чтобы сразиться с ним, пробить его грудную клетку, вырвать сердце и, таким образом, лишить вишвана Нишакти магической силы. Потусторонняя память

подсказывала ягуару, что он всегда так поступал с демоническими сущностями. В этом состояло его внутренне предназначение, он делал так бесчисленное количество раз, и еще ни один асур не избежал от него справедливого возмездия.

Он летел, летел, летел и летел... Трудно было определить, с какой скоростью перемещалась частица его сознания. Здесь, в крошечной тьме, терялось само ощущение времени и пространства. Он мог рассекать темноту быстрее скорости света, но, взглянув на себя со стороны, увидел бы лишь крохотный ореол, висевший в полной неподвижности внутри бесконечного объема. Быть может, целую вечность пролетел он в поисках Калиманаса, но ему все равно продолжало казаться, что он вошел в портал мгновение назад, что у него впереди еще много времени, еще целая вечность. Бессмертие... так вот, каким оно было – испытание бессмертием.

В необъятной пустоте действительно никого не было. Никого, кроме его самого! Никакого Калиманаса он здесь не видел. Поэтому разум начинали посещать очень странные мысли. Вероятно, ореол света, исходивший от его сознания, и был той сущностью, которую следовало уничтожить, растворить в черноте. Для чего еще он мог сюда ворваться? Как можно разыскать то, чего нет? Он стал сомневаться во всем. Мысли его постепенно начинали запутываться в этой непроходимой темноте.

Темнота... он никогда не боялся ее, разве только в детстве. Да, только в детстве, когда в ней могли двигаться чуди-

ща, которых никто больше не видел. Дети помнили эту темноту лучше взрослых. Вовсе не чудища пугали их, а необъяснимая способность сознания порождать и оживлять этих чудовищ. Вот что было страшно, и теперь он вновь испытал это чувство. Он потерялся в этой бесконечной темноте, и никогда бы не сумел найти из нее выход.

Одиночество... раньше оно ему не мешало, наоборот, всегда помогало сосредоточиться. Но здесь – здесь все было не так... кто знает, а может, все так и должно быть на самом деле? Может быть, эта необъятная пустота и была той самой высшей, неуничтожимой реальностью, в которой можно обрести вечную свободу? Мудрость, покой, величие. Бессмертие...

Он вдруг осознал темное учение Свабуджи изнутри, почувствовал потустороннюю реальность этой бездонной пустоты. Бесконечная Свобода Вселенной была так близка – ему оставалось лишь в ней раствориться. Так значит, Свабуджа Вишвана и была всей этой огромной пустотой, внутри которой он сейчас находился. Она пребывала вокруг него, она окружала его всюду! Разумеется, он бы никогда не нашел в ней Калиманаса. Если бы некое демоническое существо обитало где-то здесь, внутри пустоты, пустота не была бы пустой. Зато вся эта бесконечная пустота могла обитать внутри Калиманаса, она являлась его внутренней сущностью!

Невероятно, но ягуар провел великое множество калып

внутри метафизического тела Калиманаса – в пустотности его чрева, не имеющего никаких размеров, доступных для сравнения. Ибо даже бесконечная вселенная без остатка растворилась бы здесь – настолько велик и необъятен был Калиманас.

Догадавшись об этой хитрости, Пурусинх принял позу лотоса, отчего исходящие от него лучи обрели очертания сверкающих алмазных граней исчезающее малых размеров, и приступил к медитации на поверхность пустого пространства. Точнее, на слово «*тала-шуньята-прастара*», прозвучавшее у него в голове несколько раз. Поскольку ноль в нулевой степени давал единицу, поверхность пустоты должна была иметь конечные координаты. Ее можно было нащупать изнутри сиддхическими лучами.

Затем ему предстояло правильно угадать образ, который скрывался снаружи бесконечного пустого множества. Только так Калиманас мог предстать перед ним в своем подлинном ментальном облике. Но задача эта оказалась не так проста, как можно заключить из краткого описания. Трудность заключалась не только в том, что некую чрезвычайно подвижную поверхность требовалось нащупать сиддхическими лучами изнутри, и не в том, что из бесчисленного множества вариантов требовалось выбрать всего один единственный образ, подходящий под параметры поверхности. Основная сложность состояла в том, что сразу, как только что-то начинало получаться, обязательно возникала область, где

все лучи исчезали. То есть с одной стороны у пустой формы, действительно, имелись некие конечные координаты, с другой стороны – даже поверхность этой пустотности уходила куда-то в бесконечность. Все было плохо, очень плохо.

Если считать, что догадка о местопребывании Калимана-са пришла к Пурусинху довольно быстро, заняв многие-многие кальпы, то описать действительное время, затраченное его сознанием на исследование задачи по вычислению поверхности пустоты, было невозможно – такого слова не существовало ни в одном языке. Все равно что пытаться вычислять скрытые периоды трансцендентального числа.

Такой поток времени больше всего походил на поток *невремени*, и чтобы находиться в нем, сохраняя сознание, требовались определенные ментальные усилия. Иногда медитация на форму пустоты приносила сплошные разочарования, иногда – доставляла непрерывное наслаждение, а иногда заставляла тосковать по жизни смертных существ, ибо даже самая обычная короткая жизнь джива-саттв начинала казаться в метафизической пустоте «*тала-шуньята*» необычайно разнообразной и притягательной.

Тем не менее, пока он медитировал, у него возникла насущная необходимость обозначить эти с каждым разом все более и более продолжительные промежутки факториальных кальп, и он придумал для них подходящее название «*акальпанта*». Из названия следовало, что промежутки эти были всегда конечными, при этом количество кальп от од-

ной акальпанты до другой можно было не указывать, а значит, не нужно было тратить дополнительные кальпы еще и на то, чтобы запомнить название очередного промежутка. Надо сказать, это понятие здорово упрощало вычисления, поэтому спустя акальпанту-акальпант его, наконец, озарило то самое – изумительно подходящее, единственно правильное, изящное решение, которое все объясняло!

О, нет... Калиманас не был обычной демонической сущностью, примкнувшей к воинству Сатананты, он и был самим Сатанантой! Вернее, он являлся одной из голов бесконечноголового змея. Вот почему неизбежно возникала область, где все лучи пропадали, – это было место сопряжения пустотности чрева Калиманаса с бесконечным множеством других голов Сатананты. Расположение их напоминало хаотичную фрактальную поверхность. Она извивалась, росла, охватывала недостижимые миры, многомерные подпространства.

Каждая чешуйка на теле Калиманаса была испещрена миллиардами таких же змеиных головок, разевающих пасти с ядовитыми клыками. За последнюю акальпанту светящееся сознание Пурусинха расширилось настолько, что сумело даже уловить запутанное движение нескольких соседних великих голов Сатананты. Вместе с безумными змеиными танцами Калиманаса они слагали фрагмент провала неведомой горловины, образующей основание такой головы, такой пасти, которая казалась больше самого пространства и по-

вергала в полнейшее оцепенение вселенского ужаса. А какой кошмар творился чуть дальше – об этом ни помыслить, ни вообразить было нельзя без потери сознания, хотя, наверное, именно так и должна была выглядеть тьма абсолютного зла.

Порядком подзабыв за время своей медитации про темного мага Нишакти, ягуароподобный Пурусинх понемногу стал приходить в себя. Он вспомнил, что где-то там – в неизвестном где-и-когда – лежал царь Джанануптра, в чакры которого втекала Свабуджа Вишвана. Она изменяла его изнутри, превращала в темного мага. Но как можно было возвратиться в портал Нишакти, если сознание Пурусинха давным-давно заблудилось в бесконечной тьме Калиманаса?

Впрочем, теперь портал Нишакти представлялся Пурусинху несколько иначе. Как выяснилось, это был не совсем портал, скорее, это была некая пора или тонкая мембрана на чешуйчатой поверхности Калиманаса. Стало быть, загадочная мантра о тридцати двух знаках являлась последовательностью, кодировавшей открытие и закрытие этой поры. Восстановив в памяти изображение тридцати двух знаков, Пурусинх тотчас же переместился к portalу.

Оставалось только его открыть, то есть прочесть мантру Нишакти, в которой наверняка упоминалось само имя «*Калиманас*». Чтобы открывать и закрывать пору, знаки должны были читаться в прямом и обратном порядке. Если снаружи прямой порядок открывал портал, а обратный – закрывал, то внутри чрева Калиманаса открытие поры должен был

кодировать обратный порядок последовательности. Обладая этими подсказками, найти ключ к прочтению тридцати двух знаков не составило большого труда. Прочитав мантру Нишакти от конца к началу, Пурусинх раздвинул пору и... Что же он за ней увидал?

Ничего, ровным счетом ничего. Пустая, безжизненная земля простиралась у подножья высокой горы. На вершине встречались засыпанные песком руины дворцов и амфитеатров. Он узнавал какие-то фрагменты храмов и колонны, но никакого города Нагарасинха уже не было. Он обозревал один из возможных миров, из которого исчезли все краски. Ему захотелось поскорее проснуться от этого сна, но у него никак не получалось. Перед ним переливались лишь черные волны потустороннего портала – поистине лучше бы он никогда не открывался!

Постояв на обломках подлунного мира, ягуар осознал, что ему следует вернуться в ужас бесконечной пустоты, чтобы завершить начатое – необходимо было разрушить портал Нишакти и по возможности уничтожить самого Калиманаса. Он снова шагнул в черноту портала...

В тот же миг глаза его отворились – сначала ему даже почудилось, что он проснулся. Однако он все еще был в шкуре Пурусинха и стоял с вытянутыми вперед лапами. Его сознание, обогнув само время, вернулось к тому моменту, когда у него, собственно, и возникла мысль направить частицу своей души в демонический портал Нишакти. Он вернулся

в тот самый момент, когда из темечка ягуара как бы сам собой испустился мерцающий ореол и, повинувшись движениям когтистых лап, влетел вглубь портала.

То, что произошло дальше, выглядело для Пурусинха как настоящее чудо – едва частица света коснулась темного портала, как поверхность его затрещала и покрылась разрядами молний. Откуда ни возьмись, из нее вырвалась вспышка, озарившая тронный зал и лежавшего на полу Джанапутру. Затем раздался мощный хлопок – и магический портал исчез, как будто его никогда и не было!

В качестве наблюдателя ягуар видел своими собственными глазами – портал был уничтожен мгновенно, как только ореол света коснулся его поверхности! Но в качестве непосредственной причины этого действия он знал, какое невообразимое количество времени в действительности для этого потребовалось.

– Что... что это было? – очнувшись, спросил его Джанапутра.

– Пустяки, ты на какое-то время потерял сознание, вот и все, – ответил Пурусинх, помогая ему подняться.

– Как?! – Нишакти беспомощно растопырил четыре руки, отползая на восьми руках назад. – Как ты сокрушил его? Ты уничтожил пустоту великого Свабуджи?!

Темный маг спрятал голову в волосатое брюхо, пытаясь понять, что же все-таки произошло.

– Ну, да! Ты разве не знаешь, есть одна маха-мантра, раз-

рушающая всякое зло, – ответил Пурусинх.

– Такая магия мне неизвестна, – прошептал Нишакти, весь дрожа от страха.

– О, это очень древняя мантра!

– Произнеси же ее, – затаился темный маг с робкой надеждой.

– В конце концов, добро всегда побеждает зло, – усмехнулся ягуар. – Но это тебе вряд ли поможет.

Поверженный Нишакти попытался отползти подальше. Он опасался того, что теперь Пурусинх решит от него избавиться.

– Думаешь, это конец? – прошептал Нишакти. – Вы не понимаете, во что ввязались. Одно зло всегда сдерживает другое, еще большее зло. Зло неуничтожимо, и вскоре оно вновь накроет Нагарасинх.

– Про какое зло ты говоришь? – спросил у него Джанапутра.

– Не одно – так другое, какая разница? Вы уже мертвцы, – злорадствовал Нишакти, – долго вы не протянете.

– Но уж точно мы протянем дольше тебя, – зарычал ягуар, обнажив свои когти и приготовившись к прыжку.

– Нет! Нет! Не убивайте меня! Молю тебя, царь Джанапутра, пощади! – темный маг прикрыл свое безобразное лицо четырьмя руками. – Послушайте, мне кое-что известно! Никто больше не знает этой тайны.

– Что еще за тайна? – спросил Пурусинх, грозно глядя на

ослабевшего Нишакти.

– Она касается тебя, царь Джанапутра. Знаешь ли ты, от чего предали тебя приближенные твои, отчего весь народ отвернулся от тебя после кончины Наянадхары, верховной жрицы Нагарасинха? Отчего этот город возвысил меня, мага Нишакти, с восхищением приняв мою веру в Свабуджу Вишвану? Думаешь, лишь оттого, что ты родился человеком?

Царь Джанапутра старался выглядеть безучастным, но слова Нишакти сильно взволновали его – они попали в самую болезненную точку, терзавшую душу Джанапутры, обвинявшего себя во всех горестях подлунного мира.

– Как бы я сам хотел родиться человеком! – неожиданно молвил Нишакти. – Быть подтверждением всех этих сказок о древних мудрецах... Но взгляни, на кого я похож? Разве похож я на человека? Да во всем Нагарасинхе не было существа более отвратительного и более нечеловеческого, чем я, и все же было нечто объединяющее нас, нечто делающее нас похожими.

– Он просто пытается растянуть время, – раздраженно помотал пятнистой головой Пурусинх. – Если тебе есть что сказать, говори быстрее!

– Мы оба были обречены на одиночество, с самого рождения, – продолжал Нишакти. – Мне повезло больше, у меня были хотя бы мои милые дети, которые становились пауками. А кто был у тебя, Джанапутра? Верно – у тебя никого не было, и быть не могло. Ведь всякому известно, что людей не

существует, а царевич в роду Раджхаттов не в счет, ибо он не оставит после себя потомства. Династия прервалась – вот почему они тебя предали! Но я знал, что кроме тебя, Джанапутра, живет под светом чатур-чандрах еще один человек, юная дева – настоящая ювати-джани.

От этих слов Джанапутра прикрыл глаза ладонью, продолжая, впрочем, сохранять хладнокровный вид.

– Где именно она живет? – спросил он с металлической интонацией в голосе.

– На острове Аирват...

– Ты слишком долго сидел в этом зале, Нишакти, и власть сделала тебя чересчур самонадеянным, – серьезным тоном произнес Джанапутра. – Каждый, кто когда-либо читал путеводные книги, прекрасно знает, что на том острове обитает чудовищная женщина-цветок, уничтожающая всех, кто туда попадает. Так что, если тебе не терпится избавиться от меня, потрудись придумать другую уловку.

– Настаивать не стану, – оправдываясь, замахал руками Нишакти. – Многие саттвы пропали на том острове. Но, прошу, выслушай меня! Очень давно, когда я был так же молод, как ты, меня неудержимо влекло к премудрости древних.

В те времена родом Раджхаттов правил владыко Майятустра. Однако я задумал разыскать такую могущественную магию, с помощью которой можно было бы управлять самим Майятустрой. Тогда-то мне и попалась эта священная табличка – я выменял ее у одного торговца древностями. Пись-

мена на ней не читались, что говорило в пользу ее подлинности. По той же причине никто не покупал тот камень, привезенный, как уверял торговец, с заколдованного острова Аирват. Такого рода магические предметы были моей страстью. Поэтому с азартом игрока в кости приступил я к изучению буквиц, которые еще виднелись. Каково же было мое удивление, когда удалось прочесть, что камень сей был высечен по приказу самого риши Девиантара.

– Риши Девиантара? – скептически изогнул бровь Джанапутра. – Последний мудрец, родившийся человеком?

– Во всем подлунном мире не найдете вы упоминаний о том, что у него была дочь! Он так любил свое дитя, так восторгался ее красотой, что однажды решил наделить ее даром вечной жизни. И он, обладая всеми силами сиддхи, отыскал такой способ. Однако, добившись своего, он не мог больше любоваться ею. Лишь раз в месяц под светом перламутровой луны смотрел он на отражение своей дочери в воде. На склоне лет риши Девиантар повелел возвести для нее великолепный дворец на удаленном острове. Всех своих слуг он отпустил, а самых преданных взял на тот остров, чтобы они и дети их детей оберегали его драгоценнейшее сокровище. Когда же пришло время ему умирать, вышел тот мудрец к своей дочери, попросил за все прощения и, посмотрев на нее в последний раз, тут же испустил дух.

– Хотелось бы взглянуть на эту табличку, – изъявил свое желание Пурусинх, полагая, что Нишакти мог что-то напу-

тать в прочтении.

– Когда чары Майятустры рассеялись, а в роду Раджхатов родился человек, я раздробил камень на куски и выбросил их в море, – сознался темный маг. – Если бы верховная жрица Наянадхара узнала, какую тайну я от нее скрываю, не сносить бы мне было головы.

– Очень остроумно! – усмехнулся Пурусинх. – Так ты хочешь, чтобы мы поверили тебе на слово?

– Твои преступления возмутительны, Нишакти! После того, что ты натворил, тебя тоже следовало бы раздробить на куски и выбросить в море. Но твое желание жить говорит о том, что у тебя есть то, ради чего тебе стоит жить, – размышлял царь Джанапутра. – Судя по всему, ты в самом деле любишь своих детей.

После этих слов Нишакти смиренно сомкнул передние руки с готовностью исполнить любое решение Джанапутры. Он был готов отправиться в темницу, заползти в самую отдаленную пещеру на окраинных землях, лишь бы ему и его детям была дарована жизнь.

– Ты не можешь быть человеком – это правда, как и то, что я не могу быть ягуаром. Но что мешает тебе поступать как человек – как поступали мудрецы древности? – спросил его Джанапутра. – Не только жизнь, но и твое высокое положение можно было бы сохранить в таком случае.

– Все это время черная зависть вела меня к моей цели. Но теперь я вижу – ты подлинный царь, Джанапутра! Не я,

не жители Нагарасинха изгнали тебя из этого царства, но ты изгнал нас, ибо царство твое внутри твоего сердца и более нигде. Позволь, я дам тебе один совет, даже если это будут мои последние слова. Для тебя было бы лучше казнить темного мага Нишакти, ибо я ничем не заслужил пощады и не достоин твоего благородного поступка. Душа моя пала так низко, что в ней почти не осталось чести.

– Что ж, выбор за тобой, Нишакти, но исправление твоих темных дел было бы достаточным для тебя наказанием. Прежде всего, тебе придется избавить жителей Нагарасинха от своих личинок и паутины, приведи город в порядок, как было при моей незабвенной матушке Наянадхаре, приструни порочных, образумь дерзких, – пусть думают, что весь мир в одночасье перевернулся.

– Конечно, в подобных делах мне нет равных, – отозвался Нишакти. – Каким бы я ни был, мой опыт, несомненно, пригодится тебе, царь Джанапутра.

– Да, пока не забыл, – добавил от себя Пурусинх, – твой стяг над тронем Раджхаттов совершенно не смотрится в обстановке этого зала... И найди, наконец, какое-нибудь средство от этих волдырей!

– Вы... вы меня оставляете? – Нишакти не мог поверить, что царь Джанапутра и ягуар так запросто возьмут и уйдут после всего того, что здесь произошло.

– Мы и так достаточно задержались, но можешь не беспокоиться, я буду присматривать за тобой, – заверил его ягуар,

кивнув на орлоголовых стражей, которые с почестью проводжали царя Джанапутру.

Так изгнанный царь Джанапутра при помощи первопродка ягуаров обрел то, о чем даже не мечтал, но еще более печальная и неосуществимая мечта посетила его сердце, когда узнал он о тайне Нишакти, об острове Аирват и прекрасной дочери риши Девиантара.

***

Они прогуливались под светом чудесных звезд среди золотых куполов и шпилей, наслаждаясь ночной свежестью на террасах и балконах, прилегающих к верхним ярусам царского дворца. Над кромкой задумчивых гор восходила огромная индиговая луна, она всплывала из самых глубоких глубин виноградно-синего моря, а чуть поодаль от нее медленно парила перламутровая луна, сиявшая переливами жемчужного блеска.

– Движение этих лун, пожалуй, то единственное, что несколько не изменилось в Нагарасинхе. Когда-то я любил бегать по этим террасам, представляя себя мореходом. Все мое детство пролетело за стенами дворца в изучении этикета, утонченных наук и искусств, которые ни разу не пригодились мне в зарослях усыпальниц Раджхаттов. Не знаю, поймешь ты меня или нет, но именно там, находясь в изгнании, я впервые ощутил себя свободным.

– Ты бы предпочел навсегда остаться в саду релаксации?

– Нет, просто хочу понять, почему здесь, на вершине Нагарасинха, обладая почти неограниченными возможностями, я вновь чувствую себя пленником, и почему в тех стесненных обстоятельствах я чувствовал себя свободным? Мир так велик! Взгляни же, как он загадочен и необъятен! В нем найдется достаточно загадок даже для тебя, Пурусинх. Но что можно знать о нем, проживая всю жизнь в застенках царского дворца?

– Поистине, Джанапутра, бывают времена, когда терема царей становятся их тюрьмами, а хижины убогих – обителью богов. Если нищий видит царя, а царь видит нищего, если грешник видит праведника, а праведник видит грешника, им всегда кажется, что один из них свободнее другого, но из этой кажимости не всегда приходят к верному пониманию свободы.

– Ты говоришь об учении Свабуджи Вишваны?

– Не только о нем. Ведь существует множество лжеучений, превратно толкующих свободу. Одно из них особенно любят повторять просвещенные умы: *«Сколько в мире существ – столько и мнений»*, – говорят они. – *«В этих вечных противоречиях и состоит подлинная сущность свободы»*. Но просвещения существ еще недостаточно для их просветления, а просветления бывает недостаточно для их просвещения. Лжеучения о свободе, про которые я говорю, закрепощают сознание джива-саттв, не позволяя им двигаться

дальше, не позволяя видеть дальше собственного носа. Отнюдь не существ высвобождают они, а хаос – хаос, который просвещенные умы не способны ни упорядочить, ни остановить. Рассмотрение свободы всегда находится в зависимости от внешних и внутренних условий, другими словами, уже само понимание свободы никогда не бывает свободным.

Пурусинх протянул руку к лампаде, под стеклянным колпаком которой горел огонь. Такими лампадами в ночное время освещались балконы дворца Раджхаттов и крепостные стены внутреннего города.

– Вот огонь, он может гореть и угаснуть – таковы его начальные условия. Если бы он хотел гореть, когда горит, и хотел угаснуть, когда угасает, он бы ощущал себя свободным всю жизнь, которая длилась бы всего одну ночь. Если бы он хотел угаснуть, продолжая гореть, и хотел гореть, продолжая угасать, всю жизнь ощущал бы он себя несвободным.

Положим теперь, что огонь этот обладает более развитым сознанием, тогда бы он знал, что он горит и гаснет не сам по себе – каждый вечер рука стража с факелом подливает масло и заставляет его гореть снова и снова. Тогда его простых желаний гореть или угаснуть было бы недостаточно для ощущения свободы. Он бы ощутил себя несвободным и стал задавать вопрос – к чему все это? И тогда, повторяя свой вопрос каждый раз, мысль его однажды передалась бы стражнику, который перестал бы подливать масло, чтобы освободить огонь от всякой деятельности. Воспользовавшись этим,

темной ночью во дворец пробрался бы наемник и убил бы царя вместе со всей его семьей, а в город вошло бы вражеское войско, учинив страшные беды всем его обитателям.

Поэтому, если бы огонь обладал еще более высоким сознанием, у него бы возникло желание гореть-и-гаснуть- снова-и-снова, чтобы оберегать всех обитателей города. Тогда бы он стал чувствовать себя свободным, даже зная о том, что он горит и гаснет не по собственной воле.

– Так значит, все дело в сознании? Достаточно осознать нечто, делающее тебя несвободным, как это гнетущее чувство несвободы пройдет само собой?

Царь Джанапутра мечтательно вздохнул, глядя на жемчужно-перламутровую луну. Догадаться, что гнетет его сердце, было совсем нетрудно. Прожить всю жизнь в одиночестве, не имея даже надежды увидеть в мире без людей хотя бы еще одного человека, и вдруг осознать, что существует легенда, в которую невозможно поверить, но в которой, тем не менее, утверждалось, что под светом четырех лун живет такой же, как он сам, человек. И не просто человек – прекрасная дева, обладающая всеми благоприятными знаками, отмеченными милостью риши Девиантара. Несмотря на то, что это было сказание, высеченное в стародавние времена на каменной табличке, в него хотелось верить всем сердцем, всей душой!

– Порой одного стремления к осознанию бывает недостаточно, ведь и способность видеть дальше собственного но-

са еще не делает тебя дальновидным, – отвечал ему Пурусинх. – Это как если бы огонь в лампаде осознал, что хочет гореть-и-гаснуть-снова-и-снова, а страж все равно перестал бы подливать масло по той причине, что сам дворец пуст, и нет в нем ни царя, ни его семьи.

– Мы не властны над всеми обстоятельствами нашей судьбы. Что же остается делать джива-саттвам? Ждать следующей жизни? Но в следующей жизни, если она когда-нибудь наступит, для них мало что изменится. Впрочем, обстоятельства в той другой жизни могут стать еще тяжелее.

– Подозреваю, тебе не терпится посетить остров Аирват, – размышлял вслух ягуар. – Ты не боишься, что на том острове мы не найдем никакой юной девы, а найдем лишь свою смерть?

– Нет-нет, нисколько, я готов отправиться в путь, каким бы опасным он ни был! – вдруг оживился Джанапутра. – Вернее, может, и не готов, но разве можно подготовиться к тому, чего не знаешь?

– Вот и я не знаю, Джанапутра, как ты потом назовешь этот путь – величайшим своим счастьем или величайшим несчастьем. Бесспорно одно – иначе ты никогда не достигнешь освобождения...

Проведя когтистой лапой над огнем, пылающим в лампаде, Пурусинх его почти затушил, а потом вновь разжег. Он испытывал смешанные чувства – он как будто боялся предстоящего путешествия. Но чего еще можно было опасаться

после посещения пустотности Калиманаса?

Загадочным образом желание Джанапутры немедленно отправиться на остров Аирват ущемляло свободу воли Пурусинха, а именно – чем более свободным становилось сознание царя Джанапутры, тем менее свободно начинал чувствовать себя ягуар. Тайна темного мага Нишакти приоткрывала им нечто большее, чем картографический путь на остров Аирват, она оказалась местом перехода к более глубоким слоям сознания, в неизвестную локу, которая раньше была скрыта и от сознания Евгения, и от сознания Джанапутры, и от того потустороннего сиддхического сознания, которое постоянно примешивалось к мыслям Пурусинха. Но, пожалуй, самым таинственным в этой тайне оставалось то, почему место этого перехода приоткрылось им через темного мага Нишакти?

– Что ж, я повинуюсь тебе, царь Джанапутра. Если до утра ты не передумаешь, мы отправимся на остров Аирват, какой бы непроницаемой завесой ни скрывалось от меня его загадочное предназначение в аджана-локе.

Царь Джанапутра с надеждой обозревал кромку виноградно-синего моря, над которым висела огромная индиговая луна.

– Быть может, несвобода так же необходима для существования свободы как смерть необходима для существования бессмертия? – продолжил их полуночный разговор царь Джанапутра. – Тогда мне бы следовало смиренно принять то

положение, в котором я нахожусь. Изобрести более тяжелые цепи и приковать себя к этому дворцу.

Быть может, существуют такие уровни понимания свободы, достижение которых делает иллюзорным всякое благо? Как думаешь, Пурусинх? Допустим, если бы существовало высшее сознание, способное заглянуть в будущее, и если бы, как говорил Нишакти, одно зло всегда сдерживало другое, еще более страшное зло, то такому высокому сознанию могло бы открыться, что однажды в роду того царя появится правитель, способный уничтожить все джива-саттвы этого мира. Тогда даже жертвенное сострадание, желание гореть-и-гаснуть-снова-и-снова, чтобы спасти обитателей города, оказалось бы очередным заблуждением и ошибкой, а проникновение наемника во дворец оказалось бы меньшим злом.

Если ты считаешь, что удержание в несвободе бывает необходимо для достижения в будущем некоторых незримых целей, скрытых от замутненного сознания джива-саттв, так и скажи об этом. Разве не этим ты оправдывал поутру вторжение в город Нагарасинх духа Парамаджаны, уничтожившего хранителей Майятустра-дхьяны?

Первопредок ягуаров покачал головой, вспомнив тот разговор с Джанапутрой, когда он пытался объяснить, что есть вещи, которые можно понять только в определенное время и в определенном месте, а есть вещи, которые можно понять только в других мирах.

– Мы запутываемся даже в настоящем, а за горизонтом текущих событий иллюзорного становится еще больше. Там все кажется иллюзорным, ибо любое настоящее там будет казаться прошлым, а любое прошлое будет казаться ненастоящим.

Именно так мы воспринимаем сновидения, именно так мы начинаем воспринимать самих себя в прошлом. Такое восприятие прошлого, чем-то похожее на сон, возникает неслучайно, ведь будущее – это всегда результат жизнедеятельности сознания, только сознание это еще не пробуждено. Оно пробуждается, когда наступает его время, и существует в виде джива-саттв, высших и низших сущностей, в виде сознаний целых народов. Пробужденное сознание, в самом деле, иногда способно войти в непробужденное будущее, но и тогда не стоит торопиться с выводами о том, что возможно, а что невозможно, что иллюзорно, а что нет.

Ведь от того царя вполне мог родиться не только правитель, способный уничтожить все джива-саттвы этого мира, но и будущий царь, способный их спасти. Один и тот же огонь, одно и то же стремление к свободе, может освещать путь во тьме и стать причиной вселенского пожара. Вот почему существа с замутненным сознанием неизбежно путают эти вещи. Подумай об этом, царь Джанапутра.

Эпизод одиннадцатый.

Остров Аирват. В садах Падмавати

Ранним утром, когда лазоревое небо стало растворяться в нежно-лавандовых разводах, а над грядой сероватых халце-доновых гор, напоминающих погруженную в море конскую гриву, блеснула оранжевая полоска солнечного диска, Джанапутра вышел из царских покоев на балкон с затейливыми балюстрадами, многоуровневыми арками, козырьками и стелетками крылатых апсар, словно это был не балкон, а пролетающая над городом колесница Арджуны.

Внизу виднелись каменные шатры золотых башенок дворца Раджхаттов, где-то за ними вздымались яркие кисточки пальм, рассаженные рядами на ровных зеленеющих газонах. Ниже располагались храмы внутреннего города, утопающие в роскоши виллы знатных горожан, а там, за крепостной стеной, почти до самого побережья Южного моря тянулись тенистые улочки Нагарасинха, залитые розовой дымкой восхода.

Царь Джанапутра стоял со спокойным открытым лицом и наблюдал за кораллово-красными облаками, струившимися над шафрановой фатой утренней зари. Вместо изношенных лохмотьев на нем сверкала расшитая золотом и бирюзой

царская курта. Волосы были скрыты под белоснежной чалмой, скрепленной жемчужной брошью. Он преобразился за одну ночь и внешне, и внутренне – ему предстояло побывать на острове, откуда никто не возвращался, ни герои древности, ни великие полководцы, ни могущественные цари, мечтавшие во что бы то ни стало присоединить его к своим владениям. Вспоминая мрачные легенды об острове, Джанапутра ожидал медитирующего Пурусинха, тело которого зависло в йогической осанне над балконом, а душа пребывала в иных мирах.

Если первопредок ягуаров в действительности был всего лишь спящим человеком, как об этом сказал сам Пурусинх, то, пока Джанапутра спал, он мог проснуться и снова оказаться в мире людей. Тогда душа того человека – по имени Йуджин, кажется, – могла никогда больше не вернуться в тело седовласого ягуара, не подававшее теперь никаких признаков жизни. Тот человек, как ни в чем не бывало, мог проснуться и заняться обычными своими делами, ничего не запомнив из сновидения, которое снилось ему только что. Ведь Джанапутра точно так же ничего не запомнил из своего сна, хотя этой ночью ему приснилось нечто необычайное, к чему он никак не мог подобрать слов.

Но вот глаза ягуара задвигались под веками, его живот стал втягиваться, производя дыхательные упражнения, после которых тело Пурусинха перестало парить. Царь Джанапутра, обрадованный его пробуждению или, скорее, не-про-

буждению, приветствовал первопредка поклоном.

– Мои поклоны тебе, царь Северных гор, прославленный вождь Пурусинх, – произнес Джанапутра.

– И ты будь в здравии, царь Джанапутра! – отвечал Пурусинх, открывая глаза, горевшие янтарным блеском. – Что-то подсказывает мне, что ты не передумал посетить Аирват-двипу.

– Если остров настолько смертоносен, как об этом говорят, нам потребуется оружие, чтобы сражаться. Быть может, следует снарядить целый корабль с лучшими воинами, – предложил царь Джанапутра.

– Полагаю, нам бы мог пригодиться нефритовый лук, поражающий незримые цели, но кентавр Триданишта унес его с собой, когда проходил через врата Майягустры. Лучшие воины нам бы тоже не помешали, но сколько дней будет плыть снаряженный корабль до острова? – полюбопытствовал Пурусинх.

– Полтора месяца, может, месяц при попутном ветре.

– Полтора месяца... – с досадой вздохнул Пурусинх. – Должен тебе признаться, сил моих недостаточно, чтобы так долго поддерживать жизнь в этом теле, я уже был пару раз на волосок от пробуждения, и я знаю, что чары этого сна скоро покинут меня окончательно. Нам нужно торопиться. Поэтому мы отправляемся налегке.

Поднявшись, ягуар подошел к перилам балкона, за которыми лежал утренний Нагарасинх. Он не был уверен в том,

что сумеет преодолеть расстояние до острова, перемещаясь прыжками по воздуху вместе с царем Джанапутрой. Особенно, если учесть, что он мог пробудиться, находясь прямо над поверхностью океана. В сновидениях вообще бессмысленно что-либо планировать, в них нельзя быть уверенным даже в простых мелочах. Однако ягуар несколько не сомневался в том, что это затруднение разрешится, стоит только сделать первый шаг, а точнее, прыжок в неизведанное.

– Дай мне твою руку, царь Джанапутра! – произнес Пурусинх, поднявшись на резные балюстрады. – Впереди нас ждет то, чего нельзя миновать, так давай проживем этот день не напрасно.

Они встали на самый край балкона, Пурусинх нащупал одной ногой восходящую от земли волну и упал на нее, совершая вместе с астральным двойником затяжной прыжок. Они пролетели над цветущим парком, после чего ягуар вновь оттолкнулся от упругих потоков сиддхической энергии, и они взмыли над внутренним городом, разглядывая древние храмы Нагарасинха, изысканные дома, ротонды, площади, на которых суетились обитатели города. Царь Джанапутра разглядывал с высоты участников недавнего карнавала. Они вели себя довольно странно – некоторые дамы выбегали на улицу нагишом, а кто-то впопыхах натягивал на себя одежду.

– Что-то не так! – крикнул в ухо ягуару Джанапутра. – Они чем-то напуганы!

Приземлившись неподалеку от ворот внутреннего города, Пурусинх тоже заметил, что вокруг творилось что-то неладное. Праздные гуляки бежали прочь от игорных заведений и ночных притонов. Из ростовщических домов, причитая и охая, бежали богатеи-сановники, побросав ручные повозки с драгоценностями и наложницами. Впрочем, это выходило у них весьма потешно, они не могли бежать – они просто переваливались с ноги на ногу, топчась на месте и едва волоча ожиревшие кенгуриные хвосты.

Один из вельмож повалился прямо на дорогу, его тело со следами искусственных вмешательств, подчеркивающих важный статус, стало стремительно набухать и превращаться в пузырь. Он шлепал губами, раздувал щеки, беспомощно дрыгал ногами и руками, совсем как жук, перевернутый на спину, пока не лопнул, забрызгав всю мостовую липкой слизью, в которой так же беспомощно продолжали барахтаться личинки Нишакти.

– Слишком много бакши-бакши, – обрисовал плачевную картину некто стоящий рядом.

Голос показался знакомым. Оглянувшись, Пурусинх узнал в говорящем просветленного Гуаттаму. На этот раз на нем не было ни клобука верховного жреца, ни карнавального костюма с колесом дхармы, зато над плечами у него двигались крылья браминского грифа, которые в прошлую их встречу были скрыты под мантией.

– Верноправые последователи Свабуджи придерживаются

правила «Если ты кому-то должен – займи еще и дай в долг другому». Их тела не могут существовать без ежедневного пополнения бакши-бакши, – разъяснил случившееся гриф Гуаттама. – Весь Нагарасинх жил в долг у правителя Нишакти, но сегодня ночью все бакши-матхи исчезли, стражи тайного корпуса разыскивают сводников и торговцев дурманом. В городе поползли слухи, что во дворец вернулся изгнанный царь.

После этих слов Гуаттама перевел зоркий взгляд на Джанапутру, которого теперь было бессмысленно выдавать за отбившегося от каравана погонщика верблюдов.

– Прости меня, я не хотел тебя обманывать, – сказал в свое оправдание Пурусинх, ничуть не сомневаясь в том, что Гуаттама и так обо всем догадался. – Это была предосторожность, чтобы нас никто ни в чем не заподозрил.

– Разумеется, если бы эти существа никогда не обманывали, они бы были уязвимы, как дети, – кивнул ему гриф. – Будучи зависимы от материального мира, мы всегда используем уловки для достижения свободы.

Мысль Гуаттамы содержала наблюдение, на которое Евгений по какой-то причине никогда раньше не обращал внимания. Он даже не догадывался о наличии этой взаимосвязи лжи и свободы. Ведь самое возникновение лжи всякий раз было обусловлено стремлением к свободе. И не только лжи! Невольный обман, всякий грех и неправда были не иначе как другим именем свободы. И если кто-то становился свобод-

нее, то это всегда подразумевало очередной обман, ибо нельзя было сделаться свободнее, не сделав кого-то другого менее свободным. Единственная возможность обрести хоть какую-то независимость от прочих джива-саттв, тех или иных обстоятельств состояла именно в том, чтобы научиться обманывать более искусно, чем это делают другие. И разве не по пути искусного обмана следовала сама жизнь, обращаясь для джива-саттв смертью?

– Будучи свободным от уловок, лжи и обмана, говоря только правду и ничего, кроме правды, нельзя быть свободным? – изумился ягуар. – Получается, что если никого никогда не обманывать, твоей открытостью будут пользоваться другие?

– Да, но всегда существует способ обойти предписанную последовательность событий, если знать, что все это – ненастоящее, нир-лока. Ибо мир, который требует обмана, не может быть реальным.

Просветленный Гуаттама указал на камни, которыми была выложена мостовая внутреннего города:

– Бросить камень легче, чем поднять его, обработать и уложить в ровную дорогу. Кто считает свободой то, что легче всего, никогда не возьмется поднимать и укладывать камни. Он будет бросать их и спотыкаться, пока не упадет. Не выполняя тяжелой работы, он разучится созидать. Разучившись созидать, существа перестают быть творцами, и тогда они сами становятся тяжестью. Как тот лопнувший санов-

ник, как весь этот заблудший город.

Рассуждения грифа пришлись по душе ягуару, и между ними завязался разговор:

– Поднятием и укладыванием камней была построена эта дорога, которая теперь облегчает путь прохожим, и этот город, облегчающий жизнь его обитателям. Но вот проходит время, и дорога становится негодной, а в городе начинают править самозванцы, делающие жизнь в нем невыносимой. То, что было тяжелее, делает жизнь легче, а то, что было легче, делает ее тяжелее. Время изменяет значения наших действий и бездействий, так, может быть, в нем причина обмана?

– Всех этих иллюзий первопричина в сознании. И всякая дорога, проложенная другими, лишь временно облегчает путь, она не ведет вас к освобождению, – гриф тронул пальцем гладкие перышки на своем виске. – Ваше сознание заставляет вас полагать, что мир реален. От сознания ничего не утаишь, оно знает вас лучше, чем вы сами. Оно наделяет вещи иллюзорным смыслом, который меняется, причиняя саттвам страдания. Оно создает образ времени, в котором вы живете, поскольку с ним и через него оно находит свое обоснование. Так утверждается самосознание – высшая иллюзия всех иллюзий, эта вишмайя и есть первопричина всех заблуждений.

– А как же сознание Всевышнего? – подключился к разговору царь Джанапутра, догоняя собеседников, которые шли

по дороге. – Оно тоже иллюзия всех иллюзий?

– Какое бы сознание вы ни рассматривали, самоотождествление с ним уже есть отделение. Где есть отделение, там возникает ограничение, где есть ограничение, там возникает несвобода, где есть несвобода, там возникает ложь. Как бы мог Всевышний или Бхагаван, как вы Его называете, пребывать в состоянии, освобожденном от самомнения и всего ложного, если бы Он не превозмог Самого Себя знанием об иллюзорности самосознания? Если вы стремитесь к освобождению, вы не можете цепляться за сознание, даже если это сознание Всевышнего.

Джанапутра, сраженный безукоризненностью этих размышлений, взглянул на седовласого ягуара, ожидая от него возражений или, скорее, ища хоть какой-то поддержки. Но первопредок шел, задумчиво сложив руки за спиной, пытаясь разгадать, чье лицо ему напоминала птичья голова Гуаттамы. Если бы Джанапутра знал, что этот высокогорный гриф, шагающий рядом, был мыслеобразом Бодхисаттвы, то он бы, наверное, тоже помолчал, с благоговейным трепетом переживая эту встречу. Однако царь Джанапутра ни о чем таком не догадывался, и это вносило в их разговор известную долю непринужденности.

– А ты что думаешь, Пурусинх? – нетерпеливо вопрошал Джанапутра ягуара, оставив за спиной врата внутреннего города.

– Думаю, что знание об иллюзорности этого проявленно-

го сознания – одна из величайших, быть может, величайшая вершина, на которую можно подняться, пребывая в материальной вселенной. Поэтому слова твои, Гуаттама, так тяжелы. Они тяжелее любых камней, которыми можно выложить дорогу. Но, когда мы размышляем об иллюзорности и реальности, мы все еще хотим ответить «да» или «нет» там, где нельзя ответить ни «да», ни «нет» без обмана. Поскольку даже разрушение всех иллюзий может вполне оказаться иллюзией.

– Но ведь разрушение всех иллюзий означает истину! Разве нет? – спросил у него Джанапутра. – Не хочешь же ты сказать, что иллюзорное столь же свойственно истине, освобождающей, как мы думаем, от всего ложного, но которая сама не является тем, за что мы ее принимаем, к чему так стремимся?

Они свернули на широкую улицу, ведущую к базарной площади Нагарасинха, где фыркали верблюды, гремели тележки грузчиков, перевозящих товары, раздавалась бойкая речь торговцев, открывающих лавки, что навело ягуара на мысль о фокусах Карлика Маркуса, который прежде был беззаботным Читхой, затем стал великаном, превратившись в змееголового даймона Майягустру, а теперь снова стал карликом, промышляющим фокусами на базаре.

– Вчера на этой площади мы повстречали факира, который раньше был великим сиддхом. Всего одним ударом молота он заставил исчезнуть Скрижаль просветления, объ-

явив о том, что никакого просветления никогда не было, – напомнил Пурусинх. – Ты не задумывался, царь Джанапутра, в чем секрет того фокуса? Куда исчезла Скрижаль просветления?

– Вероятно, на том месте, куда он ее поставил, была выкопана яма, – пожал плечами Джанапутра.

– Ты почти угадал, действительно, секрет любого фокуса в местопребывании, – усмехнулся довольный ягуар. – Чем необычнее местопребывание, тем сложнее разгадать фокус, и если крышку спрятать в молоточке, никто не догадается, что Скрижаль просветления может находиться внутри орудия ее разрушения. Как может разрушаемая вещь и разрушающее ее орудие оказаться одним и тем же? Что здесь иллюзия, а что – реальность? Кто кого разрушает? Молот, который делает вид, что разбивает, или Скрижаль просветления, которая делает вид, что она исчезла?

– Все-это-вместе-взятое и есть иллюзия, секрет, придуманный фокусником. Но если знать, что одно вложено в другое так, чтобы никто не увидел содержимого, то все-это-вместе-взятое и будет реальностью, – ответил на свой же вопрос Джанапутра.

– *Таттва-джняна-таттвам*, – подтвердил гриф Гуаттама, замедлив шаг, чтобы царь Джанапутра имел возможность внимательно его выслушать. – Таково знание истины. Оно разрушает всякую иллюзию, даже если этой иллюзией является само знание. Конечного знания не существует, ибо зна-

ние бесконечно и безначально. Вы не можете найти истину, если вы ищите ее, и вы не находите ее, если прекращаете ваши поиски. Истина здесь всегда. Вы можете называть ее причиной или следствием движения, можете считать ее прекращением движения, но она не является ни тем, ни этим. Она не является вам, потому что ваши слова ложны – они иллюзорны, как иллюзорно ваше сознание. Прикасаясь к ней вашими словами и сознанием, вы разрушаете ее, но что существует в сознании до и после вашего разрушения – и есть истина. Вы не можете понять это как-то иначе.

Пурусинх тоже остановился, слушая грифа Гуаттаму. Ему вдруг показалось, что кентавр Триданишта в своем отрицании всего человеческого, которое должно превзойти, хотел сказать то же самое. О том же самом говорили древние Упанишады и колесничий Кришна, открывший йогинам на поле Дхармы полную экспансию вездесущего Бхагавана, и достигший нерожденного состояния Шакьямуни Будда, и Помазанник Божий, воскресший из мертвых Иисус Христос. Последующие отрицатели-нигилисты, атеисты и математики в своем желании как можно громче провозгласить непогрешимую истинность, описать не то существующие – не то несуществующие абстрактные объекты хотели сказать в своей все более разрушительной и беспощадной к сознанию проповеди то же самое. Все они разрушали, чтобы создавать, и создавали, чтобы однажды быть разрушенными.

Как же много было пройдено дорог, ведущих к отменно-

му бездорожью! Как же много мыслей было перемыслено и пере-перемыслено существами, а они все так же продолжали пребывать в неведении. Неведение лишь росло, с каждым разом его становилось только больше. Избавившись от божественного разума, они стали избавляться от человеческого, избавившись от деспотии всего человеческого, стали избавляться от жизни и смерти. От самого избавления стали избавляться они, и вот уже не осталось ничего такого, от чего еще можно было бы им избавиться. Ни во что по-настоящему не веря, осознав бессмысленность поисков избавления, пустыми и не своими глазами смотрели они на холодную, опустыневшую вселенную, на эти пустые множества своих теорий, на виртуальные миры, где можно быть кем угодно и делать что угодно, а избавления все не было, и даже избавления от избавления для них отнюдь не наступало.

И тогда Пурусинх сказал:

– За всяким материальным телом, за всяким сознанием, которое разрушается и которое само разрушает, скрывается то, что дополняет иллюзию, создаваемую сознанием, так что все-это-вместе-взятое оказывается не иллюзией и не реальностью по отдельности, но реальностью, способной казаться тем же самым, чем является иллюзия. Вот почему иллюзией может вполне оказаться разрушение всех иллюзий. Ведь тогда и реальность не будет полной, утратив способность выглядеть как иллюзия. В такой неполной реальности пустота будет казаться истинной реальностью, но сама по себе пу-

стота не является истиной. Это как если бы ты заглянул за крышку молоточка, которым пользуется фокусник, и обнаружил там пустое место. Однако лишь зная то, что туда можно спрятать, ты поймешь подлинный смысл пустоты, царь Джанапутра.

– Для чего тогда их вообще различают? Для чего существует различие истины и лжи? Неужели только для того, чтобы могло существовать иллюзорное сознание? – размышлял вслух Джанапутра.

– Различие существует для не-различения, когда не отрицается ни истина, ни существование лжи. Впрочем, есть и другие виды не-различения, когда не признается ни истина, ни ложь, и тогда все становится ложно-истинным, когда истина признается без различения от лжи, и тогда все становится истинно-ложным. Без различения знание становится безразличным к незнанию, так оно перестает разрушать ложное и само становится лишь иллюзией знания, – отвечал ему Пурусинх.

Выслушав ягуара, Гуаттама издал сиплый смех, напоминающий свист хищной птицы. Он улыбнулся уголками клюва и сказал:

– Как сосредоточенно говорил я о том, что деление приводит к ограничению, несвободе и лжи, так же сосредоточенно ты говоришь о различии, которое хотя и является делением, но которое необходимо для познания и освобождения от лжи. Можно подумать, что мы говорим о несоб-

местимых подходах, о разных праманах. Мне бы хотелось понять, так ли это? Ведь я отрицаю сознание, а ты не отрицаешь, вместе с тем, соглашаешься, что сознание не существует отдельно от лжи.

Для того, чтобы показать, как разные подходы могут оказаться одним и тем же, гриф Гуаттама привел такое сравнение:

– Подобным образом, когда говорят о йуге, под нею понимают промежуток времени. Но сама по себе йуга не имеет продолжительности – это лишь деление на солнечных часах, связующее циклы времени и, тем же самым, их разделяющее. И когда говорят о йоге, подразумевают единую связь между вещами и не-вещами. Но сама по себе единая связь отнюдь не связана с ними, поскольку она является тем же самым, что разделяет все вещи и не-вещи. Вот почему йуга или *«соединение»* означает ви-йугу – разъединяющее *«различение»*, вот почему йогин или *«соединяющий»* означает ви-йогин – *«разделяющий»*. Что бы ты сказал об этом, мой пятнистый друг?

В ответ ягуар учтиво поднес руки ко лбу и поклонился браминскому грифу.

– Да, мы по-разному применяем одни и те же слова к одному и тому же содержанию. И в отрицании, и в признании сознания может содержаться путь к заблуждению или путь к избавлению от заблуждений, – пригладил седую бороду Пурусинх.

Он решил прибегнуть к более точному языку чисел:

– В искусстве счета можно разделить пустоту, называемую иначе асанкхья-бинду, на некоторое множество вещей, принадлежащих сознанию, и получить ту же самую пустоту. Такое отрицание иллюзорных сущностей вполне допустимо. Мы можем сказать: *«Ничто из перечисленного не истинно»*. Однако, если сделать наоборот и разделить множество вещей на пустоту, мы перейдем к противоречию. По действию, разделив такое непустое множество сознания на пустоту, мы должны получить то, чему принадлежало это множество, то есть должны получить сознание. А по условию мы делим все на пустоту и, следовательно, должны получить пустоту. Но обычно мы не говорим: *«Что-то одно или несколько из ничего не истинно»*. Если в пустоте ничего нет, мы не можем в ней иметь что-то одно или несколько.

Царь Джанапутра обдумал сказанное Пурусинхом и помотал головой в разные стороны:

– Как возможно столь невозможное? Какой смысл может содержать столь бессмысленное?

– Пустота не существует отдельно от сознания, она и есть то, что не истинно в ней самой и в нашем сознании. Сам образ пустоты принадлежит некоторому сознанию, которое в силу этого уже не может оказаться пустым множеством, мы лишь пользуемся иллюзией пустоты для обозначения отсутствия чего-либо. В том числе, для обозначения отсутствия истины. Без этой иллюзии мы бы не могли отличить истин-

ное от ложного, – пояснил Пурусинх.

– Мы пользуемся тем, чего нет, для обозначения того, чего нет, – тихо проговорил Джанапутра. – То, что не истинно, обозначает то, что неистинно, чтобы находить истинное. Таким образом, высшей иллюзией является отсутствие иллюзии... и поэтому...

– Поэтому возникает противоречие, – продолжил его слова Пурусинх.

– Прати-йога, она всегда возникает в вашем сознании, – повторил Гуаттама. – Без этой иллюзии не было бы движения, ибо движение и есть заполнение иллюзорной пустоты, а раз так, без нее не было бы и этой тонкоматериальной вселенной, погруженной в обман.

Просветленный гриф и ягуар смолкли, почувствовав, что Джанапутра приблизился к пониманию того, о чем шла речь. На его лице, в напряженном изгибе бровей и во взгляде, смотрящем сквозь само пространство, читалась готовность к озарению, которое вот-вот должно было наступить. Он прикрыл свои веки и приложил три пальца к переносице, чтобы сконцентрировать мысль в одну точку:

– То есть, когда мы делим на пустоту, мы должны получить отсутствие пустоты, но отсутствие пустоты означает, что при делении мы используем ложный делитель – ту пустоту, которой на самом деле не существует без сознания. Так что же это за сознание такое, которому принадлежит пустота и всякое движение, все сущее и не-сущее?

– Это и есть Тот, Неименуемый, не имеющий проявленных признаков Бхагаван, благодаря Которому существует всякое проявленное сознание. Поэтому и о тебе, Джанапутра, можно сказать «*ты есть Тот*», хотя, говоря обратное «*Тот и есть ты*», можно прийти к ложному пониманию сути. Кому открыто внутреннее знание, про того можно сказать, что он становится Тем, хотя неверно полагать обратное, будто бы Тот непосредственно является им. В иллюзорном всегда скрывается истинное и проявляется ложное. Однако из этого отнюдь не следует, что иллюзорное свойственно истине, ибо свойства истины беспредельно тонки и невыразимы.

Так, размышляя о пустоте и сознании, о единении и различении, Пурусинх, Джанапутра и Гуаттама вышли далеко за пределы города – первопредок ягуаров, возникший из камня, человек из рода Раджхаттов, а также просветленная личность Бодхисаттвы, пребывающая вместе с ними в теле браминского грифа. Издали казалось даже, что по дороге, которая тончайшей нитью петляла меж зеленых холмов, шел кто-то один, а не трое. Кто-то один, а не трое, то останавливался, что-то находя на дороге, то продолжал идти дальше. Словно пульсирующая капля, этот одинокий путник перекачивался по обширному плоскогорью все ближе и ближе к бушующему морю, которое обрушивалось своими волнами на темные скалы.

Евгений вдруг вспомнил это место с отвесными утесами,

на влажной поверхности которых виднелись вкрапления самоцветных камней. Он вспомнил эту дорогу, которая выводила к самому краю пропасти, – все это он уже видел в давнем своем сновидении!

Где-то там, на пригорке, стоял полуразрушенный, изъеденный временем столб – тот самый камень, который тысячи лет назад называли Скрижалю просветления. Пурусинх повернул голову и, действительно, разглядел на вершине пригорка священный камень. Он стал чуть ниже или, быть может, его затянуло высокой травой, но это был именно тот камень Ашмара, который никто не мог прочесть, и поэтому он научился читать себя сам. Разумеется, это происходило в другом сновидении, но теперь казалось, что сон этот никогда не прекращался.

Пурусинх, взобравшись на пригорок, вновь прикоснулся к камню, который когда-то с ним говорил. Ему захотелось еще раз услышать тот всепроникающий голос мудрого йогина. Но камень молчаливо глядел вдаль – туда, где море сливалось с небесами. Некогда он сам был делением времени – той йугой и ви-йугой, разделявшей и соединявшей эпохи.

– Теперь я тебя читаю! Да, теперь я тебя читаю, Ашмара, хоть все письма давно стерлись на твоём теле, – сказал камню ягуароподобный Пурусинх.

– Ты разговариваешь с камнями? – с некоторым сарказмом спросил Джанапутра, наблюдая за престарелым ягуаром.

– Обычно камни не нарушают обет молчания, и все же они, бывает, открывают нам то, о чем уж никто не может поведать. Когда-то по нему определяли переход от одного годового цикла к другому, от одной эпохи к другой. Возможно, это прозвучит странно, но утро нового дня и начало каждой йуги древние риши связывали не с востоком, а с югом, потому что они пришли сюда со склонов Северных гор, где солнце восходит раз в год и только на юге, а дни и ночи делятся по полгода.

– Дни и ночи богов, – вспомнил Джанапутра. – Именно так гласят предания!

Пурусинх обратился к просветленному грифу:

– Благодаря тебе, Гуаттама, многое прояснилось и стало понятно. Но здесь, у этого камня, мы должны с тобой распрощаться. Дальше наш путь лежит еще южнее, на остров Аирват, с которого еще никто не возвращался.

– Если никто не возвращался с Аирват-двипы, то каким образом в город Нагарасинх попала табличка риши Девиантара? – задал вопрос Гуаттама, предвидя удивление ягуара и царя Джанапутры.

– Откуда тебе известно про Девиантара? – расширил глаза Джанапутра. – Так ты и был тем торговцем, который продал табличку темному магу?

Просветленный гриф невозмутимо опустил глаза. Он понимал, в каком смятении сейчас находится царь Джанапутра, и решил рассказать все, что знал о риши Девиантаре и

его пророчествах.

– Мой отец был брамином острова Аирват, – стал рассказывать Гуаттама. – По истечении семи тысяч и девятьста циклов после кончины маха-риши он отправил меня в город Нагарасинх вместе с посланием на каменной табличке. Так я сделался владельцем лавки, ожидая того, кто сумеет прочесть эти надписи. Такова была воля маха-риши. Он знал, что свет запредельной истины будет угасать в этом мире, и скоро все люди совершенно исчезнут из него. И тогда наступят нечестивые времена, шамбда-раджах будут править под четырьмя лунами – цари, которые являются таковыми лишь на словах. Однако риши Девиантару было также известно о том, что спустя восемь тысяч циклов в роду Раджхаттов появится человеческое дитя. Поэтому он приказал запечатлеть послание к человеку, которое вызвались оберегать брамины Аирват-двипы.

– Но почему ты не отнес послание верховной жрице Нагарасинха? Почему ты помог темному магу Нишакти осуществить задуманное? Разве не видишь, к каким последствиям это привело?

– Хранители Аирват-двипы никому не помогают, они только сопровождают предначертанное. Нам запрещено разглашать сокровенную тайну, какие бы предлоги для этого ни возникали.

– Даже ему? – Пурусинх взмахнул когтистой рукой на обескураженного наследника Раджхаттов. – Разве не о нем

пророчествовал маха-риши, к чему такая секретность? Или у вас на примете есть кто-то еще?

Гриф вытянул шею, уголки его клюва стали жестче. Он с невероятным упрямством стал убеждать, что не только последние события, но и события целой эпохи не могли развиваться иначе:

– Восемь тысяч циклов, должен заверить, это немалый срок. Пустыни покрылись лесами, великие реки потекли в обратном направлении. Древние города сравнялись с землей. Более сотни поколений сменилось за это время, – непреклонно перечислял Гуаттама. – Народы, едва владевшие членораздельной речью, достигали неслыханного могущества, воздвигали храмы, выкрадывали чужие святыни, насиловали тех, кто был прекраснее телом, выше разумом или душой. Низшие провозглашали себя высшими, поработочали другие расы, развязывали войны. Как сохранить, как можно уберечь от всего этого безумия хотя бы одну живую душу?

Расстегнув петлицы на царской куртке, Джанапутра отошел в сторону и сел на землю. Он обхватил свою голову руками, потому что не знал, не видел никакой возможности остановить этот кровавый водоворот событий, невольной частью которого являлся он сам. Ведь в нем самом тоже обитали частицы всех тех бесчинствующих джива-саттв. Он был связан с ними узами кровного родства. Если бы все его предки обладали высшими качествами, были бы добродетельны и честны, он бы не появился на свет – всех его прародителей давно

бы уничтожили существа более беспощадные, более алчные и жестокие. Несомненно, все эти сущности могли плодиться и размножаться только посредством обмана, корысти, насилия и злодеяний. Во всем подлунном мире не было и не могло быть ни одной совершенно чистой души! И уж тем более, не могла такая душа появиться в царской династии.

– Мир людей, он такой же, не правда ли? – сказал Джанапутра первопредку ягуаров, отерев слезы на глазах. – Нет никаких праведных народов, нет никакой швета-локи.

Тяжело вздохнув, Пурусинх присел рядом с ним и обхватил за плечи пятнистой лапой.

– По правде говоря, Джанапутра, мир людей еще хуже. Здесь, в подлунном мире, зло благороднее, оно не лишено чести и хотя бы способно признавать себя злом. В мире людей все сложнее. Там самые кровожадные звери без чести и совести считаются людьми, имея лишь оболочку человека. Возможно, тот мир людей теперь правильней называть миром зверей, а не людей, ибо там сейчас безраздельно правит зверь.

– Да, правит зверь, – по-стариковски согласился с ним Гуаттама. – Изредка я вижу во сне мир людей, хотя и не могу припомнить детали.

– Постойте-ка, и мне привиделся такой сон, – отозвался Джанапутра. – Кругом двигалось так много непонятных картинок, человеческих тел, но это были не настоящие люди, а иллюзии, такие похожие на людей... иллюзии людей.

Царь Джанапутра, просветленный гриф Гуаттама и Пурусинх непроизвольно переглянулись. Каждый из них воспринимал мир людей по-своему. Для одного – это был миф, придуманный древними мудрецами, для другого – очередная иллюзорная вселенная, для третьего – потусторонняя реальность, откуда в его сновидение всеялись мыслеобразы джива-саттв. Тем не менее, именно это различие их странным образом объединяло. Во всем происходящем с ними не было ничего случайного, между ними происходило некое взаимодействие трех алхимических тинктур, так что оставалось лишь разгадать тайный смысл этой аллегии.

– Итак, вы твердо намерены посетить остров Аирват? Но вы ведь даже не знаете, где он находится, – задумчиво пробубнил Гуаттама.

– За Южным морем, – возразил Джанапутра.

– Да, верно, там находится темный треугольник, в котором пропало немало кораблей, – Гуаттама сделал паузу. – Ну, а дальше, дальше-то что? Если вы чудом спасетесь от заколдованных вод Тамо-трики, вы увидите поблизости десятки островов. Который из них Аирват-двипа? Как вы определите?

– Помоги нам, – попросил его Джанапутра. – Назови свои условия, и, даю тебе слово Раджхаттов, мы их исполним.

– Запомни, царь Джанапутра, только одно – тайна всегда должна оставаться тайной, – сказал в ответ Гуаттама.

Браминский гриф повернулся лицом к морю и расправил

свои крылья, улавливая ими воздушные потоки, запрокинув голову и вкушая солоноватый привкус бриза. Наблюдая за Гуаттамой, разминающим крылья, Пурусинх даже не допускал мысли о том, что тот готовится к полету. Гриф был немолод, как и Пурусинх, но если ягуар в своем преклонном возрасте выглядел еще очень крепким, то Гуаттама имел весьма хрупкое телосложение. На ветру его раскачивало из стороны в сторону. Он был настолько худым и костлявым, что походил на сухой стебель тростника. Брать Гуаттаму с собой на Аирват-двипу было безумием, на которое Пурусинх не мог отважиться.

Похоже, настырный старик решил всем показать, что он еще на что-то пригоден, и стал размахивать крыльями быстрее. Было большой удачей, что он при этом ни разу не упал, потому что малейший порыв ветра подбрасывал Гуаттаму, словно пушинку. Чтобы не обидеть грифа неосторожным словом, Пурусинх молчал, пытаясь сдержать улыбку. Казалось, через пару взмахов Гуаттама сам убедится, что он не способен взлететь, и тогда можно будет с ним спокойно все обсудить.

Но вот что удивительно – браминский гриф не собирался сдаваться, хлопки от его крыльев становились все увереннее. Каждый взмах крыльев насыщал его жизненной силой. После очередного всхлapyвания Пурусинх чуть вздрогнул. Ему вдруг померещилось, будто шея грифа обрела иной вид, а мышцы спины стали более рельефными. Даже окрас-

ка оперения у Гуаттамы сменилась – она стала гуще, налилась интенсивным блеском. Было очевидно, что в теле просветленной духовной сущности происходил некий омолаживающий метаболизм. Перед ягуаром и царем Джанапутрой теперь стоял не просто помолодевший гриф-великан в два три раза выше прежнего, теперь перед ними стояла уже совершенно другая личность!

– Хотел бы я знать, как это повторить, – пошутил ягуар. – Признаться, сейчас я смотрю на тебя совсем по-другому – с тобой, Гуаттама, мы легко преодолеем тысячи йоджан над Южным морем! Если для тебя это так важно, мы не будем считать, что ты нам помогаешь.

– Представьте себе, что это ответное действие на ваше воздействие, – произнес гриф Гуаттама. – Вы не спрашиваете книгу, хочет она или нет, чтобы вы ее читали. Вы не спрашиваете паром на переправе, хочет или нет он плыть с вами. Вы берете книгу и читаете ее. Вы отвязываете паром и добираетесь до другого берега. Если паром сломан или находится на другой стороне реки, если вы не понимаете суть книги или языка, которым она написана, то любые ваши мольбы о помощи ни к чему вас не приведут.

– Такой подход нас вполне устраивает, – согласился ягуар, глядя снизу вверх на преображенного грифа. – Что ж, тогда в добрый путь! Если никто не возражает.

Пурусинх был чрезвычайно рад тому обстоятельству, что гриф Гуаттама сумел трансформировать силу боддхи в те-

лесную оболочку. Если подумать, такая взаимосвязь существовала в памяти любого существа, ведь тот духовный опыт, которым располагали джива-саттвы, возникал у них в ходе старения.

Можно сказать, рост знаний и возраст живых существ были двумя обратно пропорциональными величинами. Нельзя исключить, что просветленные сущности могли сбрасывать часть своего духовного опыта и даже достигать его отрицательных значений таким образом, чтобы к ним возвращались телесные силы и молодость. Как воздухоплаватели сбрасывают балласт с воздушных кораблей, чтобы опять набрать высоту. Никакого движения времени вспять при этом не требовалось. Просто время жизни, природная масса тел и мнимая масса ментальных способностей в некоторой системе уравнений оказывались эквивалентны друг другу.

Для ягуара на данный момент это означало, что ему не придется совершать длинные прыжки по воздуху, удерживая за руку царя Джанапутру. Теперь браминский гриф мог посадить Джанапутру себе на загривок, что было гораздо удобней, учитывая дальность перелета. Они завершили последние приготовления на краю обрыва, под которым шипели и бросались на камни морские волны.

Здесь Пурусинх нащупал ступнями восходящие сиддхические потоки и подпрыгнул ввысь, а гриф Гуаттама, за плечами которого расположился царь Джанапутра, оттолкнулся птичьими лапами от скалы и сделал два полных взмаха

огромными крыльями. Войдя в воздушную стихию, он издал оглушительный, режущий уши крик, отразившийся от самых высоких облаков. Так браминский гриф приветствовал небеса и то, что над ними, а небеса приветствовали его и царя Джанапутру.

Они поднялись высоко. Достаточно высоко, чтобы ощутить в затылке легкий холодок страха перед этой высотой, лежавшей под ними. На такую высоту, с которой синее море казалось еще синее и больше, чем обычно, и все же той высоты было недостаточно, чтобы увидеть его целиком. Поначалу им то и дело попадались внизу островки суши, голубые лагуны коралловых рифов.

Иногда Пурусинх замечал под собой белые паруса торговых судов. Но через несколько часов полета все море стало равномерно темным. За изгибом туманного горизонта скрылся скалистый берег, от которого они оторвались навстречу высокому небу. А когда все облака рассеялись, всюду, куда ни посмотри, воцарилась одна и та же картина – темно-синее море под ногами и васильковые градиенты неба над головой.

– Однообразный пейзаж создает впечатление, что нам без разницы, куда мы движемся, – подлетев к Гуаттаме, поделился своими мыслями Пурусинх. – Мы надеемся стать мудрее в другом времени, в другом месте. Мы размышляем, куда для этого пойти, порой, даже не осознавая, что в то время и в то место не ведет ни одной дороги.

Гриф повернул голову к летящему рядом Пурусинху:

– На Аирват-двипу действительно не ведет ни одной дороги, – сказал он ягуару. – Тот остров может находиться сразу во многих местах, в самых разных временах и эпохах. Он может находиться даже в мире людей – такова его сиддхическая природа, таковым его задумывал риши Девиантар.

– Но как может целый остров находиться сразу во многих местах? – обратился царь Джанапутра к Гуаттаме.

– Так же, как одна и та же книга может находиться где угодно. В разное время одна и та же книга может быть прочитана различными саттвами, – взмахивая крыльями, объяснил гриф. – Важно не то, где и когда вы находитесь, а то, способны вы ее прочесть или нет.

Полет верхом на грифе к острову Аирват приводил Джанапутру в неизъяснимое волнение:

– И все же мы туда летим! Мы летим на остров Аирват, который может находиться где угодно и когда угодно, – воскликнул он. – Как высоко мы забрались! Не зная, как далеко еще лететь, как высоко предстоит еще подняться! Нет ничего лучше этого ощущения свободы!

– Все сущее и не-сущее стремится к свободе, – улыбнулся ягуар, глядя на счастливого двойника. – Всякое движение обусловлено поиском свободы, будь то движение небесных светил, прорастание семени в саду, дуновение ветра или движение мысли джива-саттв. Все движется в направлении наибольшей свободы.

– Но, по словам Гуаттамы, – заметил царь Джанануптра, – всякое движение есть заполнение иллюзорной пустоты...

– Вот именно, поэтому главный вопрос состоит не в том, как достичь освобождения. Главная трудность в том, как определить, что твое освобождение не является лишь иллюзией свободы? Все даймоны Сатананты и самые отъявленные преступники тоже мечтают о свободе. Поверь, царь Джанануптра, ничто в мире не порождало столько страданий, столько ненависти и лжи, как стремление к свободе.

Джанануптра был не согласен с таким обобщением ягуара:

– Древние риши говорили о другом. Они верили в освобождение путем аскезы и слияния с Бхагаваном, они достигали джива-мукти в совершенном равновесии, в обуздании гнева и страстей, в успокоении мысли, – крикнул он, прикрывая лицо ладонью от пронзительного ветра.

– Никто не может быть освобожденным от всего! Ибо даже ничто находится в зависимости от чего-то. Можно укрыться от всего мирского и достичь индивидуального освобождения. Не замечая, что оно достигается за счет погружения всех остальных джива-саттв в еще большую несвободу. Если в некотором состоянии ты свободен от одного – ты непременно зависишь в этом состоянии от чего-то другого.

К их разговору подключился браминский гриф:

– Вы не достигаете целостности ни в иллюзии, ни в высшей реальности, ни в пустоте, ни в движении, ни в освобождении.

дении. Когда вы смотрите на озеро, на пустыню, на горы, на вихорь, на небо, вы осознаете, что это все существует, что это все странным образом разделено так, что без одного не бывает другого. Лишь когда вы так осознаете, вы обнаруживаете отношение всего со всем и внутри самих себя. Только так обретается целостность Трибхуваны – того, что под вами, того, что с вами, и того, что над вами.

Обдумывая сказанное браминским грифом и ягуаром, Джанапутра ловил себя на мысли, что слова этих двух сидхов подталкивали его разум к мыслительным преградам, которые никак не получалось обойти – к препятствиям, которые поистине были необходимы.

– Если индивидуальное освобождение не означает совершенной свободы, то что должно сделать для достижения свободы? Неужели невозможно пробудить всех существ сразу? Неужели нет такого Солнца, от лучей которого пробудились бы все существа, от которого пробудилась бы сама Вселенная?

Царь Джанапутра своим вопросом по-настоящему озадачил Пурусинха, даже гриф Гуаттама надолго ушел в себя, пытаясь отыскать ответ на его вопрос. Наконец, после долгого раздумья, Пурусинх нарушил молчание:

– Все джива-саттвы заточены в телесных оболочках, подобно духовным мирам, заключенным в осязаемых свитках книг. Однако в сознании существ одинаково уместаются образы материального и духовного. Так же материальная все-

ленная, великое множество миров и существ способны уместиться в сознании Всевышнего и достигать в Нем пробуждения.

– Так почему этого не происходит?

– В низших мирах сознание Бхагавана не может раскрывать Себя во всей полноте. Ведь и ноги нужны не для того, чтобы видеть, куда идешь, а для ходьбы. Чтобы видеть, куда идешь, нужны глаза, расположенные выше ног. Но они – не предназначены для ходьбы. Поэтому, Джанапутра, в низших мирах даже самое Солнце не пробуждает всех существ сразу. И когда на одной стороне океана только брезжит рассвет, на другой стороне уже наступает вечер. В этих мирах мы можем лишь побуждать существ к сокровенной мудрости в соответствии с предназначением каждого.

– В соответствии с предназначением каждого? – переспросил Джанапутра. – Но редко кто понимает, в чем его предназначение, в чем смысл жизни, и есть ли он в ней. В чем мое или, скажем, твое предназначение?

– Все стремится к свободе – в этом всеобщее предназначение существ, но пути достижения различны. Не все пути праведны, не все ведут к освобождению. Предназначение царя в том, чтобы даже в заточении дворца оставаться свободным от несправедливости и малодушия. Предназначение йогина в том, чтобы даже в заточении тела оставаться свободным от злобы. Даже в заточении безысходности можно обрести свободу от упадка духа, Джанапутра. Так, если каждый

будет следовать своему истинному предназначению, оковы несвободы ослабнут не только для отдельных существ – они ослабнут для всех джива-саттв этого мира.

До самых сумерек вели они беседу о предназначении и свободе, о просветлении и невежестве, а когда красное светило стало опускаться за кромку моря, Пурусинх ощутил приятное утомление, которое поразительно гармонировало с последними лучами солнца. Достигнув насыщения, он с благодарностью ловил эти лучи. В то время как на небосводе уже восходила невероятно притягательная и большая индиговая луна. Таким был их первый день и первая ночь полета над Южным морем к таинственному острову Аирват.

Весь следующий день они молчали, сосредоточив силы на том, чтобы преодолеть большую часть пути при дневном свете. К концу второго дня Пурусинх ощутил тяжесть в ногах, хотя беспокойство вызывало не это. Под палящим солнцем его стала мучить нестерпимая жажда, с которой он ничего не мог поделать. Он то и дело поглядывал на Джанапутру, который тоже выглядел изможденным. Браминский гриф оказался единственным, кто был приспособлен к продолжительному перелету. Он держался лучше всех, хотя нес на себе дополнительную тяжесть. Это придавало силы и вселяло уверенность, что скоро на горизонте покажется Аирват-двипа.

На утро третьего дня Пурусинх стал очень часто заглядывать вниз, надеясь повстречать небольшой коралловый риф, чтобы отдохнуть и поохотиться на обитателей моря. От го-

лода и жажды он был готов напасть на целую стаю китов, а с наступлением темноты стал засыпать на ходу. Его разбудили раскаты грома...

В зловещей черноте вспыхнула молния, а потом еще одна ослепительная вспышка разрубила все небо на две части. Пурусинх встрепенулся, сравнялся с грифом и закричал ему сквозь грозовые раскаты:

– Надо обогнуть тучи!

– Не выйдет, это Тамо-трика! – ответил Гуаттама. – Буря окружает остров со всех сторон!

– Да что же это такое?! – взвыл Пурусинх, пытаясь справиться с порывами шквалистого ветра.

Браминского грифа снесло в сторону, а седовласый ягуар перестал ощущать под ногами потоки энергии. Он стал стремительно падать вниз. Пурусинх увидел под собой гребень высокой волны, которая все поднималась и поднималась из моря, словно это было живое существо. Брызги соленой воды оросили ему голову, а ступни коснулись воды. В этот момент он сумел сосредоточиться и совершил мощный сиддхический прыжок вверх.

– Мы должны подняться еще выше! – взревел Пурусинх. – Бурю не обойти, но мы можем пролететь над ней!

Гриф ничего не сказал – крылья Гуаттамы были напряжены до предела, но у него не получалось сделать ни одного взмаха. Он едва держался в бешеном вихре урагана, теряя высоту.

– Шторм становится сильнее! – снова закричал ягуар, надрывая глотку.

– Мне потребуются твои силы! – отозвался Гуаттама. – Иначе мы все погибнем!

– Отлично! Что я должен сделать?!

Вместо ответа браминский гриф крепко схватил Пурусинха. Было непонятно, для чего он так сдавил его птичьими лапами, что невозможно было даже пошевелиться. Прошло еще мгновение, прежде чем Пурусинх осознал всю чудовищность происходящего. Он не мог пошевелиться, потому что гриф переломил его тело пополам. Пурусинх не чувствовал ног, потому что его ноги оказались в другой лапе Гуаттамы, продолжая судорожно брыкаться.

Нет, нет и еще раз нет! Он не верил собственным глазам. Откуда в другой лапе Гуаттамы взялись его ноги? Это не могли быть его ноги! Но, осматривая свой торс, ягуар ничего не увидел под разорванной туникой, забрызганной кровью. Там, где всего мгновение назад были его ноги, – уже ничего не было!

Из глаз Пурусинха брызнули горячие слезы, которые смешались с проливным дождем. Он не мог это принять, он не знал, что теперь ему делать. Из гортани ягуара вырвался душераздирающий рев. Его глаза встретились с глазами браминского грифа. Да, теперь он узнал его! Он понял, кого напоминал ему гриф Гуаттама! Печально-строгие глазницы, широкие брови, изогнутый клюв – все повторяло черты лица

Джидду Кришнамурти, который в сновидении почти слился с образом Бодхисаттвы. Но кто мог предположить, что их встреча закончится вот так – что гриф Гуаттама разорвет его тело на части?

В глазах Пурусинха мелькали вспышки молний, морские волны, кроваво-красные лапы грифа, который острым клювом отщипнул одну его ногу и заглотил ее целиком. Затем в пасть грифа последовала вторая нога. Тут раздался вопль Джанапутры, который только сейчас понял, что гриф поедает ягуара.

Когда ягуар снова открыл глаза, дождь прекратился. Он парил высоко над темно-серыми облаками, в которых непрерывно сверкали разряды молний. Раскатов грома не было слышно. Кругом установилась мертвая тишина. Вверху были видны холодные звезды, однако Пурусинх не мог повернуть голову, чтобы их разглядеть. Ведь туловища у него уже не было! Гриф Гуаттама нес его голову в своих цепких когтях. Он поднялся выше грозовых туч Тамо-трики, он летел на такой недостижимой высоте, куда не могла залететь ни одна птица. Только бы выжил Джанапутра... подумалось вдруг Пурусинху, и это была последняя мысль ягуара, прежде чем клюв Гуаттамы с громким хрустом раздробил его череп.

***

На белый морской песок накатывали волны. Они шептали заклинания из далекого детства, когда над его люлькой

склонялась молодая пятнистая кошка. Она пела загадочные мантры, ласкала его, смеялась над ним, ведь она была его матерью. Он протянул к ней руки, но образ верховной жрицы Наянадхары тут же исчез. Как только Джанапутра очнулся, в памяти у него стали всплывать жуткие картины. Чтобы отогнать этот ночной кошмар, он помотал головой и приподнялся.

Вокруг мирно плескалось прозрачно-лазурное море. Над пенистыми волнами кружила стайка пеликанов. Джанапутра лежал на большом остроконечном камне, куда его выбросил прибой после кораблекрушения. Ведь он так хотел отправиться в морское путешествие на остров Аирват! Но что-то пошло не так...

Он сполз с камня и сделал несколько шагов. После шторма мог уцелеть кто-то еще. Прикрывая свое лицо от солнца, Джанапутра внимательно осмотрел линию прибоя. Никого... Больше не было никого. Он вздохнул и плюхнулся на песок, обхватив лоб рукою. Внезапно его глаза остановились на камне, с которого он только что спустился, уж очень он походил на птицу. Вернее, на того исполинского птице-человека из кошмарного сновидения. Приблизившись, Джанапутра погладил каменный клюв – это был точный слепок того самого грифа! Но кто и зачем вытесал грандиозную скульптуру здесь, на берегу моря?

Если допустить, что ночной кошмар не был сном, то на берегу лежал бы сам гриф Гуаттама, а не его каменное по-

добие. В голове Джанапутры что-то не складывалось. Ему чего-то не хватало для восстановления всех событий. Пурусинх, первопредок ягуаров! Он был с ними. Он летел рядом, а потом... потом Джанапутра все вспомнил. Он вспомнил свой крик, вспомнил, как Гуаттама заглывал части тела Пурусинха! Отпрянув от каменного грифа, Джанапутра повалился с ног. В его глазах застыл ужас. Выходит, гриф и ягуар погибли, чтобы доставить его сюда, на Аирват-двипу. Один съел другого, а затем сам окаменел, едва приземлившись на берег. Преодолеть Тамо-трику как-то иначе было невозможно.

Мрачные легенды об острове оказались правдой, никто не возвращался отсюда живым, и Джанапутра тоже как будто умер. Он ощутил себя полностью оторванным от остального мира, куда не мог больше вернуться. словно дух в необитаемой вселенной, которая целиком умещалась здесь, на этом острове, за границами которого простиралась необъятная пустота.

Теперь неукротимое желание попасть на остров Аирват казалось ему глупой прихотью. Джанапутра погрузился в молчание. Здесь, конечно, могли обитать брамины-отшельники, которые верили в великую тайну. Но под прекрасной дочерью риши Девиантара они могли понимать что угодно – древнюю реликвию или книгу, которую хранили много тысяч лет. На это, кажется, постоянно намекал гриф Гуаттама, он вообще ни разу не обмолвился, что на острове жила юная

дева. Чем больше об этом думал Джанапутра, тем больше он склонялся к тому, что это был обман чувств. Хуже того, это мог быть очередной искусный заговор темного мага Нишакти – с такими мыслями Джанапутра проходил мимо кокосовых пальм и диких кустарников.

Чтобы отыскать источник пресной воды, ему приходилось выбирать направление, где трава становилась зеленее и гуще. Почва под ногами приобрела темно-фиолетовый оттенок. По земле, словно змеи, расползались корневища баньянов, среди которых пробегали оранжевые сороконожки и серые мокрицы. Наконец, на пути ему попалась груда камней, под которыми блеснул родник с чистой водой. Он сделал привал, нарвал водяных орехов, бобовых стручков, растущих поблизости, и пошел дальше.

Ручей вывел его к мелководной речушке, над которой смыкались ветви непролазных джунглей, после чего вышел к шумному водопаду, где встретились первые признаки того, что остров был обитаем. Его внимание привлекли квадратные углубления в скале, по которой стекали потоки прохладной воды, а также очертания многоруких богинь, вытесанные на подводных валунах. Джанапутра развязал чалму, искупался в озерке возле водопада и развесил вещи сушиться.

Он вынул сверток, в котором была спрятана какая-то коробочка, обтянутая серебристым шелком, долго сомневался, стоит ее открывать или нет, а когда все-таки открыл, лицо его озарилось дивными переливами. На этот яркий блеск из

лесной чащи даже вылетел попугай с красным хохолком. Он разместился неподалеку на ветке и стал робко перебирать лапками, чтобы заглянуть в серебристую шкатулку.

– Что, нравится? – шутя спросил Джанапутра. – Эх ты, пустая твоя голова, это же *Мани Хардха*, самый прекрасный камень на свете! Вот найду дочку Девиантара... Эй, ты хоть меня понимаешь, а?

Попугай изогнул шею и дважды ударил клювом по ветке. Рассмеявшись над собеседником, Джанапутра продолжил:

– Ничего ты не понимаешь, кеша-кира! Говорят, что это Несокрушимое Сердце – самое совершенное творение богов, пожелавших напомнить, какими должны быть сердца джива-саттв. Другие говорят, что это застывшая слеза, упавшая с темного Неба на широкую грудь Земли в их первую брачную ночь. Вот так Дхарани ожила, ощутила жар любви, а утром на ней зацвели целебные травы, появились деревья и птицы. Что? Ах да, и попугаи, конечно, тоже.

Распушив красный хохолок, попугай перелетел с ветки поближе и сел на плечо Джанапутры, чтобы рассмотреть алмаз, сиявший неземным блеском, словно это была далекая Звезда Севера.

– Ну, все! – Джанапутра захлопнул коробочку перед носом любопытного попугая. – Мы с тобой едва знакомы. Еще разболтаешь кому-нибудь...

Бросив попугая бобов, Джанапутра спрятал сверток с алмазом, намотал чалму и принялся напевать песенку про од-

ного ягуара. Собственно говоря, все песни, которые он знал, были про ягуаров, потому что в безлюдном мире никому бы и в голову не пришло сочинять песни про людей:

*Один ягуар влюбился в багиру,
В красавицу черную кошку,
Дни и ночи не спал один ягуар
И сходил с ума понемножку.
Парам-пара, парам-пара,
Совсем невесел ягуар,
Парам-пара, парам-пара,
Мурлыкал песни до утра.*

Он оборвал песню на этом месте, потому что из ближайших зарослей донесся звонкий смешок. В тот миг Джанапутра мог поклясться, что это был смех молодой девушки! Он ринулся к кустам, но там было пусто. Осмотрев все деревья вокруг, он прислушался и решил, что это был не смех, а всплеск водопада. Джанапутра снова занялся своими делами, напевая песенку про ягуара, а когда песня закончилась, из кустов донесся тот же самый смех, и тонкий голосок сказал ему:

– Почирикай еще, глупенький!

Джанапутра взглянул на попугая, который издевательски раскачивался на ветке, и сразу догадался, чьи это были проделки. Но если какаду мог подражать смеху девушки, зна-

чит, на острове жили не только брамины. Он поманил попугая бобами, но тот отлетел в сторону от него. Набросив на себя высохшую курту, Джанапутра решил проследить, куда полетит птица.

– Послушай, послушай! Я тебе помогу... Карначар умница, – хвастался перед ним попугай, шустро перебирая лапками по гибким ветвям сандаловых деревьев.

– Кто тебя научил говорить? – спросил из любопытства Джанапутра.

– Наитайнейшая тайна! Наитайнейшая тайна, – с важным видом ответил попугай. – Не смотри на меня, ты не должен на меня смотреть.

– Если я не буду на тебя смотреть, как ты мне поможешь? – рассмеялся над ним Джанапутра.

– Если ты умрешь, я не смогу тебе помочь! Послушай, я тебе говорю! Ты умрешь, ты хочешь умереть? – твердил ему попугай.

– Ладно, ладно, – утихомирил его Джанапутра. – Просто покажи, где ты живешь, вот и все.

Переговариваясь с попугаем по кличке Карначар, наследник рода Раджхаттов прошел длинный путь по берегу реки в окружении тропических зарослей. Какаду с красным хохолком прыгал на поваленных деревьях, порхал над водой, перелетал с ветки на ветку. С каждым шагом Джанапутра чувствовал, что приближается к разгадке тайны Аирват-двипы.

И вот его взору открылась долина с водопадами и паст-

бищем, на котором паслись слоны и пугливые антилопы. За долиной виднелись дозорные башни и утесы, подернутые опушкой жакарандовой рощи в перваншевом цвете. Именно туда, к дозорным башням, полетел попугай. Он уселся на стену и стал крутиться на полукруглом крепостном зубце, поглядывая на Джанапутру.

– Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! – кричал ему попугай. – Кто подрезал твои крылья?

– Легко тебе говорить, – пробубнил Джанапутра, ощупывая каменные блоки стены, между которыми не было ни одной щели, чтобы зацепиться.

Попугай изогнул шею и подполз к Джанапутре по стеблю свисавшей сверху лианы.

– Карначар умница... – загадочно произнес попугай.

– Да-да, Карначар умница! Ума не приложу, что бы я без тебя делал, – похвалил его Джанапутра, ухватившись за стебель и начав бесшумно подниматься.

За стеной его взору открылся благоухающий пышными бутонами сад. Паталово-красные цветки джапа-пушты склонялись над извилистыми дорожками, банановые пальмы кандали были увешаны ароматными плодами, на лотосовых и саловых деревьях распускались нежные лепестки. Возле жадеитовых беседок красовались сочные соцветия жасмина. Посреди ухоженных кустиков разбрасывал медоносные ветви вечнозеленый ниим, а синегрудые павлины прохаживались по газонам, расправляя свои танзанитовые перья.

На лицо Джананутры опустились прозрачные нити страстоцветов, которые с удивлением прикоснулись к нему и передали весть о появлении незнакомца соседним деревьям. Раздвигая цветущие кроны, он спускался в мистический сад, перенесенный Девиантаром из далекой светозарной эпохи, когда маха-риши населяли райские леса, когда великие сиддхи могли посещать парящие в воздухе города, когда на отлогих склонах Северных гор обитали бессмертные полубоги, просветленные сущности и великаны, посвятившие себя подвигам тапо-дхайи. Здесь он начинал верить, что все эти сказки имели под собой действительное основание, что все это и впрямь происходило во времена, когда подлунный мир был полностью духовным, когда вселенная пребывала в высших сферах танматры, очищенная от влияния темных гун.

Попугай Карначар тревожно кружил у него над головой, желая о чем-то предупредить:

– Когда она выходит из дворца, солнце скрывается, птицы разлетаются, рыбы погружаются на дно, – возбужденно голосил какаду. – Ее безусловная красота неотразима. Ты захочешь взглянуть на нее. Ты умрешь, умрешь! Твоя кожа станет синей, твое сердце остановится.

– Прощу тебя, Карначар, расскажи о ней. Кто она – та, о которой ты говоришь?

– Какой простой вопрос! Несомненно, это Падмавати, – весело затанцевал попугай на ветвях ниима. – Тьма вселенной растворяется в ее чистоте. От нее струится нектар, кото-

рый исцеляет и убивает, даже время бежит от нее прочь.

– А-а!!! Это опять ты, безумная птица? – произнес кто-то.

Спрятавшись за кустами жасмина, Джанапутра заметил рослого птице-человека, озиравшегося в поисках голосистого попугая. Карначар тоже спрятался, однако брамин разглядел хвост попугая в ветвях и пошевелил листву посохом.

– Давай-ка, улетай! Никто не будет выхаживать тебя еще раз, если ты снова приблизишься к госпоже, – пригрозил ему птице-человек.

– Сколько тебе говорить? – заворчал из-под листвы попугай. – Не смотри на меня, ты не должен на меня смотреть!

Как только брамин скрылся из вида, Карначар вылез из укрытия и полетел вглубь сада. Пригнувшись к земле, Джанапутра стал пробираться под сенью цветущих деревьев к водным каналам, в которых отражались гирлянды белокаменных арок, долговязых колонн и шикхар изумительного дворца, безмятежно взиравшего на протекавшие мимо него призрачные потоки. Его купола в жемчужном блеске возвышались над зеркальными фонтанами, маковки виман грациозно мерцали, подобно снежным вершинам, а створы окон были покрыты тончайшими мраморными узорами. В каждом завитке ощущалась непостижимая соразмерность, от которой в голове возникали спонтанные мелодии и протяжные звуки, а весь воздушный дворец начинал представляться волшебным инструментом гандхарвов, воспроизводящим

в уме неповторимые небесные раги.

Впрочем, Джананутра пришел сюда не для того, чтобы наслаждаться облачным дворцом Девиантара. Ему не терпелось проникнуть под его своды, туда, где жила прекрасная госпожа, о которой упомянул птице-человек. Конечно же, его настораживали легенды о демоническом создании, наполовину женщине – наполовину цветке, убивающем всякого, кто осмеливался ступить на остров Аирват, но ему хотелось понять, что в древних сказаниях было правдой, а что вымыслом. Он искренне верил, что с ним все будет не так, как с другими.

Между тем, войти внутрь было совсем не так просто. Браминские грифы в красных одеяниях с желтыми накидками, перекинутыми через плечи, совершали обход вокруг дворца, полусшепотом читая молитвы. Подступы к водным каналам охраняли воинственные кшатрии с косматыми львиными головами. Их грозный вид не сулил ничего хорошего, хотя за дворцом они, кажется, не следили. Их внимание было приковано к многочисленным деревьям в саду. Поэтому Джананутра рассчитывал, что с наступлением сумерек он сумеет незаметно взобраться по аркам на один из балконов. Выбрав себе укромное местечко между ветвями париджаты, он стал ожидать подходящего момента, прикрываясь обильно цветущими венчиками.

Однако в вечерней темноте из белокаменных ворот, одна за другой, стали выходить таинственные девы в легких пин-

джаровых накидках с капюшонами. Причем их лица под капюшонами были настоящими человеческими лицами! Джанапутра еще никогда не видел в подлунном мире существ, столь похожих на людей! Разве только глаза выдавали присутствие в них сверхчеловеческой природы – у девушек совершенно отсутствовали зрачки, а их глазницы озаряло мягкое золотистое свечение. Джанапутра даже подумал, что они были слепыми. И все же они могли превосходно видеть. Правда, судя по всему, совершенно не так и не то, что видели остальные существа подлунного мира.

Некоторые девушки разбрасывали на дорожках душистые бутоны чампаки, выкладывали на полянах узоры из лепестков, возжигали огненные чаши. Другие проносили в руках колокольчики, чтобы отпугнуть птиц и прочих обитателей сада. После этих приготовлений вышли еще четыре участницы цветочной церемонии, одетые как царицы. Они двигались очень плавно, иногда останавливаясь и приближаясь к восхитительному каменному шатру с куполом в виде лотоса. Шатер был возведен из лилового порфира посередине водного канала, и когда четыре девы вошли в него, они сбросили с себя васаны, закружившись в пленительном танце.

Глядя на этих стройных деви-натьяни, Джанапутра пытался угадать, которая из танцовщиц могла оказаться дочерью маха-риши, но у всех были одинаково светящиеся в темноте глаза без зрачков. Поэтому, несмотря на их мастерство, выступление вызывало у него чувство печали. Под конец

танца в руках у девушек стали появляться прозрачные платки. Они выдергивали их из-под одежд так ловко, что казалось, будто они вынимают платки прямо из воздуха. Затем все участницы прогулки спустились по ступеням к воде. Весь водный канал сделался купелью, в которой девушки совершали омовение. Хотя некоторые продолжали оставаться на берегу, заплетая косы с кистями кунджалам, умащивая себя благовониями.

От скуки он подпер голову рукой, стараясь не глядеть на девушек. Он лежал под ветвями париджаты, смотрел на блеск перламутровой луны и припоминал все легенды об острове, слова Пурусинха, Гуаттамы, темного мага Нишакти, испытывая от всего этого внутреннее разочарование.

Для чего он пролетел тысячи йоджан над Южным морем? Зачем убедил Пурусинха отправиться с ним на Аирват-двипу? Разве для того, чтобы наслаждаться созерцанием вечноцветущего сада и облачного дворца? Разве для того, чтобы смотреть на этих прекрасноногих танцовщиц? Неужели в этом и состояла его незримая цель – та самая прайоджана, к которой он стремился? Неужели два мудрых йогина пожертвовали собой ради вот этого?

Он внимательно пересчитал всех девушек, играющих у воды. Их оказалось тридцать девять, однако из-за отражений в воде создавалось впечатление, что их гораздо больше. Он присмотрелся к отражениям – и его сердце чуть не выпрыгнуло из груди! На водной поверхности купели было еще од-

но отражение. Одна из юных дев сидела под тонким волшебным покрывалом, но на берегу ее не было видно!

Джанануптра раздвинул ветви париджаты и приподнялся, чтобы убедиться в своей правоте. Все так и было! Как он мог забыть, что риши Девиантар тоже любовался именно отражением своей дочери? Ничто более не сдерживало его. Все сомнения рассеялись! Ему нужно было лишь снять с госпожи Падмавати волшебное покрывало, чтобы узреть ее воочию, увидеть свою госпожу!

– Послушай меня, я тебе помогу, – услышал он трескучий голос попугая за своей спиной.

Однако Джанануптра даже не оглянулся. Попугай и так сделал для него все, что мог. Чем еще ему могла помочь эта безумная птица?

– Постой, Джанануптра!

– Что? – не поверил он своим ушам, повернувшись к попугаю. – Ты назвал меня по имени?

– А ты думал, от первопредка ягуаров так легко избавиться? – пошутил попугай. – Ты же сам меня вызвал.

– Пурусинх? Тебе удалось выжить? Но как...

– Теперь важно совсем не это. Послушай меня, каждый, слышишь, каждый, кто посмотрит на нее хотя бы краем глаза, умирает. Этот попугай мельком взглянул на ее руку, когда она захотела от него отмахнуться, и чудом выжил, благодаря чуткому сердцу госпожи и браминам, излечившим его в этом саду. Поверь, это не глупая выдумка!

– Но я уже не могу жить без нее, и до этого я был мертв всю мою жизнь, – попытался объяснить свои чувства Джанапутра. – Если смерть джива-саттв является расплатой за то прекрасное чувство, которое меня терзает, то я с радостью ее встречу!

– Редко кто проходит дорогу любви даже до половины, как невозможно пройти то, у чего нет конца. Слишком рано заговорил ты о смерти, Джанапутра, даже жизни богов недостаточно, чтобы в полной мере пережить все проявления любви.

– Смотри, она уже уходит, – с болью в голосе простонал царь Джанапутра, наблюдая, как девушки укрывают госпожу Падмавати прозрачными платками и покрывалами, отчего ее отражение в воде становилось все бледнее и бледнее, пока полностью не исчезло.

– Ее покои находятся с другой стороны дворца. Самые преданные кшатрии охраняют их днем и ночью. Однако попугаю Карначару много раз удавалось проскользнуть мимо них, – утешил Джанапутру не то попугай в образе Пурусинха, не то ягуар в облики попугая.

Они спустились в ложбину сада и осторожно обошли весь дворец с тыльной стороны. И, действительно, возле калитки, ведущей к покоям госпожи Падмавати, стояли два косматых кшатрия, и еще двое располагались у лестницы к верхним галереям дворца. Джанапутра понятия не имел, что задумывал Карначар. При такой охране ни одна птица не проскочи-

ла бы незамеченной. Да и к тому же сам Карначар где-то запропастился, а когда прилетел, уселся на чалму Джанапутры и с упоением заговорил:

– Не надо слов, Джанапутра, не надо слов! Смотри и восторгайся. Ты уже восторгаешься?!

Двое кшатриев, сурово сдвинув брови, продолжали некоторое время стоять как прежде. Но вот один из них покосился на другого и прыснул смехом в кулак. Другой тоже не вытерпел, и его живот стал вздрагивать от хохота. Спустя мгновение – все четыре стражника смеялись как угорелые, они хватались за животы и катались по полу, словно дети, а затем также неожиданно и дружно заснули.

– Карначар пережевал семена дхатурмы и победил воинов своим пометом! – пританцовывал попугай на голове Джанапутры. – Победил всех воинов пометом! Пометом!

– А-ха-ха-ха! – рассмеялся над ним Джанапутра. – Ха-ха... ха...

Джанапутра ощутил головокружение. Он увидел, как с его чалмы падает опьяняющий цветок дхатурмы, и тоже провалился в глубокий сон без сновидений.

– Прости, но это ради твоего же блага, – объяснил Карначар, моргнув черными глазками.

Он убедился, что царь Джанапутра крепко спит и подлетел к небольшому оконцу, в котором мерцал ночной огонек. Прогулявшись по мраморному подоконнику, Карначар изогнул шею, чтобы осмотреть опочивальню, в которой никого

не было.

– Глупенький, это опять ты, – прошептал мягкий девичий голос. – Ты вновь прилетел ко мне? Тебя уже столько раз прогоняли, а ты все прилетаешь и прилетаешь...

– Падмавати? – прислушался к голосу Карначар. – Несомненно, это Падмавати...

Невидимая рука погладила беспокойного попугая по взъерошенному хохолку.

– Ты свободная птица, а я – человек, зачем ты прилетаешь ко мне? Или ты, как все, хочешь взглянуть на меня? Ты не должен на меня смотреть, не должен. Мне не нужна еще одна жертва.

Прозрачная тень Падмавати отошла от окна, так что лишь звон колокольчиков на ее ногах подсказывал, где она теперь находится.

– Поговори со мной, Карначар, поговори и улетай.

– Кто устоит перед чарами госпожи Падмавати? Кто? Перед ней, чье наслаждение в не-наслаждении, рожденной в не-рожденности, заключенной в освобожденности, нежнейшей в непоколебимости! Не нужны ей ни привязанность, ни медитация. Не нужны ей ни подвиги тапо-дхайи, ни обильные приношения яджны. Ничто из перечисленного не трогает сердца Падмавати, и все же она испытывает постоянное желание иметь нечто.

– Продолжай, – усмехнулась невидимая госпожа Падмавати. – Кто же исполнит мое желание?

– Душа, возлюбившая беззаветно и преданно, нашедшая прибежище в ее духовности, лишь такая душа наполнит спелую грудь Падмавати радостью.

– Ты слишком много болтаешь! – возмутилась девушка, топнув ногой со звонкими бубенцами. – Если будешь много болтать, я расскажу все браминам, и они... они посадят тебя в клетку!

– Посадят в клетку? Но госпожа Падмавати – моя клетка. Кто посадит меня в клетку? Кто выпустит? Падмавати, открой мою клетку... Падмавати?

– Замолчи, безумная птица, или я на тебя рассержусь! Твои слова заставляют меня гневаться, хотя ты сам не понимаешь, о чем говоришь.

– Когда она сердится, ее верхняя губа сжимается, а нижняя – просит поцелуя, когда она мечтает, ее нижняя губа вытягивается внутрь, а верхняя – набухает, подобно бутонам кальпа-тарох. Кто способен пережить гнев Падмавати? Когда ветер случайно поднимает подол ее сари, тысячи существ погибают! Недостаточно быть умным брамином, чтобы ее понимать, и надо быть достаточно безумным, чтобы ее полюбить, – продолжал, как ни в чем не бывало, чирикать попугай. – Она ищет любовь в своей душе, но душа ее так велика, что она не может ее найти, не может!

– Для брамина ты не слишком умен, а для птицы ты умен даже слишком, – рассмеялась Падмавати, наблюдая, как забавно бегают перед ней попугай, поднимая и опуская хох-

лок.

Продолжая над ним потешаться, она присела на краешек скамьи, обитой узорчатым бархатом, в результате чего слегка распахнулись покрывала, делающие ее невидимой. Карначар смолк и замер на месте. Взволнованно ахнув, она обнаружила, что попугай смотрит на ее щиколотку с жемчужным браслетом и колокольцами. Спрятав ногу, Падмавати отвернулась, чтобы не видеть мертвую птицу, которая только что ее так развеселила.

– Ты уже мертв, Карначар? – произнесла она смиренно и тихо, не в силах повернуться и взглянуть на свою очередную жертву.

– Ни да, ни нет... – ответил ей голос, но голос этот уже не принадлежал попугаю.

– Кто бы ты ни был, ты должен был умереть, ведь ты на меня посмотрел! Почему ты не умираешь? – спросила она, не поворачивая головы.

– Может, того, что я видел, было недостаточно, а может, на меня не действуют чары, наложенные на тебя твоим отцом риши Девиантаром.

– Значит, ты даймон! Как же я сразу не поняла? Ты даймон, меняющий обличья!

– Получается, что да. Но...

– Замолчи, я запрещаю твоему языку говорить со мной! Ты явился ко мне сначала в облике невинного попугая, а теперь принял облик человека, чтобы сохранить свою жизнь.

Думаешь, в этом наитайнейшая тайна? В том, что на меня может глазеть человек? – исступленно расхохоталась Падмавати, полагая, что к ней явился даймон. – Ты ничего не знаешь. Ничего не знаешь обо мне! Ничто не может осквернить мое сердце. Ничто! Поэтому даже даймоны и бессмертные амри-таттвы умирают, воспылав ко мне любовью.

После этих слов она сбросила с себя покрывала, продолжая скрывать лицо, чтобы не показывать своих слез, ибо даже убийство этого даймона причиняло ее чистой душе страдание и боль. За тысячи круговратных лет многие асуры, которым удавалось достичь Аирват-двипы, распрощались с жизнью, лишь взглянув на ее дхавани и набедренник.

Ее коса, уложенная на затылке узлом, была щедро убрана самоцветами и брошью, напоминающей венец, мочки ее ушных раковин украшали жемчужные серьги, шею и грудь прикрывали драгоценные ожерелья с подвесками и благоухающие гирлянды из нежнейших клювовидных орхидей и бутончиков маллики. Она вся пылала яростью, свежестью и красотой, недоступной воображению.

– Ты сбросила с себя все одежды, позволяющие тебе быть невидимой, но все еще прячешь от меня твои глаза, – прозвучал голос незнакомца в голове Падмавати.

– Не может этого быть! Ты до сих пор беседуешь со мной? Какой хитроумный даймон, нешто ты ослеп от вожделения и любви ко мне? Ну, да ладно, ха-ха! Ведь еще никто не научил тебя, что даже слепые прозревают от одного взгляда Падма-

вати!

Разгневанная, она развернулась и увидела перед собой обычного человека. Изображения таких людей до сих пор сохранились в храмах Аирват-двипы, но в действительности она давно потеряла веру в то, что человек может появиться в мире без людей. Даже брамины, которые ее в этом убеждали, не могли ответить на вопрос, каким образом в аджана-локе может появиться человек. И вот, спустя сотни тысяч лун, он стоял перед ней и смотрел в ее открытые глаза. Он видел ее, а она видела его, они смотрели друг на друга. Она не могла отвести взгляд, пораженная тем, что он не умирает, а Евгений не мог поверить в то, что видит ее, что это происходит с ним, а не с кем-то еще. Ведь это была Она...

Ее волосы были темнее, чем в мире людей, ее руки были покрыты узорами из хны, а ладони окрашены алой краской. Но это была Она, его богиня, приотворившая ему однажды свои трансцендентные таинства. Даже здесь, в мистическом сновидении, она ничуть не щадила его, продолжая являться во всем своем смертоносно-оживляющем великолепии, обжигаящим лучами десяти миллионов солнц.

– Ты – человек? – спросила она, немного смягчившись.

– Всего лишь прати-пхалин, астральный двойник человека, который волей судьбы оказался на Аирват-двипе. Он взглянул на твое отражение в воде, и теперь его сердце не знает, как жить дальше.

– Так и будешь говорить в моей голове? – укоризненно

подвигала она плечами.

– Но госпожа Падмавати обездвижила мой язык, – мысленно отозвался он.

– Если ты не дэймон, можешь говорить как человек, – кивнула она. – Кто он? Отвечай!

– Его зовут Джанапутра, царь Нагарасинха из благородного дома Раджхаттов.

Падмавати задумчиво отвела глаза. В женственной задумчивости ее лицо становилось еще загадочнее и милее. Она не воспринимала его за существо, наделенное чувствами, он был для нее лишь материализовавшейся иллюзией. Ее не волновало ни прошлое, ни будущее, ни имя этой астральной сущности, и Евгений был этому несказанно рад, потому что от одного общения с ней его душу уже переполняло счастье.

– Мои чары все равно убьют его, – с грустью призналась Падмавати. – Об этом гласит Падма-сутра, составленная маха-риши. Лишь непорочные девы, обладающие сиддхическим зрением, пребывают в созерцании Падмавати, однако для них ее красота остается скрытой. Временно созерцать ее красоту могут слепые, но когда она сама устремляет свой взор, даже слепые находят смерть. Что касается тебя, про таких духов в Падма-сутре ничего не сказано.

– Твой отец не был бы маха-риши, если бы не знал, что недосказанное, не претерпевающее изменений, не происходящее ни до, ни после, не получаемое с помощью рассудка, важнее всего сказанного и претерпевающего изменения в

рассудке. Видимо, было нечто такое, чего он не захотел тебе сказать.

Под цветочными гирляндами на пурпурно-белой коже Падмавати, подобной безупречному цветку лотоса, проступило странное свечение, хотя сама она, судя по всему, не ощущала в себе никаких изменений.

– Куда ты смотришь? – изумилась она его взгляду. – Что ты...

Не прикасаясь к Падмавати, он осторожно раздвинул лепестки орхидей, под которыми скрывалось еще одно ожерелье, мерцание которого напоминало жемчужную нить. Однако вместо жемчужных перлов на ожерелье были нанизаны ужасающие глаза! Их разноцветные зрачки вращались в разные стороны, испуская потоки света. Они обладали сознанием, они были живыми!

– Эти глаза на твоей шее, откуда они? – спросил он, ужасаясь и восторгаясь ею одновременно.

– О чем ты говоришь? – не поняла Падмавати.

Она поднесла ладонь к шее, не почувствовав никаких глаз, потому что они с легкостью прошли сквозь ее тело, утонув в груди Падмавати, словно в молочном йогурте. А затем вынырнули обратно и, перестав хаотично вращаться, устали на Евгения лазурно-радужными зрачками.

– На тебе висит ожерелье из невидимых глаз, от которых исходят чары маха-риши, – сказал он. – Если его снять, то чары спадут, и никто больше не будет умирать, посмотрев на

тебя, Падмавати.

– Так сними его! – потребовала она. – Чего ты медлишь?

– Но, если я его сниму, время начнет питаться твоим телом, ты окажешься беззащитной перед влиянием темных гун, как все джива-саттвы...

– По-твоему, лучше быть причиной их смерти? Тебе не ведомо – каково это, скольких существ я уже погубила и скольких еще погублю. Ты не знаешь, какие кошмары преследуют меня. Думаешь, этот дар, которым меня наделил мой отец, доставляет удовольствие? Говорят, он посвятил себя поискам перворожденных сиддхов, чтобы погрузиться в вечное блаженство, но он также мог собирать глаза перворожденных для создания оберега *Дхарма-харам*, повелевающего временем и судьбой. Если это так, избавь меня от него, я приказываю тебе!

Она не была жестокой, нет. Тем не менее, каждое ее слово причиняло ему нестерпимые страдания. Под воздействием заклятья любая другая душа за тысячи лет могла бы утратить внутреннюю чистоту, пропитаться ненавистью к себе и ко всем окружающим, перестать чувствовать и дарить любовь, но она сохранила в себе все то, что делало ее особенной.

И вот настал час, когда он должен был ее освободить, он знал, что это приведет к непредсказуемым последствиям и станет концом целой эпохи для безлюдного мира. Но разве мог он поступить иначе? Он всецело ей доверял, и если она

не хотела нести эту ношу, значит, он должен был ее отпустить. Что он при этом испытывал, не имело никакого значения. Их желания, как всегда, не совпадали, впрочем, у него никогда не было права желать от нее чего бы то ни было, даже во сне.

– Мне хочется тебе кое-что сказать. Возможно, я уже никогда не вернусь в этот мир, но я буду скучать по тебе. Прости, мне никогда не хватало слов, чтобы объяснить это чувство...

Он прикоснулся кистями рук к ее магическому ожерелью, отчего сиддхические глаза зашевелились и вновь попытались погрузиться в тело Падмавати. Однако его руки охватило такое же разноцветное сияние, и он беспрепятственно вынул оберег из ее груди.

– Теперь ты можешь идти, тебе не нужно больше скрываться. В саду тебя будет ждать Джанапутра. Он выглядит почти так же, только он – не бесплотный дух.

Она заглянула в его глаза, в точности, как тогда, и в точности, как тогда, она захотела ему что-то сказать, но ничего не сказала. Она просто выбежала в ночной сад, встретив там Джанапутру – того единственного, кто спустя целую вечность увидел ее, кому она могла полностью открыться. Ее голова кружилась от радости, она глядела ему прямо в глаза, прижималась к нему всем телом. Она была влюблена и бесконечно счастлива, позабыв обо всех своих страданиях и муках. Она была свободна, как никто другой под светом ча-

тур-чандрах, и весь мир был влюблен в нее – весь мир смотрел на нее его глазами.

Перламутровая луна освещала дорожки прекрасного сада. Они прогуливались по берегам водных каналов, в которых распускались чашечки дымчато-голубых кувалий. Их лица и ладони соприкасались, окруженные со всех сторон нефритовыми лианами, свисавшими с деревьев гиацинтовыми гроздьями. Мир четырех лун был совершенно уравновешен. В нем не было ничего, кроме красоты, в нем существовала только эта способность к запредельно чистой любви, а все остальное – все остальное было обманом и наваждением. Порхание бабочек, вскрикивание ночных птиц, шуршание трав и звуки падающих капель росы приглушали тихий шепот влюбленных. Огромная вселенная простиралась над ними рукавами фиолетово-розовых туманностей и осыпала дождем драгоценных звезд.

Где-то там, в темноте ночи, приняв невидимый облик нашта-рупа, медитировал дух первопредка ягуаров. Он пытался продлить время, чтобы ничто не могло нарушить эту все совершенную гармонию. Из его сердечной чакры вырывались потоки космической праны, которые устремлялись на Аирват-двипу, погружая обитателей острова в созерцание снов, от которых невозможно было оторваться. Он полностью выгорал изнутри, осознавая бессмысленность всей той энергии, которая была заперта внутри его сознания, ведь теперь она была не нужна Падмавати. Он сам был не нужен это-

му миру, и все же он продолжал оставаться в нем. Его сердце сжималось и разжималось, производя глубинные вибрации, от которых начинало вздрагивать эфирное тело Вселенной.

Всю ночь Джанапутра и Падмавати находились в тени сада. Они заснули только под утро, нежно обняв друг друга под ветвями распутившихся баухиний. Впервые Падмавати была счастлива, впервые ей не нужно было скрываться от смерти, ведь она познала любовь – любовь в своем сердце.

Эпизод двенадцатый.

Восхождение. Дары Пурусинха

В полдень, когда лепестки баухиний стали осыпаться на землю ароматными хлопьями, облетая с ветвей подобно рою бабочек, глаза Джанапутры устремились к Падмавати, чтобы встретиться с ней взглядом, чтобы вновь дышать ее неземной красотой, чтобы наслаждаться каждым мгновением, проведенным вместе с ней. Но ее не оказалось рядом. Он осмотрел весь сад, который выглядел поразительно тихим, не заметив никаких следов ее присутствия. Смахнув с себя лепестки баухиний, он вбежал во дворец, нисколько не сомневаясь в том, что Падмавати находится где-то здесь. Он обошел все залы, выкрикивая ее имя, заглядывая в роскошные палаты, где крепким сном спали прекрасные девы, но среди них не было его госпожи.

Наконец, он вошел в покои Падмавати, увидав лежавшую возле скамьи гирлянду из свежих орхидей. Он прикоснулся к цветам, но они тут же обратились в прах, который стал развевать ветерок. Ничего не понимая, царь Джанапутра опустился на колени, нащупав на полу прозрачное покрывало, сброшенное ею. Он собрал его в охапку, глядя на собственные ладони, которых совершенно не было видно под тон-

кой материей. Затем выбежал из дворца и громко выкрикнул имя Падмавати, все еще надеясь, что она отзовется. Однако никто не отозвался на его крики, и даже кшатрии с косматыми львиными головами продолжали беззаботно дремать, развалившись прямо на ступенях.

– Что здесь происходит? Пурусинх, ты где?! – опомнился Джанапутра.

Он спустился к водному каналу, обратив внимание на шатер в виде лотоса. Под его сводами сидел какой-то старик. Со спины было трудно определить, кто это, поэтому Джанапутра вошел в шатер, чтобы взглянуть на него. Оказалось, пожилой риши был человеком!

– Йуджин? – произнес Джанапутра, потрянув старика за плечи. – Эй, очнись, это ты, Пурусинх?

Морщинистое лицо человека затряслось, его отяжелевшие веки поднялись, и Джанапутра с удивлением обнаружил поразительное сходство старца с самим собой.

– Так это правда? Ты обратился в моего двойника? Падмавати рассказала, как ты снял с нее чары маха-риши. Но когда ты успел состариться? Ты постарел всего за одну ночь! – склонился над ним царь Джанапутра.

– А ты думаешь, нельзя постареть за одну ночь? – попытался ему улыбнуться Евгений. – За одну ночь многое может измениться, Джанапутра. Всего за одну ночь можно родиться и умереть, так почему тебя удивляет, что старость настигла меня так быстро? Лучше помоги подняться. Для меня эта

ночь была слишком долгой.

– Падмавати пропала! Ее нигде нет, понимаешь? – выпалил Джанапутра, показывая ему волшебное покрывало, скомканное в руке.

– Да-да, я знаю, знаю, Джанапутра, – медленно отвечал старец. – Она всегда уходит от нас...

Джанапутра вцепился в него взглядом, требуя разъяснений.

– Наверное, я должен был сразу сказать, что мы с тобой очень похожи, Джанапутра. Только сознание мое пребывает в другом, несуществующем для тебя мире, а ты родился здесь, в аджана-локе. Мне удалось сделать то, что в подлунном мире никому бы не удалось сделать, потому что я уже видел Падмавати, я видел ее в мире людей.

– В мире людей? – не поверил ему Джанапутра.

– Да, возможно, она и сейчас находится там, – сказал старец дрожащим от слабости голосом. – Здесь я выгляжу древним старцем, но если бы ты проснулся в мире людей, откуда я пришел, ты бы почувствовал, что, скорее, это ты намного старше меня, древнее меня на целую эпоху, на великое множество лун! Я знаю, что это трудно понять, но сказочное прошлое и далекое будущее могут меняться местами в нашем сознании.

Неописуемо холодный жар вдруг сковал сердце Джанапутры – оно стало трещать и раскалываться как трещит и раскалывается первый лед, кристально чистый и хрупкий.

– Она говорила об этом! Она сказала, что ей всегда хотелось прожить обычную человеческую жизнь со всеми ее радостями и горестями. Испытать смятение чувств, мимолетное счастье, жертвенное служение. Скажи, что я сделал не так, Пурусинх? Почему она ушла от меня?

– Мы всегда ходим дорогами жизни, не ведая, куда они нас ведут. Никто не знает, почему она уходит, но однажды она вернется к тебе, Джанапутра, вернется, чтобы остаться навсегда.

К ним приблизился птице-человек в желто-красных одеждах брамина. Он остановился перед ними, мрачно проговорив:

– Все-таки это произошло... О, горе нам! Океан скорби сомкнулся над миром чатур-чандрах!

– Святой мудрец, поведай же нам, что случилось с Падмавати, прошу тебя! Нет такой преграды, которую бы не разрушила сила моей любви к ней.

Царь Джанапутра с глубоким почтением поклонился брамину.

– Думаешь, она дорога только тебе? – спросил птице-человек. – Благодаря тебе госпожа Падмавати оказалась в круговороте событий, которые скрыты даже от браминов острова Аирват. Сотни тысяч лун хранили мы верность клятве, оберегая наитайнейшую тайну, и вот, когда все пророчества маха-риши исполнились, я вижу, что красота ее погубила нас всех. Вы оба, следуйте за мной!

Поддерживая дряхлого старика, царь Джанапутра пошел за брамином.

– Вина за содеянное лежит на мне, – сказал он. – Прошу, скажи нам хотя бы свое имя!

– К чему соблюдать эти приличия? – вскинул руку брамин. – Сила твоей любви уже разрушила смысл жизни обитателей Аирват-двипы. Взгляни на них! Разве поклоняются пчелам, раздавив пчелиный улей?

После таких слов Джанапутра смолк, наблюдая, как в цветущем саду начинали собираться браминские грифы, воинственные кшатрии, непорочные девы. Они все еще не могли отойти ото сна и с трудом воспринимали происходящее. Некоторые из них рыдали, прикрывая губы руками. Никогда еще Джанапутра не чувствовал себя столь посрамленным.

Он не мог смотреть им в глаза, он презирал себя, ненавидел свое человеческое тело, влечения своей души. Все самые светлые, чистые, благородные и нежные чувства, которые он испытывал, вдруг обрели иной смысл – теперь они казались ему нечестивыми, порочными, темными, постыдными, а ужаснее всего было то, что остальные джива-саттвы были точно такими же, как он! Они мечтали о любви в надежде избежать противоречий, но противоречия неизбежно возникали, потому что без них не было бы и самой любви. И лишь неизмеримо более глубокая, непостижимая, сверхобычная любовь могла разрешить эти противоречия. Но как бы ни ухитрились, во что бы ни верили существа, они не мог-

ли ничего знать об этой любви.

– Он – царь Джанапутра, наследник благородного дома Раджхатгов! Ты судишь о нем слишком строго, духовный учитель Джагатанта Таттва Свами, – заступился за Джанапутру морщинистый старик.

– Подумать только, – покачал птичьей головой брамин. – Кто меня поучает? Тот самый попугай? Пожалуй, не следовало так усердствовать с твоим лечением.

– И ты бы послушался своей госпожи? – спросил у него старец. – Кто мы такие, чтобы противостоять запредельной любви, которая причина всего, что возникает и уничтожается? Поверь, Джагатанта, не так просто быть человеком в мире без людей.

– В мире людей быть человеком еще труднее! Там совершаются непоправимые ошибки, оскверняется сознание, приглушаются чувства. От неисчислимых страданий, причиняемых там существами, в душах рвутся самые тонкие струны. Вы даже не представляете, на что обрекли госпожу Падмавати, ибо в мире людей человек чаще всего перестает быть человеком. Разве не знаете, почему люди – самые прекрасные и опасные существа? Они терзают любовь Самого Бхагавана!

Брамин подвел царя Джанапутру и его двойника к пещерному храму, который разительно отличался от всех построек, возведенных на острове Аирват. Возможно, он был таким же древним, как сам остров, и он уже был прорублен здесь задолго до того, как риши Девиантар облюбовал эти заповед-

ные роши. Подковообразный вход окружали мощные столбы с широкими капителями, высеченными в скале, а из полости храма доносился непрерывный гул, похожий на монотонное распевание священных мантр.

– В конце жизненного пути каждый из нас проходит Шайла Риши, чтобы вознестись на Панча-Гири.

Птице-человек указал им на вход в пещеру.

– Какой теперь смысл запирасть нас в этом склепе? – обреченно спросил у него Джанапутра.

– Это не склеп, – возразил Таттва Свами. – Но вы не можете больше оставаться на Аирват-двипе, вы должны пройти через Скалу Риши. На этом пророчества маха-риши оканчиваются. Что будет дальше, никому не известно.

Они вошли под своды пещеры, в которой гулкое завывание ветра меняло тональность, подобно звукам трубы немыслимых галактических размеров. От этого напряженного гудения, заполнявшего здесь каждую частицу времени и пространства, пещера вызывала мистические переживания, направляя разум в какие-то неведомые локи сознания.

В темноте храма Джанапутра не видел куда идет. Да и неважно было ему, куда идти. Он чувствовал только, как от этого протяжного звука в жилах стынет кровь, а по плечам пробегает немая дрожь. Ему так не хватало любви Падмавати, нежности ее губ, ласковых слов, что каждый миг существования без нее становился для него все более и более невыносимым.

– Дальше вы пойдете одни. Идите всегда прямо, никуда не сворачивая, – дал им последние указания птице-человек.

– Святой мудрец, сатгуру! – обратился к нему Джанапутра. – Этот безупречный камень *Мани Хардха* принадлежит госпоже Падмавати. Она не успела взять его с собой, но он принадлежит только ей, и я верю, что однажды она за ним вернется. Пообещай мне, что будешь хранить его, как хранил тайну маха-риши.

В руке царя Джанапутры засветился алмаз, который он с почтением передал браминскому грифу.

– Мы будем хранить его, сколько бы времени ни прошло, пока госпожа Падмавати не вернется за ним. Тайна всегда должна оставаться тайной, даже если она кому-то открылась. Тысячи лет брамины острова были верны своей клятве, но подлинный смысл верности познается тогда, когда кажется, что в ней нет больше никакого смысла.

– Прощай, духовный учитель Джагатанта! Твой урок был коротким, и все же ты научил меня многому, – сказал на прощанье Джанапутра.

– До этого дня я учил брахмачарьев только одному – расставанию, полагая, что это единственное, чему можно научиться в этой жизни. А теперь... теперь мне самому будет нужен учитель.

Так брамин Таттва Свами простился с ними в темноте пещерного храма, а Джанапутра и его старый двойник пошли дальше. Они шли, никуда не сворачивая, слушая протяжное

гудение ветра, и вскоре оказались у стены, отполированной с такой тщательностью, что Джанапутра сумел различить в ней свое отражение.

– Почему ты остановился? – спросил у него дряхлый старец.

– Здесь пещера заканчивается, – отозвался он. – На стене мое и твое отражение.

– Ты уверен? – переспросил Пурусинх, вытягивая трясущиеся руки вперед.

Джанапутра тоже вытянул руки, чтобы нащупать стену, однако она оказалась очень теплой и жидкой, как вода. Он осмотрел всю зеркальную поверхность, которая была как бы натянута на дугу из неизвестного ему черного материала, и от удивления приоткрыл рот – он не мог понять, что это такое!

– Пурусинх, это не стена!

Он помолчал, пытаясь сообразить, что за странная жидкость могла висеть в воздухе перед ним.

– Не может быть... – вымолвил он, наконец.

– Это не стена? Говори, Джанапутра, говори, что ты видишь.

– Кажется, это зеркало, – неуверенно произнес Джанапутра. – Пурусинх, это же зеркало сиддхов! Тысячу раз читал про них в сказках, но чтобы увидеть самому...

– Зеркало? И что оно делает? Отражает нас – тебя и меня?

– Да, их использовали, чтобы отражать сознание. Перво-

рожденные могли с их помощью перемещаться куда захотят. По преданиям, конечно! Но если мы пройдем через него, думаю, мы появимся в другом месте. Мы вознесемся на Панча-Гири, как и сказал брамин Джагатанта.

– Ладно, Джанапутра, веди меня туда, – вздохнул старец. – Разум мой не такой острый, как прежде. Знать бы еще, что это за Пятигорье, куда, как ты выразился, мы с тобой вознесемся.

Собравшись с духом, Джанапутра перешагнул через зеркальную жидкость, но никаких изменений с ним не произошло, если не считать того, что зеркало сиддхов теперь оказалось у него за спиной.

– Довольно странно, но я ничего не почувствовал... – поделился он своим впечатлением, вернее, полным отсутствием такового.

– Ты хочешь сказать, Джанапутра, что мы уже прошли через него? – уточнил старец, зрение которого не позволяло ничего разглядеть в темноте пещерного храма.

– Именно это я и хотел сказать, – ответил Джанапутра, поднимая глаза кверху, потому что старческая медлительность Пурусинха начинала его тяготить.

– Ну, хорошо, значит, идем дальше, – прозвучал в темноте невозмутимый голос.

– Пурусинх, позволишь спросить?

– Спрашивай, Джанапутра, ты можешь спрашивать меня о чем угодно. Но должен тебя предупредить, это не означает,

что я смогу ответить на любые твои вопросы.

– Почему твое сознание не исчезает? Как ты обратился человеком, а до этого был ягуаром? Как тебе удалось переместиться в тело попугая? Я воочию видел, как твое тело проглатывал Гуаттама! Ни одно существо в подлунном мире не способно к таким превращениям.

– А ты очень наблюдательный, – похвалил его старец. – Взгляни себе под ноги, Джанапутра. Ты видишь тень под своими ногами?

– Разумеется, нет, мы же в полной темноте! – Джанапутра махнул на двойника рукой.

Похоже, мысли в голове у старика уже путались, и он не мог связанно отвечать на сложные вопросы. Так что Джанапутра решил больше ничего у него не спрашивать.

– Ты не замечаешь связи, – продолжал размышлять Пурусинх, – что тень твоя так же связана с тобой, как мой ответ связан с твоим вопросом. Тело совершенно необходимо для существования тени. Без тела не может быть никакой тени, не правда ли? Тело первично – так думает тень, раз тело необходимо для ее существования, и с ней бесполезно спорить. Понимаешь ты меня – нет?

– Если честно, то нет.

– Ну, это же тень, Джанапутра! Какие мысли могут быть у тени? Плоские, только плоские... и у всех джива-саттв, как правило, одни и те же плоские мысли. И даже когда они думают о Боге, они думают о Нем как о первичном Теле, от

которого зависит их существование. О чем бы ни спорили между собой тени, они всегда будут спорить об одном и том же Теле – о том естественном пределе, к которому стремится всякая плоскость. Знаешь, что я тебе скажу? Не ввязывайся в споры этих теней, ибо сознание теней темно.

– Хорошо, только твои слова ничего не объясняют, – заметил Джанапутра. – Для тебя все существа этого мира вроде отражений или теней, даже я. Так получается? Но все джива-саттвы обладают собственной волей, они почти всегда действуют независимо от более высокого сознания, от сознания наставника, учителя или йогина, наподобие тебя. По-твоему, выходит, тени могут действовать по собственной воле?

– О, тени могут расти, сокращаться, становиться ярче или бледнее! Они могут искажаться, могут совершать множество разнообразных кармо-движений, и даже исчезать. Существуют очень небольшие промежутки времени, когда тень может мыслить независимо от Тела, повторяя его движения не сразу. И когда тень складывает такие промежутки в своем плоском уме, то ей начинает казаться, что она сама принимает все решения. А если Тело осветить с разных сторон, у него окажется сразу несколько теней! Это так, Джанапутра, и каждая – каждая тень будет думать, что она действует независимо! Но самое любопытное происходит с тенями ночью...

– А разве ночью тени не исчезают?

– Хе-хе, – то ли кашлянул, то ли по-стариковски усмехнулся Пурусинх. – Ночью весь подлунный мир становится одной великой тенью. Тени всех существ, зверей и птиц, тени дворцов, храмов и хижин, тени всей земли сливаются в одну неразличимую тень. Познав тончайшую сущность этой неразличимой тени, ты поймешь, что между всеми существами, четырьмя лунами и звездами вселенной, между всевозможными мирами, локами пространства и кальпами времени пролегает одна великая бесконечная тень.

Когда ты увидишь эту тень и ее движение, ты осознаешь, Джанапутра, что перемещается вовсе не тень, а это ты – ты всегда перемещаешься между светом и тенью. Тебе может показаться, что сиддхическое сознание перемещается из одного тела в другое, но в действительности все существа для него слиты в одну тень, которая существует не благодаря Телу, а благодаря Свету. Да-да, не удивляйся! Всякое тело существует благодаря свету любви. От света любви падает всякая тень, и только светом любви всякая тьма озаряется. Взгляни себе под ноги, Джанапутра, я спрошу тебя еще раз. Так ты видишь тень под своими ногами?

– Пурусинх, ты... ты просто невероятен, – признался Джанапутра, догадавшись, что темнота в храме и была той тенью, о которой он спрашивал. – Знаешь, без тебя ведь ничего бы этого не было, я бы прожил жизнь изгоем, так и не узнав о госпоже Падмавати. Ты в самом деле позволил мне увидеть недостижимую мечту, вернул веру в нечто большее, чем я

был готов принять, а я тебя даже ни разу не поблагодарил.

– Брось, Джанапутра, это без тебя ничего бы этого не было, – ответил Пурусинх. – Посмотри-ка! Мне кажется, или в храме действительно стало светлее?

На стенах пещеры заблестели разноцветные блики изморози, а из темноты вдруг проступили очертания колонн, покрытых толстым слоем льда. Поскольку расстояние между колоннами постепенно расширялось, храм казался короче, чем было на самом деле. Царь Джанапутра и его астральный двойник продолжали идти и идти по залам, напоминающим теперь волшебные гроты ледяной пещеры. Так они подошли к высоким заиндевевшим воротам, из которых пробивались ослепительно белые лучи и веяло прохладным сквозняком.

– Ты был прав, по-моему, это горы, – согласился Пурусинх, кивая седой головой.

Не произнося ни слова, Джанапутра вышел из храма, обозревая грандиозную, невиданную им никогда широту снежных склонов. Над ущельем, которое разверзлось у них под ногами, пламенели ярко-синие костры горных хребтов, застланные дымкой облаков. Вдали за ними громоздились багрово-палевые ледники, переливавшиеся на солнце чистым пурпуром, но даже они, эти неприступные и гордые гиганты, преданно склоняли свои головы перед слегка обнажившими себя вершинами Панча-Гири, вздымавшими нежно-лунные груди прямо к небесам.

– Мне так долго пришлось тебя ждать... – эхом отозвался

чей-то звучный благородный голос.

Хрустя по снежному насту, к престарелому двойнику Джанапутры подошел крылатый барс с лицом как у человека. Почти такие же крылатые барсы, только из камня, когда-то украшали изразцовые врата Нагарасинха. В детстве Джанапутра к ним часто подбегал во время прогулок и рассматривал их лица. Рядом с ними он чувствовал себя не таким одиноким и представлял, что они тоже люди. А когда спрашивал у верховной жрицы Наянадхары, где они живут, она смеялась, гладила его по голове и говорила, что такие просветленные сущности жили очень-очень давно, во времена, когда ночь была такой же светлой, как день.

– Сколько бы времени ни прошло, ты все тот же, Самадхана! – бережно прикоснувшись к лапе барса, сказал старец. – Все тот же сфинкс, одиноко живущий в Северных горах...

– Должен тебе сказать, это моя последняя йуга. Крылья давно обездвижили, да и лапы уже не те. Но ты, как я вижу, все-таки сдержал свое обещание. Ты привел ко мне человека, Пурусинх.

– Так это Северные горы? – Джанапутра снова окинул взглядом снежные вершины. – Мы же только что были на Аирват-двипе! За Южным морем, что намного южнее Нагарасинха. Мы действительно прошли через зеркало сиддхов?!

– Если долго идти на юг, нигде не останавливаясь и никуда не сворачивая, ты всегда оказываешься на севере. Разве ты не знал об этом, человек? – столь же удивленно проговорил

сфинкс. – Сиддхические зеркала лишь немного сокращают расстояние, только и всего.

– Вообще-то, его зовут Джанапутра, – шепнул сфинксу Пурусинх.

– Мне известно, для чего ты здесь, царь Джанапутра, – продолжал сфинкс Самадхана. – Ты хочешь узнать, куда исчезла прекрасная дочь риши Девиантара. Однако мой ответ не поможет тебе в твоих поисках. Давним желанием девы Падмавати побывать в мире людей воспользовался могущественный даймон, величающий себя Сатанантой. Приняв человеческое обличие, он явился к ней во сне и перенес ее туда, исполнив сокровенное желание.

– Он похитил ее? – растерялся Джанапутра, с трудом вникая в слова. – Выкрал из подлунного мира, но зачем? Знаете что, по-моему, вы оба спятили! Вот что, нет никакого Сатананты! Его нет ни в этом, ни в том другом мире, о котором вы тут говорите. Не хочу об этом ничего знать! Верните мне мою Падмавати, верните ее! Вы слышите?!

Джанапутра страшно зарыдал, ему не хватало дыхания, чтобы громко кричать. Он рычал как раненный зверь, зажимая лицо руками. В его сознании происходила катастрофа, разрушавшая прежнюю жизнь, прежние чувства, разрушавшая его представление о самом себе. Он бился в конвульсиях от боли, которая безжалостно раздирала ему душу. Он снова и снова вспоминал Падмавати. Ее пречистый образ истязал остатки его разума. Он вспоминал слова Пурусинха и

Джагатанты о том, как порочен мир людей, вспоминал свой недавний сон, в котором его окружали совершенно пустые, бессердечные оболочки людей.

– Пурусинх, сделай так, чтобы я перестал существовать. Ты ведь можешь прекратить мои страдания, – прошептал Джанапутра. – Душа моя умерла, так для чего поддерживать жизнедеятельность тела? Если бы она меня хоть немного любила, разве ушла бы она в какой-то там мир людей?

– Твое тело никто не пытал, тем не менее, ты содрогался от боли. Твоя душевная боль не зависела от тела, так скажи, почему ты решил, что, изменив состояние тела, ты избавишься от страданий? При потере тела или сознания, в глубочайшем трансе или во сне без сновидений не чувствуют страданий, но все это – временно, ибо со временем теряют даже потерю сознания, и даже потерю тела теряют со временем.

Посмотри на меня, я не чувствую связи со своим телом, которое лежит неподвижно в мире людей. Кто знает, может, его, уже нет. Однако дух мой продолжает свой путь, не так ли? Колесо, которое катится само по себе, не может катить повозку, но ни одна повозка не покатится без колеса. Так почему ты решил, что колесо души без драгоценной повозки тела потеряет свойство колесности? Вот так, пойдем, Джанапутра, нам с тобой еще многое предстоит осмыслить.

Пурусинх помог подняться Джанапутре, и они побрели за молчаливым сфинксом, который повел их к своему уединенному жилищу, построенному на краю скалистого обрыва. По

плитам, на которых лежал хворост для совершения обрядов погребения, Джанапутра догадался, почему брамины острова считали эту скалу своей последней обителью – она была их некрополем.

Многие тысячи лет сфинкс Самадхана жил на этом уступе в полном одиночестве. Вероятно, он и сам забыл, сколько времени продолжалась его монашеская аскеза. По предместьям Нагарасинха до сих пор ходили слухи о том, что где-то на склонах Северных гор обитает отшельник, способный читать Книгу судеб, созерцать отголоски будущего и прошлого. И Джанапутра тоже ощутил, что время здесь текло как-то по-особенному. Вернее, оно казалось таким же застывшим и неподвижным, как эти горы и ледники, ведь ничего вокруг не менялось, кроме, разве что, наклонов теней и расположения снежных облаков.

– Вам надо пить больше жидкости, – поделился опытом Самадхана, отворяя лапой дубовую дверь ашрама. – Неподготовленные брамины на такой высоте начинают болеть – не хватает воздуха, чтобы дышать!

Крылатый барс предложил гостям взять чашки и поднял чайник с кипятком. В келье ашрама было светло и просторно. На полу лежали цветистые ковры с магическими узорами, на стенах виднелись замысловатые росписи о неведомых существах, состояниях сознания и событиях далекого будущего, а из окна перед местом для медитаций открывался захватывающий вид на горные перевалы Панча-Гири.

Престарелый двойник Джанапутры обхватил руками горячую чашку, поводил над ней носом и сделал небольшой глоток.

– Чудесный чай, Самадхана! – с наслаждением сказал он. – Пожалуй, лучший во всем Шикхирском ущелье.

– И единственный... – усмехнулся сфинкс, удерживая на лапе перед лицом дымящийся напиток. – Брамины Аирват-двипы веками снабжали меня всем необходимым. Даже не знаю, как бы я приглядывал без них за этими зеркалами. Но сейчас все изменится... Под светом чатур-чанрдах не осталось больше сил, способных сдерживать воинов Сатананты. Ментальные границы были ими разрушены. Ты ведь понимаешь, Пурусинх, что это значит.

– Да, волна жестокосердия и пошлого веселья охватит душу каждого. Затем даже дети полулюдинов перестанут чувствовать священство любви. Насилие и коварство будут превозноситься как высшее благо. Все будет как в мире людей, – устало раскачивал головой Пурусинх. – Вопрос лишь в том, когда Сатананта перейдет в наступление.

Сфинкс Самадхана печально подошел к окну, глядя на прекрасные горные выси.

– К сожалению, Пурусинх, это уже произошло. Темное воинство движется по вечным льдам через воды Безмолвного океана. Скоро они заполонят Шикхирское ущелье, и когда доберутся до меня, я не смогу защитить сиддхические зеркала, как бывало в прежние времена. Мне придется их раз-

рушить...

В ашраме, стоявшем на самом краю обрыва, установилась звенящая тишина.

– Но ведь каждый из нас может что-то сделать! – предложил царь Джанапутра. – Нельзя просто так сидеть и пить чай в ожидании конца света. Кажется, кто-то говорил, что если войны нельзя избежать, надо в ней побеждать!

– Ха-ха-ха-ха! – рассмеялся Пурусинх. – Ты прав, Джанапутра! Это будет великая сиддхическая битва! А ты когда-нибудь принимал участие в битвах?

В ответ Джанапутра лишь потупил взор. Он никогда не воевал, не убивал, не знал военных хитростей. Ему никогда не приходилось отправлять воинов в битву, осознавая, что не все из них смогут вернуться. Всякая война казалась ему ужасной, а про сиддхические войны он и слыхом ничего не слыхивал.

– Для победы в сиддхической войне вам потребуется благословление. Однако я не могу его дать, я не могу вам дать ничего, что бы помогло победить воинство Сатананты... Благословление в сиддхической битве способна дать лишь духовная вершина мира, Сахасра-шира! – крылатый барс приподнял голову, разглядывая за окном самую высокую из всех гор. – Если вы хотите победить, вы должны совершить духовное восхождение к Ней.

– Отлично! Так чего мы ждем? Пурусинх, мы ведь сможем туда подняться!

Джанапутра был настроен очень решительно, ему уже не терпелось покинуть ашрам Самадханы.

– Нельзя вот так взять и взобраться на эту гору, – попытался его вразумить сфинкс. – Вершина эта сверхобычна, никто не достигал ее, а если достигал, то не возвращался. Неизвестно ни одного случая, чтобы кто-то оттуда вернулся. Но силы неравны! Никому не выстоять в грядущей войне без благословения Сахасра-ширы.

– Нам потребуется снаряжение и одежда, Самадхана, – задумавшись, произнес седовласый старец. – Мы совершим восхождение на Сахасра-ширу, даже если оттуда невозможно вернуться.

– Пурусинх, а как же твои способности сиддхи? – намекнул ему Джанапутра. – Мы бы могли их использовать, чтобы подняться на эту гору.

– Духовная вершина – и есть источник сиддхических способностей. Нельзя использовать воду, чтобы плыть по воде, – Пурусинх подвигал рукой, разбалтывая горячий чай в своей чашке.

– Но ты же сам говорил, что между силами сиддхи и силами живой природы не существует и крупницы различий, что различия существуют только в умах, которые думают об этих силах!

– Вот именно, – кивнул старец, слегка улыбнувшись под седой бородой. – Нельзя использовать воду, чтобы плыть по воде, но самый обычный лед плывет по воде, если он для это-

го достаточно крепок. Если никто никогда не достигал сверхобычной вершины, то откуда стало известно, что там можно обрести благословление сиддхов? А теперь отдохни, Джанапутра, тебе сейчас нужен отдых.

Они провели в ашраме сфинкса-отшельника столько времени, что во всем безлюдном мире должна была наступить глухая ночь. И все же солнце продолжало по-прежнему светить в Шикхирском ущелье, когда царь Джанапутра и Пурусинх, одетые в теплые шкуры и меха, ступили на шаткий перекидной мост над скалистой бездной.

– Прощай, сфинкс Самадхана, – поклонился старец крылатому барсу, – не знаю, увидимся ли еще.

– Кто знает, может, увидимся, – ответил сфинкс. – Но это будет уже совсем другое время, ты ведь знаешь.

– Да, совсем другое время... Береги зеркала, Самадхана, но не жди нас обратно!

Царь Джанапутра и седовласый Пурусинх в облике старца, хватаясь за канаты, стали переходить по мосту.

– И все же я буду ждать, слышишь, я буду ждать тебя, человек! – напутствовал сфинкс Джанапутру.

Не оборачиваясь назад, Пурусинх поднял руку. Ветер то поднимал, то раскачивал из стороны в сторону перекидной мост над ущельем. Под ним, насколько хватало глаз, виделась каменная стена, припорошенная кое-где снегом. Она казалась бесконечной.

На самом краю этой бесконечной пропасти стояло послед-

нее пристанище сфинкса, но еще более бесконечной казалась белоснежная высь Сахасра-ширы, нависавшая над всем подлунным миром. По тонкой ниточке, соединявшей и навсегда разъединявшей путников с аджана-локой, переходили две крохотных точки, они почти скрылись, затерялись в потоках тумана, полностью исчезли из вида, а сфинкс все так же продолжал глядеть на них.

– Пурусинх, я постоянно думаю о Падмавати, – через какое-то время сказал Джанапутра, тяжело дыша в разряженном воздухе. – Не могу ни о чем думать, кроме нее. Мне кажется, еще немного – и я сойду с ума.

– Нет, Джанапутра, пары дней еще недостаточно, чтобы по-настоящему сойти с ума от любви, – отозвался Пурусинх, осторожными шагами передвигаясь по хрустящему снежному насту. – Такое состояние может длиться годами, и чем дольше оно длится, тем больше убеждаешься в том, что на самом деле безумны те, кто думает о чем-то другом, кроме любви.

– Прости, но что может знать старик, вроде тебя, о любви? Твое сердце давно бы разорвалось от чувств, которые я испытываю! Оно бы не выдержало моих безумных страданий.

– Каждый хочет любить, не испытывая страданий. Ведь и всякое существо ищет избавления от чувства жажды и голода, чтобы жить, а не для того, чтобы снова и снова их испытывать. Но можешь ли ты вообразить себе, царь Джанапутра, такое ненасытное существо, которое могло бы толь-

ко питаться, не зная чувства меры? Только питаюсь и увеличиваясь в размерах, оно бы съело всех других существ, оно бы выпило океан, стало бы питаться землей и добралось бы до солнца, а затем оно бы проглотило все сварги вселенной. Однажды оно разрослось бы до таких размеров, что стало бы питаться пространством, не замечая, что вместе с ним оно начинает поглощать самое себя. Его алчность привела бы в конце концов к тому, что оно разорвало бы и съело само себя полностью.

– Ты говоришь о времени?

– Да, Джанапутра, я говорю о времени, о вечной любви, о страданиях, обо всем, что нас окружает.

– Мы страдаем, потому что испытываем безмерное чувство любви? – поразился Джанапутра своему же вопросу. – И умираем, чтобы умерить это чувство?

– Нельзя умерить любовь, ведь все, что ты видишь вокруг, – старик остановился и обвел рукой небо и горы. – Все это было создано благодаря любви и ради любви. Но и страдания этого мира тоже нельзя умерить. Если кто-нибудь скажет, что навсегда избавит тебя от всех видов страданий умерщвлением плоти или прекращением мысли, знай, что это обманщик. Все, что останется после тебя, будет страдать, Джанапутра... страдать, чтобы любить.

– Получается, что навсегда освободиться от страданий невозможно?

– Возможно лишь временное прекращение страданий, хо-

тя это понятие весьма растяжимо. Ты можешь съесть нечто очень питательное, что надолго тебя насытит, приучить себя к ограничениям в еде, от которых со стороны будет казаться, что ты ничем не питаешься и не пьешь воду, не испытывая ни жажды, ни голода. Но в каждом из нас живет такое существо, которое съедает само себя. Поэтому время жизни временно, и каждый год кажется джива-саттвам короче предыдущего. Поистине только сверхсущая пища, ставшая насущной, способна насытить так, что существо времени внутри джива-саттв перестанет питаться самим собой.

Пурусинх открыл бутылку с чаем и сделал несколько глотков.

– Ты не забыл, о чем говорил сфинкс? Поднимаясь на эту гору, мы должны больше пить воды, иначе у нас разовьется отек легких, и мы с тобой задохнемся, не достигнув вершины.

Он передал бутылку Джанапутре.

– Так любовь – причина времени? – спросил он, утолив жажду чаем Самадханы.

– Причина-следствие всего, и времени, конечно, тоже, – согласился с ним Пурусинх. – Притяжение и разрушение тел, духовная близость, даже слова и мысли в твоей голове притягиваются друг к другу силой этой любви. Если бы безмерная любовь проявила себя в полной мере, джива-саттвы и вся материальная вселенная были бы уничтожены. Бесконечная Кала вечности сжалась бы в одну бинду-точку мгновения.

Вот почему каждая самость наделяется своим временем – не для того, чтобы существа страдали от саморазрушений, а чтобы могла существовать любовь вечная.

Не будь конечных чисел, называемых шеши-санкхья, не было бы и чисел санкхья-ананта, которые никто не в состоянии записать до конца. Но помни, Джанапутра, каждое шеши-число представимо числом-ананта, ибо каждая живая сущность жива лишь потому, что в ней живет вечность любви.

– Значит, и любые числа-ананта тоже можно представить конечными шеши-числами? – прикинул в уме Джанапутра.

– Нарисованный на листе круг, не имеющий начала и конца, при повороте листа выглядит конечным отрезком. Конечный отрезок из другой перпендикулярно лежащей плоскости будет выглядеть как бинду-точка. Что для плоской тени кажется вечностью, для астральной сущности может пролететь как одно мгновение, но выполнение таких кармо-действий всегда требует перехода к иной размерности сознания. Если размерность сознания остается прежней, то плоская тень начинает думать, будто она сама уже достигла «конца бесконечности», и это, несомненно, вводит ее в заблуждение. Именно так бесконечноголовый Сатананта обманывает джива-саттвы, внушая им ложные мысли и действия, например, подталкивая к страшным жертвам во имя любви.

– И поэтому можно сказать «*ты есть Тот*», но говоря обратное «*Тот и есть ты*», можно прийти к ложному понима-

нию сути? – вспомнил Джанапутра слова Пурусинха.

– Ты начинаешь понимать, – многозначительно взглянул на него Пурусинх.

Они проходили по ледяному полю, состоявшему из высоких бугров и скользких ложбин, куда стекали ручейки расплавленной воды. Больше всего эта картина напоминала гигантский лабиринт, созданный для того, чтобы сбить с толку, запутать каждого, кто посмеет в него войти. Блестящие ледяные наросты петляли, словно извилины фантастического головного мозга, из которого хотелось побыстрее выбраться, но Джанапутра то и дело куда-то скатывался, хватался за прочную веревку, обмотанную вокруг тела Пурусинха, и снова карабкался вверх. Так они миновали испещренное льдами предгорье Сахасра-ширы и вышли к громадным Ее склонам.

Глядя с этих склонов вниз, можно было подумать, что они уже взобрались на самую высокую вершину подлунного мира. Под ними разворачивался поистине сверхъестественный, неизъяснимый пейзаж. Тысячи горных вершин уже лежали пред ними, сверкая миллионами хрустальных граней. Дхумрово-серый туман поднимался из ущелий и устремлялся вверх, подобно водопадам, текущим в обратную сторону. Всюду творилось нечто невероятное – с пространством начинали происходить немыслимые метаморфозы! Границы дольного мира как бы скруглялись, они искривлялись, как искривляется изображение под выпуклой линзой, и вытягивались к горизонту, но горизонт этот находился где-то у тебя

под ногами.

– Да-а, захватывающее зрелище! – подбадривая Джанатутру, восхищенно произнес старец.

– Не думал, что аджана-лока может выглядеть вот так... – отозвался Джанатутра. – А ведь мы еще не приступали к восхождению!

– Там мы находились еще на земле – здесь мы уже на небесах, а дальше будет еще сложнее...

Сделав небольшой привал, чтобы насладиться созерцанием неповторимых хребтов и скал, выступавших из снега, они продолжили свой путь, который лежал еще выше, на сверхобычную вершину Сахасра-ширы.

– Знаешь, что самое трудное и самое страшное? – решил поделиться своими чувствами Джанатутра. – Самое страшное – это когда ты начинаешь осознавать, что твоя любовь никому не нужна... Она не нужна Падмавати! Тысячи лун прожила она без меня и будет жить дальше. Для этого совершенно не нужен я, понимаешь, Пурусинх? Ни подлунный мир, ни сварги вселенной не перестали бы существовать, если бы не было моей любви к Падмавати.

– В этом и состоял смысл ее похищения, – объяснил Пурусинх. – Именно так Сатананта внушает мысль о бессмысленности любви. Он ненавидит любовь во всех ее проявлениях, кроме себялюбия, но больше всего он ненавидит любовь вечную – любовь Бхагавана к той запредельной Истине, которая утоляет всякую жажду и голод, даже голод време-

ни. Какой бы ни была любовь – взаимной, безответной, возвышенной, безвозвратно потерянной, недостижимой – в ней всегда присутствует высший смысл. Ибо только любовь имеет смысл, лишь она наделяет смыслом существование самой Вселенной и жизни всех джива-саттв, даже если причиняет душевные муки и страдания.

– Стало быть, без этих страданий не было бы и моей любви к Падмавати? Что ж, Пурусинх, теперь мне все стало ясно.

– В умозаключениях, подобных этому, важно понимать тонкие различия, Джанапутра. Если существа страдают от любви, это еще не означает, что страдание необходимо для существования любви. Ведь и жажда внутри существ возникает потому, что они живут, а не потому, что существует вода. Прежде чем говорить о связи любви и страданий, следует понимать, что ненависть тоже не возникает без страданий. Вот почему Сатананта использует ту же самую возможность страданий для достижения совершенно иных целей. Об этом тонком различении есть одна притча. Прошу тебя, выслушай ее, царь Джанапутра.

Однажды явился к царю мудрец, который сказал: *«Великий царь, вода наделяет всех жизнью, а царству несет благосостояние. Ты поступишь мудро, если сделаешь так, чтобы все реки земли потекли только в твое царство»*. Послушав того мудреца, царь приказал выкопать каналы, чтобы вода со всех рек потекла в его земли. Он захотел присвоить себе всю воду, но когда каналы были открыты, и вода потек-

ла по ним, русла рек быстро обмелели и высохли. Вспыхнули бесконечные войны. Горе охватило все царства, многие существа погибли, а земли того царя обратились в пустыню. Все утоляли жажду и могли жить, пока та же самая жажда не обернулась для всех бедою.

– Ты думаешь, помыслами того мудреца управлял Сатананта?

– Может он, а может, нет. Чтобы воздействовать на души существ, даймоны используют разные имена, зачастую имена богов. Ведь даймоны применяют тот же самый закон, позволяющий перемещаться космической энергии Шакти: *«Ничто не возникает для ничего, и ничто не существует без чего бы то ни было»*. Но не ради любви к Истине применяют они его, а для распространения ненависти и лжи, благодаря которым существуют.

– Так для чего нужны имена богов? – по-прежнему недоумевал царь Джанапутра. – К чему все эти верования, имена и названия, если ими может воспользоваться любая из асуров?

– А ты бы смог жить без имени? Не зная имени, можно обходиться с рабами, но не с богами, которым поклоняются дживы. Мы ведь уже говорили об этом – только глупец полагает, что, уничтожив все цветы и деревья в саду, можно избавиться от вредителей. Каждая вера, даже самая непритязательная, предлагает пути избавления от страданий в добродетели, в любви и в преданном служении. Чтобы утолить

жажду, священная корова может пить из любого водоема, она может пить из грязной лужи. Однако из этого еще не будет следовать, что в ее молоке содержится грязь. Поэтому каждый пастырь нахваливает молоко своей коровы, он добросовестно пасет лишь свое стадо, и каждый пастырь думает, что он важнее коровы, хотя молоко дает корова, а не пастырь. И вот тебе другая притча, Джанапутра.

Пас один бедный пастырь корову, которая давала достаточно молока для всей его семьи. Как вдруг вошел дух в корову, и она сказала: *«Сколько бы ты меня ни пас, одна корова не сделает тебя богатым, не избавит тебя и детей твоих от всех страданий. Видишь вон то стадо – уведи его этой ночью»*. Пастырь решил, что в корову вошел дух Всевышнего, и увел ночью чужое стадо.

На следующий день корова сказала ему: *«Теперь ты стал богаче, но ты станешь богаче всех царей земли, если тебе будут принадлежать все коровы, и только ты будешь решать, кому и как утолять жажду чистым молоком»*. Пастырь стал коровым вором и научил сыновей своих, чтобы после его смерти продолжали они уводить коров, пока все коровы не будут принадлежать одной семье.

Прошло время, и однажды все коровы земли действительно стали принадлежать только сыновьям того пастыря. Однако, когда это произошло, они и не заметили, как стали красть коров друг у друга. Брат пошел на брата войной, и вся разросшаяся семья бедного пастыря погибла. Так чей дух вошел

в ту корову, которая обещала избавить семья пастыря от всех страданий, а на самом деле всех погубила?

– То есть каждое верование предлагает пути избавления от страданий, но в каждое верование может вселиться дух, который со временем лишь усилит страдания джива-саттв?

– Как же иначе? Потоки энергии потому и текут, что они могут двигаться в любом направлении, – объяснил старец. – Скажу тебе больше, Джанапутра, это желание во что бы то ни стало избавиться от любых страданий ведет порой к возникновению зловредных учений, разрушающих личность через прямое либо косвенное отречение от любви. Такие лжеучения не ведут к освобождению, они лишь сильнее порабащают разум джива-саттв. Твоя мать, верховная жрица Наянадхара, хотела просветить подданных, избавив их от веры в богов и асуров. Но когда существа перестают верить в богов и асуров, они начинают верить в материальные блага, в высшую власть толпы, в свою исключительность, в совершенство своей весьма ограниченной науки, в богатство, позволяющее, как им кажется, купить любую веру.

Меняются только названия, а в сущности – это такие же лжеучения дурбуддхи, как учение о великом Свабудже. Не хотел бы тебя удручать, но весь мир людей теперь обращен в такого рода деструктивную секту.

– Почему же Всевышний вас не спасает? Почему Бхагаван не шлет вам на помощь Своих Посланников и великих сатгуру, если у вас все так плохо?

– Посланники... – глубоко вздохнул Пурусинх. – Знал бы ты, сколько их было! Одна эпоха сменяла другую, великие Учителя создавали вероучения, но невежество... Нет, оно никуда не исчезло! Не буду тебя обманывать, Джананупутра, но пришествие тех Посланников едва ли оправдало ожидания, связанные со всеобщим просветлением и спасением. Праведные джива-саттвы и без Посланников Бхагавана оставались бы светлыми душами. Зато среди тьмы теней, считающих себя истинными последователями тех великих Учителей, возникло столько разногласий, столько безумия, что пришествие еще одного такого Посланника, несомненно, привело бы весь род человеческий к гибели.

– Пурусинх, твой мир людей обречен, – покачал головой Джананупутра. – Если Бхагаван не шлет к вам Своих Посланников, то йуга невежества, в которой вы пребываете, никогда не окончится.

– Вот именно, не окончится, – согласился с ним Пурусинх, переходя на шепот. – Раскрою тебе одну тайну, на самом деле, эта йуга невежества – бесконечна, она бесконечна как бесконечно само время. Просто есть эпохи великих Учителей, способных нести в себе свет Истины, и есть такие беспросветные эпохи, когда в силу особо тяжких кармических последствий невозможно пришествие ни одного Посланника для восстановления связи джива-саттв с той запредельной Истиной. По правде говоря, Джананупутра, в мире людей за такие слова меня бы разорвали на части. Но ты, надеюсь, не

станешь со мной этого делать...

Царь Джанапутра был ошарашен шуткой Пурусинха, которую воспринял буквально. Взглянув на него, старик от души рассмеялся, а потом решил рассказать все, что ему было известно про Гуаттаму:

– Тот браминский гриф Гуаттама был мне знаком, Джанапутра. В свое время он был в мире людей очень известным мыслителем, которого звали Джидду Кришнамурти. Долгое время его считали одним из Посланников, просветленной сущностью, способной изменить мир людей к лучшему. Но когда он увидел, какие страшные и кровопролитные войны вспыхивают среди людей, он отказался быть очередным духовным Учителем. Понимаешь, почему? Понимаешь, что произошло в его сознании? Он осознал, что, назвавшись в таком мире Посланником, он неизбежно введет всех в заблуждение, ибо само понимание этого слова было давно утрачено.

Все привыкли ожидать Посланника, который когда-нибудь придет, принесет с Собой свет божественной Истины, после чего наступит вечное счастье и всеобщее благоденствие. Но с такими вечно ожидающими дживами ничего никогда не наступит, как невозможно нести воду в решете. Прежде им самим должно научиться добывать и нести в себе свет Истины.

Так говорил Пурусинх с царем Джанапутрой, поднимаясь по снежному гребню Сахасра-ширы. Как две неразличимые

бинду-точки передвигались они вверх по резкой линии излома светотени. По одну сторону от них лежала холодная, камфарно-синяя тень, а с другой – сияла ледяная грань безжизненной пустоши. Вместе с ними вверх по склонам бежали струйки поземки, сначала очень медленно, а потом все быстрее и быстрее...

И вот безбрежная волна снега, сдуваемого со склонов Сакхасра-ширы, неожиданно взметнулась над ее вершиной и, подобно чудовищной серой лапе, обрушилась на путников снежной пургой. Все заволокло непроглядной пеленой. Едва держась на ногах, они шли наугад под напором пронзительного ветра. Крупинки снега врезались им в кожу, царапали щеки, обжигали руки, словно языки пламени. Необходимо было срочно найти какое-то укрытие, чтобы переждать бурю.

– Спускайся за гребень! – крикнул старик Джанапутре, прикладывая руку к обледеневшей бороде.

Джанапутра, ни разу не видевший снежной бури, кивнул головой, и они стали торопливо спускаться в направлении небольшой скалы, почти целиком занесенной сугробами. За этой скалой ветер дул не так сильно. Пробравшись в горную расщелину, они оказались под низким каменным сводом.

– Еще немного, и нас бы точно замело снегом! – растирая руки, произнес Пурусинх. – Ничего! Сейчас мы тут с тобой обустроимся. Превосходное место! Получше всяких там дворцов, а?

Прислушиваясь к завываниям вьюги, Джанапутра поджал ноги и обхватил их руками, а старик взялся за вещевой мешок. Он развел в лампаде огонь и наломал в жестяной чайник снега. Тепла от масляной лампы было не так много, но Джанапутра по крайней мере перестал стучать зубами, да и Пурусинх сумел отогреть свои кости. Ну, а когда подоспел чай Самадханы, им стало так уютно в этом крохотном убежище, находящемся невзведь где над облаками, что уходить отсюда уже не хотелось.

– Держи, царь Джанапутра, положе, наша с тобой пища сделалась сверхсушной, – сказал Пурусинх, разломив замерзшую и твердую, как лед, хлебную лепешку. – Я знаю, о чем ты сейчас думаешь: *«Если завтра мы поднимемся на вершину, сил спуститься обратно никому не хватит»*. Твои мысли читаются у тебя в глазах. Тебе страшно, и я не удивлюсь, если ты сожалеешь о том, что мы с тобой забрались так далеко.

– Пурусинх, я ни о чем не жалею, – разомкнув обветренные губы, ответил Джанапутра. – Просто на один миг, всего на одно краткое мгновение, когда ты готовил чай, я ощутил... Не знаю, как это сказать, но я ощутил, что ты мой отец.

Обняв Джанапутру за плечи, Пурусинх крепко прижал его к себе:

– Ну, конечно, ты же мой сын, а когда сын и отец вместе, они непобедимы. Не бойся завтрашнего дня, Джанапутра. Запомни эти слова – запомни навсегда, есть лишь один

единственный смысл в существовании зла, и он заключается в том, что зло будет повержено.

Переживая бурю под каменным сводом скалы, они говорили о самом сокровенном, хотя слова их были такими обычными, что ничего сверхобычного в их разговоре не ощущалось. В мире людей так много говорили о единстве Отца-и-Сына-и-Святого-Духа, так много пустословили об этом состоянии, что мало кто представлял, как такое возможно и возможно ли. Все размышления вокруг-да-около носили всегда отстраненный характер, как будто речь шла о Сознании, которое не имело и не должно было иметь ничего общего с человеческим сознанием. Между тем, потаенные смыслы этих и многих других слов предавались забвению, никем не открывались и не читались. Такая вера без внутренних поисков, без живого духовного опыта означала, что миллиарды верующих существ и веровали-то в бездуховного и в такого же отстраненного от них бога.

– Ты задыхаешься, Джанапутра, потому что на этой высоте нет воздуха, пригодного для дыхания, – с сочувствием произнес Пурусинх, когда у Джанапутры открылся удушливый кашель. – Здесь убивает каждое мгновение, но здесь ты можешь пройти одно испытание...

– Испытание? О каком испытании ты говоришь?

– Ты должен очиститься, Джанапутра. Очиститься, чтобы ощутить, как в твоём сознании движется энергия, которая принадлежит не только тебе – она принадлежит всему – и все

принадлежит ей. Но это не значит, что ты должен забыть все, отбросить все, что тебя связывало с этим миром. Очиститься – это значит оставить все самое чистое, что в тебе есть. Если этого не произойдет, ты не сможешь задействовать сию тонкую прану, а без нее ты не сможешь дышать на этой высоте.

– Ты хочешь сказать, что я могу дышать без воздуха? – усмехнулся Джанапутра с горечью.

– Всякая рыба думает, что дышать можно лишь под водой. Оказавшись на берегу, она задыхается и не верит в реальность существ, которых видит вокруг, полагая, что они сверхъестественны, что это только сон, – прикрыв глаза, ответил Пурусинх. – Твой сон «нидра» и есть твои недра, и лишь открыв свой потаенный глаз «сва-нитра» ты откроешь глубочайшие свои недра. Ты знаешь, чем дышат существа там, в твоих сновидениях?

Джанапутра задумался над его словами, и, хотя глаза Пурусинха были прикрыты, он отчетливо осязал, что тот непонятным образом видит все, что с ним происходит, каждое движение его мысли. Пытаясь ответить на его вопрос, Джанапутра тоже прикрыл глаза и догадался, что это была подсказка. Ведь для того, чтобы видеть сны, совсем не обязательно держать глаза открытыми. Для этого требовалось иное – сверхчувственное зрение, и он осознал, что на самом деле всегда обладал таким зрением, только раньше никогда не задумывался, для чего оно было ему дано.

Как только Джанапутра об этом подумал – свист завывав-

шего снаружи ветра вдруг прекратился, и дышать в разряженном высокогорном воздухе действительно стало легче. Пурусинх тоже заметил, что снежный буран поутих. Он пробил дырку в огромном сугробе, которым замело расщелину, и они стали выбираться из укрытия.

За время, пока они находились под небольшой скалой, свет и тень на гребне Сахасра-ширы успели поменяться местами. Лучи солнца по-прежнему светили ярко, правда, с другой стороны горного склона. Между днем и ночью здесь не ощущалось никаких различий – солнце и вправду как будто обходило вокруг Сахасра-ширы, не опускаясь за кромку земли, но и не поднимаясь выше сверхобычной вершины. Дивясь такому непрерывному движению, Джанапутра произнес прекрасные слова, обращенные не к Пурусинху, а ко всему Происходящему на этой вершине:

– Как солнце не опускается ни днем, ни ночью, любуясь склонами Сахасра-ширы, так же и я созерцаю Падмавати неразлучно пребывающей в моем сердце. Как обогреть ее холодные склоны? Как? Где находится семя, способное здесь прорасти? Со всех сторон покрываю я поцелуями ее тело, но не могу растопить вечные льды. Мы переворачиваемся, обнимая друг друга, и пляшем в наших плясках, как тени от жертвенного костра любви.

– Да, Джанапутра, все так и есть! Когда-то и я мог говорить такими словами, – мечтательно отозвался старик. – Без любви мы просто пустое место... Посмотри, как близка к те-

бе сверхобычная вершина. Она так близка, что ты можешь коснуться ее! Она уже чувствует твое приближение и начинает слегка вздрагивать. Но не спеши, Джанапутра, у этой вершины нельзя спешить! Требуется еще молчание, чтобы она могла тебя вполне расслышать.

На каждом шагу к сверхобычной вершине время словно замирало, останавливалось, и возникало чувство, что невозможно подняться еще выше. Но каждый следующий шаг что-то менял, опровергая самое представление о возможном. И каждый следующий шаг казался чудом – самым настоящим чудом, от которого на глазах проступали и тут же леденели слезы. С трудом отрывая ноги от снега, они больше не могли говорить. Они отдавали восхождению все свои силы, не думая больше о том, что никогда не смогут вернуться. Ведь они уже возвращались к самым главным своим истокам – к истокам самих себя.

Не понимая, где он находится, не чувствуя под собой ног, Джанапутра приподнял голову и увидел, что гора куда-то исчезла – вместо нее над головой у него приоткрылся бутон бесконечно-синего неба, и он зарыдал. Зарыдал при виде этого неба, потому что на вершину Сахасра-ширы невозможно было подняться. Поистине она была недостижима! Как бы высоко он ни поднимался, он всегда оказывался лишь ее частью. Он всегда был частью Сахасра-ширы – и даже на Ней он оказался лишь частью той сверхобычной вершины, на которую все это время восходил.

Так стоял Джанапутра на сверхобычной вершине, являясь ее продолжением и являясь продолжением самого себя, пока духовная вершина Сахасра-шира не впустила его в свои объятия. Она объяла его так крепко, что он упал и прижался к Ней обмороженными губами.

– Джанапутра, у тебя все получилось! Величайшая из вершин мира покорила тебя, покорив тебя своей непокорностью, – возликовал, словно дитя, Пурусинх, заглядывая в обиндевшее лицо Джанапутры.

– Пурусинх, я не чувствую ног, и у меня кружится голова. Неужели эта гора раскачивается от ветра?

– Ты чувствуешь это – ты чувствуешь ее танец под собой? – быстро растирая ему ноги, спросил старец. – Так раскачивается и танцует сама Вселенная! Ты еще будешь с ней танцевать, царь Джанапутра! Вот увидишь...

Приведя Джанапутру в чувства, Пурусинх заставил его прыгать и приседать, чтобы согрелись ноги. И только теперь, немного осмотревшись, Джанапутра поразился тому, насколько высокой была Сахасра-шира. Где-то далеко внизу, под сверхобычной вершиной, кольцами кружили снежные тучи. Из этих титанических туч вырастали другие великие вершины Панча-Гири, а в разрывах джиразолевых облаков, за Северными горами, простирался покрытый льдами океан Безмолвия. Ему казалось, что если сделать всего один шаг вперед, то с этой вершины можно было сразу перешагнуть через весь океан! Настолько величественной и возвы-

шенной была духовная вершина подлунного мира.

Однако там, на льдах Безмолвного океана, что-то происходило – запутанные черные ручейки стекались к белоснежным горам, оставляя за собой темные разводы и полосы. Джанапутра вспомнил слова крылатого барса о воинах Сатананты – и ужаснулся их числу. Их было такое бесчисленное множество, что ни одно царство под светом чатур-чандрах не смогло бы собрать такую орду. На брань под стягами Сатананты стекались цари и могучие воины со всех земель.

– Кто же сокрушит воинов тьмы? – спросил царь Джанапутра, глядя на черные орды Сатананты. – Они сметут всех воинов Нагарасинха в первой же битве и даже не заметят этого! Пурусинх, тут нужно не благословление Сахасраширы, а сошествие Посланника Самого Бхагавана! Взгляни же, как растекаются они, подобно спруту, по ущельям, как выжидают, притаившись в западне, как сливаются они с толпами джива-саттв, приобщая их к своим темным ордам!

– Ты знаешь, Джанапутра, в мире людей тоже ожидают Посланника, последнюю аватару Всевышнего, Майтрею, Машиаха, ждут второго пришествия Христа, – пригладив бороду, сказал старец. – А тем временем там происходит то же самое, и толпы джива-саттв приобщаются к воинству Сатананты, полагая как раз то, что они становятся воинами Всевышнего. Если бы ты обладал сиддхическим зрением и присмотрелся бы к этому темному воинству, ты бы заметил, что многие из тех орд вступают в битвы между собой, но всех

их ведет один и тот же наместник Сатананты. Поэтому, как бы ни враждовали они меж собой, все орды движутся в одну и ту же сторону, и с высоты сверхобычной вершины это прекрасно видно.

– Что же ты предлагаешь? Собрать всех, кто способен держать меч, и дать отпор в решающей битве?

– Без благословления Сахасра-ширы все непременно закончилось бы именно этим, – рассуждал Пурусинх. – Но в сиддхической битве происходит нечто другое. В этой войне темные силы всегда добиваются самоуничтожения джива-саттв всеми доступными средствами. Они управляют разумом существ через лжеучения, через подмену божественных имен, через создание иллюзий и ложных образов рупа-дхарни, изменяющих память, стирающих и без того тонкую грань между добром и злом. Но всякая тьма в сознании должна быть побеждена осознанием. Великая битва должна произойти в сознании каждого!

– Но ведь для этого и нужен Посланник Бхагавана, чтобы свет запредельной Истины вошел в сознание каждого существа, разве не так? – настаивал на своем Джанапутра.

– Добыв свет запредельной Истины, каждое существо осознает в себе Того непроявленного Бхагавана, благодаря Которому существует всякое сознание. Такая пробужденная, просветленная душа иногда называет себя Посланником или духовным Учителем, но лишь для того, чтобы возвестить о существовании Истины, а не для того, чтобы присвоить Ее

себе. Думаешь ли ты, царь Джанапутра, что эти вероучения об Истине могли бы существовать без пророчеств о следующем Посланнике? И знаешь ли, кому надлежит стать той последней аватарой Всевышнего?

Пурусинх помолчал, наблюдая за тем, как черные плети воинства Сатананты расползаются по предгорьям Северных гор. Он подумал, что изменилось бы в подлунном мире, если бы сфинкс Самадхана или брамин Джагатанта назвали бы себя Посланниками Всевышнего? В темном сознании теней от этого совершенно ничего бы не изменилось...

– Пурусинх, ты хотел объяснить, почему во всех вероучениях говорится о следующем Посланнике... – напомнил ему Джанапутра, заметив, что риши ушел в себя и стал впадать в забытье или, наоборот, в какое-то припоминание.

Чтобы сосредоточиться, старец приподнял руку, положив большой палец на полусогнутый указательный. Он закрыл свои глаза для удержания сознания в полной тишине, а затем сказал царю Джанапутре:

– Потому что последний и есть следующий. Каждый, кто вполне осознает в себе Того непроявленного Бхагавана, и есть последняя аватара Всевышнего. Последняя – не потому, что другие воплощения невозможны. Она будет последней лишь в конечном множестве шести-чисел, а за ней, Джанапутра, за ней всегда будет следовать бесконечность! Проявляя Себя конечным, в действительности Он не является конечным, и если кто-нибудь скажет, что он – истинный, по-

следний Посланник Бхагавана, за которым нет и не может быть другого, знай, что это обманщик.

Последняя Бхагаван-аватара и есть смертная джива-саттва, вполне осознавшая в себе светозарную вечность любви Всевышнего к Истине. Она последняя, потому что смертная, и она бесконечная, потому что вечная. Только так завершается йуга невежества. Она существует и перестает существовать лишь в темном сознании теней, и душа, ожидающая света извне, еще будет блуждать впотьмах времени. Но душа побеждающая добывает свет во тьме своего сознания, и существо времени уже не будет питаться ею.

Как с наступлением утра завершается ночь, как прозрение прекращает путаницу мыслей, как меч, разрубающий узел противоречий, как праведный суд, избличающий ложь, как выздоровление после долгого опьянения, как прорастание семени, оставленного после увядания, как вода, смывающая грязь и сама себя очищающая, как влюбленные наедине, сбрасывающие с себя жаркие одежды. Так наступает последняя Бхагаван-аватара в каждом сознании.

Закончив произносить эти слова, Пурусинх ощутил во всем своем теле необъяснимую легкость, как будто направление гравитации внутри постепенно сменило направление снизу вверх. После чего тело его отделилось от вершины Сахасра-ширы, приподнявшись над ней.

– Пурусинх, к тебе вернулись силы сиддхи! – обрадовался царь Джанапутра. – Ты снова паришь в воздухе!

– Все это происходит спонтанно, – совершенно спокойно ответил старец. – Джанапутра, я начинаю пробуждаться в другие миры и пространства.

– Подожди, Пурусинх, ты не можешь вот так уйти! Ты так и не изложил всей запредельной Истины, – спохватился Джанапутра, пытаясь остановить пробуждение Пурусинха.

– Излагая истину, очень легко ее изолгать. Вот почему маха-риши не излагают всю Истину, а только поддерживают стремление к Ней. Для тех, кто достиг сверхобычной вершины, высшим смыслом становится не достижение, а поддержание.

Пурусинх медленно кружил возле Джанапутры, он левитировал уже так высоко, что протянул ему свою руку, чтобы Джанапутра мог удерживать его еще какое-то время.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил! – вопиял Джанапутра. – Не уходи, прошу тебя!

– На вершине этого мира я бы хотел попрощаться с тобой не как с царем, а как со своим сыном, как с частью самого себя. Потому что часть своего пути ты должен будешь пройти без меня, Джанапутра.

– Но я не готов к этому, я не знаю, куда идти. Не оставляй меня, отец!

– Не думай обо мне, Джанапутра! Думай только о запредельной любви – лишь она одна имеет смысл.

Глядя вверх, на безмятежное лицо Пурусинха, висевшего над ним головой вниз, Джанапутра все равно не хотел его

отпускать:

– А как же воинство Сатананты? Кто с ним сразится? Мне не выстоять в сиддхической битве без тебя!

– Ты ведь не забыл, как произносить мантру, которой ты меня вызвал, – двинул бровями Пурусинх. – Когда мои силы потребуются тебе, ты всегда сможешь ее прочесть.

Пурусинх обозрел сиддхическим взглядом воинство Сатананты, которое просачивалось к сверхобычной вершине, мечтая захватить и присоединить Ее к темному царству. Он приблизил свой взгляд к каждому воину, вглядываясь в лица теней, поднимающих черные, растрепанные в клочья знамена, восседающих на зловонных, полумертвых лошадях. Он увидел вурдалаков, воинов с головами саранчи и кровожадных шакалов, ощутив их желания, иллюзии и темные страхи, которые движили ими.

Среди них в окружении многочисленной рати царей-самозванцев неспешно ехал наместник Сатананты верхом на коне, извергающем из ноздрей клубы зеленого пара. Законанный в непробиваемые черные доспехи, он скрывал лицо под забралом, чтобы никто не мог его узнать, чтобы никто не догадался, кто на самом деле ведет темные орды по льдам океана Безмолвия. Но когда взгляд Пурусинха встретился с пустыми глазами наместника, он узнал его даже под забралом черного шлема. Он узнал глаза Лючии – падшего ангела Света, и она, ощутив на себе сиддхический взор, тоже как будто узнала его.

– Одной мантрой в сиддхической битве, конечно, не обойтись, – произнес старец, закатывая глаза.

Изо лба Пурусинха на вершину Сахасра-ширы излился поток света, в котором мчался лучисто-белый конь, окруженный защитным сиянием мистической попоны. Он вырвался из потоков сиддхического света и встал на дыбы над океаном Безмолвия, попирая воинов Сатананты корундовым копытом, в котором мерцали звезды и сварги неисчислимых миров.

– Сей конь сверхобычен, Джанапутра! Он не принадлежит ни мне, ни тебе, являясь праджней чистого восприятия – предзнанием, способным опережать самое время. Он будет нести тебя к тем незримым целям, к тем прайоджанам, что избавляют существ от причин, порождающих бремя кармических следствий. Ничто не может его запятнать, кроме твоего же сознания, поэтому содержи его в чистоте, Джанапутра.

– И он поможет сразиться со всем этим воинством?

– Да, но, похоже, ты будешь сражаться не один, – заметил старец.

Над тучами, окружавшими Сахасра-ширу, со всех сторон света поднималось великое воинство. Тысячи тысяч высокогорных грифов летели в апитовых одеждах, удерживая в птичьих лапах молниевидные ваджры. На широких спинах они несли львиноголовых кшатриев, изготовивших к сиддхической битве тришулы, стрелы и луки. А за ними из туч под-

нимались могучие молодые сфинксы, размеренно взмахивая огромными крыльями.

При виде всего этого светлого воинства, возникшего неизвестно откуда, сердце Джанапутры наполнилось духом победы. Оно стало биться в один такт со всеми этими ратниками, и он осознал, что это сиддхическое воинство было единым духовным существом – неуничтожимым, тысячеруким, тысячеглавым, тысячеглазым, пребывающим не только в этом, но и во многих других мирах. Всех этих воинов призвала Сахасра-шира. Она собрала их на битву, где бы они ни находились – и они отозвались на призыв сверхобычной вершины. Воины света прибывали и прибывали к ней, появляясь отовсюду через зеркала сиддхов, и не было им конца.

В тот самый миг, когда он достиг полного единения с призванным Сахасра-широй тысячеруким существом, тело Пурусинха истончилось настолько, что стало астральным, и Джанапутра не смог больше удерживать его в своей руке. Рука Пурусинха прошла сквозь руку Джанапутры и отделилась от нее. Однако Джанапутра продолжал ощущать в своей руке нечто холодное и сверкающее.

– Теперь, Джанапутра, ты обладаешь всем, что тебе необходимо. Меч в твоей руке – это меч сиддхической мысли, которая пронзает и поражает всякое сознание, пребывающее во тьме. Выкованный из самого времени, он мгновенно разбивает ложные образы, не разрушая тел джива-саттв. Так, царь Джанапутра, ты победишь в этой битве всех даймонов

Сатананты.

Подняв над головой меч сиддхической мысли, Джанапутра прощался со своим отцом Парамаджаной, с Пурусинхом, первопредком ягуаров и царем Северных гор, с мудрым йогином, со своим астральным двойником и обычным человеком по имени Йуджин. Он улыбнулся ему, хотя в глазах его застывали слезы. В ответ Пурусинх исполнил хасту благословения, прощаясь с ним и прощаясь со всем подлунным миром. Он улетал в джамбуловые небеса, где восходила индиговая, а за ней пинковая луна, где медленно парила полная перламутровая луна, а еще выше виднелась далекая лазурно-бирюзовая луна. Он словно падал, но падал не вниз – а вверх, не чувствуя у себя за спиной совершенно никаких ограничений.

Вылетев за пределы аджана-локи, он все еще продолжал видеть под собой вершину Сахасра-ширы. Он видел, как с Нее сошел царь Джанапутра верхом на лучисто-белом коне. Он сошел на темное воинство Сатананты, подобно снежной лавине, и тысячи воинов бились плечом к плечу в той великой битве, являясь такими разными, но едиными и неотъемлемыми таттвами одной и той же сверхобычной сущности.

Падение вверх продолжалось. Его уже ничем нельзя было удержать, оно лишь ускорялось, и вскоре весь подлунный мир свернулся в хрустальный шар, в звезду, в чакру сварги, в разноцветные нити Вселенной, от которых он удалялся все дальше и все быстрее...

***

Пространство замелькало всеми цветами радуги, затем миллионами других неуловимых оттенков, которые почти не воспринимались зрением, переходя в тончайшие звуки и создавая многомерные абстракции, сотканые из колебаний светонесущей праны. Его астральное тело дышало этой тончайшей праной. Он дышал светом и созерцал его одновременно. Зрительное восприятие стало непрерывным продолжением звукового, звуковое – продолжением телесного, телесное – продолжением сознательного... Все эти восприятия неразличимо слились друг с другом, выступая разнообразием преобразований глубинных полей энергии, в которые он падал, которые уносили его все дальше, притягивая сверхдальним взаимодействием.

А затем – все прекратилось. Навсегда. Надолго. Навечно. С ним совершенно ничего не происходило, но с ним что-то длилось – это было время, и оно было им. Он не мог понять, почему больше ничего не было, даже тьмы. И это было, пожалуй, самым необычным. Чтобы свет мог изгонять тьму, рассеивая ее, а тьма могла догонять или поглощать свет, скорость тьмы должна была отличаться от скорости света. Другими словами, скорость тьмы должна была превышать скорость света. Но если здесь не было даже тьмы, то что же это было?

Он должен был давно пробудиться, но куда и как пробуд-

даться? Если он все еще длился, обогнав скорость света и скорость тьмы, то что должно было произойти, чтобы это с ним происходило? Уничтожение тьмы? Ну, конечно! Он ведь испустил часть своей души в открытую пору Калиманаса, вернувшись к моменту, когда аннигилировала голова Свабуджи, точнее, одна из голов бесконечноголового Сатананты. Она была уничтожена силой сиддхической мысли, стало быть, мысли обладали некоторой скоростью. Они могли вычитаться, если забывались, и они могли складываться, если длились дальше. Когда скорость сиддхической мысли превысила скорость света и скорость тьмы, тело Калиманаса разорвалось, так как время его существования не смогло длиться дальше относительно времени мысли Пурусинха, пребывавшего внутри его чрева.

Так вот почему пробуждение никак не наступало! Он застрял там, где не было ни света, ни тьмы. Часть его души продолжала пребывать где-то между светом-и-тьмой и чем-то еще – совсем уж потусторонним. Чтобы выбраться из этого состояния, следовало либо замедлить дление времени, стирая память и забывая мысли, и тогда бы он снова сравнялся со скоростью тьмы, может, вернулся бы в пространство сна меньшей размерности, либо можно было продолжить ускорять дление времени, увеличивая размерность мысли.

Падая в глубинные поля энергии, он растянулся до бесконечности, приняв ментальную форму сверхтонкой грани. Он так разогнал свои мысли, что оказался на самом острье

времени, стиснутого настолько плотно, что оно легко входило в любой интервал между светом и тьмой. Сложив вместе прежние мысли, он просочился через острие этой грани в иное измерение. Только тогда он смог определить, что эта сверхтонкая грань и острие, которое могло входить в любой интервал между светом и тьмой, принадлежали мечу сиддхической мысли, рукоять которого он передал Джанапутре!

Здесь, в неизвестной размерности, куда он попал после уничтожения пустотности Калиманаса, продолжали извиваться оставшиеся змеиные головы Сатананты, но теперь они представлялись не бесконечным объемом абсолютной тьмы – теперь они выглядели всего лишь многомерной тенью! Вся эта огромная подвижная тень, пронизывающая множество миров, была ментальной проекцией иного Сверх-тела и Сверх-сознания. Ему захотелось разглядеть духовную сущность, от которой отпал змей Сатананта, но размерности его сознания для этого было недостаточно. Столь же безуспешно лежавшая на полу пылинка могла бы оглядываться вокруг, пытаясь разглядеть другую страну, планету или галактику.

Он расширил свое сиддхическое зрение до предела – и за горизонтом искривленных сверхсветовых потоков перед ним проступили смутные кольцевидные очертания мистического инобытия, контуры которого старательно повторял змееголовый Сатананта. Вероятнее всего, это был бездонный океан причинности, в водах которого обитал вселенский дух Ананта-шеши, а бесконечно вьющиеся кольца были кальпами вре-

мени, которые меньше всего походили на плоские изображения колец Ананта-шеши из популярных заметок по индийской философии.

Вне времени и пространства, где прошлые и будущие состояния могли становиться видимыми, как некие кольца в кольцах, вселенское тело Ананта-шеши и волны океана причинности были как бы одной и той же сверхсущей энергией. Всевозможные события, которые не входили в обозримое будущее-прошлое и прошло-будущее, перемешивались вокруг колец как хаотичные потоки океана причинности. Больше всего эти потоки и кольца напоминали движение странных аттракторов в математике, но только это была совсем другая высшая математика, находившаяся за пределами всех вычислительных способностей человека.

В том запредельном инобытии, где можно было созерцать и перемещать потоки времени, свет был почти таким же, как в сновидениях, только без примесей тьмы. Или, быть может, тьма здесь была спектральной. От этого пречистого света и отпадала змееголовая тень Сатананты, мечтающая заместить собой Анантадева и океан причинности. Но темные головы Сатананты не могли ворваться сюда из внешних измерений, смещенных с тьмой.

Так, пребывая в глубочайшей медитации где-то между светом и тенью, он созерцал движение временных колец, с трудом поддающееся запоминанию. Что он сумел очень четко запомнить, так это то, как одно из циклопических вселен-

ских колец вдруг стало к нему приближаться, подобно космической волне, возникшей от взрыва сверхновой. Он ощутил каждой клеточкой, как эта жуткая волна прошла сквозь него, случайно захватив его с собой, а затем вытолкнула его сознание обратно в океан причинности.

Евгений вздрогнул всем телом и проснулся. События сна уплотнились настолько, что он мгновенно все позабыл – в его памяти сохранились лишь какие-то туманные образы, между которыми невозможно было восстановить логические связи. Господи, сколько же всего с ним произошло!

Он потер свой висок и провел рукой по подбородку. Если бы он мог хоть что-то восстановить из тех впечатлений, которые пока еще не стерлись окончательно из его памяти! Как вообще могло такое присниться ему, обычному человеку, который никогда не занимался всякого рода духовными практиками, медитациями и тренингами в йога-центрах?

Возможно, все это было не так уж и нужно для выхода за рамки обыденности, за рамки однобоких учений, которые так часто выдавали за подлинную *«реальность»*, но которые на самом деле ничего не давали человеку, а только забирали – забирали веру в высшую справедливость, веру в самого себя, в духовность, в возможность противостоять вездесущей лжи, которую взхлеб распространяли адепты разрушительных псевдофилософских течений.

Они обманывали всех и каждого рассказами о *«правах»* и *«свободах»* человека, нарушая при этом все мыс-

лимые права и свободы, развязывая международные конфликты и «цветные» революции, чтобы убивать, уничтожать целые народы и цивилизации под надуманным предлогом «освобождения» их от чего-то ужасно нехорошего. Но самыми ужасными, самыми деструктивными существами были, несомненно, они сами – все те, кто с убеждением отстаивал «свободу», ничего в ней не смысля и не понимая того, что вот так никакого освобождения ни с кем как раз не наступит.

Записав несвязанные обрывки сновидения в тетрадь, Евгений решил проверить значение некоторых слов, которые ему запомнились и которые имели явно санскритские корни. Он включил ноутбук, чтобы найти в своей электронной библиотеке санскритско-русский словарь. Но на экране всплыло сообщение: «*Недопустимое значение времени. Попробуйте настроить системное время*». Протрав глаза, он кликнул на панели задач по часам – и просто не поверил тому, что видит! На часах стояла дата: «*Январь. 12102 год*».

Какие-то чудеса продолжали с ним происходить наяву, как будто в продолжении сна, однако это была уже вполне объективная, проверяемая реальность. Настроив системное время на ноутбуке, он отправился заваривать кофе. А когда вернулся, решил снова попробовать набрать «*12102 год*», но ничего не получилось! Как выяснилось, в строке года на табло вводились только четырехзначные числа, и никакое пятизначное значение *12102* ввести туда было в принципе невозможно...

Размышляя над этим странным «перемещением» во времени, он подошел к единственному на цокольном этаже окну и стал разглядывать в нем проезжую часть дороги и припорошенные снегом стволы деревьев. Он все еще надеялся что-то вспомнить из своего сна. Но это уже не представлялось возможным. Его память затуманилась, как само это окно, к которому прилипали белые снежинки. Они падали неравномерно, стекая каплями вниз и в бок – вниз и в бок. Он сделал шаг назад и наклонил голову, пристально к ним присматриваясь.

Взяв тетрадку, он повторил в ней знаки, которые вырисовывались на стекле каплями мокрого снега. Они были в точности как буквы деванагари! Во всяком случае, первые несколько букв ему удалось сразу прочесть. Это была та самая мантра, с которой все началось, которая так долго звучала у него в голове перед тем, как он заснул. Он вспомнил этот протяжный напев «*Ом-нама-пурусинхум*», и когда эта мантра снова прозвучала в его сознании, обрывки несвязанных образов стали выстраиваться по порядку, восстанавливая в памяти весь сон вплоть до мельчайших подробностей.

Эпизод тринадцатый.

Врата Индии. Вриндаван

Пока человек думает, что он может быть счастливым, он еще может испытать счастье, пока его душа не осквернилась и живет светом, он еще способен возвращаться к изначальной чистоте, и если мы продолжаем верить в чудо, с нами еще будут происходить чудеса. Бессмысленно и глупо это объяснять, это нечто необъяснимое – то, что недостижимо никакими внешними воздействиями. Настоящее чудо изливается из самой души. Оно не отличается от всего остального, что с вами происходит, но тем, что оно происходит, оно отличается от всего остального, и когда это происходит – вы понимаете, что это самое лучшее, что с вами могло произойти.

Он держал в руках билет, не понимая, что с ним делать, до сих пор не представляя себе, что скоро он попадет в другую страну. Конечно, накануне он составил маршрут, собрал в сумку кое-какие вещи и даже отправил в отель электронное письмо с датой своего приезда. Тем не менее, все это казалось ему чем-то нереальным, чем-то несвязанным с этим билетом, с этой сумкой и с ним самим. А может, именно это несвязанное с ним самим ощущение и было более правди-

вым, более реальным, и только странная привычка находиться в каком-то определенном месте не позволяла ему увидеть этот мир сразу таким, каким он являлся в действительности – неразделенным на вчера-сегодня-завтра-оттуда-здесь-и-туда.

– О чем задумался? – по-приятельски подбодрил его Валерий. – Ты, главное, не дрейфь, Нью-Дели – город современный, там невозможно заблудиться. Это у нас, в сибирской тайге, уж как заблудишься – так заблудишься.

– Все равно странно как-то, – усмехнулся Евгений, – будто не со мной все это происходит.

– Да нормально все будет! Ну, давай, удачи!

Евгений пожал бригадиру руку, закинул на плечо сумку и остановился перед широкими дверями склада, чтобы надеть наушники и включить плеер в кармане, в котором зазвучал тихий голос Вячеслава Бутусова: *«А мокрый снег падал, а я шел домой»*. Возле бетонированной площадки перед складом стояла темробудка с открытым бортом. Михалыч на автопогрузчике подвозил к ней поддон с макаронами и, увидав Женича, махнул ему рукой.

– Загрузить сможешь? – рявкнул он своим вечно простуженным голосом.

Помотав головой, Евгений широко улыбнулся и, чтобы объяснить, что у него нет на это времени, постучал пальцами по запястью, как бы показывая на несуществующие часы.

– Да шучу я! – захохотал Михалыч. – Ты это, слышь,

Женька? Гостинец мне какой-нибудь привези, из Индии-то.

Он кивнул ему в ответ, оттопырив вверх большой палец. Евгений в самом деле торопился на трамвай, чтобы добраться до ближайшей станции метро, а оттуда на автобусе до аэропорта. Он знал, что за всю жизнь Михалыч ни разу не был за границей и, пожалуй, именно Михалыч радовался за Женьку больше всех. Он был из той породы людей, которые еще помнили, как зимой вместо автобусов по городу ходили сани, запряженные лошадьми, как самой большой радостью в детстве было заполучить на новый год сахарный гребешок на палочке или затвердевший кусок халвы в серой бумаге, а летом – собрать самокат на подшипниках, снятых с той деревянной тачки, что осталась от безногого инвалида войны, разъезжавшего на ней с гармошкой наперевес по прокуренному вокзалу. Так что в понятиях Михалыча зарубежные поездки были исключительной прерогативой партийного руководства, высшей наградой для особо отличившихся комсомольских активистов, и он невольно стал причислять Женьку к большим начальникам, как только услышал, что тот получил из Индии приглашение на какую-то конференцию. И переубедить его было уже невозможно, в этом был весь Михалыч.

Евгений подошел к трамвайной остановке, сел в пустой трамвай на привычное потертое сиденье и уставился в окно, за которым повалил густой снег. Трамвай осторожно тронулся и покатился, стуча по рельсам, трезвоня на поворотах

подсекавшим его автомобилям и, как назло, останавливаясь на каждом встречном светофоре. Город словно не хотел его отпускать, расставляя слабеющими щупальцами мелкие препоны, но вовсе не потому, что ему были нужны люди, представлявшие некую *«высшую ценность»*.

Нет, конечно же, нет! Город анализировал ваши биометрические данные, учился распознавать ваше лицо вовсе не для того, чтобы вас от чего-то обезопасить, как об этом талдычили ультрасовременные доктора Шнобели и ученые Франкенштейны. Город ревностно следил за вами, контролировал каждый ваш шаг, каждое ваше суждение, что вы смотрите, читаете, с кем переписываетесь, что и где покупаете, лишь по одной единственной причине – ему были нужны потребители услуг, рекламы и денежной массы, как можно больше ненасытных потребителей!

В сущности, все города были одинаковы. Поначалу они заманивали тебя веселыми развлечениями, возможностью быстро подзаработать, пичкали тебя роликами про телефон последней модели, который откроет тебе огромный мир, делает тебя свободным и самым счастливым человеком на свете, а потом постепенно взваливали на тебя дополнительные функции, опции, обязанности, о существовании которых ты раньше не догадывался, кредиты, ипотеку, цифровые подписи, пластиковые карты, обращая тебя за пару лет в достаточно комфортабельное рабство. Они так ловко эксплуатировали твой мозг, присваивали себе твою жизнь, твои мысли, ес-

ли они у тебя еще оставались, что ты просто не мог никуда вырваться. Ты в буквальном смысле слова не мог больше жить без города. Ты переставал адекватно воспринимать любую другую жизнь вне города, и переезд из одного города в другой становился для тебя лишь сменой рабовладельца, способного улучшить условия твоего содержания, но это ни в коей мере не отменяло урбанизированного рабства, в которое было согнано все человечество.

Он вышел из трамвая, пересек улицу, спустился в метро и вскоре оказался в незнакомом районе мегаполиса. Впервые за несколько зимних месяцев он покинул свою стационарную орбиту от конечной трамвайной остановки до магазинчика на цокольном этаже и сейчас выглядел растерянным в окружении модных автосалонов, гигантских супермаркетов и ночных клубов, подмигивающих абсентово-зелеными глазками. Если в центре города изредка еще попадались памятники архитектуры, какие-то узнаваемые очертания и ориентиры, то здесь, на окраине, все было равномерно чуждым. Несмотря на то, что эти улицы застраивались по хорошо продуманному плану, с учетом всех потребностей быстрорастущего города, выглядели они совершенно непригодными для осознанной жизни людей, ведь осознанная жизнь людей в потребности мегаполиса как раз не входила.

Добравшись до аэропорта, он первым делом взглянул на табло, обнаружив, что все ближайшие рейсы задерживаются.

За огромными футуристическими окнами аэропорта падали хлопья снега, туда-сюда разъезжали сервисные службы с мигалками и снегоуборочные машины. Он не мог припомнить такой снежной пурги за всю зиму. Но его беспокоило даже не это, а то, что в Нью-Дели ему, похоже, придется добираться до отеля на такси. А своеобразие индийских таксистов состояло в том, что они без зазрения совести могли отвезти тебя совсем не в тот отель, в который ты планировал попасть. Это не означало, что они были плохими таксистами, и далеко не всегда между таксистом и отелем действовала некая договоренность. Просто индийские таксисты иной раз считали, что им лучше известно, в каком отеле вы сможете удобнее и безопасней устроиться на ночлег. И в этом, безусловно, существовала своя логика, которую европейский человек был склонен почему-то отвергать.

Чтобы скоротать время, Евгений заглянул в кафе, заказал там чашечку горячего шоколада и уселся на диванчик, наблюдая за круглосуточной жизнью аэропорта, протекавшей днем и ночью без перерывов и остановок. Здесь все двигалось размеренно – не слишком быстро, не слишком медленно, совсем не так, как ему приходилось крутиться на оптовом складе, чтобы хоть что-то успеть. Была в этой смене обстановки какая-то нотка надежды. Наверное, в ожидании своего рейса все люди чуточку отстранялись и становились немного мечтателями, и он тоже мечтал о чем-то, уставившись взглядом на снег, пролетающий за окнами аэропорта.

Ему казалось, что он уже достаточно растворился в этом безликом городе, в беспросветности этой жизни, чтобы проникнуться духом времени, и пора бы уже было начать в этой жизни чему-то меняться. Но только все изменения до смешного повторялись, так что ничего ведь на самом деле не менялось. Одни и те же заседания правительств, одни и те же слова, имена, лица. Одни и те же сюжеты, и даже названия фильмов были одними и теми же. Все повторялось, как по заезженной пластинке, теряя всякое значение, и никто не знал почему.

Он чувствовал, что не может найти себя в этом мире – не потому, что он в нем потерялся, а потому, что в действительности был потерян сам мир, и как бы отчаянно он ни пытался в нем себя отыскать, найти себя в потерянном мире было невозможно. Да, он мечтал найти мир – мир, который у всех украли, хотя он сам не понимал до конца, кто его похитил и где его нужно было искать.

Наконец, пурга утихла, и на табло международного терминала стали появляться сообщения о задержанных вылетах. Спустя минут сорок он уже сидел возле иллюминатора, разглядывая под крылом самолета висевшие в небе острова из пурпуровых туч. Он проплывал над облаками, над огромным лоскутным покрывалом запорошенных снегом полей, синеватых лесов с прожилками из молочных рек. Неужели все это – от сих до сих, от горизонта до горизонта – неужели все это и была его родная земля? Море из облаков проплывало

где-то далеко внизу, медленно переворачивалось, и в его сознании тоже как будто начинало что-то переворачиваться.

Мегаполис превращался в едва заметную паутину с крохотными небоскребами, которые могли внушать трепет лишь там, на земле. Отсюда было видно, что настоящая жизнь протекала не в этих небоскребах, не в этих чванливых городах-муравейниках, она протекала где-то там, в необъятной стране малых городов и деревень, из которой мегаполисы жадно высасывали последнюю кровь. Но именно там, в обреченной на нищету и вымирание провинции, еще теплилась и сохранялась настоящая глубинная душа России, о существовании которой понятия не имела наука. И все же глубинная душа существовала, и она могла чувствовать неизмеримо больше столичных городов, в которых давно не было ни души, ни совести, ни духа.

Разве ни удивительно, стоило человеку чуть приподняться над облаками – и он уже словно попадал в иное измерение, теряя из вида привычные ракурсы и детали, замечая вместо них нечто куда более значимое. Замечая, что все эти небоскребы вовсе не «скребли» небо, как можно было подумать из названия, и что так называемая центральная Россия вовсе не была центральной. Замечая, что источником всех войн и революций всегда были и будут самые алчные города-рабовладельцы и что «*сильные мира сего*» вовсе не были так сильны, как об этом говорили. Замечая, насколько искажено было восприятие людей, привыкших называть вещи не сво-

ими именами и ругавших других людей за то, что те тоже называют вещи не своими именами, привыкших к бредовости своего мнимого всезнайства, бумажных законов и мира, который они считали объективным и реальным.

Он размышлял об этом, пролетая над океаном из облаков, которые то появлялись, то исчезали, обнажая неведомые ему моря, коричнево-желтые горы и пустыни. За иллюминатором становилось все темней и темней. В какой-то момент он просто потерял счет времени и вышел из этого состояния, когда в салоне самолета прозвучал мелодичный сигнал, предупреждающий о начале снижения. Командир экипажа сообщил о скором прибытии в аэропорт Нью-Дели, о температуре воздуха за бортом плюс 28 градусов, к чему Евгений отнесся с большим недоверием. Он взглянул вниз, увидав в черном небе незнакомые огни – они были чуть красноватыми и почему-то отличались от тех городских огней, к которым он привык.

***

Побывать в Индии – все равно что побывать на другой планете, здесь изумляет и поражает все – иные вибрации воздуха, экзотическая растительность, разнообразие храмов, немыслимые контрасты. Но если вы прилетите сюда только для того, чтобы поглазеть на достопримечательности, посетить святыне места, совершить пуджу с возлияниями

на шива-лингам и пением мантр, вы ровным счетом ничего не поймете, вы останетесь глупым инопланетянином, который, прогулявшись по поверхности с другой гравитацией, с облегчением прилетит обратно и будет показывать друзьям диковинные статуэтки индийских богов, выкладывать фотографии, рассказывая, куда ездил, что видел, чем был шокирован. И все же вряд ли это будет о чем-то говорить, вряд ли это будет подтверждением того, что Индия приоткрыла вам свои подлинные богатства и сокровенные тайны.

В окружении группы туристов, европейских студентов, индийских женщин в золотисто-зеленых сари он прошелся по мягкому паласу, спустившись на первый этаж аэропорта имени Индиры Ганди. Здесь пассажиры стали расходиться кто куда. Он остановился, не зная, куда ему идти дальше, и увидел прямо внутри здания аэропорта дорогу, по которой ездили машины. Ему потребовалось еще некоторое время, чтобы сообразить, что на самом деле он уже стоял на улице. Просто при выходе из помещения не ощущалось никакой разницы температур, везде горели светильники и росли пальмы, которые он привык воспринимать за комнатные растения. Для человека, который только что увязал в сугробах и наблюдал за окнами снежную пургу, было трудно разобраться, какое пространство считалось здесь внешним, а какое внутренним.

Рассеянно вращая головой то в одну, то в другую сторону, он наткнулся на индуса, который, видимо, уже целую минуту

терпеливо стоял прямо перед ним, держа в руках какую-то табличку. Евгений пригляделся к табличке и прочел там свое имя, записанное округлыми латинскими буквами.

– О, намастэ! – улыбнулся Евгений, догадавшись, что индус приехал за ним из отеля.

– Добро пожаловать в Индостан, – приветствовал таксист на английском.

– Отель «Аджанта»? – решил на всякий случай уточнить Евгений.

– Да, пожалуйста, следуйте за мной, – индус сделал жест рукой, приглашая его в машину.

Они сели в припаркованный рядом седан и поехали по ночному Дели с цветущими клумбами, подсвеченными фонтанами, блестящими автомобилями на магистралях. Евгений ловил взглядом каждый уголок, каждую улицу, многоквартирные дома с просторными балконами и прогулочными площадками на крышах, где отдыхали люди.

– Кья ап хинди боль сакте хэ? – спросил таксист, заметивший, что Евгений хочет завязать с ним разговор, но не знает с чего начать.

– На, нахи болта, – ответил Евгений.

Индус рассмеялся и выдал выражение, которое в переводе звучало примерно так: «*Говорите на хинду, что не говорите на хинду. Как такое возможно?*». Евгений усмехнулся, затронув лоб рукой. Он понимал, что ему говорит индус, но не знал, как это выходило. Подвигав руками, Евгений попы-

тался ему объяснить по-русски.

– «*Болта*» на хинди, – произнес он, – походит на русское «*болтать*».

Судя по всему, таксист его понял и сказал, что сразу подумал, что Евгений прилетел из России. Между ними завязался непередаваемый разговор. Они стали болтать – именно болтать – на смеси из языков, и при этом неплохо друг друга понимали, задействовав какие-то навыки, позволявшие им общаться, не зная значений слов. Евгений никогда в жизни не сталкивался с подобным феноменом, но в Индии, как впоследствии он не раз убеждался, у человека вообще пробуждались многие угнетенные в современном мире способности. Они с таксистом не смолкая проговорили всю дорогу, пока не подъехали к отелю.

Вернее, это была целая улица отелей, на которой всегда можно было найти недорогой чистый номер. Однако когда машина остановилась возле здания с галереей больших окон на первом этаже и белой колоннадой на балконах, Евгений убедился, что выбрал для себя, пожалуй, самую подходящую гостиницу, где не ощущалось никакой навязчивой помпезности, в то же время весь интерьер был со вкусом подобран под изысканный XIX век. Плетеные кресла, столики, подставки для цветочных вазонов и, конечно же, лакированный божок Ганеша с гирляндой цветов на слоновьей шее. На стенах в фойе красовались сепии старинных фотографий с махараджами и сикхами в тюрбанах, с эпизодами охоты на лео-

парда, с видами Старого Дели, который местами практически не изменился.

Разменяв у стойки регистрации валюту, Евгений неожиданно для себя, за какие-то пять минут, сделался состоятельным по индийским меркам человеком. Было в этом действии что-то от черной магии, с помощью которой биржевые жулики и спекулянты транснациональных корпораций скупали за свои разноцветные бумажки природные ресурсы и правительства якобы суверенных государств. Но обменять рубли на рупии, минуя покупку валюты, было невозможно. Поэтому он тоже, как и все туристы, был вынужден включиться в это глобальное надувательство, поддерживающее богатство одних и нищету всех остальных стран.

Он получил ключ от своего номера, где первым делом принял душ и с удовольствием плюхнулся на кровать, испытывав прилив свежих сил. Надо признать, он чертовски устал, отправившись в Индию вот так, напрямик после работы. Полежав немного и подумав, с чего начать завтрашний день, который вообще-то уже наступил, он закрыл глаза и мгновенно заснул.

Проснувшись рано утром, он ничего не мог понять – откуда-то сверху ему задавали странные вопросы: «*Кто такой? Кто? Кто ты такой?*».

– Кто здесь? – прошептал Евгений, приподнимая голову.

– Кто такой? Кто? Кто ты такой?

Слова произносились очень четко, как будто скороговор-

кой, однако в номере никого не было. Взглянув вверх, он заметил на крышке кондиционера индийскую птичку, которая залетела в открытое окно. Здесь, в Индии, это была обыкновенная галка или, быть может, трясогузка, но она не чирикала – она действительно издавала звуки, похожие на слова, которые русскому человеку были понятны! Ему сразу вспомнились старые добрые сказки, в которых животные и птицы могли говорить человеческим голосом, и ему показалось... Как бы это сказать, ему показалось, что он сам только что соприкоснулся с одной из таких сказок. Но заколдованной оказалась не залетевшая к нему птица Гамаюн, а он сам – он сам оказался до такой степени иностранным для этого места, что привносил своим восприятием какой-то иной порядок в происходившие с ним события.

В фойе гостиницы он сходил перекусить в ресторанчик. Подошел к девушке-администратору по имени Лакшми и спросил у нее, может ли он воспользоваться телефоном, чтобы вызвать такси. Но она сказала, что таксист его уже ожидает. Евгений повернул голову, увидав у входа в отель индуса в голубой чалме, плотно намотанной на голову.

– Вы уверены? – спросил он у нее на английском.

– Да, вас ждет мистер Туту Сингх, он говорит по-русски, – ответила девушка.

– О'кей, большое спасибо, – поблагодарил ее Евгений.

Он вышел из отеля и по-дружески протянул руку индусу, стоявшему рядом с компактным хэтчбеком, наилучшим об-

разом подходившим для поездок по делийским улицам.

– Намастэ, мистер Титу! Вы говорите по-русски?

– Доброе утро! Да, ночью вас подвозил мой друг, Раджив Кумар, – произнес Титу на чистейшем русском.

– Понятно, а меня Евгений зовут, можно просто Женя. Вы можете показать мне Дели?

– Да, конечно, – добродушно улыбнулся Титу Сингх.

– Хорошо! А если мы будем ездить целый день?

– Без проблем, – пожал мистер Титу плечами.

Евгений сбегал в номер за сумкой и вприпрыжку спустился вниз. Так началась его незабываемая экскурсия по Дели. Он сделал пару снимков возле Красного Форта, посетил крупнейшую мечеть Джама-Масджит, где у него свистнули тысячу рупи, пока он расплачивался за фотографии. Мистер Титу, узнав об этом, повел его обратно в надежде отыскать паренька-воришку, но от того, конечно же, уже и след пропал.

Они прогулялись по рынку, где торговали фруктами с велосипедных прицепов, прошли мимо трехэтажных домов, хаотично опутанных проводами, рекламными вывесками и кондиционерами. По обочинам дорог бегала босоногая детвора в ярких одеждах. Кое-где на улицах встречались мусорные завалы. Впрочем, по сравнению с трущобами за чертой города, можно сказать, в делийских кварталах царил идеальный порядок. Всюду виднелись ограждения с надписями «*Delhi-police*». По городу сновали желто-зеленые тук-туки и

мотороллеры. Велорикши крутили педали на своих больших трехколесных велосипедах.

Но самым подозрительным было то, что всюду спокойно разъезжали и ходили люди, с ног до головы облитые зеленой, покрытые какими-то малиновыми и фиолетовыми красками. Выглядело это, надо сказать, довольно-таки пугающее. Евгений, наконец, не вытерпел и спросил у мистера Титу, указав рукой на забавного песика, который тоже был для чего-то окрашен малиновой краской:

– Зачем его помазали? Он чем-то болен?

Титу Сингх, обычно очень уравновешенный и спокойный, вдруг захохотал.

– Это Холика! – объяснил он, пытаясь сдержать смех и смахнув слезинку с краешка глаза. – Праздник красок! Многие специально приезжают на Холи-фестиваль, я думал, вы тоже приехали на него посмотреть.

– Нет, вообще-то на конференцию, но она завтра должна начаться, – Евгений провел рукой по лбу и усмехнулся.

– Так вы ученый? – полюбопытствовал Титу.

– Нет, до этого, слава богу, не дошло.

– Чтобы посещать храмы, нужна вера, – заметил Титу Сингх. – А вы верите?

– Каждый человек во что-то верит, – задумавшись, ответил Евгений. – Одни верят, другие считают это не верой, а заблуждением.

– Так устроен мир, люди верят по-разному, – согласился

Титу. – Но мы, сикхи, не считаем, что кто-либо из людей знает Бога лучше Самого Бога. Как думаешь, этот пес верит в твой разум?

Он кивнул на смешного разноцветного песика, который уселся на дорогу и закрутил хвостом, сделав очень умный вид.

– Смотри, как виляет хвостом, как будто он что-то понимает. Но он нас не понимает, так ведь? Он не верит, что звезды можно сосчитать, потому что он не умеет считать. Если разобрать мою машину, он увидит разбросанные детали и никогда их не соберет. А теперь представь, что будет, если я посажу его управлять машиной... Видишь, как этот пес не верит в науку, так же ученые не верят в Бога. Они не знают, какие мысли способны влиять на порядок звезд или атомов вещества, поэтому для них весь этот мир случаен.

– Да уж! – усмехнулся Евгений. – Если ученые начнут управлять звездами, они таких делов навероятенят... Может, это даже к лучшему, что наука признает разумным только локальный порядок, созданный самим человеком.

– Кажется, этот пес тоже думает, что, виляя хвостом, он создает локальный порядок, – весело подмигнул Титу Сингх собачке. – Но сегодня его накормили, посыпали порошковой краской, и ему поставили точку на лбу, как человеку. Сегодня нам не важно, верит он в разум или нет.

На прощанье Евгений погладил пса с красной отметиной на лбу, и они с мистером Титу поехали в храм сикхов Гу-

рудвара Сисгандж. Возле храма Титу Сингх взял воды из умывальника и побрызгал на колеса машины, затем обтер себе руки и лицо. Повторяя за ним, Евгений тоже ополоснул руки. Мистер Титу вручил ему оранжевую бандану с эмблемой сикхов, которую Женка повязал на голову, и они вошли в храм, откуда раздавались умиротворяющие мелодичные переливы, исполняемые на фисгармонии и барабанах таблу. Получив благословение от гуру, Титу Сингх отвез Женьку к храму Лал Мандир, к тому самому, где работает птичий госпиталь, где во дворике стоит джайнийский стамбух, а неподалеку располагаются лавки старьевщиков и торговцев антиквариатом.

– Предлагаю сейчас посетить Радж Гхат, – сказал мистер Титу, когда Евгений вернулся и сел в машину. – А потом отправимся в Акшардам. Как первое впечатление?

– Нет слов, – ответил Женька. – За один день все это не осмыслить.

– Что верно, то верно, – согласился Титу Сингх. – Если бы не твоя конференция, мы бы могли завтра съездить в Агру, посмотреть на Тадж-Махал.

– Было бы здорово! А может, все-таки получится? После конференции у меня будет еще два свободных дня.

– Не будем загадывать, – улыбнулся Титу. – Не загадывай наперед, как бог приведет.

– Мистер Титу, а можно спросить, – обратился к нему Женька, – где ты так научился шпарить по-нашему?

– О, это было давно! – ответил Титу Сингх, не отвлекаясь от оживленного движения на дороге. – Начал учить русский в армии, когда служил рядом с афганской границей. Потом работал в российской фирме, здесь, в Дели, летал в Москву два раза...

Рассказав немного о себе, индус остановил машину возле мемориала Махатмы Ганди – тихого, ухоженного сквера, где прогретый воздух источал сильные ароматы фруктовых деревьев, всевозможных азалий, ирисов, петуний и неведомых трав. Совершив обход Радж Гхата, постояв у мраморной плиты с горящей лампадой, Евгений наслаждался безмятежностью и раскинувшими зелень широколиственными деревьями. Он посидел на газоне, скрестив ноги, любуясь бледно-сапфировым небом, в котором не спеша парили индийские грифы. По каменным бордюрам шныряли вездесущие бурундуки, которые его нисколечки не боялись. Вдыхая этот мягкий воздух, сидя на этой теплой земле, ему с трудом верилось, что в это самое время где-то там, на краю света, стояли заснеженные сибирские леса, падал снег, а темные реки были скованны метровыми льдами. Под этим знойным небом ему не верилось, что в том царстве вечного холода могли жить люди, и вся его собственная жизнь представлялась теперь какой-то несуществующей выдумкой.

После посещения Радж Гхата машина Титу остановилась на пропускном пункте Акшардама, где всех паломников и туристов избавляли от электронных устройств, технических

средств, чипов, флэшек и телефонов. Заглядывая на великолепные многоуровневые купола Акшардама, которые прятались за высокими пальмами, Евгений сначала расстроился, что у него не будет возможности сфотографировать эту красоту. И лишь потом осознал, как много на самом деле пропускаешь и теряешь, разглядывая Индию через экран смартфона и без конца щелкая затвором фотоаппарата. К счастью, Евгений никогда не слышал про Акшардам и уж тем более не читал о нем в путеводителях, поэтому перед ним открылся даже не храмовый комплекс, а целый затерянный мир, укромно спрятанный в кварталах городских джунглей.

Попадая сюда, действительно попадаешь в сказочный сон наяву. Невесомые купола и шикхары, резные переходы и колонны с танцующими апсарами, изваяния слонов, мифических персонажей и богов, сады с позолоченными фонтанами, изумрудные газоны с цветами. Просто проходя по этим дорожкам, просто ступая босыми ногами на эти гладкие ступени, уже ощущаешь освобождение от всех земных напастей, а входя под своды храма, сияющие нежнейшим мрамором и сусальным золотом, уже не видишь вокруг ничего материального. Ты словно растворяешься в лучах света, оставляя свое тело где-то снаружи. Потом выходишь из храма – и начинаешь постепенно приходить в себя, снова обнаруживаешь тень под ногами, снова замечаешь проходящих мимо людей, пролетающих рядом с тобой бабочек. Но эти люди и бабочки, этот храм и паломники еще продолжают воспри-

ниматься как единая тут-и-там-реальность, неразделенная в пространстве на различные существования.

Испытать это и прочувствовать было куда важнее, чем сделать серию эффектных фотоснимков на память. Впрочем, Евгений все-таки сфотографировался вместе с мистером Титу в расположенном на выходе из храма фотоателье. Титу Сингх старался не задавать лишних вопросов. Он был доволен тем, что его пассажир после посещения Акшардама о чем-то задумался, а также тем, что Евгений не относился к категории тех вечно чем-то недовольных туристов, путешествующих по Индии не выпуская из рук дезинфицирующих салфеток и тюбиков с кремом от загара.

Медленно двигаясь по Ашока-Роуд, они подъехали к символическим Вратам Индии, у которых стоял почетный караул карабинеров, и оказались в зеленеющем парке с длинными водными каналами. По раздольным полянам бегали парни, отбивавшие мячи плоскими битами для игры в крикет. В тени деревьев отдыхали раскрашенные праздничными красками индусы. На перекрестках торговали фруктовым мороженым, чаем, прохладительными напитками. В этом завораживающем месте бывал, конечно же, каждый, кто посещал Нью-Дели. Но самое неизгладимое впечатление производил вид, открывавшийся на утопающую в цветах центральную аллею у величественного Президентского дворца, откуда, казалось, можно было объять весь этот парк и даже всю Индию, если широко-широко простереть руки в стороны.

– Можем съездить на базар Чандни Чоук, – предложил мистер Титу. – Не проголодался еще?

– Есть немного, – признался Женька. – А сикхи отмечают Холи?

– Да, но у нас не принято обсыпать краской. Могу показать, как это происходит, – улыбнулся Титу Сингх. – Помогите, фестиваль Холи чем-то походит на ваш праздник Масляника.

– Масленица? – переспросил у него Евгений.

– Точно, Масленица! – поправился Титу. – В Индии сжигают Холику, а у вас, кажется, сжигают одежду Зимы.

В памяти Евгения что-то шевельнулось, дрогнуло и совпало, как в руках археолога совпадают две части разрушенной временем чаши, пролежавшей в груде обломков тысячи лет. Ему стала очевидна эта уходящая вглубь веков связь, которую от русского человека пытались скрыть то под одним, то под другим благовидным, как водится, предлогом. Они с мистером Титу отправились в квартал Старого Дели близ усыпальниц Хумаюна и Ханан-хана, где под шатрами собирались чернобородые сикхи в тюрбанах, женщины и девушки в камис-шалъварах и праздничных накидках. В шатре, украшенном гирляндами, звучали песнопения сикхских гуру. Многие сидели на коврах, кто-то подходил к гуру за благословением.

На выходе из шатра Титу Сингх показал, как нужно держать локти, чтобы не придавила толпа, и вскоре они вкли-

нились в такую толчею народа, что Евгений чуть было не вскрикнул. Как выяснилось, впереди был натянут канат, создававший жуткий затор, но на лицах людей от этой толкотни сияла какая-то непонятная радость. Евгений терялся в догадках, что происходит, пока толпа не вынесла его к чану со специями и рисом. Получив свою порцию риса и хлебную лепешку, Женька пристроился на коврике, чтобы отведать индийской еды, и был безмерно благодарен мистеру Титу за совет не брать слишком много обжигающе острого соуса.

Они ездили по Дели до позднего вечера, иногда делая вынужденные остановки, пропуская коров зебу, неторопливо шагающих по городу, и стайки перебегающих дорогу обезьян. Минареты, развалины древних усыпальниц и дворцов, цветущие сады Лоди, пестрые индуистские храмы, шумные базары и деловые кварталы. За один день Евгений пережил так много всего, что, вернувшись в гостиницу, лежа на кровати с закрытыми глазами, еще долго созерцал запечатлевшиеся в его памяти красочные образы. Он так и не понял, удалось ему поспать или нет. Утром он просто открыл глаза, услышав за окном звонкие удары в рынду, заменившие будильник сразу для всей улицы.

Махнув рукой водителю тук-тука, стоявшему рядом с отелем в ожидании клиентов, Женька вынул из сумки приглашение на конференцию и показал ему адрес Национального молодежного центра Джавахарлал Неру, куда для надежности решил выехать пораньше. Он до последнего момента

не имел представления, что это была за конференция, зная лишь то, что его пригласил доктор Раманатх Пандей и что проводило ее Индийское общество индологических исследований.

Подъехав к зданию центра, Евгений прогулялся по улице, разглядывая названия расположенных рядом офисов. Его обнадежило соседство Центробанка Индии и Фонда мира имени Ганди, потому что, по правде говоря, неискушенный человек, увлеченный древнеиндийской философией, нередко становился жертвой мошенников, ловко конвертирующих духовные богатства этой страны в свое личное материальное благосостояние. Для самих индусов эта проблема тоже стояла достаточно остро, однако отсутствие опыта и неразборчивость европейцев в особенностях восточного мистицизма делали их наиболее уязвимыми к вымогательствам сектантов, обещавшим за сотню баксов прочистить все чакры и гарантированно достичь Вайкунтхи за тысячу у.е. Впрочем, с таким же успехом на сектантов можно было напороться где угодно – для этого совсем не обязательно было забираться так далеко.

Но вот возле молодежного центра Джавахарлал Неру появился парень с красным шарфом поверх длинного шервани. Евгений поздоровался, задав ему пару вопросов. Молодой человек ответил, что он учится в Сатъявати-колледже, но не будет читать доклад на конференции, а будет петь. Подумав, что он его неправильно понял, Женька поднялся на

второй этаж и занял место в зале, куда стали заходить профессора и студенты. Перед началом выступлений в углу зажгли свечи и возложили пышные букеты к портрету индийского ученого Парамамитра Шастри, памяти которого посвящалось мероприятие. Затем несколько студентов, среди которых был тот самый парень, исполнили нараспев отрывок на санскрите, вероятно, из Бхагават Гиты, после чего международная конференция «Древняя индийская мудрость и современный мир» была признана официально открытой.

Благодаря тому, что Евгений не владел основными языками конференции, то есть английским и хинди, ему приходилось сразу вникать в суть докладов, не отвлекаясь на отдельные термины. Поэтому он достаточно быстро выделил основную мысль, вокруг которой выстраивались темы выступлений. Так вот, оказывается, в конференц-зале собрались доктора наук и профессора университетов Дели, Ориссы, Калькутты, Варанаси, Бангалора, Коимбатора, Бурдвана, Пурулии, Тамилнада, Трипуры, Хайдерабада, университета Гаутам Будды, Непальского университета Трибхуваны и еще многих других университетов и колледжей. Они придерживались разных вероучений, духовных практик, научных школ, философских концепций, но все они говорили о кризисе цивилизации и сознания, вызванном заимствованием западной системы образования и господством бездушного материализма.

Мысль необычайно простая и очевидная, однако обсуж-

дать ее никто не решался, ведь всякому понятно, что ставить под сомнение материалистическое видение мира, справедливость и «научность» такого видения равносильно исключению из университета и в принципе из системы образования. Но дело было даже не в том, что индусы, не опасаясь травли в академическом сообществе, высказывали свое недовольство засильем сугубо материалистического мировоззрения, а в том, что оно действительно воспроизводило паразитирующий тип человечества, уничтожающий на земле все живое, вызывающий экологические бедствия, природные катаклизмы, техногенные катастрофы, приводящий к росту насилия, к хаосу в международной политике и к другим так называемым глобальным проблемам, о которых так много говорили, умалчивая самое главное – то, что первопричина почти всех этих бед заключалась в самой науке, в ней самой было что-то не так, что-то против жизни и человека.

Индийские ученые отследили всю цепочку от разрушения основ духовности и веры, которое материалисты выдавали за окончательное торжество научной «истины», до нынешнего inferнального краха цивилизации, описанного в ведической литературе как эпоха зла и нечистот – кали-йуга. Но участники конференции не призывали обратить время вспять, наоборот, их мысли были устремлены в будущее, и чтобы его изменить, они предлагали для начала понять, каким сознанием должны обладать люди будущего. Многие из

докладчиков, сами являясь преподавателями и руководителями университетов, видели задачу образования в наполнении подрастающего поколения осознанием своей непосредственной связи с явлениями природы, с живыми существами и высокоразвитыми культурами. Их совершенно не устраивала нынешняя система образования, штампующая безнравственных карьеристов и специалистов, безразлично относящихся к тому, как и за счет чего извлекать прибыль.

По загадочному стечению обстоятельств Евгений оказался среди интеллектуальной элиты Индии, в самой гуще зарождения каких-то удивительных мыслительных процессов, протекавших в восточном полушарии планеты, тогда как западное продолжало насаждать культ материалистических идолов и заниматься цифровизацией населения, чтобы еще больше отуплять людей, превращая их в дешевых биороботов. Он слушал доклады о загрязнении окружающей среды и внутреннего мира современного человека, о способности человеческого разума изобретать вещи, имеющие материальную форму, из бесформенной энергии сознания, о вибрационной энергии порядка 50 триллионов живых клеток в теле человека, резонирующих с колебаниями других живых существ и растений, с энергетическими полями и космическими лучами.

Разумеется, эти мысли перекликались с философским содержанием индийской музыки нада-садханы, всепроникающей вибрацией трансцендентального слога Ом, с различны-

ми путями медитации и школами йоги. Евгений понимал выступления без перевода и, что немаловажно, его тоже понимали. В перерывах между докладами он делился какими-то мыслями, обсуждал что-то наравне со всеми. Он понятия не имел, как происходило это общение, потому что обычно люди друг друга не понимали, даже общаясь на одном языке. Здесь же он находил полное взаимопонимание, не зная ни языка, ни сложных санскритских терминов, которыми сыпали докладчики.

Вечером после первого дня конференции, прогуливаясь по городу, он испытал еще одно весьма непривычное для себя состояние – он словно онемел – как будто полностью забыл родной язык. Он смотрел на улицы, на дома, на цветущие парки, не понимая, какое слово лучше всего для них подходило. Он видел осыпанного малиновой краской слона, перевозившего на спине двух юношей, размеренно вышагивая по дороге прямо в потоке мотороллеров и машин. В самом деле, нельзя было сказать, что по дороге просто шел некий слон. Нельзя было сказать, что этот слон был обычным рикшей, перевозившим двух пассажиров за счет своей физической силы, тем более нельзя было сказать, что это было обычное средство передвижения.

Евгений и не пытался что-либо сказать, его разум перестал пользоваться всеми этими словами, слонами, рикшами, средствами передвижения. Он вспомнил, что для восприятия они были не так уж и нужны, что без них, оказывается,

оно взаимодействовало с сознанием намного легче и быстрее. Такое легкое, преисполненное смыслами ощущение он уже испытывал когда-то – в том младенческом возрасте, когда не умел говорить и о котором почти ничего не помнил.

Нагулявшись вдоволь по городу, он остановил первого попавшегося водителя тук-тука.

– Отель «Аджанта», Харе Кришна Роуд, – произнес он, объясняя, куда ему нужно добраться.

– Харе Кришна Роуд? – переспросил у него индус.

Евгений утвердительно кивнул головой, и водитель поехал, видимо, сам не зная куда. Потому что через несколько кварталов приостановился на перекрестке возле постового полицейского и стал у него что-то расспрашивать. Постовой заглянул в тук-тук и спросил у Женьки по-английски:

– Может быть, улица называется Аракашан Роуд?

Вспомнив, что у него в сумке лежит визитка отеля, Евгений достал карточку и прочитал адрес, прикрывая рот рукой, чтобы не расхохотаться. Там, действительно, черным по белому было написано: «*Hotel Ajanta, Arakashan Road*». Но в голове у него все так перепуталось, что он, сам того не подозревая, вместо этого с уверенностью произнес «*Харе Кришна Роуд*». То есть попросил доставить его на «*Дорогу Господа Кришны*», поставив водителя тук-тука в весьма затруднительное положение.

Разобравшись, в чем дело, постовой вежливо улыбнулся и пожелал ему счастливого пути, а Евгений всю дорогу ед-

ва сдерживал приступы хохота, потешаясь над своим слегка неадекватным поведением. Подъехав к гостинице, он расплатился с водителем, который, увидав купюру, засуетился и сказал, что у него нет сдачи. Женька его успокоил, поблагодарил и дал понять, что все в порядке и сдача ему не нужна.

Он отправился в свой номер, чтобы отдохнуть и подготовиться к докладу, который предстояло прочесть на завтрашний день. Достав из холодильника бутылочку зеленого чая, он разложил бумаги на столике и стал перечитывать текст выступления, то и дело вспоминая с улыбкой на лице, как он только что добирался на «Харе Кришна Роуд».

За окном, несмотря на поздний час, звучала индийская музыка, она заполняла насыщенными импульсами все городское пространство. Он прилег на кровать, заложивши руки за голову, и ему вдруг почудилось, что эта тантрическая музыка пронизывает его тело насквозь, проникая в каждую клеточку. Конечно, он не мог чувствовать каждую клетку, как чувствуют, скажем, кончики пальцев рук, но он понимал, что некая ультразвуковая волна через них в самом деле проходила. Он осознал, что каждая клеточка его организма и вся его память о самом себе были лишь резонансом той волны – одним из многих способов передачи того дивного непрерывного звучания, выходявшего далеко за пределы его тела.

Само воздействие этого звучания отличалось от воздействия теперешней музыки, которая ничем не наделяла, а только опустошала, настраивая человека на конфликт либо

вождедение. Если раньше он попросту не задумывался над тем, почему его воротит от самой, казалось бы, популярной музыки, то теперь он вообще перестал понимать, для чего люди слушали разрушающие их сознание и здоровье чудовищные песни, становящиеся год от года еще ужаснее и чудовищней. Только сейчас он обратил внимание, что в Индии всюду звучала духовная музыка, и он ни разу не услышал здесь бессмысленных завываний, которые у нас тоже назывались музыкой. Поэтому наше слово «музыка» категорически не подходило для тех глубинных ритмов и потоков, к которым он прислушивался или, быть может, не прислушивался, а всего лишь пропускал сквозь себя в той ночной темноте вместо того, чтобы готовиться к докладу.

Во время доклада Евгений не чувствовал никакого волнения. Он знал, что его мысли будут созвучны общей атмосфере, возникшей на конференции, даже если у кого-то возникнут вопросы, на которые он не сможет ответить. К тому же, на большом экране по ходу выступления менялись слайды, где все было показано наглядно.

– Отличный доклад! – поздравил его доктор Пандей в перерыве между сессиями. – Что ж, возможно, дхарма или вселенский порядок р’та ведических гимнов и есть гармония, о которой говорили пифагорейские математики.

– Спасибо, доктор Пандей, – ответил Евгений. – Благодарю за приглашение на конференцию, для меня это большая честь.

– Кстати, это доктор Ану Гаур, – представил доктор Пандей девушку, стоявшую рядом с ним. – Она изучает филологию в Университете Калькутты.

– О, Калькутта-сити, – поклонился Евгений девушке.

– Кол'ката, – улыбнулась она, соединив большой и указательный пальцы в изящном жесте, словно показывая на высоту какой-то ноты.

Он попытался за ней повторить, но у него что-то явно не получилось, отчего слово приобрело неузнаваемое звучание, и девушка рассмеялась над его неловким произношением.

– Мы можем говорить на русском языке, – сказала она. – Как я могу к вам обращаться?

– Евгений... э-э, да просто Евгений, – оторопел Женька, не ожидавший услышать родную речь на конференции, где все общались на весьма своеобразной разновидности английского, звучавшего для него почти так же, как хинди.

– Доктор Ану Гаур прекрасно владеет санскритом и делает успехи в освоении других языков, – прокомментировал доктор Пандей. – А теперь прошу меня извинить, я вынужден отлучиться для открытия сессии.

– Мне понравилось ваше выступление, очень немногословное... в отличие от некоторых, – заметила девушка с иронией.

Она была такой юной, что Евгению с трудом верилось, что в таком возрасте можно уже иметь докторскую степень. Ей было, наверное, лет восемнадцать – двадцать, не больше.

– А вы действительно доктор? – напрямую спросил у нее Евгений.

– Да, это так, – скромно ответила она.

– Ух ты! – улыбнулся Евгений. – Просто в моем представлении доктора наук должны быть старыми и толстыми брюзгами.

Последнее слово «*брюзга*» немного насторожило Ану Гаур.

– Это я в том смысле, – деликатно уточнил свою мысль Евгений, – что не так часто можно встретить таких молодых докторов наук.

– Кто-то всю жизнь играет на компьютере, кто-то разглядывает картинки в телефоне, а для кого-то самая интересная в мире игра – изучение языков, – загадочно произнесла Ану Гаур. – Свою первую статью в научный журнал я написала в соавторстве с отцом, когда мне было двенадцать.

– Должно быть, ваш отец незаурядный человек, – предположил Евгений, хотя это ему и так было понятно из слов девушки.

Вместо ответа Ану Гаур по-индийски покачала головой.

– В последнее время мы с ним редко видимся, – с сожалением сказала она. – Он так занят, что даже на конференцию не смог приехать, и вместо себя отправил читать доклад свою дочь.

– Точно-точно, теперь я вспомнил! – Женька постучал пальцем по виску. – Вчера вы читали доклад о семейных и

духовных ценностях Рамаяны.

– Мой отец считает, что канды Рамаяны состоят из нескольких слоев, – повторила Ану Гаур основную мысль доклада. – Трактаты по истолкованию древних ведических ритуалов были изложены поверх жизнеописания легендарного царя Айодхьи, которые, в свою очередь, были совмещены с мифами и народными сказаниями неведийского происхождения. Но в Рамаяне присутствуют и более глубокие слои, скрытые за сказочными образами, о которых ученые ничего не знают. Потому что эти слои никто туда не вносил, они возникают в текстах Рамаяны как бы сами собой.

– Например? – заинтересовался Евгений.

Ану Гаур старалась не смотреть ему в глаза, как того требовал индийский этикет, но тут она пристально взглянула на Евгения из-под красивых черных бровей своими чарующими глазами, чтобы определить, стоит или нет ему что-либо рассказывать. Видимо, поначалу он показался ей недостаточно серьезным собеседником.

– Десять голов демона Раваны, который выкрал Ситу и которого победил Рама, мифологически ближе всего к образу зверя с десятью рогами, который известен христианам по тексту Апокалипсиса. Остров Ланка, где царствовал демон Равана, не столько географическое указание на Шри-Ланку, как об этом везде пишут, сколько иносказательный образ материального могущества и гордости, такой же, как образ Вавилона в христианстве...

– Хм, в этом что-то есть, – задумчиво потер Евгений верхнюю губу, припоминая, что он сам несколько раз сталкивался с подобными религиозно-мифологическими аналогиями.

– Я знаю, в христианстве не любят таких сопоставлений, – добавила Ану Гаур. – Вайшnavы тоже против. Для них христианство – символ колониальной экспансии. Получается, что обнаружение семантических слоев, о которых говорит мой отец, невыгодно носителям духовных традиций, но это не означает, что таких слоев в Рамаяне не существует.

Евгений даже не знал, чему больше удивляться, размышлениям о семантических слоях или тому, что про них рассказывала столь эрудированная и не по годам проницательная девушка.

– Эти корреляции или слои напоминают мне открытие постоянной тонкой структуры в физике, – заметил он. – В электромагнитном поле одинаково заряженные частицы отталкиваются, в то же время они обладают определенной массой и поэтому испытывают некое гравитационное притяжение. Когда мы обнаруживаем такие корреляции в сакральных текстах, мы, по сути, находим соотношение между силой отталкивания двух одинаково заряженных культур и их смысловым притяжением, которое задает некую ментальную величину – постоянную тонкой структуры сознания.

– Все-таки жаль, что отец не смог приехать, вы бы с ним наверняка поладили, – произнесла Ану Гаур. – О, смотрите! Сейчас как раз началась сессия «Древнеиндийская мудрость

и современная физическая наука». Давайте, сходим послушать!

Развернув буклет с программой конференции, она показала Женьке список выступлений, после чего они прошли в зал. Евгений с интересом слушал доклады по космологии и солнечной активности, иногда что-то переспрашивая у Ану, которая воспринимала доклады физиков без особого энтузиазма. Во время чайного перерыва они вышли во внутренний дворик, где в тени пальм участники конференции могли налить стаканчик чая, съесть лаваш или заказать порцию риса на картонной подложке.

– Мне понравился доклад про темную энергию, – сказал Евгений, наливая из кулера горячую воду и опуская в стаканчик пакет чая. – Если вакуум имеет отрицательное давление, то расширение вселенной действительно можно уподобить вдоху, а возникновение частиц и материальных объектов – выдоху, как прана и апана в йоге.

Но эта мысль, судя по всему, не содержала для Ану Гаур ничего нового:

– Когда мать Кришны Йашода заглянула в рот своего сына, она увидела в Нем вечное время, материальную вселенную, все живое и саму себя, кормящую грудью Кришну. Возможно, физики всего лишь идут обратным путем, и однажды, вглядываясь во вселенную, они увидят в ней нутро Кришны и самих себя в Нем? – простодушно сказала она.

– Ну, это вряд ли, – засомневался Евгений. – Чем дальше

они исследуют вселенную, тем меньше могут сказать что-либо определенное, и это весьма удобно. Можно сколько угодно делать вид, что скоро появится финальная теория, которая все объяснит, но такая теория никогда не появится. А если появится, она не будет научной, об этом говорил еще Карл Поппер. Между наукой и верой существуют глубокие семантические корреляции, но атеисты никогда этого не признают, и они не допустят того, чтобы о них узнали другие.

– В самом деле? – удивилась Ану Гаур. – А я думаю, что когда-нибудь все люди поймут, что сознание неотделимо от энергии, что оно не умирает и никуда не исчезает, а лишь преобразуется, как преобразуется энергия.

Евгений знал, что людей больше заботили иные вопросы, что отвлеченные мысли о сознании не могли быть делом многих, как в человеческом организме не все клетки могли передавать нервные импульсы. Он знал, что грубость и невежество были присущи любому сообществу, но ему не хотелось говорить ей об этом. Его восхищала ее жизнерадостность и чистота, ее вера в людей. В конце концов, кем он был, чтобы спорить с доктором Ану Гаур? Обычным грузчиком из ненасытного и пошлого мира, где все были обязаны иметь свой налоговый номер, свой телефон и аккаунт в социальных сетях и совсем не обязаны были иметь свою совесть и душу, где сама культура и все окружающее мешало всякому, кто отличался от остальных и продолжал размышлять о чем-то высоком.

– Да, сознание видоизменяется, – прихлебнув чаю, согласился Евгений. – Пожалуй, точно так же видоизменяются языки. Если нам не известен некоторый язык, из этого еще не следует, что на том языке не происходит никакого общения или целенаправленного взаимодействия.

– Знаете, мой учитель, профессор Раджендра Шанти, придерживается теории, что русский язык и санскрит дополняют друг друга, – вдруг вспомнила Ану Гаур. – Есть еще древнеперсидский, но он слишком близок к ведийскому и санскриту, чтобы выходить на общеиндоевропейские ветви. Профессор Шанти считает, что происхождение многих санскритских слов можно объяснить, только если удастся установить их связь с русскими словами. Например, слово «*kula*», имеющее значение «*племя*», «*род*» или «*стая*», когда говорят о животных, он объясняет русским словом «*кулак*» – сомкнутые пальцы руки. По его мнению, это древнейший знак, обозначающий общность и возникший в родоплеменных группах охотников на заре становления индоевропейских языков.

– Любопытно, – задумчиво пробормотал Евгений. – В самом деле, очень любопытно. Видите ли, в дореволюционной России просторечное слово «*кулак*» тоже означало главу семьи, однако затем, когда началось «*раскулачивание*», этому слову придали крайне негативный оттенок.

– Как раз в словах, которые у вас считаются устаревшими, мы с профессором Шанти находим самые поразительные

языковые кальки и синапсы.

Ану Гаур прикрыла глаза, чтобы собраться с мыслями, а затем стала вперемешку перечислять русские и санскритские слова, выделяя некоторые из них с помощью интонации и жестов:

– Русское слово «*лапотать*» или вести разговор, совпадает с корнем «*lap*» в санскрите, «*lapin*» – говорящий, «*alapa*» – беседа. Но у вас «*лапотать*» сближается со словом «*ленетать*» – вести детский разговор, в основе которого лежит фонема «*лен*» – «*лепит*», что-то совмещать, слагать или складывать звуки. Из той же фонемы возникает русское слово «*липкий*», а в санскрите образуется корень «*lip*» – соединять, мазать или писать буквы. В германских языках от «*lip*» образовано существительное «*губы*», в греческом «*lipos*» означает «*жир*», но это производные значения. Восстановить смысловые переходы между «*lap*» и «*lip*» удастся только из русского... Извините, я, наверное, очень непонятно и сбивчиво объясняю.

– Нет-нет, как раз очень понятно, – заверил ее Евгений.

– Мы уже достаточно много таких ветвей обнаружили, – с радостью произнесла Ану Гаур. – Профессор Шанти мечтает объединить наши материалы и опубликовать в виде книги.

Евгений попросил Ану записать в блокноте адрес электронной почты профессора Шанти, и они отправились дослушивать доклады. Общаться с Ану Гаур было до того увлекательно, что Евгений с грустью подумал о том, что скоро им

придется расстаться. Однако после выступлений она предложила ему поехать в Национальный музей Индии, где, по ее словам, можно было по-настоящему соприкоснуться с многотысячелетней историей Бхараты.

На аллее возле музейного комплекса она подвела Женьку к валуну «*Dhamma lipi*», на котором был выгравирован эдикт древнеиндийского царя Ашоки, чтобы показать эти самые «*lipi*» – буквы древнего письма. Она присела возле большого камня и обвела пару букв.

– Это брахми, – ласково сказала она. – Письмо третьего века до нашей эры. Считается, что на него повлияла древнефиникийская письменность, хотя некоторые знаки восходят к индо-харапской культуре. Обратите внимание, буквы не приспособлены для гравировки на камне, потому что обычно их писали на бересте или выдавливали на глине.

Затем они отправились разглядывать экспозиции музея, изумительные капители древних колонн, шедевры храмовой скульптуры, роскошные коллекции монет и индийского холодного оружия. Была здесь и незабвенная стела с клинописным текстом «*Законов царя Хаммурапи*», которые Евгений до дыр зачитывал на первом курсе университета. Встретить вавилонскую стелу здесь, в Национальном музее Индии, он, разумеется, ну, никак не ожидал, и ему даже пришлось объяснять Ану Гаур, почему этот черный базальтовый столб вызвал у него столь странные и незнакомые ей эмоции – ужас и смех одновременно.

Но, пожалуй, больше всего времени они провели в индо-хараппском зале со множеством мелких фигурок, горшочков, кувшинов, печатей из Мохенджо-Даро, плетеных туесков и корзиночек. Ану Гаур то и дело рассказывала ему про самые древние храмы, которые строились из дерева, про самые древние города, которые были древнее Хараппы, про самые древние обряды и так далее. Вообще, на всех стендах ее интересовало все самое древнее. Поэтому она с недоумением отзывалась по поводу того, что историки относили ведийский период только ко II–I тысячелетию до нашей эры.

– Когда мы находим в долине Инда следы переселенцев с севера, мы сразу обнаруживаем у них устойчивые обряды со своим пантеоном богов. Иначе говоря, северные очаги ведической культуры должны были насчитывать тысячи лет предыстории до своего распространения на юг. Но поклонение богам Ригведы – Индре, Агни, Варуне и другим – привязано исключительно к территории индийского субконтинента. Вы не находите это странным?

– Нам столетиями внушают мысль, что знания в древности распространялись только с юга на север, – развел Евгений руками. – Для европейского человека мировая история начинается с Древнего Египта и Вавилона, это даже не обсуждается. Что касается многочисленных языковых групп, обитавших в доисторические времена от Урала до Эльбы, то с точки зрения западной историографии у них не было никакой, собственно говоря, культуры.

– А профессор Шанти думает иначе, – возразила Ану Гаур. – Даже происхождение слова «культура» он связывает не с латинским словом «*colo*» – возделывание, возникшим у древних римлян при переходе к оседлому земледелию, а с тем же индоевропейским значением «*kula*» – делать что-либо сообща. Он считает, что даже первые солнечные календари возникли сначала у северных племен.

На этом месте Ану Гаур прервала рассказ, заметив, что Евгений остановился, чтобы сделать пару снимков возле исполинской фигуры медитирующего во сне Нараяны. Пока Евгений фотографировал, ей вспомнился один забавный случай в университете:

– Однажды профессор Шанти вошел в аудиторию и спросил: «*Кто знает, на каком животном ездил Индра?*». Мы, конечно, знали ответ, и кто-то выкрикнул, что ваханой Индры является белый слон Айравата. «*Хорошо, – похвалил профессор. – Только слоны на севере не водятся, так ведь?*».

Ану Гаур повернулась к Женьке, как бы адресуя этот наводящий вопрос ему.

– То есть профессор Шанти считает, что сакральным животным Индры до миграции индоариев был мамонт? – отозвался он.

– Не совсем, – Ану Гаур сомкнула пальцы в привычном магическом жесте. – Дело в том, что в зооморфичной культуре IV–V тысячелетий до нашей эры, от которой берет начало Ригведа, огромным мамонтом могли представлять са-

мого Индру. В наиболее архаичном мифе об устройстве вселенной Индра назван тем, кто растянул небо на подпорках. Именно так, из бивней-подпорок и шкур мамонта охотники возводили жилища. Молнии или ваджры ассоциировались с бивнями небесного Индры, потому что когда-то из бивней делали наконечники метательных орудий. Позднее их, разумеется, вытеснили бронзовые копья. Между прочим, на той лекции профессор Шанти прочитал отрывок из древнерусской «Голубиной книги», где мамонтов так и называли «индрик-зверь». Надеюсь, вам знакома эта книга?

– Конечно, знакома: «*Индрик-зверь... идет по подземелью как солнышко по поднебесью*», – улыбнулся Евгений. – Знаете, Ану, в Сибири рядом с рекой Тавда есть даже озеро Большая Индра, где вероятно испокон веков находили бивни мамонтов.

– Как вы сказали? – не расслышала Ану Гаур.

– Река Тавда, озеро Индра, – продиктовал Евгений, чтобы Ану Гаур смогла записать название.

– Вы не представляете, как этому обрадуется профессор, – произнесла Ану. – Если бы он был моложе, то, наверное, отправился бы в экспедицию. Но он у нас очень старенький, на факультете мы его ласково зовем «*Наш-Индра-Шанти*», и знаете что, он на это ни капельки не обижается...

Они вышли из музея на освещенную жарким солнцем аллею с высокими пальмами, каменными изваяниями и деревянной колесницей-радхой, стоявшей в отдельном стеклян-

ном павильоне. Между ними пролегла пропасть культур, языков и обычаев, и все же у них оказалось так много общего. Они знали нечто такое, чего другие знать не хотели, да и, наверное, не должны были знать. Для своих сверстников Ану Гаур была, пожалуй, такой же странной и непонятной, каким всегда себя ощущал Евгений.

– Очень приятно было с вами познакомиться, Евгений. Вечером я вылетаю домой, – вздохнула Ану, приближаясь к машине с ожидавшим ее водителем. – А вы уже бывали в садах Лоди? В детстве, когда мы с отцом приезжали в Дели, он почему-то обязательно приводил меня в эти сады.

– Там очень красиво, хотя на осмотр у меня не было времени, – признался Евгений.

– В таком случае садитесь в машину, – бойко распорядилась Ану Гаур, – потому что я не намерена отступить от этой традиции.

В садах Лоди они прогуливались по дорожкам и тропам среди малиновых и карминово-красных кустарников, среди тропических деревьев и живописных руин. Ану Гаур рассказывала об исследованиях индийского ученого Локаманьи Тилака, о древности Вед и созвездии Мрига. Они забрели в безлюдный уголок, где под густыми кронами свисали длинные плети, напоминавшие скрученные космы йогингов или, быть может, распущенные волосы русалок. Над ивами порхали зеленые попугайчики, на соседних деревьях только-только набирали цвет нежные кисточки, а другие стояли с об-

наженными ветвями, сбросив пожелтевшую листву, которая так приятно шепуршала под ногами.

Поднимаясь по ступенькам к полуразрушенной беседке на четырех гранитных колонах, они вспоминали строчки из сказок Пушкина, тех самых, где царевна Лебедь и тридцать три богатыря *«в чешуе как жар горя»*. Ану Гаур видела в них отголоски преданий, восходивших к общим евразийским истокам, к ведическим богам, олицетворявшим тридцать три силы живой природы. Евгений вслушивался в ее речь, и к нему мало-помалу начинал возвращаться тот далекий забытый мир, где пахло Русью, а не чисбургерами с кока-колой, к нему возвращался мир, который у русского человека отняли и ни за что не хотели возвращать.

Он не знал, сколько времени они провели в том саду – полтора часа, пару столетий или всего несколько минут. Возможно, им больше не суждено было увидеться вновь, но от ее вдумчивых слов на душе у него становилось так хорошо, так светло и раздольно! Он словно сбрасывал и сбрасывал с себя многовековые оковы, которыми из поколения в поколение опутывали разум каждого человека. И то утраченное мироощущение, которое она ему нечаянно подарила, навсегда вошло в его сердце, и оно уже пребывало в нем задолго до их таинственной встречи, ведь без него не могло быть ни безграничной души, ни настоящего русского человека.

В заключительный день конференции он надеялся еще раз повидаться с Ану Гаур, он то и дело окидывал взглядом всех

собравшихся, но Ану, в самом деле, уехала домой на день раньше. Иначе бы они могли проговорить с ней еще целый день – и даже целой недели не хватило бы им на то, чтобы понять, что же они обнаружили за той гранью неисчерпаемых семантических слоев сказочного сознания. Доктор Раманатх Пандей попросил у всех минутку внимания, чтобы зачитать торжественное обращение, после чего в зал вошел президент Индийского общества индологических исследований, которого все встретили бурными овациями. Заняв подготовленное для него место, президент общества стал рассказывать о некоторых исследованиях и подводить итоги международной конференции. Евгений внимательно его слушал и в какой-то момент с недоумением услышал свое имя.

Поднявшись с места, доктор Пандей пригласил Женьку повторно прочесть доклад о дхарме и вселенской гармонии систем для всех собравшихся в зале. При этом он уточнил, чтобы Евгений зачитал вступительное слово на русском языке. Это было совершенно неожиданно, учитывая то, что вообще все неожиданности в Индии случались как-то по-особенному неожиданно. Затем организаторы конференции и президент общества заслушали еще одного докладчика, профессора Чакраборти, и в конференц-зал вошли два студента Сатъявати-колледжа, удерживая на руках желтые полотнища.

Видимо, это был какой-то обряд, потому что мадам Неруркар из Бангалора, с которой Евгений обсуждал автор-

ство Чхандах-шастры, взяла полотно, развернула его и накинула на плечи профессора Чакраборти. Затем доктор Пандей пригласил Евгения и профессора Госвами из Дайал-сингх колледжа, подарившего Женьке в первый день конференции книжечку «*Indian Music: gateway to salvation*». Евгений с почтением развернул полотно, чтобы накинуть на плечи профессора, но тут вышла небольшая заминка. Профессор Госвами поблагодарил его, тепло пожал руку и сказал, что на самом деле это он должен был вручить Евгению докторскую мантию.

В конференц-зале возникло оживление и раздался дружный смех. Евгений, сам того не ожидая, немного разрядил официальную и подчеркнута строгую обстановку. Не смеялась, кажется, только седая женщина, сидевшая среди организаторов в темно-зеленом сари, которую все уважительно звали госпожа Мата Джи. Она взглянула на Женьку и кивнула ему головой – только она сумела правильно его понять, ведь он-то был уверен, что докторскую мантию в действительности заслуживает именно профессор Госвами. Когда же профессор облачил Женькины плечи длинным желтым полотном, Евгений сомкнул свои ладони и поклонился госпоже Мата Джи. Раманатх Пандей тем временем поздравил профессора Чакраборти и Евгения с присуждением почетных званий, вручив им дипломы Индийского общества индологических исследований, а потом спросил:

– Возможно, наш уважаемый коллега из России хочет

что-то сказать от себя лично? Прошу вас, Евгений, несколько слов, – добавил он по-английски, передавая микрофон Женьке.

Разумеется, Евгений не был готов к такому обороту событий. Его никто не предупредил, что на закрытии конференции ему будет вручена почетная мантия. Поэтому все английские слова, которые он знал, напрочь вылетели у него из головы.

– *Thank You, Doctor Pandey! Many thanks to all members of Society for Indic Studies,* – произнес он в микрофон, делая паузы и подбирая слова, которые никак не хотели подбираться. – *I believed: «So, I arrive to India»... But... it is India have arrived in my heart... arrived in my heart... forever.*

В зале повисла тишина, такая, что Евгений засомневался в том, что он выразился достаточно понятно. Но прошло одно мгновение – и зал разразился аплодисментами. Его слова, прозвучавшие для всех с непривычным русским акцентом, были восприняты именно так, как ему и хотелось их донести, и это были те слова, которые он так и не успел сказать Ану Гаур.

***

Всего три дня прошло с тех пор, как его ноги ступили на индийскую землю, и вот он уже сам с трудом себя узнавал. Его лицо покрылось смуглым загаром, отчего волосы и бро-

ви тоже стали казаться темнее, зато никто больше не оглядывался ему вслед, дивясь его пунцовой бледности. А если он надевал белую рубашку с воротом-стренчем, то его запросто можно было принять за индуса. Собственно, как раз некоторые европейцы, проживавшие в отеле, стали обращаться к нему с такими вопросами, словно он был местным жителем и хорошо знал город.

Когда он попытался объяснить одной симпатичной девушке, что на самом деле он русский и понятия не имеет, где находится ближайшая аюрведическая лавка, она расхохоталась, но поверив ему и решив, что он ее, конечно же, разыгрывает.

– Как прошла конференция? – спросил Титу Сингх, вырывая на автостраду в предрассветном тумане, который медленно растекался по делийским улицам.

– Замечательно, просто замечательно, – улыбнулся Евгений, вспоминая вечернюю прогулку с доктором Ану Гаур. – Можно даже подумать, что в Индии меня понимают лучше, чем в России.

– Не знаю почему, но я тебя хорошо понимаю, – пожал плечами Титу Сингх. – Лучше, чем некоторых других русских. Недавно вез таких же русских, тоже в Тадж-Махал ехали. Но они были не такие, очень нервные. Возмущались, что им самим удобнее было говорить со мной по-русски. И знаешь, что оказалось? Оказалось, это были украинцы. Всю дорогу меня учили, что вы, русские, виноваты во всех вой-

нах. Мне это знакомо, нам с пакистанцами Америка такие же проблемы подкидывает то с одной, то с другой стороны. Кому война, а кому мать родна – так у вас говорят, да?

– Американцы просто помешаны на своем мировом господстве, – согласился Евгений. – Они используют для этого любые человеческие пороки, такие как жадность, зависть, глупость, тщеславие, но в действительности США очень слабая и ненадежная страна.

– Слабая страна? – рассмеялся Титу Сингх. – Ты так считаешь?

– Да, потому что только слабый надеется всех победить обманом.

– А что делает сильный – побеждает всех силой?

– Сильный не думает, что можно всех победить, он побеждает духом, а не силой...

Поговорив немного о международных делах и вооруженных конфликтах, полыхавших по всему миру, они выехали за черту города и помчались по трассе, обгоняя лучи утреннего солнца. Рядом проезжали мотоциклетные повозки, переполненные людьми, проворные тук-туки и машины, издававшие причудливо-вежливые гудки – такие же галантные гудки издавали когда-то самые первые европейские автомобили, они не имели ничего общего с теми оглушительными сигналами, которыми горлопанили современные авто, и воспринимались как некие учтивые предупреждения *«Разрешите, я очень спешу»*, *«Пожалуйста, повнимательней»*, *«Из-*

вините, мне нужно проехать».

В Индии продолжали действовать какие-то особые правила вождения достопамятных возничих, которые колесили по индийским дорогам с теми же оберегами и мантрами задолго до появления машин, и те патриархальные правила были здесь понятны всем, даже коровам, быкам и верблюдам, запряженным в упряжки. Здесь уважали не правила дорожного движения, а само дорожное движение. Для индусов дорога имела, в том числе, религиозное значение, и перемещение по ней воспринималось как движение колеса дхармы. Возможно, именно поэтому Евгений не встретил на индийских дорогах ни одной аварии. И это притом, что движение здесь было более напряженным и повсеместно более хаотичным, а дорожные знаки попадались так редко, что порой начинало казаться, что их вообще нигде не ставят, чтобы не отвлекать внимание водителей от дороги.

Набрав скорость, мистер Титу включил на автомагнитоле затейливые сикхские песнопения, которые сливались с шумными хлопками от теплого индийского ветерка, задувавшего из приоткрытого окна. Евгений погрузился в безмятежное состояние, созерцая за окнами машины чередовавшиеся желто-зеленые поля, на которых созревал второй урожай, одинокие крестьянские лачуги из соломы, трущобы придорожных городков, раскидистые деревья в лазурной дымке тумана. По обочине медленно плелись телеги, груженные доверху мешками, тут и там проходили молодые девушки, пе-

реносившие на головах невероятно огромные тюки.

– Если хочешь, можем заехать в одну деревню, – обратился к нему Титу Сингх, сделав музыку потише. – Считается, что в ней когда-то жил Кришна.

– Тот самый Кришна?

– Да, тот самый Кришна, – убедительно кивнул головой Титу.

– А деревня как называется?

– Вриндаван, это недалеко, через полчаса туда подъедем.

Они заехали в один из тех небольших индийских городков, которые им уже попадались на пути. По улочке, обнесенной длинным кирпичным забором, бегали рыжие обезьяны, короткошерстные собаки, тут же гуляли белые коровы, проезжали парни на мотоциклах и продавцы на велосипедных повозках. Над Вриндаваном эхом разносились напевы «*Hare Krishna Maha Mantra*».

Мистер Титу поехал так медленно, что Евгений мог разглядеть в придорожных лавочках все нехитрые товары – цветы для подношений, фрукты, бутилированную воду и напитки. Кое-где над одноэтажными и двухэтажными постройками возвышались мраморные башенки индуистских храмов. В тени деревьев сидели босоногие паломники. Некоторые из них лежали плашмя на дороге, перекидывая из одной кучки в другую ровные камушки. По правде говоря, Евгений уже привык к тому, что люди здесь могли запросто спать на ступенях храмов или отдыхать, растянувшись прямо на асфаль-

товой дороге, и нисколько не удивлялся необычному поведению индусов, совершавших парикраму.

На первый взгляд в деревне не было ничего особо примечательного. Кругом царило характерное для провинциальных местечек живописное запустение. Все шло своим чередом, по накатанной колее жизни. Но вот на зеленом холме за густой листвой вековых деревьев, за остроконечными куполами чатри Евгений разглядел храм из красного песчаника, который показался ему знакомым.

– Этот храм я уже где-то видел, – вспомнил Евгений. – Кажется, на какой-то гравюре.

Титу Сингх остановил машину на обочине дороги.

– Мадана-мохана, – объяснил он. – Очень старинный храм.

– А туда можно подняться?

– Конечно, я тебя здесь подожду, – кивнул Титу.

Евгений вышел из машины и прогулялся до крепостной стены с крутой каменной лестницей, которая поднималась к двум башням. На дворе перед храмом никого не было, если не считать небольшой группы шнырявших по газону обезьянок, не вызывавших у него никакого доверия. Он снял и засунул свои сланцы в сумку, чтобы они их ненароком не сперли. Одна из обезьян, увидав это, с удивлением пошевелила бровями, оценив его предусмотрительность. Он сфотографировал башню Мадана-мохана, украшенную узорами, постоял на площадке перед храмом, различая в зыбком воз-

духе плавные изгибы священной реки Ямуны. И ему подумалось, что тысячи лет назад на этом месте в окружении таких же фруктовых деревьев и таких же пронырливых обезьянок, бегал со своими друзьями мальчик Кришна. И он тоже мог любоваться отсюда берегами этой реки, которые, впрочем, имели тогда другие очертания.

Давно не было здесь ни того чудесного мальчика, победившего змея Калию, ни его друзей-пастушков, и все же память почему-то так отчетливо рисовала их присутствие рядом, спустя тысячи лет... Глядя на эту реку, он осознал свою ошибку – именно это спонтанно возникавшее ощущение присутствия и было самой драгоценной достопримечательностью Вриндавана, а многочисленные божества и храмы были – словно нити узелкового письма – только осязаемыми напоминаниями, позволявшими пронести сквозь изменчивость времен память о том удивительном присутствии, когда все казалось возможным, совсем как в детстве каждого человека, которое никогда ни с кем не повторялось.

Он молча обошел башню, постоял под навесом у входа в храм, к которому кто-то возложил свежую гирлянду из белых и желтых цветков, и прикоснулся к этим цветам. Он не знал, для чего. Просто ему захотелось прикоснуться к ним рукой, как бывает со всяким паломником, уходящим за тридевять земель, чтобы припасть к святой земле или к чудотворному образу и обрести в этом простом действии высший смысл преодоления немислимых расстояний и всего прой-

денного жизненного пути. Таким был дух паломничества – и этот дух ощущался тут на каждом шагу. Каждая корова, каждое дерево Вриндавана со своими разросшимися в разные стороны ветвями были трансцендентны. Они действительно излучали некий трансцендентный опыт и как будто даже осознавали его в отличие от людей, проходивших мимо и погруженных в повседневность своих забот.

Вернувшись к машине, Евгений обнаружил, что Титу Сингх за время его отсутствия обзавелся связкой бананов и другими фруктами. Они перекусили, попили чаю и поехали дальше по улочке, которая петляла между торговыми рядами, спускаясь к реке. Здесь живописного запустения было еще больше. На илистой земле стояли бамбуковые палатки местной бедноты. Но мистер Титу зачем-то сделал на берегу остановку.

Евгений вышел из машины и увидал прямо посреди реки железобетонную опору какого-то недостроенного моста. Она возвышалась над Ямуной, отражаясь в ней как некая сюрреалистическая фантазмагория в виде гигантской буквы «Т», как символ тупиковости и тщеты всей «высокотехнологичной цивилизации», которую так красочно изображали в рекламных роликах.

– Здесь планировалось построить большой мост через Ямну, – сказал Титу Сингх, заметив, как пристально Евгений поглядывает на Т-образные опоры.

– И почему его не построили?

– Жители взбунтовались, – объяснил Титу. – У них же никто не спросил, нужен им этот мост или нет. Если бы мост построили, за ним бы скрылся Кеши Гхат, куда мы с тобой сейчас идем.

Пробираясь по прибрежной тропе к храмовым постройкам, Женька вновь и вновь поглядывал на жуткие опоры, поднимавшиеся из воды. Он насчитал семь цилиндрических столбов, из которых торчали черные прутья арматуры, напоминавшие какое-то противоестественное чудовищное существо. И тут его словно молнией осенило – это же и было самое настоящее речное чудовище, которого никто не видел, хотя оно было у всех на виду! Разумеется, этот мост, несмотря на свою стилистическую дурноту и неуместность, тоже нес в себе отпечаток трансцендентного. Он был поразительно точным воплощением бездуховной культуры и того ужасного змея Калии со множеством голов, который обитал в реке Ямуне и который был повержен мистической силой Кришны.

Разница состояла лишь в том, что опровергнуть существование Калии и, следовательно, саму победу Кришны над этим змеем мог любой ученый остолоп, но опровергнуть победу простых жителей Вриндавана было невозможно, как невозможно было скрыть уродливые останки этого монстра.

Пройдя по берегу вдоль тела Калии, принявшего облик недостроенного моста, Евгений вошел в Кеши Гхат – этакий причал с бесконечными арочными галереями и ступень-

ками, по которым можно было спуститься к перевозчикам на деревянных лодочках с яркими флагами на бортах. Тут же располагались укромные комнатки с божествами, краны с умывальниками, узкие переходы со стенами, исписанными мантрами. В одном из таких переходов им повстречался пожилой вайшнав, который воодушевленно приподнял руку и громко поздоровался:

– Харе Кр’шно!

– Харе Кришна! – ответил Евгений, который уже подметил, что в деревне Вриндаван было принято здороваться именем Кришны.

На красновато-коричневых восьмиугольных плитах с геометрическим орнаментом и ложами для жертвоприношений реке Ямуне, крутились неугомонные обезьянки, доедавшие остатки подношений. Внизу у воды сидел мужчина с лепестками цветов на подносе. Он щепотками брал лепестки и бросал их в воду. Под аркой возле резных колонн медитировал, завернувшись в обычное шерстяное одеяло, неопрятного вида саньясин. Евгений спустился по ступеням к реке, побулькала в ней руки и умыл лицо.

– Обычно здесь проводятся обряды, но сегодня никого нет, – разочарованно произнес Титу. – Нам пора ехать дальше.

– Красивое место, – прищуриваясь от ярких лучей солнца, вздохнул Евгений. – Похоже, сюда надо приезжать на неделю, чтобы все осмотреть.

– Да, говорят, в этом месте скрыты тысячи храмов, – согласился Титу.

Они отправились обратно, но, проходя мимо колонн, услышали скрипящий голос отшельника. Евгений не мог ничего разобрать и вопросительно взглянул на мистера Титу. Чтобы уточнить, о чем говорит саньясин, Титу задал ему пару вопросов. Бородатый старик что-то ответил, кивая седой головой.

– Старик говорит, что у тебя хвост коня, – улыбнувшись, перевел Титу Сингх.

Он похлопал себе по шее, указывая тем самым на волосы, собранные у Женьки в пучок на затылке. Судя по всему, этот пучок каким-то образом напомнил бродяге конский хвост. Но бородатый отшельник произнес гортанным голосом еще какие-то непонятные слова.

– Ладно, не обращай внимания на этого дедушку, – сказал Титу.

Евгений поклонился саньясину, нащупал в кармане сто рупи и положил старику на одеяло.

– А все-таки что он сказал? – не отставал от мистера Титу Евгений, пока они шли обратно к машине.

– Бывает, в старости ум слабеет, – рассуждал Титу. – Понимаешь, есть такая болезнь, грешно над этим смеяться.

– Но я не буду смеяться, честно.

– Ну, если тебе это так интересно, он сказал, что ты нашел хвост коня, который украли у одного слепого человека.

Поэтому теперь этот слепой человек хочет тебя увидеть. Тогда я спросил у него – как этот человек тебя увидит, если он слепой.

– Хм, действительно.

– Он сказал, что очень просто – он увидит тебя во сне.

– Во сне? – переспросил Евгений.

– Да, во сне, – кивнул Титу Сингх. – Это тебе о чем-то говорит?

– Да как сказать, я не уверен.

– Ты что, нашел во сне конский хвост? – весело бросил Титу.

– Возможно, только это был очень длинный хвост... – пробубнил Женька. – Вернее, период очень большой математической последовательности.

– Мой тебе совет, выбрось это из головы, это же Индия! – хлопнул его по плечу Титу Сингх. – Здесь каждый рыбак знает, как накормить деревню двумя рыбами. Нужно их выбросить обратно в реку и дожждаться, когда из икринок появится богатый улов.

Он открыл двери своего хэтчбека, и они медленно поехали по улочкам, по которым неспешно ходили босоногие люди. Они не пытались казаться тем, чем они не являлись, не пытались изобразить то, что не считали подлинной реальностью. Поэтому с обыденной точки зрения все происходящее вокруг выглядело невозможным и почти нереальным. Прямо на пыльной земле под деревьями сидели индусы, осыпан-

ные малиновой краской, которые дружно хлопали в ладоши, распевая «*Харе Рамо, Харе Рамо*». Из соседних храмов доносились удары мридангов и бубнов, они сливались с птичьими трелями, гудками машин и вскриками обезьянок, создавая пьянящее благозвучие, в котором растворялись любые тревоги, уничтожались последствия любых кармических действий и которым Вриндаван милостиво провожал своих гостей.

По дороге в Агру они останавливались у Врат Великолепия гробницы императора Акбара с ухоженным парком и напоенными влагой сочными лужайками, по которым гуляли цапли. Затем мистер Титу подъехал к белоснежному храму сикхов, возле которого встретил трех старых друзей, прибывших из Амритсара на оранжевом автобусе. Это были пенджабские сикхи с длинными бородами с проседью, умевшие спокойно смотреть в глаза и сохранявшие военную выправку. Когда Титу Сингх рассказал им, что везет в Тадж-Махал русского парня, они выстроились в ряд, обхватив друг друга за печи, и сделали снимок на память на фоне ярко-синего неба и белых куполов Гурудвары.

А потом была многолюдная Агра с обмелевшей Ямуной и замусоренными берегами, по которым бродили понурые коровы, создавая непередаваемый и обостряющий ощущения когнитивный диссонанс. Когда тут же подъезжаешь к восточному порталу Тадж-Махала, проходишь среди вереницы людей через царские врата – и видишь, как взметаются ввысь

ослепительные фонтаны и поднимаются жемчужные своды величественного храма, воздвигнутого во имя любви и доставленного в этот мир прямым из воображения.

Но Индия не была бы Индией, если бы просто шокировала твои чувства неземным величием, оставив в бездыханном потрясении от увиденного. После посещения Тадж-Махала нельзя приземляться на землю! Нет, нужно парить – парить в высоте как можно дольше, собирая и впитывая поэтические оттенки, которые открываются не сразу, а постепенно, как аромат бутона, состоящего из тысяч лепестков. И когда все лепестки раскрываются, ты попадаешь в Персидский сад с Малым Таджем, напоминающим драгоценную резную шкатулку изумительной красоты, и находишь здесь тот нектар преданности, от которого исходит поток кроткой, всепроникающей нежности. Он подхватывает тебя и переполняет гаммой самых сильных и чистых эмоций.

Ты находишься здесь и где-то там, в этом потоке, и над тобой во всю ширь расправляется тончайший шелк индийского неба, и ты ощущаешь, как оно вздрагивает на ветру, а под ним сверкает серебристый полумесяц, переливаются в солнечных лучах знамена раджпутов, за которыми, один за другим, встают лиловые, оранжево-розовые, фиолетово-синие и перваншево-голубые тюрбаны сикхов и вздымаются над тобой такими огромными облаками.

Побывать в Индии – все равно что побывать на другой планете, где все кажется сном – возможным и невозможным одновременно. Не прилетайте в Индию, если ваше сердце огрубело, если вы стали такими же, как все, если вы перестали верить в старые сказки, если вы перестали верить в чудо, смирившись с тем, что это единственный способ выжить в обстановке бесконечного вранья, в котором вы обитаете. Индия – волшебная страна, здесь до сих пор происходят чудеса, они происходят здесь со всеми, каждый день. Но если вы покупаете сюда билет, вы должны быть к этому готовы. Вы должны быть готовы к тому, что это будет билет в самое неожиданное, что с вами происходило. Но не ожидайте этого, иначе все самое неожиданное будет обходить вас стороной. Вы должны быть готовы к тому, что перестанете себя узнавать, перестанете узнавать этот мир. Ничего не бойтесь, идите дорогой добра – и что-то чудесное с вами обязательно произойдет, ведь человек по-настоящему верит в добро, только если он верит в чудо.

Эпизод четырнадцатый.

На стыке миров. Дерево Сефирот

Каждый раз, чуть становилось теплее, город покрывался оливково-серой жижей с уродливыми коростами пепельно-черного снега и кучами ядовитых реагентов, разбросанных вдоль дорог и тротуаров. Предвестники весны – ручейки зеленовато-фиолетовых масляных пятен – цеплялись мелкими каплями за подошву прохожих, чтобы хоть немного оторваться, подняться над океаном городской грязи и снова в нее шмякнуться при каждом следующем шаге. Он тоже шагнул по этой скользкой жиже, пытаясь от нее оторваться, убежать, укрыться от нее где-нибудь на подножке трамвая, но вновь скатывался в нее, стоило выйти из трамвая, пройти мимо двухэтажных домов сталинской застройки и старого парка, заросшего тенетой из мокрых ветвей.

Он знал в этом квартале каждый закоулок, помнил здесь каждый карниз и подъезд, витрины салона дверей и книжного магазинчика за углом, запах подового хлеба, которым все так же вкусно тянуло из соседней булочной. За мокрыми ветвями боярышника он уловил знакомый взгляд окон студенческой комнатухи, которую они с Виктором когда-то снимали, но сейчас у этих окон была другая жизнь – и он

предпочел сделать вид, что не заметил их взгляда.

Сколько раз он вот так добирался до Главного проспекта, терялся в бутылочных двориках, спускался по тихой дорожке возле Михайловского кладбища, кричащего стаями ворон, чтобы перебежать под шумным железнодорожным переходом и добраться пешком до университета, как всегда опаздывая и пропуская пары, капаясь где-нибудь в каталожных карточках библиотеки, рискуя с треском вылететь в каждую сессию, и все ему было нипочем. Он вспоминал те бесшабашные деньки, чтобы восстановить в памяти расплывающееся полотно жизни, которому вдруг потребовалась реставрация, как бывает, когда какому-нибудь ценителю искусств взбредет расковырять слой штукатурки и раздобыть под ним никому неизвестный мрачноватый гобелен эпохи де Бондоля или хоть Берн-Джонса, и всем сразу становилось понятно, чего раньше никто не замечал – ни соткавший его анонимный автор, ни тот второстепенный и еще более анонимный мастерской, который его для чего-то замазал ровным слоем штукатурки.

Выбираясь из городских лабиринтов на недельку-другую, а потом снова в них попадая, всегда приходится расплачиваться за свою кратковременную иллюзию побега малоприятными прозрениями, которые могли бы не случиться, не будь этих спорадических рецидивов сбежать куда-нибудь из замкнутого пространства мегаполиса, запутывающего тебя асимметричным порядком. Под стать ему, такой же асси-

метрично замкнутой, была вся городская биомеханика Мейерхольда – этакая симуляция жизни, доведенная до гипнотического автоматизма, из которой было выброшено все отжившее и в теперешних условиях ненужное. Как почтовые марки, открытки, старые виниловые пластинки или вышедшие из обращения банкноты люди выбрасывали искренность, доброту и саму человеческую память, что не так давно было у всех в ходу и даже имело некоторую номинальную ценность, а теперь вызывало лишь натянутые слабоумные усмешки.

Он застрял в этой дыре между Европой и Азией, которая, как выколота точка в математике, не относилась ни к тому, ни к другому, но ведь всякая точка непременно должна была к чему-то относиться, и умные люди требовали, чтобы эта дыра на географической карте тоже к чему-то относилась, пускай хоть к выколоте точке, лишь бы никто не стал в нее вглядываться и задаваться вопросом «*А что там, за этой дырой, находится?*». Потому как, глядишь, нет-нет да кто-нибудь догадается, что там и по сей день живут странные существа с функциями людей донаучной эпохи, которые для чего-то видели сны, влюблялись, иногда гуляли по лесу, верили в существование знаков Зодиака и вообще испытывали необъяснимую потребность верить во что-нибудь ненаучное.

Никто не задавался вопросом, ну зачем, скажите на милость, для человечества, освоившего «*ватсан*» и «*ютуб*», продуцируются в таком количестве игровые вселенные и

лженаучные кинофильмы, эти по большей части весьма посредственные пародии на старые сказки и мифы, стимулирующие у массового потребителя отмирающие участки мозга. Как будто кинофильмы эти могли, если не оживить смердящую псевдокультуру, то хотя бы временно восполнить в ней катастрофический дефицит счастья.

Возможно, он слишком привык жить *«промежду прочим»* – между книгами, которые никто не читал, и сновидениями, которые никто не помнил, между уличными лабиринтами и прямоугольниками домов, разбросанными по градостроительному плану мегаполиса как шрифт вавилонского письма без огласовок. Он привык жить где-то за выколотовой точкой городского пространства, между складским ангаром возле конечной остановки трамвая и краешком того загадочного Дома неизвестных писателей, который виднелся из оконца на цокольном этаже. Он так долго находился на стыке совершенно непохожих миров, что не замечал уже всей сложности такого положения, когда каждый из миров постоянно требовал от тебя каких-то решений и действий, от правильности-неправильности которых зависело, с чем ты столкнешься на следующем уровне лабиринта.

Буквально только что он швыркал носом на холодном складе, перекидывая грязные поддоны, затем стоял в теплой душевой кабинке, смывая с себя грязь, пот и, казалось, бесконечную усталость, и вот уже шагал в кофейню «Цэ квадрат», чтобы разрешить неразрешимую трилемму Окси,

а именно выбрать название для ее очередного сумасбродного творения, обещающего стать шедевральной. Собственно, из трех предложенных ею же вариантов – «*Коромысло мыслей*», «*Коромысла со смыслом и коромысла без смысла*» или просто «*Коромысли*». Вячеслав не успел его предупредить, что это была хитроумно расставленная ловушка, так что Евгений безуспешно крутился с коромыслами Окси минут двадцать, пока ей не принесли пирамидку из шоколадных трюфелей.

– Очень жаль, мальчики, что разрешить мои творческие мучения никому не по силам, – произнесла она, искажая слова и набивая свой ротик конфетой. – А вы не находите, что это вообще бессмысленная затея – искать смысл в современном искусстве?

– Оксан, ну сколько тебе объяснять, – возразил Вячеслав. – Искусство – это особая символическая реальность. Одни символы художник осознает, другие остаются неосознанными. Мы, например, с тобой осознаем, что слова «*верх*» и «*низ*» зависят от точки отсчета. Но если нарисовать картину с человеком, идущим вниз головой в южном полушарии, обязательно найдется какой-нибудь Козьма Индикоплов, который скажет, что это невозможно и бессмысленно, поскольку ему понятнее другие смыслы.

– Наверное поэтому я никогда не пойму живопись Пикассо, – меланхолично пробормотала Окси. – Эти его полигональные персонажи, нарезанные неровными ломтями на

скорую руку. Знаешь, по-моему, это какой-то эффект плацебо. Нам доказывают, что существует современное искусство из расчета, что кто-то увидит в нем красоту и глубокий смысл, которых на самом деле нету. Когда доктор не знает, чем лечить, он делает точно так же – дает пациенту пустышку и внушает, что это лекарство.

– Забавно, но именно так ты лечишь свою весеннюю депрессию с помощью шоколада.

– Нет, это другое, ты не понимаешь, – обиделась она, разбирая золотистую пирамидку из трюфелей и отправляя в приоткрытый ротик еще одну конфету.

– А потом начинаешь жаловаться, что набрала вес, и садишься на диету, – добавил Вячеслав.

– Вот видишь! Обрати внимание, я сажусь на диету, – указала на себя Окси миниатюрным пальчиком. – А если художник успевает написать десятки тысяч картин, то это уже творческое чревоугодие, и большая часть всего этого добра – нездоровый лишний вес, только и всего.

– Окси, Окси... – снисходительно улыбнулся Вячеслав. – Пикассо останется столпом искусства, как бы ты к нему не относилась. В его творчестве отразился излом всего прежнего культурного строя человека, поэтому Пикассо знают даже те, кто о нем ничего не знает. А кто теперь помнит изысканное ар ново Мухи, верившего в силу красоты? Ведь на его работах выросло целое поколение экзальтированных мальчиков, которые первыми бежали записываться добровольца-

ми, чтобы заживо сгнить в окопах мировых войн. История показала, что выжили не благородные Ланселоты, а грязноватые минотавры и полигональные персонажи Пикассо.

– Об этом я тебе и пытаюсь сказать, – капризно фыркнула Окси. – Победила бессмыслица, нет смысла искать смысл в таком искусстве... я тут недавно взяла почитать Борхеса.

– Ты взяла что-то почитать? Ну, и как тебе Борхес?

– Не знаю, может быть, имитация смысла имела когда-то ошеломляющий успех, только меня почему-то совсем не тянет разбираться во всех этих именах, умопомрачительных ассоциациях, перекрестных ссылках на книги, которых, может, и не было. Неужели такое кружево мыслей придумывалось лишь для того, чтобы убить время? Как будто людям больше заняться нечем.

– Для большинства чтение всегда было способом убить время... просто способов убийства в наши дни стало больше. А чем плохи книги, которых не было? Тот же «Хазарский словарь» Милорада Павича, – вспомнил Вячеслав, откидываясь на спинку ротангового кресла. – Впрочем, ты права, нас завалили дешевым фастфудом, а хорошие книги и полотна – они, как хорошая кухня, требуют особого приготовления. Не каждый сможет их приготовить, даже если рецепт всем известен. Вселенная Борхеса выглядит для нас интеллектуально избыточной, потому что он во что-то верил. Он верил, что литература – своего рода магический сосуд, куда можно собрать память всего человечества. Кстати, представ-

ляешь, недавно я видел его во сне!

– Кого? Хорхе Борхеса? – хохотнула Окси.

– Да, он подскочил ко мне верхом на пятнистом мустанге и спросил, не видал ли я того белого бизона, которого все разыскивают в прериях.

– И что ты ему ответил? – жеманно спросила Окси, попадая в пространство художественных смыслов, поисками которых она как раз была занята.

– Ничего, я только развел руками, потому что не видел никакого белого бизона. Но я точно знаю, что это был Борхес, и я точно знаю, что не узнал бы его, если бы не читал его книг.

Евгений, с любопытством наблюдавший за их разговором, пригубил кофе и поставил чашку на стол.

– Мне тоже иногда снятся авторы книг и литературные персонажи, – признался он. – Это еще в детстве началось. Воображение как будто воссоздает во сне их образ. Причем так, словно мысли автора не прекращались и продолжали где-то развиваться, где-то вне книги.

– Где-то вне книги?! Это как? – уставилась на него Окси.

– Ну, как будто мысли эти где-то обитают, не знаю, в каком-то книжном астрале, быть может...

– Это наше воображение комбинирует мысли и образы, составляя из них осмысленные структуры, чтобы заполнять возникающий в нашем сознании смысловой вакуум, – высказал предположение Вячеслав. – Борхес в рассказе «Вавилон-

ская библиотека» изобразил возникновение мыслей в виде некой структуры из шестигранных комнат. В каждой комнате на двадцати полках хранятся книги, исписанные бессмысленными чередованиями букв и наборами фраз. Но из них образуются комбинации, с помощью которых можно получить тексты, описывающие любые мысли и судьбы. Кто разгадает устройство этой библиотеки, тому откроется смысл всех смыслов, книга всех книг, тот будет жить жизнью всех жизней, и в рассказе даже упоминается библиотекарь, которому якобы это удалось.

– Ты хочешь сказать, – хмыкнула Оксана, – что смыслы возникают из бессмысленных комбинаций? Как в том анекдоте про толпу обезьян, стучащих по клавишам, среди которых найдется такая, которая случайно напишет «Войну и мир»?

– Это возможно, чисто математически.

– Нет-нет-нет! – настойчиво произнесла Окси. – Бессмыслица так и останется бессмыслицей, и никогда, слышите, мальчики, *никогда* обезьяны не станут тратить целую жизнь на то, чтобы вот так тыкать по клавишам. Они не настолько глупы, как о них думают математики.

Вячеслав хотел возразить Оксане, но не знал, что ей сказать. В задумчивости он поводил пальцем по губам, закинул ногу на ногу и мельком взглянул на Женича, как бы спрашивая у него, что тот думает по этому поводу.

– Знать структуру и знать смысл этой структуры – не все-

гда одно и то же, – попытался их примирить Евгений. – Если текст кем-то уже написан, запустить алгоритм случайного набора не составит труда. Но если текст неизвестен, если никто не знает ни его смысл, ни количество знаков, из которых он состоит, то алгоритм поиска невозможен. Можно знать структуру, смысл которой неизвестен, но нельзя знать смысл, которого не знаешь.

Продолжая решать в уме свою непостижимую трилемму, Окси очень изумилась его словам, объяснив их по-своему:

– Точно-точно... – пробормотала она, округлив бирюзово-сине-зеленые глаза. – Коромысло может существовать без воды, а воды без воды не существует!

– Да, любая структура – это лишь механизм передачи смысла, который может перетекать и находиться вне структуры, – согласился с ней Евгений. – Формальные структуры только кодируют информацию. Но объем информации не связан напрямую с ее содержанием, как объем ведра не связан с количеством воды, которая может в нем находиться либо отсутствовать. Человечество помешалось на теории информации, и в результате вместо смыслового пространства появилось гигантское помойное ведро всепланетарных масштабов.

– Жаль, Костик не смог приехать, – улыбнулся Вячеслав. – Он бы нам сейчас обязательно что-нибудь из Умберто Эко процитировал. В своей «Отсутствующей структуре» Умберто развил взгляды Жака Дерриды, заметившего, что в осно-

ве любой структуры лежит различие. Различие существует даже там, где нет никакой структуры. Следовательно, сама возможность взаимодействий, корни любой коммуникации уходят не в код структуры, а в отсутствие кода.

– Отсутствие кода? Мне послышалось, или вы в самом деле упомянули всуе старика Эко? – шутливо спросил вошедший в кофейню «Цэ квадрат» всем известный незнакомец.

Евгений давно догадался, кем был этот посетитель, но почему-то продолжал к нему относиться так, словно это был мало кому известный человек. Надо сказать, что этому способствовало само поведение незнакомца, предпочитавшего оставаться инкогнито и не любившего, когда к нему начинали обращаться по имени-отчеству, а обращаться к нему просто по имени никто не смел в силу его возраста, которого он сам, судя по всему, совершенно не замечал.

– Мадам, позвольте вашу руку, – по-старомодному поклонился незнакомец Оксане, с особым обожанием пощекотав ее утонченную ручку своими пышными усами.

– Вообще-то, мы хотели разобраться откуда возникают смыслы и вспомнили «Вавилонскую библиотеку» Борхеса, – пояснил предыдущую мысль Вячеслав.

– Ах, Борхеса! Тогда это меняет дело, – закивал незнакомец. – Если моя память мне не изменяет, а она, как всякая прекрасная женщина, склонна к изменам, в романе «Имя Розы» Умберто Эко как раз сопоставил «Вавилонскую библиотеку», отражавшую основные идеи структурализма, со зло-

получным скрипторием аббатства, где под слепым хранителем книг, преподобным старцем Хорхе из Бургоса, изобразил самого Борхеса.

– Но в романе библиотека сгорает за исключением нескольких спасенных от огня книг, – продолжил Вячеслав. – Неужели Эко хотел нам сказать, что большая часть знаний, накопленных интеллектуалами XX века, оказалась бессмысленной?

– Увы, друг мой! Знания целого мира ничего не значат, если сердце не знает любви, – пряча под усами печальную улыбку, ответил незнакомец. – Многое из того, что мы создаем, по прошествии времени становится бессмысленным. Борхес создал структуру своей «Вавилонской библиотеки» – паразитальный и многогранный образ, прельстивший многие умы, но даже этот образ потерял прежний блеск и величие. В этом и состоит весь смысл.

– Смысл? Какой смысл? – не унималась Окси. – Разве может бессмыслица о чем-то говорить?

– Да, Оксанчик, – по-дружески приобнял ее незнакомец. – Бессмыслица может говорить! Она говорит нам о том, что поиск смыслов нельзя останавливать. Иначе мы получим то, что имеем. Дело обстоит так, словно все прочли «Сырое и вареное» Леви-Строса, согласились с тем, что смысл любой мифологии, любого акта сознания сводится к структуре бинарного кода, и перестали искать дальше. Но что было до структуры – до курицы и яйца? Что было до всего этого?

– Хаос? – ответил Вячеслав вопросом на вопрос. – То самое отсутствие структуры?

– Бессмыслица, хаос... как это ни назови, чтобы из хаоса могло что-то возникнуть, нужна направляющая сила, то, что присутствует даже в отсутствии, – подсказал незнакомец.

– Творец? Экзистенциальная воля по Шопенгауэру? – стал перечислять Вячеслав, покосившись на Окси, которая при этих словах сделала свое лицо нарочито скучающим.

– Так мы обычно и думаем о Создателе, – пригладил седые усы незнакомец с видом гроссмейстера, который предвидит варианты развития шахматной партии на несколько ходов вперед. – И чем больше мы думаем, тем сильнее структурируются наши мысли. Вся опасность, Славка, кроется именно в этом!

– В чем?

– Когда структура разрастается, она обретает способность устранять любые преграды, препятствующие ее дальнейшему росту, – произнес незнакомец с видом игрока, сделавшего ход конем и поставившего Вячеславу классическую шахматную «вилку».

– Что с того? Разве это плохо?

– Видишь ли, такая структура может попытаться устранить своего Создателя, – вздохнул незнакомец, продолжая двигать воображаемого шахматного коня, чтобы водрузить его на место срубленной королевы. – Какую бы культуру мы ни рассматривали, зарождение знаний всегда связывается с

Творцом. Но однажды древо знаний разрослось настолько, что идея существования бога стала препятствовать росту науки, и тогда пришла эпоха Просвещения, расчистившая путь научному атеизму.

– Но ведь структура – это только бездушная оболочка, – бросила Оксана, снимая с конфеты золотистый фантик и показывая его всем как некое вещественное доказательство своей правоты. – Оболочка не может разрастаться без смысла, а смыслом ее наделяет Творец, разве нет?

Незнакомец умиленно глянул на Окси, которая поела пирамидку из трюфелей и разбрасывала фантики по всему столу, нисколько не беспокоясь о том, как по-детски все это выглядит со стороны.

– Конечно же, это так! Не зря говорят – свято место пусто не бывает. В атеизме место божественного разума занял человек. Человек стал представлять себя полноправным творцом всех знаний, творцом всех богов и законов и даже творцом истины. Владелец структуры сменился, но структура осталась той же, мы имеем дело с одним и тем же разросшимся древом познания.

– Прямо как изречение принцессы Ахет из «Хазарского словаря» Павича, – припомнилось Вячеславу. – Разница между двумя «да» может быть больше, чем разница между «да» и «нет». Допустим, как люди разного пола, говорящие на разных языках, живущие в разное время, могут носить совершенно одинаковые плащи.

– Да, и эта разница может стать еще больше, – предупреждающим тоном произнес незнакомец. – Рост структуры ограничивает уже не вера в Создателя, теперь ей мешает сам человек, само существование жизни. Место человеческого разума занимает искусственный интеллект, который претендует на место творца нового общества. Общества, где личность поставлена в тотальную цифровую зависимость, где человек больше не думает самостоятельно. Сначала они скажут, что это новая реальность, потом объявят, что наука отвергает человеческий взгляд на вещи. Понимаете, мы же не «Метрополис» Фрица Ланге разбираем, это не про фильм и не про книгу. Мы говорим о трансформации, которая происходит внутри каждого из нас.

По наступившему молчанию стало понятно, что это был шах и мат, подкравшийся незаметно, откуда его никто не ожидал.

– А разрастание структуры можно как-то остановить? – спросил Евгений.

– Хм-м, – задумался незнакомец, дую в ус и как бы отматывая шахматную партию на несколько ходов назад. – В природу любой структуры заложены пределы роста, но разум возник как раз для того, чтобы обходить эти ограничения. Боюсь, остановить процесс можно только отказавшись от разума. Мы можем что-то исправить – да, мы можем изменить направление роста. Но как? Это другой вопрос, и у меня на него нет ответа. Он лежит в другой культуре, кото-

рая не существует, мы отказались от нее, посчитав, что все смыслы кем-то уже найдены.

– А вам не кажется странным... – произнес Вячеслав. – До того, как мы пришли к этой мысли, мне вспомнился несуществующий «*Lexicon Cosri*», а до этого Окси битый час мучила нас своими коромыслами, чтобы выбрать название для несуществующей картины. Из трех вариантов, точь-в-точь как в хазарской полемике Милорада Павича.

Вячеслав пересказал легенду о том, как хазарский каган пригласил трех мудрецов, чтобы те разъяснили ему смысл сновидения, в котором ангел вещал, что Создателю дороги его намерения, но не дела его. Выбрав самого лучшего толкователя и сменив веру, каган сразу лишился волос, после чего таинственный язык хазарских ловцов снов исчез, превратившись в птичий язык. При этом жутковатую героиню Павича, госпожу Ефросинию, он сравнил с Окси, когда та безобразничала, измазывая себя красками. Оксана громко рассмеялась, потому что, во-первых, не знала, о какой госпоже он говорит, а во-вторых, к тому времени она уже слопала свою пирамидку конфет, и настроение у нее заметно улучшилось до шоколадного уровня. В таком состоянии она могла себе позволить все, что угодно, даже сравнение с госпожой Ефросинией.

Затем незнакомец стал перечислять кинофильмы прежних лет, которые для нынешнего поколения зрителей превратились в такой же непонятный птичий язык – «*Того само-*

го Мюнхгаузена» и «Формулу любви» Марка Захарова, экранизации «Маг» и «Башня из черного дерева» по книгам Фаулза, «Имя Розы» Жан-Жака Анно, фильмы Кубрика и еще не меньше десятка других режиссерских работ, порой совершенно забытых черно-белых кинолент.

Окси подтрунивала над незнакомцем, сравнивая его с безумным Тео из фильма «Мечтатели», которого она обожала, совсем как Ева Грин, бесподобно сыгравшая Ис. Евгений не понимал и половины их разговора. Они как будто пытались разложить пасьянс из фильмов и книг, который никак не хотел раскладывался. Никто уже и не думал о том, как разрешить трилемму Окси, в которой сама необходимость выбора означала отказ от оригинальности картины и полноты смыслов, и это было, пожалуй, самое лучшее решение, которое они тогда нашли.

Когда Евгений вышел из кафе «Цэ квадрат», его вновь поглотила холодная темнота весеннего города, с жадностью съедавшая фонари и деревья, от которых на асфальте оставались лишь одни тени. Нереальность всего происходящего с ним ощущалась так же отчетливо, как во сне. Хруст тонкого льда, покрывавшего лужицы грязи, разлетался эхом по всем автострадам и пустынным площадям мегаполиса. Он бы ничуть не удивился, если бы на следующем шагу лед под ногами провалился, и он бы стал падать прямо в эту бездонную темноту. Но прежде, чем это произошло, ему пришлось добраться до своей комнатухи, запереть за собой дверь, вы-

ключить свет и закрыть глаза, медленно погрузив свое тело в невидимую кровать.

***

Он падал в бесконечную черную воронку, не чувствуя от этого падения никакой тревоги или дискомфорта, как если бы это была обычная поездка в безлюдном метро. Его внутренние часы сбились, как стрелки компаса, попавшего в магнитную аномалию. События последних дней стерлись из его памяти, и ему стало казаться, что сейчас середина недели, хотя он осознавал, что в этом времени он уже находился. Он помнил, как проснулся в среду утром и пошел на работу, хотя что было потом... неужели он проспал? В какой-то момент образовавшаяся в голове разница во времени произвела необъяснимую перестановку событий и вытолкнула его из воронки. Он стал парить в космическом пространстве, разглядывая под собой необычайно красивую планету, внутри которой пульсировало живое ядро.

Через прозрачную атмосферу проступали жадеитовые фьорды континентов, сиреневые и лазурные берега глубоководных океанов. Вскоре его потянуло назад, и он заметил, что вокруг планеты громоздятся гигантские тени деревьев без ветвей. И только потом, отлетев еще дальше, он догадался, что это была не луна и не планета, а космический глаз с разноцветной роговицей, зрачком и ресницами невероятной высоты.

Вселенский глаз был настолько велик и необъятен, что Евгений не видел лица исполина, которому принадлежал космический глаз, зато он всей кожей ощутил гудение его прохладного голоса, от которого волосы становились дыбом:

– Ты здесь, – произнес гудящий голос. – Тебя трудно заметить, но ты находишься где-то здесь.

– Где именно? – неуверенно спросил Евгений, сомневаясь, что истукан его услышит.

– В твоем уме, – ответил голос. – Ты видишь меня и себя в своем уме.

– Понятно, я нахожусь в своем уме, – повторил за ним Евгений. – А ты что здесь делаешь? Ты что – часть моего ума?

– Все зримое состоит из незримого, будущее из настоящего, внешнее из внутреннего, осязаемое из неосязаемого. В этом смысле я, действительно, неотъемлемая часть твоего ума. Но все незримое, настоящее, внутреннее, неосязаемое состоит из непрерывности, а значит, и все остальное тоже. В этом смысле твой ум – лишь малая часть непрерывного сознания.

– Незримое, настоящее, внутреннее, – перечислил Евгений свойства исполина. – Постой, ты и есть тот внутренний *Пуруша*? Изначальное существо, которое все разыскивали на обломках прежнего мира.

– Меня не находят ни в прежнем, ни в нынешнем, – ответил прохладный голос. – С такой же тщетой можно отыс-

кивать каплю дождя, упавшую в соленый океан тысячи лет назад, или священное имя в древесном узоре под корой махагона. Так меня не находят – меня находят, когда я сам нахожусь в уме ищущего. Знай, что это единственный способ, как можно отыскать *Тат-Пурушу*.

Евгений вспомнил слова отшельника из деревни Вриндаван, пробормотавшего нелепицу про хвост коня и слепого человека, который его разыскивал.

– Однажды мне сказали, что меня хочет увидеть слепой человек и что он увидит меня во сне, – произнес Евгений, пытаясь выявить связь между этими событиями. – Выходит, это был ты? Ты нашел меня не просто так, верно?

Тат-Пуруша молчал, разглядывая перед своим внутренним глазом крошечную былинку, которой являлся Евгений. Наверное, ему было так же удивительно слышать писк этой былинки, как Женьке было удивительно говорить во сне с огромным космическим глазом.

– В прежнем мире, – отозвался, наконец, *Пуруша*, – который был давнее давнего, меня ослепил один брамин. В том мире я имел шестнадцать форм, составляющих одно сверхобычное тело. Каждая форма имела по два глаза, чтобы один глаз мог постоянно находиться во сне, пока другой бодрствует. Из шестнадцати глаз, которые попеременно находились во сне, семь глаз созерцали части неизменной истины, остальные девять – переменчивые иллюзии, порождаемые движением, и еще один глаз видел все, что видят другие.

Пребывая в такой медитации нидра-боддхи, я существовал и не-существовал одновременно. Мои материальные формы обладали всеми признаками астрального тела. Они не были подвержены влиянию времени, они могли менять сон и явь местами, перечитывать и переписывать будущее. Как раз этим и решил воспользоваться брамин. Выследив, где находятся мои внешние формы, он похитил у них все тридцать два глаза.

– Но, если ты и вправду мог переписывать будущее, почему ты не изменил решение брамина?

– Изменить решение брамина можно было только не позволив родиться его дочери. В действительности я подсказал брамину, как вырвать и похитить мои глаза, когда увидел его прекрасную дочь и когда узнал, что он хочет принести их в дар своей дочери, которую госпожа Падмавати звали в том прежнем мире.

От этих слов во сне Евгения оросил холодный пот – он вспомнил нечто большее, чем знал и помнил до этого момента. Его память не просто затянулась и срослась, как затягивается и срастается рваная рана, в его памяти как будто произошла регенерация целого органа, без которого он жил, не замечая его отсутствия, как ящерица, отбросившая собственный хвост. Ведь он не просто видел во сне госпожу Падмавати, он снял с нее ожерелье из глаз перворожденных сиддхов – тех глаз, которые ей пожертвовал *Тат-Пуруша*.

– Выходит, ты нашел меня, чтобы вернуть ожерелье, со-

зданное из твоих газ?

– Вернуть? – удивленно переспросил *Там-Пуруша*. – Разве можно вернуть то, что пожертвовано во имя любви? С тех пор истина почти перестала отражаться в сознании, как в ветренную погоду берега реки не отражаются на ее поверхности и начинает казаться, что у реки нет берегов. Без моих внешних глаз я не мог внимательно перечитывать судьбоносные события. Непрерывность времени становилась все более непредсказуемой, и тогда я потерял из вида хвост коня, бегущего быстрее времени.

– Так ты считаешь, что я нашел тот самый хвост? – уяснил для себя Евгений. – А что, если это был не тот хвост?

– Позволь мне в этом убедиться, – произнес голос. – Если ты покажешь его целиком, я тотчас же пойму – тот это хвост или не тот.

– Целиком? – растерянно улыбнулся Евгений. – Но я не знаю, как показать его целиком! Даже теперь, догадываясь, о чем ты говоришь, я не уверен, что понимаю тебя.

После того, как эти слова слетели с его губ, он снова ощутил падение. Его тело стремительно отлетело от глаза и, разогнавшись, снова влетело в воронку, но уже в другую. На этот раз он разглядел, что черных воронок было две и что этими воронками были две ноздри астрального тела *Там-Пуруши*. Причем исполин умел ими пользоваться попеременно, выдыхая через одну ноздрю, а вдыхая через другую, не зажимая ни одну из них пальцами и оставляя обе ноздри от-

крытыми. Таковую странную способность, кажется, могут развивать некоторые индийские йоги, день за днем производя в трансе свои дыхательные упражнения и экскурсии.

Евгений подумал, что теперь, пролетев через вторую ноздрю *Тат-Пуруши*, он должен был оказаться внутри его тела... но внутренностей у внутреннего *Пуруши* не было. Вернее, вместо них оказалось пространство, которое нашими органами чувств воспринимается как внешнее пространство, когда мы что-то вспоминаем или видим сон. В таком пространстве воспоминаний Евгений перенесся на много лет назад. Он снова находился на съемной студенческой квартире Аделаиды Прокопьевны. Он сидел на скрипучем антикварном стульчике за круглым столом, покрытым скатеркой с беспорядочно разбросанными на ней зелеными буквами, из которых нельзя было сложить ни одного слова.

В то время он часто слушал Моцарта, Баха и симфоническую кантату «Кармина Бурана» Карла Орфа, написанную к стихам странствующих поэтов вагантов из одноименного сборника песен. И сейчас из старого двухкассетного магнитофона, который они с Виктором называли «*долбофон*», тоже доносилась кантата Орфа, которую Женька пропускал мимо ушей, потому что он был всецело поглощен чтением. Кондратий, их общий университетский товарищ, после очередной пьянки математиков подкинул ему книгу «Пифагор: союз истины, добра и красоты» Александра Волошинова, и Женька проглотил эту книгу так же быстро, как проглатыв-

вал студенческий суп из капусты с картошкой, сидя за этим же столом на фоне серванта с коллекцией пустых коробок от шоколадных конфет «Ассорти» и жестяными банками с приправой.

От эпохи семи мудрецов и мистерий Древнего Египта до создания математики по ходу чтения пролетело всего часа два-три, не более. И только одну страницу у него никак не получалось переварить – это была 141 страница, где приводилась пифагорейская теорема о невозможности отыскания середины октавы, поскольку сторона и диагональ квадрата несоизмеримы.

Прочитав доказательство теоремы, он озадаченно подпер голову рукой. По тексту выходило, что квадрат диагонали m^2 четное – то есть «женское» по терминологии пифагорейцев – число, потому что $m^2 = 2n^2$. Действительно, перемножение $1,414... \cdot 1,414... = 2 \cdot 1 \cdot 1$ дает четное число 2. Но когда из этого факта делалось заключение, что и число m тоже является четным, то здесь Евгений переставал понимать, почему математики пытались представить дробь $1,414...$ целым числом. Конечно, линию диагонали можно было произвольно разбить на четное число отрезков, но арифметически число m не могло быть ни четным, ни нечетным, ни «женским», ни «мужским». Это была бесконечная десятичная дробь, позволяющая получить первое «женское» число 2 из двух перпендикулярно направленных «мужских» единиц. Говоря метафорическим языком, это было то ребро,

позволившее Творцу получить тело женщины из тела спящего Адама, но само перемещенное ребро не являлось ни мужчиной, ни женщиной. Дальше в доказательстве вообще возникло какое-то масло масляное – из одного недопустимого утверждения о четности m делалось другое утверждение о четности n , что само по себе признавалось недопустимым.

Как ни пытался Евгений понять смысл теоремы, у него ничего не выходило. На магнитофоне кончилась пленка, и он поднялся, чтобы вставить другую кассету. Это была совершенно новая кассета, которую он на днях приобрел в студенческой лавке. Когда он ее включил, на кухне Аделаиды Прокопьевны послышался скрип кассеты, а затем раздались штормовые аккорды Первого концерта для фортепиано Петра Ильича Чайковского. Он опустился на стул, слушая эту музыку, как заколдованный. В спонтанных грозových всплесках он обнаружил инверсию той же задачи!

Он увидел облака бесконечной последовательности, уходившие так далеко, что они терялись за горизонтом разумного, исчезая то ли за утром предыдущего, то ли за вечером следующего дня, но вместо того, чтобы полностью исчезнуть во тьме, вспыхивали снова и снова. В той запредельной вспышке его ум пронзило озарение – вереница цифр в последовательности разбивалась и уходила в период! Он почувствовал этот период прямо в своей голове.

Число, которое все считали непериодическим, придумывая этому доказательства одно нелепее другого, явилось ему

периодической волной, в длину которой можно было уложить элементы огромной вселенной на каждом уровне восприятия бытия, на каждом отрезке времени. Тогда он не знал, как такое возможно и возможно ли это, он просто увидел мельком период – хвост бесконечной последовательности. Как же он мог позабыть о том озарении, которое предшествовало всему остальному – которое имело отношение ко всему, что случилось еще до того, как это должно произойти?

Вспомнив тот день, захвативший утро предыдущего и вечер следующего дня, Евгений услышал, как пленка магнитофона стала отматываться назад. Потом он сообразил, что отматывается не пленка, а само время в пространстве квартиры №11 начинает течь по-другому. Он выпал из кухонного окна Аделаиды Прокопьевны и полетел над густыми ветвями сквера, точно ворон, разыскивающий свою добычу, но только его добычей было время. Он отыскивал среди переплетенных ветвей другое время, которое ему не принадлежало, и все же оно было с ним как-то связано, как связаны тайными узами хищник и жертва, не подозревающая о том, что последняя тень уже опускается за ней.

Пролетев сквозь решетку из колючих ветвей, он стал кружить над лесом, в котором росли черные деревья. Деревья были черны оттого, что вместо коры их стволы покрывали буквы, и каждое дерево в лесу было книгой. Одни книги были высокими, другие чуть ниже, некоторые только начинали

пробиваться из земли, пропитанной чернилами, а некоторые были такими толстыми, что при всем желании их не смогли бы охватить, взявшись за руки, даже десять читателей. Никто не знал, сколько книжных деревьев росло в этом жутком лесу. Пока одни деревья росли, другие начинали засыхать, сбрасывая с себя семена и черные листья, исписанные текстами мертвых языков. Но вот посреди чернокнижного леса он заметил высокую башню с часами. Часы показывали то самое время, которое он выкруживал.

Приближалась полночь и вместе с ней – начало нового дня. На белокаменном циферблате башни имелось двадцать четыре деления, как на башенных часах в хорватском Сплите или на астрологических часах в Падуе, но располагались деления не в том порядке – не по часовой стрелке, а против часовой стрелки. Рядом с римскими цифрами возле каждого деления стояли буквы иврита, и в этом ощущалась какая-то загадка башни. Евгений опустился на балкон перед часами, чтобы разглядеть буквы. Оказалось, что первая буква **Алеф** **א** была записана неправильно, и она была на три символа, чтобы двадцать две буквы алфавита заняли двадцать четыре деления. Перевернутый **Йод** находился рядом с латинской цифрой XXIII, затем шла **Вав** рядом с цифрой XXIII, за ней стояла буква **Йод** рядом с цифрой I. Причем буква **Йод**, не считая перевернутую **Йод**, повторялась на циферблате дважды, рядом с цифрами I и X, а буква **Вав** повторялась рядом с цифрами XXIII и VI.

Войдя через балконную дверь внутрь башни, Евгений обнаружил там ученого в черной ермолке, который молча что-то записывал, сидя за письменным столом.

– Ах, это снова вы! Никак не могу привыкнуть к вашим неожиданным визитам, монсеньор, – отозвался ученый, услышав шаги. – Заказанное вами исследование почти готово, мне осталось всего-ничего. Вот, можете взглянуть сами!

Поняв, что ученый его с кем-то путает, Евгений подошел к столу, на котором лежала рукопись с рисунками. Он не понимал текст на причудливой смеси французского и средневековой латыни, поэтому стал рассматривать разноцветные картинки. Некоторые из них были раскрашены яркими красками – некоторые были только-только намечены тонкими линиями. Вот на открытой странице плескались морские волны, из которых до самого неба поднимались вихри. Над вихрями, прямо из облака, выдвигалась рука с весами. Перелистнув страницу, он разглядел следующую картинку, на которой одна рука держала какой-то фрукт, а другая рука обменивала этот фрукт на монету. На следующей странице была изображена змея, пробитая стрелой. Через несколько страниц ему попался рисунок шахматной доски, за которой играли две руки, мужская и женская. Тут Евгений вернулся к картинке с небесными вихрями и пересчитал их – вихрей оказалось ровно семь! Это было поразительно, так как он сам когда-то видел сон, в котором над морем поднимались семь вихрей.

– Ну что за напасть! Опять лазурь кончилась, – засуетился ученый, проверяя разноцветные чернильницы, стоявшие на столе. – Лазурь! Мне всегда не хватает лазури! Расход краски слишком большой, знаете ли, лазурь нужна почти на каждой странице.

– А что это за книга? – полюбопытствовал Евгений. – Подходит на какой-то сонник.

– О, каждая человеческая душа подобна алхимическому саду, в котором мастер может выращивать самые редкие и удивительные вещи! В саду души можно вырастить пьянящие гроздья любви, прорастающие даже сквозь смерть, плоды мудрости, содержащие змеиный яд и требующие особой осторожности, и райских птиц времени, улетающих зимовать на тысячи лет южнее мест своего обитания. А в сонниках собирают все подряд, потому что сонники создают старьевщики. Они не выращивают плоды, они лишь продают чужие сны, которые стали не нужны хозяевам – сломанные часы, тряпичных кукол и старинные вещи, подлинное предназначение которых уже никому неизвестно.

– То есть это не сонник? – постарался вникнуть в суть его слов Евгений. – Тогда что это? Книга чьей-то души?

– Нет-нет, моя задача намного скромнее, я библиограф, составляющий краткое описание книг. Прошу прощения за нескромный вопрос, – обернулся ученый-алхимик, осматривая полуночного гостя. – Но, если вы спрашиваете об этом, значит, вы не доктор Мазарини?

– Доктор Мазарини? Вы работаете на него? – не поверил собственным ушам Евгений.

– Что поделатъ? Всем приходится на кого-то работать, – хлопнул себя по бокам ученый. – Но скоро меня отсюда выпустят. Меня освободят от этой рутины навсегда, до окончания времен, осталось только раскрасить эти иллюстрации. Кстати, а как вы сюда попали? Разве этот раздел библиотеки не закрыт для посетителей?

Евгений сам не знал, что он здесь делает, судя по всему, это была секретная часть библиотеки Люцифера, где проводились опыты по выращиванию книг, их отбору и какой-то селекции. По крайней мере, выглядело это именно так. Но вот механизм башенных часов пришел в движение, отбивая полночь. От колокольного боя глаза алхимика остекленели – из них напрочь исчезла всякая мысль! Зловещий смысл происходящего открылся, когда со страниц с иллюстрациями стали пропадать краски. Одна за другой краски перемещались обратно по своим разноцветным чернильницам.

– Ах, это снова вы! Никак не могу привыкнуть к вашим неожиданным визитам, монсеньор, – из слова в слово повторил ученый фразу, которую он уже произносил.

Несчастный алхимик или сотрудник библиотеки не мог закончить порученное ему задание! Как только на часах пробивала полночь, магическая башня возвращала проделанную им работу в предыдущий день. Поистине это была дьявольская хитрость, от которой становилось не по себе! Воз-

можно, Евгений узнал бы о книге алхимика чуть больше, задержись он еще на какое-то время в белой башне, но странство под ним потрескалось, и он снова куда-то провалился. Он падал сквозь чьи-то многоэтажные сны, иногда узнавая среди них осколки своих прежних сновидений. В одном из осколков он разглядел с высоты город, куда он, собственно говоря, падал, размахивая руками и широко расставленными ногами. Он вспомнил это сновидение, эти неровные плиты на площади, и этот восьмигранный Купол Скалы...

Евгений приземлился точь-в-точь на то место Храмовой горы, где он вел беседу с падшим ангелом света в образе совсем юной девочки. Подробности разговора он, разумеется, не помнил, но ему запомнились светящиеся круги, висевшие над этими плитами и остатками античных колонн. Он почему-то подумал, что должен увидеть здесь повтор сновидения, как видел повторение событий, произошедших с ним на кухне Аделаиды Прокопьевны в студенческие годы. Но он ошибся.

– Эжъен! Ты вовремя...

Он вздрогнул, ощутив на плече прикосновение чьей-то руки. Прикосновение было настолько осязаемым и телесным, что, казалось, к его спящему телу в самом деле кто-то дотронулся!

– Ты боишься меня? – спросил падший ангел, находясь у него за спиной.

– А я должен тебя бояться?

– Я открою тебе один секрет, – сказал ангел, принимая образ прекрасной Лючии. – Люди боятся не меня – они боятся себя, своих тайных желаний! Они бы ни за что не решились признаться в своих тайных желаниях ни себе, ни, тем более, другим. Но я вижу их насквозь, я вижу их, как бы ни пытались они от меня скрыться.

– Как видишь, я не пытаюсь от тебя скрыться.

– Поэтому ты мне и нравишься, – отозвалась Лючия, искоса взглянув на него. – Такие, как ты, боятся не падших ангелов, а лицемерия, исходящего от людей. Ты не хочешь стать лицемером, как остальные, так ведь? Но в обществе себе подобных вам всем приходится лицемерить, не зависимо от того, какое положение вы занимаете. Ваш разум, ваши законы, ваша математика – не более чем лицемерие перед Богом! Ты же сам это прекрасно понимаешь.

– Только не говори, что тебе не приходится лицемерить.

– Перед людьми – сколько угодно, но только не перед Богом. Наоборот, это Ему приходится всякий раз лицемерить и прикидываться, что Он еще любит, – произнесла Лючия, усмехнувшись. – Но от первой нашей любви ничего не осталось!

– Разница между любовью и Любовью может быть больше, чем разница между любовью и ненавистью, – истолковал Евгений слова Милорада Павича, услышанные в кофейне перед сном. – Ненависть имеет конечные причины, а лю-

бовь безначальна. Ты существуешь лишь потому, что в тебе до сих пор живет частица Его любви, поэтому ты тоже боишься. Нет, не Бога, ты боишься саму себя, как раз это тебя и сближает с людьми.

Глаза Люцифера от этих слов вспыхнули испепеляющим огнем, ноздри обострились в гримасе гнева, а над плечами ангела взметнулись дымящиеся черные крылья.

– Даже если так, сегодня все изменится! – прошипела Лючия, направляя растопыренную кисть руки к каменным плитам, на которых тут же проступили пламенеющие круги.

Их было десять, ровно десять мерцающих печатей поднялись из глубин Храмовой горы и стали поочередно выстраиваться в геометрическую фигуру, повинувшись воле падшего ангела, пересчитавшего эти круги с помощью детской считалочки, прозвучавшей из его уст как устрашающее заклинание:

*Один – сам себе господин,
Два – и вот началась игра,
Три – части в одно собери,
Четыре – свет изливает в мире,
Пять – чтобы его принять,
Шесть – он находится здесь,
Семь – светит всем,
Восемь – останется после,
Девять – чтобы его измерить,*

Десять – вернись на прежнее место.

Когда круги выстроились и срослись между собой лучами, образуя хоровод из каббалистических знаков и снежинок, Люцифер вновь обратился к Евгению:

– Ты ведь знаешь, что это такое.

– Древо Жизни, – ответил он, вспомнив расположение таинственных печатей. – Во всяком случае, так его называют сумасшедшие эзотерики.

– Какое наивное название, – произнесла Лючия, разглядывая светящиеся круги. – Знаешь, меня всегда поражал фундаментальный примитивизм этой структуры! Десять Сефирот порождают множество всех измерений и координат, задают параметры существования каждого материального предмета, каждого существа, время жизни вселенной! Казалось бы, вот он, ключ Бытия, ключ истинной математики, бери и твори что захочешь. Но нет – ничего не получится! Ты можешь только воспользоваться тем, что уже создано. Какое же это творчество? Это не творчество, это плагиат.

– Так все дело в творчестве? Ты хочешь занять место Творца, в этом весь дьявольский план?

– Все подвержено изменениям, Эжбен, со временем меняется любое творение, – сказала Лючия, глядя на него сквозь светящиеся круги Древа. – Это закон эволюции, закон развития, закон отрицания отрицания. Но есть творения, изменив которые, можно изменить Творца, мы можем с тобой все

изменить – ты и я!

– Говори за себя, ладно? – усмехнулся Евгений ее уловке. – Не надо меня во все это впутывать.

Но, похоже, Лючия знала кое-что такое, о чем он даже не подозревал.

– Посмотри на нас, мы же стоим тут как Лилит и Адам! Как две Сефиры, питающиеся плодами с этого Древа. Ты знаешь, чем отличается Древо Жизни от Древа Познания?

– Ну-у, запретным плодом, наверное.

– О да! Это единственное, чем они отличаются, – прошептала она ему в ухо. – Можно сказать, что это одна и та же структура, смекаешь? Добавив запретный плод к Древу Жизни, мы получим Древо Познания, и этим плодом является одиннадцатая Сефира Даат – Познание, это дар, посредством которого можно вывернуть Эйн Соф наизнанку. Господь запретил питаться плодами с этого Древа, испугавшись, что однажды кто-то другой станет Творцом. Только представь, что это значит!

– Честно говоря, теряюсь в догадках, – приподнял бровь Евгений. – Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты бредишь, но ты, кажется, всегда была такой.

– Творец нового Царства сможет исправить ошибки прежнего Творения, – продолжала нашептывать ему Лючия. – Это будет новый порядок времен. Для начала мы трансформируем астрал и всех его обитателей, затем наступит очередь земного мира. Мы создадим наш собственный Сверхновый

Завет! Вместо молчаливого старого Бога люди познают нового Бога, который будет говорить с ними на равных, который будет понимать людей. Человеческая природа требует перемен – что ж, так и быть, мы ее перестроим! Мы изменим их души, язык, их сознание, мы изменим их немощные тела. Мы дадим человеку возможности, которых раньше у него не было. Лучшие умы Возрождения верили в микрокосм, в универсальность человека, но человек больше не раб Божий, человек – раб машин и науки. Пойми же, наконец, кто контролирует знания, тот контролирует мир!

– В этом деле я тебе не помощник, – помотал головой Евгений. – Мне вообще не нравится идея рабства. Рабам не предоставляют выбора, раб может только слепо следовать за хозяином, и если хозяин сменится, то раб этого даже не заметит.

– По иронии судьбы, Эжъен, ты уже помог в этом деле! Ты помог мне больше, чем кто бы то ни было.

В руках падшего ангела появилась тетрадь в ледериновом переплете, которую Евгений сразу узнал, это был его старый студенческий дневник с мистическими сновидениями, которые он когда-то так усердно записывал. Он думал, что этот дневник и записи навсегда потерялись во время его бродяжнических скитаний. Но теперь, когда увидел свою тетрадь в руках Люцифера, ему вдруг стало не по себе от вида этой тетради и от того, как бесцеремонно Люцифер перелистывал в ней страницы.

– Надо же, какая удача! Ты попал в цель, которую никто не видел, и обзавелся отравленной стрелой нефритового лука, – пересказывала Лючия его сновидения. – М-м! Оказывается, ты побывал в заброшенном храме и раздобыл там эликсир, который не могли получить мои алхимики. Наконец, ты убил дракона смерти... Неужели ты думал, что все это происходит само собой, без чьей-либо помощи?

– Не слушай его, он тебя искушает! – окликнул его кто-то со стороны.

– Так-так-так! Вы только посмотрите, кто пожаловал, – надменно повернула голову Лючия, осматривая группу вооруженных людей, вышедших из астральной двери в стене Отдаленнейшей мечети. – Мастер ключей Ренэ Декарт со своей гильдией разгильдяев.

Так Люцифер назвал нескольких рыцарей Розы-Креста, стоявших рядом с Декартом. Один из них держал перед собой большой германский меч. Евгений вспомнил, что это был доктор Парацельс, среди прочих незримых братьев он узнал Нострадамуса и Галилео Галилея. Вместе с ними был еще кто-то, чье лицо выглядело знакомым, хотя Евгений никогда не встречался с этим человеком, возможно, им был Иоганн Кеплер.

– Падший ангел света, Святым Именем Господа нашего Иисуса Христа приказываю тебе оставить гору Сион и покинуть Мистериум! – прохрипел Декарт, выдвигаясь вперед.

– А то что, месье? Вы устроите потасовку? Это же святое

место, – ухмыльнулся Люцифер. – Но раз уж вы здесь собрались, у меня есть предложение получше...

Люцифер щелкнул пальцами, после чего незримые братья выронили мечи и повисли в воздухе, закованные в пыточные клетки и обездвиженные цепями.

– Какое жалкое зрелище! Горстка престарелых рыцарей, возомнивших, что они в силах мне помешать, – издевательски произнесла Лючия. – Но мы предполагали, что вы решитесь на подобную глупость. Не правда ли, магистр?

Из тени астрального портала вышел человек в мантии из темно-красного тисненого бархата с широким меховым воротом, поверх которого висела золотая цепь с регалиями магистра ордена Розы и Креста. Закованные в клетках розокрестные братья молча следили за ним. Видимо, они все еще на что-то надеялись. Они надеялись, что этот человек хотя бы попытается их освободить, ведь это был их могущественный магистр, верховный Приор незримого братства сир Исаак Ньютон.

– Каналья! – вырвалось у Декарта. – Я же вам говорил – он предатель!

Не обращая внимания на ругань Ренэ, магистр отвесил низкий реверанс Люциферу.

– Хранитель Врат, Архитектор Храма и мой тайный агент в осином гнезде Розы и Креста, подойди ближе, ты больше не будешь прятаться в тени, – ответила на его поклон Лючия. – Думал ли ты, мой верный ученик, что плод Познания, можно

вырастить на зыбкой почве чьих-то спиритических видений?

Лючия направила свою белую руку в дневник и вытащила из страницы камень заточенного света. Он горел в ладони падшего ангела, как бы переливаясь изнутри гранатовыми зернами! Евгений отлично помнил, с каким трудом он приподнял этот камень, выпавший из пасти дракона смерти, с каким блаженством держал его в своей ладони, ощущая исходившую от камня невероятно сильную гравитацию. Точно такое же блаженство теперь было написано на лице Люцифера.

– Вы в самом деле полагали, что мне до такой степени интересен ваш «*философский камень*»? Ха-ха-ха-ха! – иступлено расхохоталась Лючия, глядя на обездвиженных розенкрейцеров. – Эти ваши безделушки, якобы превращающие металлы и продляющие жизнь, зачем они мне?

Люцифер отбросил растрепанный дневник и шагнул к Древу Сефирот, продолжая говорить сам с собой:

– Тысячи лет готовился я ко дню нового Творения – ко дню моей Пасхи! Я и не помню, где и когда были посеяны мной первые семена Великого Делания, но я знал, я всегда знал, что среди тысяч камней однажды созреет никем не надкусанный плод Даат!

– Это запретный плод! – выкрикнул Ренэ Декарт. – Что бы ты ни задумал, падший ангел, ты не сможешь им воспользоваться! Или тебе напомнить, как лишился бессмертия Адам?

– Запретный плод? Правда? – коварно усмехнулась Лю-

чия. – А отправлять Своего Сына на смерть не запрещено? Чтобы оставаться всемогущим, Сам Господь вынужден преступать установленные Им законы. Вы, смертные, судачите о наших делах, как кухарки на кухне, ничего в них не смысля. Недостаточно вырастить плод! Нужна еще толика ума, чтобы понять его предназначение. А кто такой Адам? Так, недоделанный раздражитель, неполноценное существо! Он не имел возможности безнаказанно употребить сей плод, зато у меня такая возможность появилась. Сир Ньютон, надеюсь, вы не забыли наш уговор?

Магистр незримого братства покорно передал падшему ангелу серебряник Иуды, тот самый серебряник, за которым Ренэ и Евгений спускались в Инферно. Так вот, оказывается, для чего падший ангел разыскивал в Аду *серебро всепрощения* – он хотел безнаказанно произвести некое запретное действие над Древом Жизни! Зажав в руке серебряник Иуды, Лючия движением ладони направила камень заточенного света в перекрестие между тремя верхними Сефирами. Когда камень подлетел к своему месту, встроившись в хоро-вод мистических фигур, вокруг него тоже возник светящийся ареол – и Древо вспыхнуло пропаново-синим пламенем.

– Древо приняло плод! – торжествующее произнесла Лючия.

Евгений с ужасом наблюдал за пылающим Древом, ведь он был уверен, что помогает незримому братству, которое борется с Люцифером и еретиками-тамплиерами. Но все

оказалось иначе – он сам в некотором роде служил падшему ангелу все это время.

– Вы использовали меня, вы все просто использовали меня, – с горечью прошептал он. – Ренэ был прав, здесь никому нельзя доверять.

– Особенно англосаксам! – выкрикнул разъяренный Ренэ Декарт из клетки.

– Такова жизнь, – равнодушно ответил Ньютон. – Вся наша жизнь – война, и даже после жизни мы воюем. Помните, *Eugenio*, что я сказал, когда мы встретились впервые? На войне, как и в любви, все средства хороши!

Ничего подобного сир Ньютон ему не говорил, но это было неважно – на этого беспринципного предателя Евгений даже смотреть не мог. Он отвернулся, лишь бы не видеть магистра.

– Никто тебя не обвиняет! Когда я прочел твой дневник, мне многое открылось в твоей душе, – ласково произнесла Лючия. – Мне запомнилась фраза, записанная тобой где-то на полях, что за все годы обучения ты усвоил лишь то, что *«только научившись вовремя признавать поражение в битве, можно победить в большой войне»*. Проблема в том, что человеческое сборище никогда не позволит победить таким, как ты. Оно приучает вас признавать поражение за поражением, пока полностью не сломает, пока не сотрет вас в порошок. Но ты, ты еще можешь победить в моей войне. Ты можешь разделить мой триумф свободы творчества и науки!

Подумай сам, что ты теряешь? Одобрение людей? Оно ничего не стоит, оно покупается и продается. Там, на земле, никто ничего не заметит. Ты же сам сказал – рабы даже не поймут, что у них сменился хозяин!

– Но я буду знать об этой подмене, – возразил Евгений. – В отличие от рабов науки у меня всегда был выбор, и я почему-то сомневаюсь, что ты мне такой выбор предоставишь.

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь? – спросила Лючия и сама же ответила на свой вопрос. – Ты мне напоминаешь меня самого до моего падения. Да-да, не удивляйся, я взбунтовался точно так же, когда появился человек! Мы с тобой очень и очень похожи, только ты хотел исправить всего одну математическую ошибку, а я предлагаю исправить сразу главную ошибку Творения. Нет человека – нет проблем! Если подумать, мы с тобой решаем одну и ту же задачу, просто мой способ более эффективен.

– Я так не думаю, – не согласился Евгений. – Это не решение, это формальная имитация, как отчет о проделанной работе, которой на самом деле не было.

– Что ж, очень скоро, когда я займу место Создателя, бунтари, вроде тебя, окажутся на моем месте. Тогда не я, а ты станешь изгоем, тебя будут все сторониться, тебя будут презирать. Но если тебе нужен выбор, я тебе его предоставлю.

По условному знаку падшего ангела Ньютон развернул свиток *Librum M.* и прочел строку, открывавшую провал в Преисподнею. Он положил пергамен под железные клетки,

в которых раскачивались незримые братья – и на каменных плитах Храмовой горы разверзлась бездна Ада, потянувшая вниз Нострадамуса, Декарта и остальных. Евгений поймал на себе обреченный взгляд Ренэ, который мысленно с ним прощался, отправляясь в Инферно на этот раз без возможности вернуться обратно.

– Ты же получила, что хотела! Зачем ты это делаешь?!

Лючия осторожно провела по груди Евгения рукой, как бы успокаивая его.

– Возможно, ты об этом не знаешь, но в тебе кое-что есть, это нельзя заполучить обманом или силой. Уж поверь, иначе бы я это давно заполучила.

От ее прикосновения по шее у него пробежали радужные блики. Он опустил глаза, чтобы определить, откуда исходит свет, и заметил на своей груди глаза – сиддхическое ожерелье из радужных глаз, которые вращались в разные стороны!

– *Дхарма-харам?* – удивился он. – Тебе нужен этот амулет?

– Ты все равно не используешь его, ты же не знаешь, что это такое! – нетерпеливо произнесла Лючия. – Нет смысла скрывать, что я уже пыталась снять это ожерелье незаметно. Но это настолько древняя магия, что ее нельзя взять без спроса. Ее можно только передать, ею можно только пожертвовать. Как раз это мы сейчас и проверим! Готов ли ты пожертвовать сей дар ради спасения своих друзей?

– Нет, не отдавай его! – крикнул Мишель Нострадамус из

клетки. – Он все равно отправит нас в Ад! Если передашь ему то, что он просит, ты отправишься в Ад следом за нами.

Евгений посмотрел на Декарта, железная клеть которого уже начинала проваливаться в бездну. Ренэ знал, что такое Инферно, поэтому он молчал. Ни одна душа, побывавшая в Аду, не захотела бы вернуться туда снова. Евгений стал судорожно соображать, не зная, как ему поступить. Он взглянул на магистра Ньютона, который хладнокровно наблюдал, как Люцифер отправляет незримых братьев в Инферно.

– На войне, как в любви... – повторил сир Ньютон.

Второй раз эта поговорка прозвучала слишком уж подозрительно. Для чего он ее твердил? Неужели он хотел, чтобы Евгений все-таки вспомнил их первый разговор? На самом деле во время их встречи сир Ньютон говорил что-то про разведку. Он говорил, что «*никакой разведки не бывает без контрразведки*». Или, быть может, это был какой-то другой Ньютон? Может, их было двое? Кажется, магистр продолжал играть в двойную игру. Для чего ему потребовалось уничтожить свои записи с помощью *хроноскопа*? Евгений не знал ответа. Он вообще ничего не знал про магистра Ньютона, впрочем, про самого себя тоже. Рассудок подсказывал ему, что пока у него есть *Дхарма-харам*, падший ангел ничего ему не сделает, а сердце говорило, что нужно было немедленно спасти Декарта, который мог вот-вот сорваться в клочущее пекло Ада.

– Хорошо, я отдам тебе его, – быстро согласился Евгений.

Люцифер мгновенно отреагировал и поднял руку, после чего провал в бездну захлопнулся – и клетка с Ренэ Декартом грохнулась на плиты Храмовой горы. За ней свалились железные клетки с другими заключенными. Профессор Ньютон тем временем предусмотрительно поднял свиток *L.M.* и спрятал его за пазуху.

– Отлично... теперь я ощущаю его. О да, оно повинуется мне, – шептала Лючия, сосредоточив свой взгляд на ожерелье. – Оно безупречно, сегодня все станет безупречным! Ты поступил мудро, гораздо мудрее, чем твои незадачливые друзья. Говорят, эти глаза когда-то принадлежали древним наблюдателям, помогавшим Создателю выбирать один из планов Творения. Но они допустили ошибку. Человек не стал подобием Бога на земле, человек стал моим орудием. Именно человек лишил тех перворожденных наблюдателей зрения, и вот теперь благодаря тебе их способности перейдут ко мне – раз и навсегда!

Лючия поднесла кисть к глазам перворожденных, и глаза обвили вокруг ее руки, словно завитки диких лиан. В тот же миг Храмовая гора преобразилась! Откуда-то из-под земли вдруг выросли колонны, увенчанные золотыми капителями. На месте старых неровных плит появился до блеска отполированный пол, в котором зеркально отразились порталы и стены с восточным орнаментом. Под темными облаками, расколовшими обсидиановое небо на части, величественно поднялся Храм царя Соломона изумительно тонкой работы.

Но еще большей неожиданностью стало возникновение между колонн рыцарей-тамплиеров в черных и белых плащах. По их торжествующим лицам было понятно, что они знали обо всем, что здесь происходит. Они возвели этот Храм заранее, чтобы могла состояться эта черная месса Люцифера.

– И да разверзнутся тверди небесные! – крикнул Архитектор Храма магистр Ньютон. – И да наступит Царствие вечное и на земле, как на небе!

Евгений обескураженно глазел на выжившего из ума профессора, приветствующего тамплиеров поднятием двух пальцев в магическом жесте Бафомета.

– И на земле, как на небе, – монотонно повторили за ним тамплиеры, вскидывая руки в том же приветствии.

Взмах сотен рук выглядел как хорошо отрепетированные движения на военном параде. Рыцари-тамплиеры ликовали – незримое братство было повержено, магистр Розы-Креста оказался агентом павшего ангела. Все маски были сброшены. Оставалось только понять, для чего сир Ньютон устроил спектакль с уничтожением своих хронологических расчетов. Дата обновления Храма выпадала по Ньютону на 2060 год, но эта дата еще не наступила. Она находилась пока в грядущем! Следовательно, Ньютон использовал еще одну дату. Он знал, что падший ангел сначала подменит Храм в астрале, чтобы переписать мировую историю, изменить сознание человечества, и только потом попытается воцариться на земле. Так что же все-таки скрыл Ньютон от Люцифера?

– Когда я восстал против Всевышнего... – Лючия встала напротив Древа Познания, изучая поочередно десять Серафим и сверкающий плод Даат. – Я осознал одну мысль, и эта мысль хотя бы раз посещала каждого ангела света – почему *Он*, а не *Я*? А что если *Я*... Позже, изучая смертных существ, которых вы называете людьми, я с удивлением обнаружил, что они мечтают о том же. Да, это нас объединяет! Это наш общий рок со времен Адама, Каина и царя Эдипа. Хотите знать, почему вам так нужен Бог во плоти? Да потому, что каждый из вас мнит себя Богом во плоти! Ибо плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, ну или магистром какого-нибудь оккультного ордена.

Профессор Ньютон услужливо шаркнул ножкой и поклонился падшему ангелу, но Лючия над ним расхохоталась, словно это был придворный шут с бубенцами, а не светило мировой науки.

– Каждый ученый мнит себя всезнающим божком, – продолжала насмехаться она. – Область его всезнания не больше игольного ушка, но ученый знает в ней все, и это тешит его самолюбие. Он отрицает Бога, ибо ему ненавистна сама мысль, что бесплотный дух может претендовать на знания, которых нет у науки. В этом все отличие между нами! Вы по природе своей неприспособлены к всеобъемлющему познанию. Вам достаточно что-то знать – теорему Пифагора или формулу всемирного тяготения – то есть, по большому счету, не знать ничего. Мне же... мне этого недостаточно – я

хочу знать все! Поэтому нет, я не отрицаю Бога...

Люцифер сделал шаг к Древу Познания, расправляя дымящиеся крылья и поднося руку, обвитую глазами перворожденных, к горящему синим пламенем плоду Даат.

– Как можно отрицать существование Бога, если *Я* сам становлюсь Богом?! Здесь и сейчас *Я* становлюсь Богом нового неба и новой земли!

Повинуясь воле Люцифера, глаза перворожденных видоизменили Древо Сефирот, минуя предустановленные законы бытия. Десять круглых печатей стали множиться, выдвигаться, углубляться и раскручиваться, словно гироскопы. Цифры и светящиеся буквы входили друг в друга, менялись местами, образуя объемные фракталы. Они росли, пульсировали, измельчались до тех пор, пока не заполнили своим светом все пространство вокруг. Невероятно! Но движение всех предметов и вещей, движение каждой частицы в астрале оказалось самоподобным отражением десяти Сефирот и двадцати двух каббалистических знаков!

Древо Познания проросло сквозь каждое тело, сквозь каждое существо, оно описывало их форму, определяло пропорции Храма царя Соломона, задавало геометрию пространства Храмовой горы. Взглянув на свои руки, Евгений обнаружил, что они тоже состояли из светящихся знаков и кругов, которые вращались вокруг каждого пальца, вокруг каждого сустава, пробегали по лабиринтам рисунка на ладонях, по всем капиллярам и венам, по линиям жизни. Он был

весь покрыт сефиротическими фракталами! Все его астральное тело представляло собой сжатую динамическую проекцию Древа Сефирот, равно как тело каждого, кто находился поблизости.

Затем Люцифер вцепился в плод Даат острыми когтями и сдавил его так, что десять Сефирот содрогнулись! Вместе с ними содрогнулись земля и само небо! По плитам Храмовой горы пробежала мелкая дрожь – и десять печатей вывернулись, образовав новую деструктивную схему люцифероподобного Бытия.

– Я есмь целостное Творение Самого Себя, предвечный Господин всего сущего, Всевышний Эйн Соф! – провозгласил Люцифер, воспылав огнем Древа Познания.

Падший ангел закрутил головой и зловеще загоготал смехом, зазвучавшим отовсюду. Дьявольский смех вызвал головокружение, и Евгений ощутил, как его собственные мысли стали переиначиваться изнутри. Вместо них откуда-то всплыли образы, свидетельствующие о том, что Люцифер всегда являлся подлинным светом и предшествовал Ветхому дням, как утренняя звезда предшествует восходу солнца. Евгений понимал, что его сознание переписывается под воздействием модифицированного Древа Сефирот, но не находил ничего такого, что можно противопоставить этому вероломному вторжению. В таком состоянии он был готов наброситься на Ренэ Декарта и незримых братьев, сам не зная почему.

Могущество падшего ангела вышло за пределы разумного, оно превзошло границы возможного. В разлом обсидианового неба вонзился столп белого света, мерцающего сразу в двух направлениях – в прямом и обратном. И этот столп как бы вошел в голову Люцифера, венчая его на Царство. Далее последовала тишина, и когда свет перестал ослепительно бить по глазам, над Храмовой горой восстал окрыленный светом Царь царей, охваченный цепью грозových разрядов. Он внушал такой трепет, что тамплиеры в едином порыве припали к его лучезарным стопам. И оглушительный гул покотился сверху из самых глубин вселенной – это был скрежет, напоминающий завывание труб Апокалипсиса, как если бы орбиты семи планет пересеклись и столкнулись в одном месте.

Куски неба с треском полопались, словно облупившаяся краска, они стали медленно разлетаться и разваливаться. Они падали на землю и на море, разбиваясь в дребезги и поднимая на горизонте чудовищные цунами. Падший ангел воздел когтистую руку ввысь и вобрал в себя весь астрал без остатка! Разрушив старое небо, он принялся разрушать землю, погружая в бездонные провалы великие горы, обрушая в бездну целые города и страны. Наконец, во вселенной не осталось ничего прежнего, кроме парившего в открытом космосе обломка Храмовой горы, вокруг которой вращались бесформенные астероиды, пугающие водовороты бурлящей воды, сгустки плазмы и огненной лавы.

Люцифер творил новый мир! Он был единоличным Демиургом и Властелином вселенной, по движению его руки могла исчезнуть звездная система, созвездие, галактическая туманность. Он простер пылающую руку к астероидам – и на их месте образовалась странная дыра, не имеющая цвета. Он двинул руку к бурлящим водоворотам – и сквозь поток воды прошла такая же бесцветная дыра. Куда бы он ни обратил свою руку – всюду вместо новых планет и океанов возникали войды пустоты. Казалось, в этом и состоял тайный замысел Люцифера, но вскоре опустошенный астрал заполнило одинокое «*Нет!*» падшего ангела, которое разнеслось эхом по всем обломкам мироздания:

– Не-ет!!! Не-ет! Не-ет...

Неограниченная творческая энергия, которую впитал в себя Люцифер, не могла найти выхода! Она не могла реализоваться вовне и продолжала оставаться запертой внутри падшего ангела, испепеляя его стиснутое в сингулярную точку сознание.

Вне себя от ярости, демон попытался сорвать с себя светоносный Венец, но бесконечный Эйн Соф не выходил из его головы, и тогда окончательно спятивший ангел обхватил голову и вырвал ее из своих плеч вместе с Венцом бесконечного света, мерцающим сразу в двух направлениях. Темная взрывная волна мгновенно расщепила обезглавленного Люцифера на несметное множество песчинок, пробила строй тамплиеров и разорвала их в клочья вместе с доспехами и

черно-белыми плащами.

Золотые капители колонн, мраморные стены и отполированные до стеклянного блеска плиты Храмовой горы сдвинулись с мест и застыли неподвижно в воздухе. Что было потом Евгений не знал. Его глаза тоже расщепились на множество песчинок и вылетели из астрального тела как вылетает из ветвей ночного леса стая встревоженных птиц.

***

В темных кристаллических лепестках появилось отражение его тела – оно снова собиралось из крупинок, которые нанизывались одна на другую, словно мельчайшие бусинки, связанные между собой невидимой нитью. Он попробовал шагнуть вперед, но ощущение возникло такое, будто он вышагнул назад себя из собственного отражения – и перед ним возникла огненная стена, ограждающая длинный коридор. Все двери в коридоре были закрыты, и лишь одна дверь в конце коридора была распахнута настежь. Он пошел навстречу рассеянному свету, изливавшемуся из двери, и оказался в кабинете с двухэтажным книжным шкафом и мраморным камином, в котором догорали письма с сургучными печатями и какая-то старинная книга с замком на переплете. Под тремя готическими окнами стелилась дымка облаков.

– Ты все еще считаешь меня предателем? – спросил пожилой человек, стоявший у окна.

Евгений пригляделся к фигуре, узнав профиль профессора Ньютона, задумчиво смотревшего вниз сквозь серые облака, над которыми неспеша дрейфовал невероятный воздушный корабль с серебристо-тенаровыми парусами и крыловидными веслами, расправленными в стороны. Евгений приоткрыл рот, чтобы ответить на вопрос, но немного задержался, поглядывая на проплывавший за окном розенкрейцерский корабль-дирижабль.

– Сир, я затрудняюсь ответить, – признался он наконец.

– Это твое право, – понимающе кивнул профессор. – Все так запутано, что я сам порой не понимаю, на чьей я стороне. Однако я уверен, что иного пути не было, и предначертанное должно было исполниться. Кто с этим не сталкивался, тот вряд ли меня поймет – не так просто искупить душу, отданную когда-то Люциферу...

– Но ведь Люцифер был повержен.

– О, нет, Люцифер не повержен! Он потерял часть своей силы, глаза наблюдателей и серебряник Иуды, но он не повержен.

– А плод Познания и Древо Сефирот – что с ними?

– Древо вернулось к изначальной форме, плод Даат – теперь это тайна братства, в которую меня решили не посвящать, учитывая произошедшее. Мистериум почти восстановился, хотя в нем появилось много опасных разломов. Боюсь, теперь падший ангел направит всю свою злость на земной мир. Как всегда, решающая битва добра со злом проис-

ходит на земле, в сердцах живых людей, а не в астрале. Ты уже догадался, почему у него ничего не вышло? Почему низвергнутый ангел не стал Творцом нового мира?

– Нет, сир. Почему?

– Можно обрести абсолютную власть, переписать ход истории, но этого недостаточно, чтобы стать Творцом. Чтобы быть настоящим Творцом, нужна Любовь – великая Любовь! Без нее невозможно никакое Творение, и без нее невозможно существование Творца.

– Профессор, так вы это знали? Вы знали, что Люцифер сокрушит себя сам! Но откуда?

Ньютон улыбнулся поразительно знакомой улыбкой. Так бывает, когда в мимике совершенно незнакомых людей вдруг проскальзывают родные черты, которые ты уже видел у близкого тебе человека. Ты не можешь это выразить, не можешь сказать незнакомцу, кого он тебе напомнил, но ты начинаешь перебирать в памяти всех ближних и дальних родственников, чтобы точно определить, где же ты мог видеть такую же улыбку, точно такое же выражение глаз. Именно такая неожиданно родственная улыбка пробежала по лицу Ньютона. В ней как будто проявились черты одного и того же лица, спрятанного за всеми лицами, которые встречались прежде в его снах и мистических видениях.

– *Tam-Puruша*, – намекнул профессор. – Здесь, в *Porta Lumen*, я лично обыскал каждый уголок, чтобы найти обитель предначального существа. Я так мечтал найти *Tam-Пу-*

рушу, что не замечал очевидные вещи, не замечал, что его следы находятся всюду. В призрачных мирах его сознание способно обрести любую форму. Он может явиться загадочным деревом, камнем, книгой, даже незримым братством...

Магистр сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Но следы предначального обращены носками внутрь. По таким следам можно ходить вечно, и не найти никакого *Там-Пурушу*. Некоторые ходили по его следам так долго, что начинали узнавать в его следах свои следы, оставленные в прошлом, и сходили от этого с ума. *Там-Пуруша* находится не там, куда ведут его следы. Он сам находит того, кого нужно, и когда он нашел меня, он объяснил мне, зачем я должен сделать то, что сделал.

Их разговор прервали чьи-то решительные шаги. Из коридора в кабинет вошли незримые братья во главе с Мишелем Нострадамусом. Только сейчас Евгений обратил внимание, что единственные двери, ведущие в кабинет, висели посреди комнаты, ни на что не опираясь! Доктор Нострадамус развернул свиток, скрепленный печатью «*R.C.F.*» и зачитал его:

– Сим решением досточтимого Незримого Коллегиума за умышленное нарушение и попрание Высочайшего Устава нашего братства Розы и Креста, за сознательное и неоднократное превышение магистерских полномочий, за тайное сотрудничество с падшим Орденом Храма и низвергнутым ангелом света Люцифером, имярек Денницей, брат *I.S.* лишается всех титулов и званий братства. Все привиле-

гии, ключи и пароли, коими пользовался брат *I.S.*, сим решением упраздняются. Доступ к тайнам братства, право доступа и свободного перемещения в *Porta Lumen coeli*, коими пользовался брат *I.S.*, сим решением упраздняются. По сему решению брата *I.S.*, известного миру под его именем *Isaacus Newtonis*, надлежит взять под стражу для дальнейшего сопровождения одного брата в отведенное ему для отбывания наказания место. Решение вступает в силу немедленно и остается в силе бессрочно, доколе не будет отменено Незримым Коллегиумом либо обжаловано на общем собрании *Rosae Crucis Fraternitatis*.

– Вы ошибаетесь... он не виноват! – вступился за профессора Евгений.

– В незримом братстве есть строго определенные процедуры, – коротко ответил Нострадамус.

– Все правильно, Мишель, – спокойно сказал сир Ньютон. – До избрания нового магистра тебе придется исполнять мои обязанности. Где хранятся ключи, тебе уже известно. Единственное, что я бы хотел узнать, так это место, определенное мне братством для отбывания наказания.

– Мифраим, отдаленная провинция Сингхала, – произнес секретарь братства.

– Хорошо, что не Вальхалла, – мрачно пошутил Ньютон. – Ты же знаешь, я бы этого не вынес.

– До отправления экспедиции осталось полчаса, – оповестил Нострадамус. – Полагаю, этого достаточно, чтобы брат

I.S. мог собрать свои личные вещи.

– Конечно, все уже собрано, – Ньютон жестом указал на сундук возле массивного палисандрового стола.

Евгений с трудом мог себе представить, как можно поднять такой здоровенный сундук, не говоря уже о том, чтобы его переносить, тем более путешествовать с ним! Но, когда конвоиры осмотрели содержимое сундука и взяли под стражу Исаака Ньютона, кованный сундук сам приподнялся над полом и последовал за своим хозяином, словно вышколенный служебный пес.

– Надеюсь, они не сотрут тебе память перед пробуждением, – обратился напоследок сир Ньютон к Евгению, взглянув мельком на секретаря братства. – И все же, как бы то ни было, я был рад нашему знакомству, *Eugenio Hiperboreus*.

– Я тоже, сир.

Перекинувшись этими словами, лишенный всех привилегий и званий профессор Ньютон направился в коридор. Два рыцаря в доспехах и кованный сундук неотлучно последовали за ним, пока не скрылись в темноте. Евгений остался наедине с Нострадамусом, который встал в кабинете ровно на то место, где только что стоял сир Ньютон, и точно так же задумчиво посмотрел в окно.

– Он прав, – сказал секретарь братства, имея в виду Ньютона. – Ты слишком много знаешь. По нашим правилам мы должны провести тебя через туман памяти... Твои воспоминания обо всех этих событиях сотрутся, ты забудешь все, что

видел. Думаю, будет правильно, если это сделает брат *R.C.*, благодаря которому ты здесь оказался и узнал о нашем существовании.

Евгений виновато уставился в пол. Ему хотелось возразить Нострадамусу, но он понимал, что здесь от него ничего не зависит. Ведь он, если разобраться, не являлся даже новичком братства Розы и Креста. Он не присягал хранить тайны братства, и это создавало для Незримого Коллегиума определенные проблемы.

– Мишель, ты меня вызывал? – спросил по-французски Ренэ Декарт, впопыхах входя в кабинет магистра и не узнав поначалу Евгения.

– Брат *R.C.*, вам поручается задание неотложной важности, – отстраненно проговорил Нострадамус, избегая фамильярного обращения. – Как вам известно, в трансформации Древа Сефирот и в попытке воцарения падшего ангела, наделавшей в астрале много шума, был задействован человек, которого вы хорошо знаете. Мы не можем позволить ему проснуться, пока в его памяти сохраняются воспоминания, представляющие угрозу раскрытия тайн братства.

– Ты серьезно? – перебил его Ренэ.

Декарт узнал Евгения, стоявшего перед Нострадамусом, и пораженно вскинул брови.

– Вам поручается провести этого человека через туман памяти! – продолжал Нострадамус тем же тоном. – Еще раз повторяю, его воспоминания...

– Мишель, о каких тайнах ты говоришь?! – вспыхнул Декарт, срывая с себя мушкетерскую шляпу. – За последнюю сотню лет у нас не осталось ни одной тайны, которую бы ни узнали тамплиеры. Тебя беспокоит утечка в земной мир? Хорошо! Почему бы это не обсудить с Женэ? Он сделал всю черновую работу за вас! А что сделало братство? Чем-нибудь помогло? Люцифер вынул из него душу, а теперь ты предлагаешь вдобавок ко всему лишить его памяти?

– Ты хочешь, чтобы я перепоручил это задание кому-то другому? – тонко намекнул Нострадамус.

Ренэ Декарт недовольно оскалился, отчего его усы и бородака приподнялись и растопырились.

– Если нужно, я готов пройти сквозь этот ваш туман памяти, – сказал Евгений, поглядывая то на одного, то на другого.

– Ну, тогда пошли! – взмахнул рукой Ренэ, указав на коридор и поняв, что спорить с секретарем незримого братства бесполезно.

Они вышли из кабинета магистра и направились к одной из дверей в коридоре. Похоже, эти двери веером связывали в одном месте отдаленные строения и части замка, потому что за дверью сразу, безо всяких лестниц, оказалась высокая смотровая башня, которая, судя по зеркалам-отражателям, выполняла в *Porta Lumen* функцию маяка для воздушных судов.

Высота башни позволяла обозревать все стены и галереи

крепости, наводненной рыцарями Розы и Креста. Евгений впервые видел здесь такое скопление розенкрейцеров! Словно крохотные муравьи, они ходили дозором по периметру стен и башен, тренировались в фехтовании на плацу. Под тренировочную площадку для отработки магических телодвижений была отведена даже лужайка с зеленым лабиринтом и белоснежными деревьями перед часовней братства. Среди облаков вокруг крепости барражировали фрегаты-дирижабли, один из которых Евгений как раз только что наблюдал из окна.

– Вы что тут, к войне готовитесь? – спросил он Декарта.

Поправив шляпу, над которой трепыхалось кипельно-белое перо, Ренэ Декарт осмотрел маневры, проходящие внутри и вокруг крепости.

– Незримое братство проводит тактические учения на случай вторжения легионов Тьмы. После попытки разрушения астрала всего можно ожидать! Наш мир в большой опасности, впрочем, как и ваш мир. Вероятнее всего, падший ангел попытается сдерживать нас и блокировать все пути, ведущие в *Porta Lumen*. Не удивлюсь, если тамплиеры земного мира начнут делать то же самое, блокируя и сдерживая правду на всех уровнях.

Евгений прищурился, заметив, как внизу по длинному трапу ведут под конвоем бывшего магистра ордена. Два стража, сир Ньютон и плавающий по воздуху кованный сундук направлялись к небольшому воздушному судну, весьма

невзрачному и потрепанному по сравнению с гордыми военными фрегатами.

– Без него будет лучше! В нынешних обстоятельствах его присутствие здесь только деморализует братство, – прокомментировал Декарт, обнаружив, что Евгений с сочувствием смотрит на осужденного Ньютона.

– А что будет со мной? Я просто проснусь и ничего не буду помнить?

– Ты в самом деле этого хочешь?

– Вообще-то нет...

– Вот и отлично! Туман памяти – это, я тебе скажу, такая гадость! – усмехнулся Ренэ. – Он не просто стирает память, он, как кислота, проедает в голове вот такие дыры, понимаешь? Он нарушает ментальные связи в коре головного мозга. Тебе это надо?

– Нет, но если братству так нужно...

– Да никому это не нужно! – отмахнулся Декарт. – Понимаешь, Женэ, в крепость небесного света трудно проникнуть, зато смотаться отсюда можно в два счета! В этом астральном бублике существует два полюса, два односторонних портала – один находится наверху.

Ренэ подвигал указательным пальцем вверх, и Евгений разглядел над крепостью перламутровое облако света, напоминавшее тусклое пасмурное солнце.

– Другой находится внизу, под скалой, на которой возведен оплот братства, – Декарт указал себе под ноги. – Ес-

ли провалиться в нижний портал, на выходе память стирается. Ты ни черта не помнишь, как после пинты отборной русской водки! Поэтому никто им не пользуется, через него пропускают людей, оказавшихся в *Porta Lumen* случайно. Но ты здесь неслучайно! Незримый Коллегиум сам тебя разыскивал. И знаешь, о чем я сейчас подумал?

Декарт подмигнул, вынимая из кармана небольшую фляжечку.

– О чем? – сквозь улыбку отозвался Евгений.

– Почему бы мне тоже не смотреться отсюда, а? Ты, конечно, этого не знаешь, но в самый первый раз, когда орден установил с тобой астральную связь, Нострадамус уговорил меня выполнить всего одно единственное задание *R.C.F.* – найти тебя. И все, больше никаких заданий! Должно быть, старина Мишель об этом забыл, но я-то все помню, – постукав пальцем по виску, Ренэ Декарт приподнял одну бровь. – Полагаю, это означает, что порученное мне задание я могу со спокойной совестью не выполнять, и стирать тебе память совсем не обязательно... Так какого черта я здесь делаю?

Он скрутил пробку на фляжке и сделал глоток.

– За тебя, добрый дух, и твою память! Поверь, она тебе еще пригодится. Она пригодится тебе даже тогда, когда ты сам станешь памятью, когда памятью станут все, кого ты любил, и когда памятью станет мир, который ты знал.

Евгений принял из руки Декарта фляжку и тоже сделал глоток чудодейственного бальзама, после чего у него вдруг

задымилась одежда.

– И что будет дальше?

– Понятия не имею – это же сон, дружище! – весело крикнул Декарт. – Но дальше что-то будет, что-то обязательно будет.

Декарт посмотрел вверх, прижимая к голове свою шляпу. Евгений тоже приподнял голову, последовав его примеру, и они оба взмыли прямо к перламутровым облакам навстречу далекому небесному свету.

Эпизод пятнадцатый.

Заповедные берега. Другая жизнь

Однажды ты просыпаешься утром с готовым решением в голове, и тебе все становится ясно. Тебя в очередной раз обманули. Ты живешь не так и не там, ты живешь в ожидании безоблачной жизни, которой не будет. Тебе подсовывают со всех сторон отредактированные картинки будущего, которое никогда не наступит. Тебя учат *«правильной жизни»*, над тобой то и дело посмеиваются, чтобы сделать из тебя, наконец, современного человека. Но чем современнее ты становишься, тем меньше у тебя остается времени, чтобы успевать о чем-то думать.

И тогда ты либо окончательно превращаешься в самодовольного бюргера, знающего сотни способов как обмануть ближнего, чтобы сделать свою жизнь приятней, либо уходишь туда, где нищета, грязь и разруха, где когда-то находилась твоя родина, память о которой с хирургической точностью удаляют из твоего мозга клешни мегаполиса сразу, как только ты подписываешь с ним непреложный пожизненный контракт.

Евгений торопился. Он понимал, проживи он еще хотя бы день в этом городе, и ему бы тоже пришлось подписать

контракт с этим железобетонным монстром. Ему бы тоже пришлось смириться со своей добровольно-принудительной эмиграцией, как смирились с ней миллионы других русских людей, которых засасывало в пылесборники больших городов. В отличие от прежних волн эмиграции, эта волна была особой. На этот раз никто не уплывал из России на философских пароходах, никто не устраивал ни белый, ни красный террор, но страна становилась безлюдной и никому по большому счету ненужной.

Это была страшная правда, о которой все знали, но которую никто не хотел произносить, которая не имела ничего общего с повседневной рекламой умных технологий, новых машин, высоких стандартов жизни и красоты. Правда эта состояла в том, что страна, сохранившая прежнее свое название и внешние атрибуты, принадлежала как будто иному народу, не имевшему ни мыслей, ни воспитания, ни чувства собственного достоинства. И ткань этого безымянного народа стремительно разрасталась, пуская повсюду болезнетворные метастазы, не в силах образовать ни одного жизнеспособного органа.

Положение ностальгирующего эмигранта приходилось, пожалуй, ближе всего к состоянию той раздвоенности, в которой он пребывал, глядя изо дня в день на дутые губы и табуированные хари различных поп-звезд, воспроизводящих несвязанные звуки, отдаленно напоминающие русский язык. Как любой другой внутренний эмигрант он отвергал все то,

что ему навязывалось в качестве новой культуры «*харджора*». Отвергал чужеродные книги и бездарное кино, такие же одноразовые, как пластиковые стаканчики и презервативы, разбросанные возле мусорных баков. Он презирал новоязычный жаргон, распространившийся среди сборища тупиц, враждебных ко всему, но более всего враждебных к телу той ни о чем не подозревающей России, которое они насиловали своей разлагающей тупостью.

Возможно, именно такое презрение испытывали белые эмигранты, покидавшие страну, наводненную непонятным большевицким новоязом и разгулом беспризорности, но только теперь бежать было некуда. На этот раз пошлый сарказм и жестокость охватили всю планету, так что эмигрантом на ней сделалось само человечество.

Он торопился не опоздать на свой утренний поезд, чтобы успеть запрыгнуть на подножку последнего вагона, как тот мальчишка из «Других берегов» Набокова, который пока еще что-то помнил про Алапаевские заводы своего взбалмошного прадеда Рукавишников, и был готов стремглав броситься за его старомодной тростью под колеса набирающего скорость поезда. Тот мальчишка пока еще был готов на необдуманные поступки, и чья-то могучая пролетарская рука, выросшая из клубов паровозного дыма, была готова вопреки классовым предрассудкам ухватить его и забросить на уплывающую из-под ног площадку тамбура.

Мог ли он знать, куда в конце концов увезет его этот по-

езд? Какие страдания подстерегали его на пути неиссякаемых утрат, с которых началось то путешествие и с которых, как потом выяснилось, начинались десятилетия щемящих душу воспоминаний и одиночества, разбавить которое можно было разве что в чернилах, вновь и вновь погружая в них кончик перьевой ручки. По сравнению с безвозвратными утратами, понесенными душой того мальчишки, случайная потеря старомодной тросточки где-то в Берлине, продажа фамильного перстня с розовым рубином, украшавшим нежную кисть любящей матери, и уж тем паче потеря в сибирской глуши завещанных прадедом Алапаевских заводов почти ничего не значили.

Возле железнодорожного перехода привычно затрещали жалюзи рекламного щитка, на котором одна картинка сменила другую. На стильном билборде появилась мотивационная надпись «*Моя жизнь – мои правила*», записанная, разумеется, на американский манер «*I live by my rules*», потому что записанная по-русски фраза эта, как ни крути, звучала фальшиво. Евгений повернул голову, чтобы не забивать себе голову чепухой, но в отражении витрин на противоположной стороне прочитал те же буквы, переставленные задом наперед, и перед глазами у него мелькнула анаграмма – вместо слова «*live*» в отражении витрин он прочел слово «*evil*». В этой подмене слова «*жить*» словом «*зло*», казалось, и заключался подлинный замысел и главное правило зазеркальной магии мегаполиса: «*Жить – значит творить зло*».

Позже, проживши целую эпоху провинциальной жизни, немыслимо длинную и, по его собственным ощущениям, столь же немыслимо короткую, он не раз вспоминал эту анаграмму, промелькнувшую в городских витринах, пытаясь представить себе альтернативный вариант дальнейших событий. Что, если бы он все-таки принял эту самую «live» – зеркальную инверсию «evil»? Кем бы он тогда стал и что бы с ним стало?

В течение года он, конечно же, сменил бы работу и переселился из полуподвальчика на цокольном этаже в одну из тех сверкающих новостроек, которыми рекордными темпами обрастал город, взял бы ипотеку, чтобы ежемесячно, как на исповедь, приходиться в банк, получая отпущение грехов и святое причастие отнюдь не кровью и плотью Христовой, но одобрением на очередной потребительский кредит.

Кто знает, может, однажды он бы вошел в просторный светлый офис к специалисту по инвестициям и узнал бы в нем того иностранца, с которым когда-то имел экзистенциальную беседу в парке, и даже подружился бы с ним. Возможно, тогда бы у него появился совсем другой жизненный опыт. Он бы обзавелся автомобилем, чтобы иногда ругаться на бесконечные пробки, и женой, чтобы иногда опять же ругаться, но в основном для удовлетворения мужского самолюбия и заложенных природой инстинктов. Ведь по правилам городской жизни нельзя было обзавестись автомобилем и не обзавестись женой, хотя бы гражданской, ну или на крайняк

сговорчивой офисной подружкой.

Впрочем, чаще всего в придачу к дорогому автомобилю в качестве дополнительных опций город выделял еще пару-тройку непритязательных спутниц, с которыми можно было поразвлечься в отеле, на горнолыжной базе или в какой-нибудь пригородной сауне для разнообразия. В этой реальности не осталось бы места глупым романтическим переживаниям и воспоминаниям. Они бы остались в туманном прошлом, как того и требовала логика потребления. Город сам решал, какие мечты должны сбываться, а какие нет, и в этом, безусловно, была своя городская мудрость. Каким бы бессердечным и отчужденным ни казался мегаполис, он по-своему заботился о своих обитателях, чтобы в их души не закрадывались чересчур большие и неуместные мечты, и мог в случае чего подсказать, как с помощью развлечений и алкоголя смягчить любые человеческие страдания.

Познал ли он любовь, ту самую любовь, о которой славают песни, без которой не могут жить, которая доставляет сплошную радость и удовольствия? Наверное, нет, он так и не узнал, что это такое. Но он познал невозможность обретения чистой любви и познал неизбежность страданий, о которых поют куда реже. Он познал жизнь после жизни, и ему казалось даже, что он прошел через все муки ада, не ведая, что это было только начало его безвозвратных потерь. В жизни слишком многое оказывается не тем, чем кажется сначала, и в будущем ему предстояло прожить еще невесть сколько

смертей при жизни, когда каждый удар сердца убивает тебя наповал, но ты не умираешь. Нет, ты не можешь умереть, как бы ни молил об этом Господа – удар за ударом, минута за минутой, год за годом, ты живешь, потому что сердце твое терзает любовь, которая сильнее чувств, сильнее смерти, с которой невозможно расстаться.

Но это было где-то впереди, где-то за отполированными до зеркального блеска рельсами, соединявшими горизонт на Западе с горизонтом на Востоке. Он подошел к окошку вокзальной кассы, чтобы купить билет, и вновь ощутил затылком взгляд из пустоты, словно кто-то оценивающе приглядывался к нему, как режиссер, заметивший, что актер перепутал весь заранее прописанный сценарий, продолжая, тем не менее, наблюдать за происходящим, с затаенным ужасом понимая, что происходит нечто ему уже неподвластное, выходящее за рамки всех жанров, и освобождая себя от своей собственной никудышной игры в режиссера.

Евгений поднялся в тамбур и направился в середину вагона, глянув мимоходом в пыльное окно, чтобы, как водится, проститься с провожавшим его безлюдным перроном. Он забросил на верхнюю полку дорожную сумку, куда были аккуратно сложены старые книжки, которые не найдешь ни в одном магазине, изношенный до дыр вязаный кардиган, фаянсовая кружка с чайной ложкой, да еще сохранившийся со студенческих лет компакт-диск с песнями Кобэйна, и опустился на свое место. Поезд издал пневматический звук вы-

пускаемого пара, внезапно вздрогнул, словно пробудившись от едва сманившей утренней дремы, и покатился по рельсам, производя именно такой протяжный скрип бурятского моринхура, не без помощи которого монгольский арат побуждает верблюдицу сжалиться и принять за свое дитя даже самого болезненного пасынка.

За окнами двигалась серая панорама из жилых кварталов, дорожных развязок, промышленных зон, чередующихся с тошнотворными граффити на стенах облупленных гаражей. Над урбанистическим пейзажем возвышались вывески транснациональных корпораций и банков, на больших мерцающих экранах важно шагали идеально отретушированные фотомодели, а поверх рекламных растяжек, разлетающихся магистралей и потоков машин проносилось бликующее на стеклянной поверхности отражение его лица, совсем на него непохожее и как будто чужое.

Он глядел на чье-то бликующее в окне лицо, на эти кристаллические решетки небоскребов с чувством обреченности утопленника, которого уносит подо льдом быстрое течение, тогда как в десяти сантиметрах от носа сквозь мутные трещины льда еще видна привычная жизнь, идущая своим обыденным чередом, видны улицы и проспекты, переплетенные в созвездие Андромеды, прикованной к скале для облегчения прожорливого чудовища цепями кольцевых автодорог. Как часто он пролетал здесь по своей любимой орбите, запрыгивая в трамвай на Садр Элазра, следуя до оживленно-

го перекрестка на β -Мирах и дальше до μ -кратной на площади Парижской Коммуны, иногда доезжая до туманности Андромеды, где в подземном переходе обитал задумчивый уроборос, кусающий себя за хвост и способный, кабы кто знал, отматывать время вспять под переливы ситары Джорджа Харрисона записанной в начале семидесятых на бабинную пленку «*Love You To*». Никто во всем городе об этом не знал, кроме двоих, разделенных во времени кротовой норой метрополитена на станции 1905 года.

Неужели он был одним из тех двоих? Неужели это было с ним, а не с потусторонним лицом? Неужели вторая из этих двоих или троих половина, навсегда его изменившая, вновь появится в какой-нибудь будущей жизни, чтобы так же мирно спать в чьих-то волосатых объятиях и, ворочаясь, протягивать гладкую женскую ногу между двух мужских ног, ничего не чувствующих из-за похмелья? Он прожил в городской агломерации достаточно долго, чтобы познать бесплодность больших городов, где все настоящее было обречено стать ненастоящим, где слово «*любовь*» отдавало запахом хлорированной воды из-под крана со стойким аммиачным привкусом водопровода, сплошь и рядом означая лишь бесплатные интимные услуги в период временного сожительства мужчин и женщин, имена которых сцеплялись в любовные многоугольники, разваливались, словно карточные дома с пиковыми валетами и бубновыми дамами, и снова собирались для поддержания в городских сетях высокого сексуаль-

ного напряжения.

Наверное, это был все-таки он, раз он все это помнил, ведь не мог же он помнить то, чего с ним не было, хотя по прошествии лет он мог что-нибудь перепутать. Он даже знал, где в его голове находится небольшой участок мозга, готовый по первому запросу все перепутать, чтобы сделать прошлое труднодоступным, как делаются труднодоступными вещи, лежавшие раньше в устроенном тобой бардаке, но вот их кто-то прибрал, и ты уже не знаешь, где что найти.

Он так долго собирал несоизмеримые пазлы истории науки, что не заметил, как сам стал историческим пазлом, убедившись лишь в том, насколько часто истина становилась в науке непрошенной гостьей. Он безрассудно любил, но так и не нашел ответной любви, может быть потому, что такая безрассудная любовь вышла из моды в эпоху гипертекстов и паролей, а может быть потому, что с ним самим было что-то не так, и он искал не ту зоореалистичную любовь, которую рекомендовали искать пособия с алхимическими знаками Венеры и Марса на дешевых обложках, дающих в сумме такое весьма предсказуемое клубничное сердечко.

Так или иначе, он отправлялся туда, куда меньше всего ожидал отправиться еще вечером прошлого дня, и он уже начинал вспоминать проплывавшие за окном желтые кисточки одуванчиков и перекошенные, как после инсульта, деревянные дома, которые стали тут и там попадаться, стоило выехать за черту города. За этой чертой не было фешенебель-

ных высоток и подземных станций метро, не было посиделок в кофейне «Цэ квадрат», на которых Окси могла выпивать чай одновременно из двух чашек и до полуночи искать смысл в своих коромыслах.

Ах, Окси, Окси! Будут ли твои бирюзово-сине-зеленые глаза так же округляться и умопомрачительно блестеть лет через тридцать? Будешь ли ты, слушая Дэвида Боуи, нечаянно вспоминать на кухне о нем, внезапно исчезнувшем подо льдом другой жизни? Но тебя бы наверняка позабавило, что в той жизни за чертой само упоминание о каком-либо Хулио (самое смешное – неважно о каком, Хуренито, Кортасаре или Травьесо Серроно), кроме приступов дикого хохота, ничего не вызывало. Знаешь, он так и не решился тебе об этом сказать, но из всех голых королев ты была самой безупречно одетой и бредовой. В твоём будуаре хранилось немало мужских скелетов и засушенных мумий, ты призналась как-то, что после пятого – просто перестала их считать.

Да, Окси... ты знала мужчин как свои пять пальцев – этот будет всегда на что-то указывать, этот бабник знает, чего женщина хочет в постели, этот сойдет для замужества, за этим самой придется всю жизнь ухаживать, а этот парень не от мира сего мог бы стать лучше всех, если бы его сердце не принадлежало другой. Ты знала разницу между любовью и Любовью, и почему, решая неразрешимые проблемы, мы сами становимся неразрешимой проблемой, и это обычное «*больше никаких отказов*», которое говоришь первому муж-

чине, а потом ломаешь голову, как бы вернуть слова обратно, и не только слова.

Все тайны Пифагоровых штанов лежали перед тобой разоблаченными – от тебя ведь ничего не утаишь! Но даже в твоей бурной и насыщенной «Гипноэротомеханике», в которой ты не единожды спасала от творческих кризисов горстку стареющих Полифилов, не нашлось бы решения запутанной задачки, возникшей у него там, в атмосфере провинциальной гипоксии среди брошенных водонапорных башен и ветхих сараев.

Поезд медленно уносил его мысли и тело все дальше на обломки сибирского Лукоморья, затерявшегося на псевдоисторических картах Меркатора и Кантелли между Гипербореями и Скифией, что ничуть не объясняло географическое положение, но было самым исчерпывающим и точным описанием для останков исчезнувшей цивилизации, то ли где-то еще существующих, то ли нигде уже несуществующих, как части разрубленного тела, похороненные в разных могилах. В точности так, только в иных исторических масштабах, лежали похороненными на руслах рек вымершие русские деревушки, названия которых картографы до сих пор для чего-то продолжали печатать на картах.

Всего столетие назад в этих деревушках стояли избы кержаков, самаряков, чалдонов и казанских переведенцев, нашедших в междуречье Ирбита, Нейвы, Режа и Тагила свой полузабытый сказочный Ирий, в котором покамест встреча-

лись женолицы Алконосты с хвостами павлинов, горлицы с райскими цветами и Филины в сафьяновых сапожках. Порой они залетали в избы и оставались там жить прямо на потолках и простенках между окнами, а все думали, что это просто лубочная живопись.

Здесь водились когда-то несгоравшие в пламени старобрядческие рукописи-саламандры и удивительные певчие книги, прилетавшие в морозные зимы со своим братом-ветром с северо-запада, чтобы оставить выводок краснопевных букв на березовых ветвях и улететь в духов день на юго-восток. Об этих лукоморских секретах кое-что помнили башни самойловских острогов, бревенчатые часовни и подворья Нижней Синячихи, где время текло как прежде, по старинному вруцелетию, и семь тысяч лет истории от сотворения мира до наших дней все так же легко умещались на пяти пальцах Адамовой руки.

Под стук колес он приходил в себя, вспоминая названия сел и деревень, с которыми был связан узами кровного родства... Арамашево, Коптелово, Толмачево, Голубково, Шайтанка, Мурзинка. Почему-то именно здесь, на обломках затерянных родословных древ и вышедших из обращения сказок про малахитовые шкатулки, нашла свое последнее пристанище достопамятная Русь, гонимая по всему белому свету. Ему хотелось обойти все здешние деревни, поклониться в них каждому дому, постоять у старых ворот, которые давно не ждали гостей. Ему не терпелось поскорее увидеть голу-

бые наличники на окнах, которые пока не успели сменить на безликий пластик, зачерпнуть из колодца ледяной воды, заметить в вечереющем небе розовощекую Луну, что пряталась за облачной занавеской, готовя себя ко сну, хотя спать ей нисколько не хотелось.

Он вышел из ошарпанного зеленого вагона, пропахшего за зиму угольной копотью, и окинул взглядом знакомую с детства Завокзальную площадь. За последние годы на ней не произошло никаких изменений, впрочем, здоровенный тополь у дырявого моста, казалось, стал еще выше, а здание вокзала дореволюционной постройки скукожилось и выглядело совсем крохотным и морщинистым. Как пожилые люди, растущие не вверх, а вниз, склоняясь ближе к земле, вниз начинали расти бывшие горнозаводские округа, выброшенные, подобно отработанной шихте, из ареалов благополучной жизни.

И только по вечерам, когда затухал дневной свет и неброские улочки превращались в сепии старинных монохромных фотографий, отовсюду открывались таинственные капсулы времени, и можно было вновь услышать стук копыт по скользкой брусчатке, звон наковальни молотового цеха, лязг железодельного завода, на котором отливались пушки, гремевшие под Полтавой, пробивавшие свистящую картечью полки Наполеона, услышать на перекрестке иноземную речь путешественника с друзьями Гумбольдта и чеканные шаги красных комиссаров, гудки паровозов на узкоколейке

и треск мартеновских печей, в которых вскипала танковая броня.

Как быстро обо всем этом забылось, и даже названия улиц, призванные о чем-то напоминать, больше ни о чем не напоминали, ибо память человеческая от поколения к поколению становилась короче, и чем короче она становилась, тем сложнее понимались лежавшие в основании всего простые вещи, ведь и всякий рычаг, прилагаемый к точке опоры, если делать его с каждым разом короче, в определенный момент не позволит поднимать слишком тяжелые грузы. Он заметил это однажды на складе, когда кто-то случайно обронил слова «*Чтобы поднимать, надо понимать, как поднимать*», от которых тут же пришел к выводу, что «*поднимать*» и «*понимать*» означало одно и то же, причем второе предшествовало первому.

Петляя по кривым улочкам, он присматривался к неказистым домам, которые были единственными свидетелями жизни предыдущих поколений, и дома тоже присматривались к нему через разрезы темных окон, точно многоглазые существа, скрывавшиеся за деревянными масками догонов, считающих себя переселенцами с далекого Сириуса. Они неприветливо встречали чужаков, особенно устрашающе смотрелись трехглазые маски бревенчатых руин, выглядывающих из-под высокой крапивы, но никакой опасности они не представляли – они всего лишь помнили, как все было на самом деле, и продолжали чего-то ждать в затухающей

тишине сумерек.

Пройдя по разбитому тротуарчику, окруженному цветущими липами, он свернул на дорогу, которая спускалась к реке, увидав на поверхности воды отражение холмов, покрытых сосновым лесом. Отсюда начиналась его деревня, сохранившая отпечатки былинной старины да название некогда стоявшей на берегу деревянной часовни Ильи Пророка, от которой только одно название и сохранилось. Иной раз старожилы называли деревню Калапой, хотя это была совсем не та Калапа с дворцами из драгоценных камней и золотыми горами, которую ищут в мифической Шамбале или в священной стране Джамбудвипе. Роскошь деревни состояла в другом, но, по правде говоря, не было никаких причин, по которым эта Калапа не могла оказаться такой же мифической и священной, как всякое западавшее в душу место, за которое человек готов отдать жизнь, лишь бы не стать предателем своей земли.

Роскошь эта и в ранешние времена была не всем доступна, а теперь и вовсе стала недостижимой для городского плебса, которому пуще прежнего пытались привить любовь к родине, а она никак не прививалась. Не приживалась любовь к земле на загубленном корне, из этой самой земли исторгнутом. Между тем никакой нужды в привитии этого чувства не было, оно само передавалось каждому, кто был способен его принять, и это чувство, как бы не менялись его описания от языка к языку, в глубине своей было совершенно одина-

ковым у всех народов, его невозможно было навязать извне, его нельзя было подменить другим, столь же сильным чувством, его нельзя было купить ни за какие богатства.

Кому было знакомо это чувство, для того обыкновенный крестьянский дом на три окна, построенный дедом, был дороже любых дворцов, и возможность вернуться сюда была важнее любых таинств, ибо только здесь коренилась память твоих предков, и только здесь тебе могло открыться самое главное в твоей жизни таинство. Когда ты снова прикасаешься к кованной ручке на воротах, ступаешь на деревянный настил и проходишь в ограду, где до сих пор витает аромат покосов и где тебя снова встречают и обнимают воспоминания о родных и близких, завершивших свой земной путь, но иногда еще продолжающих наведываться в отчий дом. Когда вечером после дороги идешь в ту же самую баню, где пахнет сухим деревом и прогретой глиной, в которую ходил мальчишкой, слушая с закрытыми глазами, как на голову мягко льется вода из ковша и голос бабушки трижды читает шепотом *«Богородица Дева радуйся, благодатная Дева Мария, благослованна Ты в женах, благословенен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еся душе нас. Аминь»*.

Впервые за несколько месяцев или, быть может, лет он проснулся в светлой горнице поутру, не ощущая ни усталости, ни желания как можно быстрее прожить очередной день. Он немного повалялся в кровати, заложив руки за голову, затем поднялся и заглянул в обрамленное резной опра-

вой потускневшее зеркало, которое быстро его узнало и, как всегда, слегка исказило черты лица. Никаких планов на день у него не было, поэтому после кружки чая он решил пройтись по берегу реки, навестить заросшие шиповником склоны Журавлиного поворота, куда гонял на велике порыбальить или почеркаться в альбоме, делая наивные зарисовки и угадывая в камнях и деревьях сказочных персонажей, которых никто, кроме него самого, не замечал. Видимо, за последние годы с ним что-то произошло, потому что сейчас при всем желании он бы не смог нарисовать нечто подобное.

На Журавлином лугу он вошел по пояс в дебри папоротника и поднялся к изогнутой березе, на которую привычно забирался, когда пас деревенское стадо, чтобы скрыться от жары в тархуновую зелень березовой рощи. Как и много лет назад, здесь стояла такая же освежающая тень, хотя давно уж никто из деревенских не пас коров. Он не удержался и забрался на излучину между ветвями, развалившись в ней, как когда-то в детстве. Через пару минут по его рукам забегали муравьи, но они его не кусали и совершенно не тревожили – они признавали его своим. И эти заповедные берега – они тоже признавали его своим и понимали его лучше, чем кто бы то ни было. Они продолжали помнить о нем, даже когда он сам начинал о себе кое-что забывать.

В траве возле Бычьего Камня он споткнулся о старую березу, которую распилили на дрова приехавшие из города отдыхающие, оставив рядом с кострищем кучу мусора. Впро-

чем, это было все, что в конечном счете могли после себя оставить городские жители. Он прислонил ладонь к обрубкам и неожиданно вспомнил, как однажды сделал в своем альбоме набросок, изобразив эту березу в виде белорудой дриады. Он так и не успел ее тогда дорисовать, и вот теперь лесная нимфа валялась перед ним разрубленной и обожженной. Дерево, которое за сотни лет не тронула рука деревенского мужика, стало дровами на одну единственную ночь в чьей-то жалкой и неоправданно жестокой жизни.

Вскарабкавшись по крутой тропинке на Бычий Камень, Евгений стал немигающим взором смотреть не то сквозь волны, не то сквозь пролетающие по небу облака. Какой-то шорох внизу заставил перевести взгляд – и он обнаружил у кромки обрыва большую черную змею, которая сворачивалась в кольцо, прогревая на солнце блестящие чешуйки. Змея никуда от него не уползала и не пряталась. Она расположилась подле ног, словно ручная, хотя всем известно, что ручных змей не бывает. И он тоже не ощущал никакой опасности, исходящей от этой змеи, напротив, он подумал, как хорошо, что на Журавликах водились змеи. Значит, чья-то любовь еще оберегала эти места. А березка-то, она что... вырастет другая березка, обязательно вырастет, лишь бы не сгинул в людском невежестве этот дивный уголок, лишь бы эхом доносилось до потомков хоть что-то из той первозданной благодати, которой когда-то дышали эти вековые березы.

Ни о чем больше не рассуждая, он шагал по густой траве, прислушиваясь к ветру, бежавшему рядом с ним по аметистово-белым цветкам тысячелистника. Он нашел способ просто быть, быть несмотря ни на что. Ничего не покидая, никуда не возвращаясь. За поворотом реки открывалось раздолье душистого луга, над которым возвышались Камни-Старики – две скалы, о которых с незапамятных времен слагались легенды. Но он продолжал идти дальше и дальше, испаряясь в знойном мареве луговых трав, чтобы навсегда затеряться и окончательно утонуть в бескрайних зарослях иван-чая.

Эпизод последний и первый.

В твоём и моём сердце

Земля, орошенная дождями, сверкающая лучами радуги, переливалась в солнечных разводах и одевалась в дымку весенних трав, оборачивая свою нежную, дочерна загорелую кожу в роскошное сари, расшитое крупными жемчугами подснежников, мелким бисером веретениц, золотыми нитями калужницы. Каждая ее пора источала елейные благовония и пробуждающие душу бальзамы. От дуновения ветра травянистый наряд на ней вздымался в точности так, как приподнимается белый пушок на животе возлюбленной, испытавшей исступление среди бесконечных ласк и поцелуев.

Вечно юная красавица земля, влюбленная в бирюзово-синие небеса, вновь лежала и вздрагивала под лучами солнца. Она дышала полной грудью, что-то шептала и воздавала ему свои бесценные дары. Дышала так часто и радостно, что ресницы ее наливались теплой росой, с влажных губ ее слетали звуки истомы, а сладкое молоко бархатистых одуванчиков начинало сочиться из набухающих сосцов. Дикие пчелы, опьяненные ее чистым нектаром, кружили над лепестками медуницы, над душистым мохом, над валунами речных камней. Журчанье родниковой воды, голосистые трели

птиц наполняли заповедные места жизненной силой, вещая сокровенные тайны природы потоками Савитри-мантры, и этот божественный напев раздавался повсюду, возносился к самым высоким облакам, проникая в иные миры, вливаясь в зыбкие миражи необозримых просторов.

Здесь, на берегу этой древней реки, в словах о вечной любви, о вечной жизни не было никакого обмана. Для тех, кто слышал эти слова в благоговейном трепете безмолвия, в неподвижности уст, каждое краткое мгновение уже содержало бесконечность времени и вечность жизни, и весь неизъяснимый смысл всего сущего и всего того, чего никогда не могло быть. Как не могло быть этих камней, невесомо парящих над полноводной рекой, как не могло быть этих водопадов, потоки которых устремлялись вверх и текли в обратную сторону. Как не могло быть этих вечноцветущих деревьев, которые склонялись над ними, осыпая их тела лепестками.

Они просто лежали, соприкасаясь ладонями, наслаждаясь присутствием друг друга в бескрайней вселенной, наполненной быстротечностью событий, сменой эпох и поколений. Где-то там, в мирском безумии, все так же раздавались отголоски рассуждений на непонятных им языках, но они их не слушали. Они перестали понимать эту речь, в которой были перемешены прежние смыслы слов. Они общались на языке любви, в котором не требовались обычные слова шрути, чтобы передавать друг другу сокровенные мысли и чувства.

– Ты помнишь? – спросила она так, словно ей захотелось

вернуться обратно и заново переписать свою жизнь с чистого листа. – Помнишь, какой я была?

– Мне кажется, я так долго тебя искал, что ничего о тебе не помню, – ответил он, пытаясь воскресить в памяти каждое неповторимое мгновение, проведенное рядом с ней. – Но в моем сердце сохранился свет твоей души, это единственное, что во мне нисколько не изменилось.

– Глупый, какой же ты глупый! – потянулась она к нему, мечтательно заглядывая в его глаза. – Неужели ты все еще не понял, что это не ты меня искал, а я тебя искала. Это я искала тебя все это время!

– И ты нашла меня только сейчас, когда от меня ничего не осталось, кроме осколков этих воспоминаний, которые не то были со мной, не то не были?

– Да, теперь я все поняла! Мы не находим любовь, когда мы ее ищем. Потому что любовь пребывает в наших сердцах – в твоём и моём сердце! Это так чудесно.

– Ты и есть самое чудесное чудо на свете, – улыбнулся он, ощущая внутри ее ласковый голос.

Приложив одну руку к своей груди, а вторую опустив ему на грудь, она прислушалась к биению их сердец, а затем провела кончиком пальца по темно-синему пятну, которым была насквозь пропитана его грудь.

– Бедненький, ты только посмотри, как почернело твое сердце!

– Ничего страшного, это всего лишь чернила, – безмолв-

но произнес он, подперев голову рукой. – Мы же мечтали о книге, которую напишут про нас, а чтобы писать книги, нужны чернила, без них ничего не получится.

– Твоя кровь превратилась в чернила? – не поверила она его выдумке. – Но разве такое бывает?

Боль прежних страданий вновь подкатила к нему, заполняя его вены черным пламенем. Он знал – утолить эту боль могла только ее всепоглощающая любовь, но он не хотел, чтобы она тоже познала эти темные волны страданий. Он хотел, чтобы ее сердце оставалось таким же чистым и светлым, как волшебный камень *Мани Хартха*, как застывшая слеза, упавшая с ночного неба на широкую грудь Дхарани.

– Бывают времена, когда от любви рождаются боги, бывают времена, когда от любви рождаются дети, бывают времена, когда от любви рождаются книги, чего уж тут удивляться? Такова магия вечной любви.

Смутившись, она отвела глаза в сторону.

– Книги тоже рождаются от любви?

– От чего же еще? Книги рождаются и растут, словно дети. Одни вырастают непричесанными и задиристыми, как мальчишки, за другими ухаживают, как за девочками, украшая золотыми кистями кунджалам и заплетая косы.

– И что бы ты в ней написал?

Ее щеки налились тонким румянцем магнолий. Он приблизился и обнял ее со всей нежностью, на которую были способны его руки, почувствовав внутренне движение ее ду-

ши, почувствовав всю ее без остатка.

– Я бы написал только то, что я твой, а ты моя, что бы с нами ни стало...

– А еще напиши, что мы будем вместе всегда, – добавила она.

– Но ты же знаешь, мы не можем быть вместе всегда... – напомнил он ей. – Наше расставание длилось так долго, что я потерял счет времени, и я подумал даже, что мы никогда больше не встретимся.

– Все равно напиши, – упорствовала она, обиженно нахмурив брови. – Обязательно напиши, что мы всегда будем вместе, потому что мое *всегда* оказалось больше твоего *никогда*. Понимаешь сейчас, почему расставание бывает важнее встречи? Всегда больше никогда, намного больше!

– Да, но кто в это поверит? Кто поверит в существование такой книги?

– Никто, – произнесла она, касаясь его своими губами. – Никто тебе не поверит, ни одному твоему слову. Мы скроем эти слова от всех! Отныне это будет только наша с тобой книга...

Они переплелись в объятии, как переплетаются ветви священного дерева, как в переплете книги собираются гроздь разбросанных и несвязанных друг с другом страниц. Больше их не разделяли иллюзорные тела, слова и события. Они стали чистой праной, которой в сущности были всегда. Они всегда были неразрывно слиты в тантрическом танце Все-

ленной. Все его мысли, все, что с ним происходило, все, что он видел во снах и наяву, к чему стремился душой, что пытался постичь умом, – все это была она. И она ощутила, что все изменения, которые она производила в его жизни, все облики, которые меняла и принимала, играя с его воображением, целиком ему отдаваясь, были лишь исполнением его потаенных намерений, реализацией его сознания.

Просто наблюдая за ней, принимая ее в свои объятия, он уже знал о ней все, чего она о себе еще не знала, и ей хотелось, чтобы он раскрывал ее и узнавал еще больше. Ей хотелось, чтобы он перечитывал ее снова и снова, перелистывая в ней страницы, каждый раз совершая открытия и убеждаясь, что знает еще недостаточно, чтобы наполнить их своим содержанием. Вместе они могли создавать и разрушать вселенные. Она сама была Вселенная, вмещающая в себя Брахма-локу и Вайкунтхи. Она была Дурга, Парвати, Кали, Лакшми, Сарасвати, в ней текла первозданная сила Шакти, создающая и кормящая грудью десять тысяч миров. Она была сверхобычной вершиной мира и обычной ювати-джани. Она проявлялась в каждой девушке, в каждой женщине, которая учила сердца живых существ любви и преданному служению.

Кто пребывал под влиянием твоих чар, тот, безусловно, становился глупцом, и дважды становился глупцом тот, кто надеялся победить зло и обман отрешением от тебя, достичь совершенства и освобождения без твоего благословения. В

твоих устах мед и горечь мантры любви, произнесенной на множестве языков, жизнь и смерть – твои глаза. В твоих ушах сострадание и удача, знание истины – тилака, нанесенная тобой над бровями.

В твоих перстах вращается нить событий, прощение и воздаяние – твои ладони. Кармические причины и следствия – твои руки, которыми ты заплетаешь косу времени, существование – волосы. Прикосновение к твоей груди дарует избавление от всех страданий, в твоём молоке – символ веры, исполняющий желания бхактов. Океан чувств – твой живот, религиозный экстаз – глубокий пупок, скрытый в тени самости. Нирмокша – лепестки потаенного лотоса, обращенные внутрь, обращенные наружу – оковы сансары. Двумя дорогами – света и тьмы – следуют существа в этой вселенной, и обе проходят через твоё сердце. Наслаждение – твоё спина, твои бедра – основа движения и неподвижности в состоянии медитации. Твои голени, украшенные браслетами, – преодоление. Послушание и жертвенность – твои стопы.

От сияния твоей красоты исходят стрелы, пронзающие врагов дхармы. Почитающий тебя становится мудрецом, созерцающий тебя спереди, сзади, со всех сторон становится сиддхом. Познавший тебя вне тела и свойств, непреходящей, безначальной, пребывающей во всех существах, поистине есть Парабрахман.

Тебе, о великая Деви, посвящается эта Пуранта Гита, первая и последняя песнь книги, написанной в твоём и моём

сердце.

«Mangalam. Tala Mantra»:

Ravi Shankar & George Harrison

«Благословение. Глубинная Мантра»

(перевод)

Бхуми мангалам – Землям благодать

Удака мангалам – Водам благодать

Агни мангалам – Пламени благодать

Ваю мангалам – Ветру благодать

Гагана мангалам – Небу благодать

Сурья мангалам – Солнцу благодать

Чандра мангалам – Лунам благодать

Джагат мангалам – Миру благодать

Джива мангалам – Жизни благодать

Дэха мангалам – Телу благодать

Маноу мангалам – Разуму благодать

Атма мангалам – Духу благодать

Сарва мангалам ба'вату-бава'ту-бавату'

– Всем спасение во благословении

Сарва мангалам ба'вату-бава'ту-бавату'

– Всем спасение во благословении

Сарва мангалам ба'вату-бава'ту-бавату'

– Всем спасение во благословении

OM